mp
61

II 22 a B

БИБЛІОТЕКИ

Спиридона Николаевича

ПАЛАУЗОВА.

LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF ILLINOIS
AT URBANA-CHAMPAIGN
949.5
C39hRk

Digitized by the Internet Archive
in 2014

http://archive.org/details/kratkoeobozrieni00cinn

НАРОДНА БИБЛИОТЕКА

П. В. 4/~~10~~ 11.

ВИЗАНТІЙСКІЕ

ИСТОРИКИ,

ПЕРЕВЕДЕННЫЕ СЪ ГРЕЧЕСКАГО

ПРИ

С. ПЕТЕРБУРГСКОЙ

ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

БЪЛГАРСКА

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГРИГОРІЯ ТРУСОВА.

1859.

53864

От Санктпетербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать позволяется. Сентября 16 дня 1858 года.

Цензоръ *Архимандритъ Фотій.*

II. В. 4/~~70~~11.

КРАТКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ЦАРСТВОВАНІЯ

ІОАННА И МАНУИЛА КОМНИНОВЪ.

(1118—1180).

ТРУДЪ ІОАННА КИННАМА,

ПЕРЕВОДЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ПРОФЕССОРА КАРПОВА.

949.5
C39hRk

КРАТКОЕ СВѢДЕНІЕ

О

КИННАМѢ И ЕГО ИСТОРІИ.

Писатель предлагаемой здѣсь Исторіи, Іоаннъ Киннамъ, или, по латинскому произношенію, Циннамъ (Cinnamus) происходилъ, вѣроятно, отъ италіянской фамиліи Циннамовъ или Синнамовъ. По крайней мѣрѣ, эта фамилія встрѣчается у нѣкоторыхъ римскихъ писателей и представляется, какъ туземная. У Марціала напримѣръ, приводится нѣкто Киннамъ брадобрей (Cin. tonsor) и вмѣстѣ римскій всадникъ (eques romanus), котораго имя сдѣлалось предметомъ одной изъ Марціаловыхъ эпиграммъ (Lib. 7, Epigr. 63).

Объ италіянскомъ происхожденіи Киннама свидѣтельствуетъ и сохранившаяся въ Римѣ старинная надгробная надпись: «reliquiae. Cinnami. Ti. Caesaris. Avg. Faustiani». Есть также основаніе думать, что члены этой фамиліи впослѣдствіи жили въ Апуліи, какъ явствуетъ изъ диплома барскаго архіепископа Іоанна, даннаго ему, по показанію самаго диплома, «quadragesimo anno imperii Constantini, simulque cum coregnante Romano porphyrogenito filio ejus, serenissimis Imperatoribus». Еще позднѣе, именно подъ 951 годомъ по Р. Х., упо-

минается о Пандонѣ Клирикѣ, какъ о сынѣ Киннама, императорскаго Спатарія (¹), который нѣкогда былъ и судьею въ Ювенантѣ. Изъ этого видно, что во времена императоровъ Киннамы занимали въ Италіи уже значительныя должности, и отсюда, какъ лица должностныя и замѣчательныя, могли переселяться въ Константинополь и Ѳракію. Доказательство встрѣчаемъ у Іоанна Кантакузина (Lib. 3, cap. 26. 89. 95 et 97), который упоминаетъ о нѣсколькихъ лицахъ этой фамиліи въ предѣлахъ восточной римской имперіи и причисляетъ ихъ къ тѣмъ, которыя назывались тогда ἄρχοντες и процвѣтали при Палеологахъ.

И такъ, историкъ Іоаннъ Киннамъ происходилъ отъ старинной и довольно благородной фамиліи. Изъ его сочиненія явствуетъ, что онъ жилъ въ царствованіе императора Мануила Комнина, слѣдовательно, во второй половинѣ двѣнадцатаго вѣка, и постоянно проходилъ поприще военной службы, ибо самъ пишетъ (Lib. 1, c. 1), что еще, не вступивъ въ юношескій возрастъ, почти безотлучно находился въ лагерѣ Мануила и участвовалъ во всѣхъ войнахъ, которыя этотъ государь велъ на обоихъ материкахъ тогдашней восточной имперіи; а въ другомъ мѣстѣ (Lib. 5, c. 18) говоритъ, что онъ принадлежалъ къ свитѣ сего царя во время

(¹) *Спатарій* — имя важнаго достоинства въ константинопольской имперіи. Лица, имѣвшія этотъ санъ, почитались тѣлохранителями царя и принадлежали къ его свитѣ. Carol. du Fresne Not. ad Alexiadem p. 259. Названіе Спатарія произошло отъ слова «spata», означавшаго обоюду-острый мечь значительной длины, который Спатаріи носили при лѣвомъ бедрѣ на желѣзной или мѣдной цѣпочкѣ (Diod. Sic. lib. 5). Отъ этого слова, по всей вѣроятности, произошло названіе шпаги.

осады Зевгмина. О воинскихъ подвигахъ Іоанна Киннама свидѣтельствуетъ и Никита Хоніатъ (Lib. 2, n. 5), говоря, что Киннамъ воевалъ противъ тиранна Андроника, когда послѣдній стоялъ лагеремъ въ виѳинскомъ Леопадіумѣ.

Но представляя, что вся жизнь Іоанна Киннама посвящена была военной службѣ, нельзя не удивляться, какимъ образомъ съ этою службою могъ онъ совмѣстить должность царскаго грамматика, которую, дѣйствительно, несъ, и которая требовала занятій гражданскихъ, даже ученыхъ; потому что царскими грамматиками и царскими писцами, по свидѣтельству Іеронима Бланка, въ прологѣ ad commentarios rerum Aragonensium, назывались нотаріусы, или составители оффиціальныхъ документовъ. Въ этомъ же смыслѣ слово «γραμματικός», кажется употреблялъ и Пахимеръ (Lib. 1, c. 19; lib. 3, c. 11; lib. 5, c. 26). А съ понятіемъ о должности нотаріуса въ тѣ времена тѣсно соединяли понятіе о человѣкѣ ученомъ; потому что грамматикъ, какъ замѣчаетъ Діомедъ (Lib. 2 de arte gram.), по-латини значитъ ученый (litteratus). Наименованіе Киннама царскимъ грамматикомъ дѣлаетъ несомнѣнною и ту историческую истину, что къ числу придворныхъ должностей относилась тогда и должность грамматика, хотя въ спискахъ чиновъ тогдашняго константинопольскаго двора она и не значится.

Впрочемъ для насъ не слишкомъ важно и даже мало извѣстно то, что совершилъ Киннамъ на поприщѣ военной и гражданской службы. Его имя увѣковѣчено не бранными подвигами и не дѣловыми бумагами, а замѣчательною книгою, давшею ему почетное мѣсто въ ряду византійскихъ историковъ. Получивъ, какъ гово-

рятъ, прекрасное воспитаніе и обогатившись обширными, по тогдашнему времени, познаніями въ наукахъ не только свѣтскихъ, но и духовныхъ, Іоаннъ Киннамъ созналъ въ себѣ довольно силы описать современное ему состояніе византійской имперіи подъ преемственнымъ управленіемъ двухъ ея государей—Іоанна и Мануила Комниныхъ. Но рѣшившись писать только о томъ, чего былъ самовидцемъ и ближайшимъ свидѣтелемъ, царствованіе Іоанна обозрѣлъ онъ кратко,—въ одной первой книгѣ своей Исторіи; потому что въ годъ его смерти еще не родился. За то тѣмъ охотнѣе и обстоятельнѣе описалъ онъ событія, относящіяся ко времени царствованія Мануилова, въ которыхъ нерѣдко самъ участвовалъ и могъ вѣрно слѣдить за ихъ ходомъ и связію.

Исторія Іоанна Киннама имѣетъ и постоянно выдерживаетъ частный свой характеръ. Особенности ея можно замѣчать, какъ въ духѣ и тонѣ историческихъ сказаній, такъ и во внѣшнемъ изложеніи ихъ. Описывая самый грустный періодъ византійской имперіи, когда она, съ моря и суши тѣснимая Турками, ожидала искренняго участія и безкорыстной помощи отъ христіанской Европы, но, вмѣсто союзниковъ, встрѣчала въ ея полчищахъ новыхъ враговъ и разорителей, Киннамъ нерѣдко затрогиваетъ коварную политику римскихъ папъ и германскихъ императоровъ. На эту черту его Исторіи западные критики смотрятъ, какъ на выраженіе врожденной Грекамъ ненависти къ латинскому племени: но когда и отъ чего она могла сдѣлаться врожденною? Ее могъ породить только духъ нововведеній и самовластія римской Церкви; ее укоренили хищничество и притязательность крестоносцевъ, и увѣко-

вѣчили тайныя и явныя домогательства римской пропаганды. Что же касается до внѣшнихъ особенностей Исторіи Киннама, то съ этой стороны на первомъ планѣ является кудрявость его выраженія, иногда щегольство иностранными словами и софистическими оборотами рѣчи. Впрочемъ Киннамъ въ періодахъ кратокъ и въ выраженіяхъ ясенъ, исключая тѣ случаи, въ которыхъ онъ допускаетъ необыкновенную сложность реченій. Языкъ его, какъ и другихъ писателей слѣдующаго вѣка, есть почти вѣрный сколокъ языка Прокопіева.

Исторія Іоанна Киннама въ первый разъ списана была съ кодекса ватиканской библіотеки Исаакомъ Воссіемъ, и по этому списку, къ сожалѣнію, неимѣющему послѣднихъ листовъ, въ 1652 году издана Корнелліемъ Толліемъ въ Трайето. Это первое изданіе Киннама вышло съ латинскимъ переводомъ и примѣчаніями. Но Толліевъ латинскій переводъ былъ крайне неисправенъ и во многихъ мѣстахъ невѣренъ, а примѣчанія вовсе не объясняли тѣхъ мѣстъ Исторіи, которыя особенно требовали объясненія. Поэтому за Толліевымъ изданіемъ послѣдовало болѣе исправное изданіе Дюканжа, которое въ послѣднихъ уже десятилѣтіяхъ нынѣшняго вѣка снова свѣрено съ ватиканскимъ кодексомъ и издано Августомъ Мейнекіемъ. Съ этого Мейнекіева или бонскаго изданія мы переводимъ Киннамову Исторію на русскій языкъ, и дѣлимъ ее, какъ она раздѣлена въ ватиканскомъ кодексѣ, на семь книгъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Книга 1. Важность и цѣль Исторіи; предметъ и предѣлы Исторіи Киннама (1). Походъ Іоанна въ Азію; отнятіе у Персовъ взятой ими нѣкогда Лаодикіи и возвращеніе въ Византію. Второй походъ въ Азію. Искусное отнятіе у Персовъ Созополя (2) и Іерокорифитиса съ нѣкоторыми другими сторожевыми постами, и возвращеніе въ Византію. Походъ въ Македонію, война съ Скиѳами и совершенное пораженіе ихъ (3). Третій походъ Іоанна въ Азію противъ Персовъ, разбитіе ихъ и обращеніе многихъ въ христіанскую вѣру; война его съ Гуннами или Венграми на берегахъ Дуная, поводъ къ ней, разбитіе Венгровъ и возвращеніе въ Византію (4). Отложеніе Сербовъ и наказаніе Критопла. Вторичный походъ Іоанна къ Дунаю съ цѣлію возобновить Браничевъ; замыслъ Гунновъ напасть на царя; отступленіе его отъ Браничева и арріергардное дѣло съ Гуннами; походъ Іоанна въ Азію для отнятія у Персовъ города Кастамона, и торжественное возвращеніе его въ Византію (5). Смерть царицы Ирины и потеря Кастамона; походъ Іоанна противъ гангрскаго правителя Магомета и союзъ его съ иконійскимъ султаномъ; обратное взятіе Кастамона

и Гангръ (6). Война Іоанна противъ Исаврійца Левунія; осада и взятіе Аназарба (7). Осада и взятіе Антіохіи и присоединеніе войскъ правителя ея Боэмунда къ войскамъ царя; походъ Іоанна въ верхнюю Сирію; взятіе Пизы и города Сесера (8). Осада Неокесаріи; мужество юнаго Мануила; возвращеніе Созополя; попытка царя занять острова на озерѣ Пасгусѣ; возвращеніе его въ Киликію и намѣреніе ввѣрить ея правленіе сыну Мануилу; предвѣщанія объ имѣющемъ быть царствованіи Мануила; смерть старшихъ сыновей Іоанна (9). Причина и обстоятельства смерти самаго царя; завѣщаніе царства Мануилу; воцареніе Мануила (10).

Книга 2. Первые дни царя Мануила въ Киликіи: отвѣтъ его на требованіе антіохійскихъ пословъ и возвращеніе въ Византію черезъ землю Персовъ (1). Дружеское обращеніе его съ братомъ, и вызовъ дяди изъ ссылки; на упразднившійся патріаршій престолъ поставленіе новаго патріарха Михаила (2). Отправленіе сухопутнаго и морскаго войска противъ правителя Антіохіи Раймунда; прибытіе Раймунда въ Византію и прощеніе его (3). Вступленіе Мануила въ бракъ съ Ириною и переѣздъ его въ Виѳинію для построенія тамъ крѣпости; возвращеніе оттуда, по случаю болѣзни его сестры, Маріи: борьба ея противъ посягательства своего мужа, Кесаря Рожера, на византійскій престолъ (4). Война Мануила съ Персами за опустошеніе города Праканы и разбитіе ихъ; вступленіе Персовъ во Ѳракисію; по сему поводу походъ царя въ Паннонію и переписка его съ султаномъ иконійскимъ; разбитіе передоваго султанова войска и второе письмо къ султану; сожженіе города Филомеліона и освобож-

деніе содержавшихся тамъ плѣнныхъ Римлянъ. Новое сраженіе съ Персами и новое пораженіе ихъ. Расположеніе персидскаго войска подъ Иконіею (5). Стремленіе Мануила сразиться съ Персами, управляемыми самимъ султаномъ; отступленіе и бѣгство Персовъ; запальчивое и слишкомъ далекое преслѣдованіе ихъ; замѣшательство въ римскомъ войскѣ; стратигема царя; отраженіе непріятелей; осада Иконіи; снятіе осады; письмо къ султану и его супругѣ и возвращеніе въ Византію (6). Возобновленіе войны между иконійскимъ султаномъ и Римлянами; расположеніе римскаго войска; наѣздническіе подвиги царя; малодушіе брата его Іоанна; мнѣніе писателя объ отвагѣ Мануила; возвращеніе Римлянъ въ лагерь; отраженіе нападенія Персовъ Римлянами; сообразительность царя; замыслъ Севастократора Исаака (7). Пораженіе римской пѣхоты; упадокъ мужества въ римскомъ войскѣ и разстройство его; наступательное движеніе Римлянъ и пораженіе Персовъ; рѣчь Мануила къ войску о необходимости порядка и дисциплины; отправленіе одного Перса къ султану съ угрозами Мануила: заключеніе мира съ султаномъ (8). Нападеніе Римлянъ на отрядъ Персовъ, возвращавшійся домой послѣ набѣга на пограничныя мѣста римской имперіи; наѣздничество Мануила при этомъ случаѣ и полученіе раны въ ногу; способъ леченія раны; поселеніе плѣнныхъ и возвращеніе въ Византію (9). Низверженіе патріарха Космы по поводу лжеученія Нифонта и образъ дѣятельности Мануила въ этомъ случаѣ (10). Походъ Мануила противъ иконійскаго султана и заключеніе мирныхъ условій (11). Крестовый походъ; посольство Мануила къ вождямъ крестоносцевъ и отвѣтъ ихъ посламъ; органи-

зація крестоноснаго войска и многочисленность его (12). Пріемъ крестоносцевъ въ предѣлахъ византійской имперіи; вражда между крестоносными войсками и византійскими подданными; сраженіе византійскаго войска съ крестоносцами (13). Движеніе крестоносцевъ къ Византіи; мѣры къ охраненію Византіи; сраженіе крестоноснаго и византійскаго войска; гибель крестоносцевъ на долинахъ хировакхійскихъ; высокомѣріе Конрада; осматриваніе укрѣпленій Византіи; переходъ крестоносцевъ въ предмѣстіе Пикридіонъ (14). Переписка Конрада съ Мануиломъ; сраженіе крестоносцевъ съ Византійцами; письмо Мануила къ Конраду и угрозы Конрада (15). Новое письмо Мануила къ Конраду; переправа крестоносцевъ чрезъ Геллеспонтъ; проводникъ ихъ отъ византійскаго двора и предложеніе союза со стороны царя; разбитіе крестоносцевъ Персами; упадокъ духа въ крестоносцахъ (16). Крестоносцы германскіе (галльскіе); дружественныя отношенія Мануила и Людовика VII; пребываніе Людовика VII въ Византіи (17). Возведеніе на патріаршій престолъ Николая Музала и отреченіе его отъ престола; на мѣсто Николая возведеніе Ѳеодота; возвращеніе Алемановъ отъ Филомеліона въ Никею и встрѣча ихъ съ Германцами; взаимная вражда крестоносцевъ; письмо Мануила къ Конраду (18). Возвращеніе Конрада къ Геллеспонту; пребываніе его въ Византіи; отправленіе его въ Палестину; отплытіе изъ Палестины въ Ѳессалонику и свиданіе тамъ съ Мануиломъ; возвращеніе Людовика VII изъ Палестины и случайности на пути (19). По смерти Конрада, власть его наслѣдуетъ Фридерикъ и причина этого событія (20).

Книга 3. Сицилійскій графъ Рожеръ домогается

лонгобардскаго королевства и изгоняетъ изъ Италіи Лотарія (1). Провозглашается лонгобардскимъ королемъ; проситъ невѣсты своему сыну изъ царскаго рода Комниныхъ; не получивъ желаемаго, раззоряетъ греческія области и беретъ Корциру (2). Мануилъ идетъ войною на Скиѳовъ; переправляется чрезъ Дунай и другія рѣки; вступаетъ въ битву съ Скиѳами и разбиваетъ ихъ (3). Опаздываетъ морскимъ походомъ въ Сицилію; отправляетъ флотъ и войско для возвращенія Корциры, но не достигаетъ своей цѣли (4). Отправляется самъ подъ Корциру; посылаетъ часть флота противъ Рожера; употребляетъ новыя усилія для взятія Корциры и показываетъ свою неустрашимость; разбиваетъ сицилійскій флотъ и принуждаетъ къ сдачѣ Корциру (5). Посылаетъ флотъ въ Анкону, а самъ идетъ походомъ въ Далмацію; неудачная экспедиція флота; опустошеніе Далмаціи, взятіе многихъ городовъ и города Галича и выселеніе тамошнихъ жителей въ Сардику (6). Мануилъ ведетъ войну съ Далмаціею и съ поспѣшившею ей на помощь Венгріею (7). Одерживаетъ побѣду надъ Сербами и Далматами (8). Преслѣдуетъ непріятелей, единоборствуетъ съ Вакхиномъ и беретъ его въ плѣнъ; возвращеніе римскаго флота изъ Италіи; преданность Далматовъ Мануилу (9). Царь идетъ войною на Гунновъ; опустошаетъ непріятельскую землю между Дунаемъ и Савою; выводитъ оттуда множество народа; поселяетъ его внутри своей имперіи; осаждаетъ и беретъ Зевгминъ (10). Возвращается въ землю Гунновъ, чтобы сразиться съ самимъ королемъ; посылаетъ Бориса для фуражировки; мирится съ гуннскимъ королемъ и возвращается въ Византію (11). Отвергаетъ мирныя условія Вильгельма

и снаряжаетъ флотъ для войны съ Вильгельмомъ; идетъ съ войскомъ противъ Гунновъ; оканчиваетъ войну съ Гуннами миромъ (12). Неудачное нападеніе Константина Ангела на сицилійскій флотъ и плѣнъ самаго военачальника (13). Отправленіе Андроника въ Киликію и Исаврію для обузданія Тероза; походъ и смерть антіохійскаго князя Раймунда; путешествіе Кесаря Іоанна въ Антіохію (14). Неудачная осада Мопсуестіи и пораженіе Андроника (15). Обращеніе Мануила съ Андроникомъ; замыслъ Андроника противъ царя; примѣрныя сраженія (16). Причина Андрониковыхъ замысловъ; коварныя сношенія Андроника съ восточными и западными сосѣдями римской имперіи; равнодушіе Мануила; дерзость Андроника (17). Посягательство Андроника на жизнь царя; хладнокровіе и сообразительность Мануила (18). Мануилъ спѣшитъ вывести войско на Дунай для отраженія Гунновъ; бѣгство ихъ; битва Василія съ Гуннами и пораженіе его; Гейза проситъ мира у Мануила (19).

Книга 4. Мануилъ ведетъ переговоры съ Фридерикомъ по случаю сватовства Фридерикова за Марію; замышляетъ покорить Италію (1). Для достиженія этой цѣли Палеологъ вступаетъ въ условія съ Басавилою; Дука завоевываетъ Флавіану (2). Палеологъ овладѣваетъ Вестіею и Баромъ (3). Беретъ Транъ, Ювенантъ и, поразивъ Ричарда, вступаетъ въ Антръ (4). Дука обозрѣваетъ Монополь, принимаетъ посольство отъ папы и даетъ Монополитамъ мѣсяцъ сроку для сдачи города (5). Римляне помогаютъ Басавилѣ; царь присылаетъ въ Италію свѣжее войско; Дука осаждаетъ и беретъ замокъ Боскъ (6). Римляне овладѣваютъ Монополемъ, Равенною и другими городами; болѣзнь, по-

стриженіе и смерть Палеолога (7). Басавила, дѣйствовавшій отдѣльно отъ Римлянъ, снова соединяется съ ними; Дука беретъ городъ Полимилій, Молиссу, и Мазавру; Римляне приближаются къ Тарепту и обогащаются добычею (8). Римляне осаждаютъ и послѣ семидневной осады берутъ Монополь (9). Дука пишетъ царю и проситъ войска; овладѣваетъ городомъ Остуніемъ и идетъ къ Брундузію; дни Пасхи; единоборство; Брундузій отворяетъ ворота Римлянамъ; покорность Алиція (10). Морское и сухопутное сраженіе Римлянъ съ Вильгельмомъ; Дука находитъ способъ возбудить Римлянъ къ мужеству; пораженіе Сицилійцевъ; осада и взятіе внѣшней стѣны Брундузія (11). Прибытіе Алексѣя въ Италію; вторичное движеніе Вильгельма на Римлянъ; продолженіе осады Брундузія (12). Первая битва съ войсками Вильгельма; вторая битва и пораженіе Римлянъ (13). Негодованіе царя и новая экспедиція въ Италію; успѣшное дѣйствіе римскихъ войскъ и противодѣйствіе папы (14). Плѣнъ и тюремное заточеніе римскихъ военачальниковъ; письма царя къ римскимъ военачальникамъ и къ Вильгельму; отвѣтъ сицилійскихъ сановниковъ царю; прекращеніе войны (15). Враги на Востокѣ; распря между византійскими проповѣдниками и истолкователями Слова Божія (16). Царь предпринимаетъ походъ въ Азію противъ Тероза и Ренальда; бѣгство и укрывательство Тероза; очищеніе киликійскихъ городовъ (17). Ренальдъ проситъ царя о милости и предлагаетъ ему сдать акрополь Антіохіи; разсказъ о поступкѣ его съ кипрскимъ архіереемъ; приходъ его къ царю въ униженномъ и рабскомъ видѣ; постановленіе царя посылать епископа въ Антіохію изъ Византіи (18). Просьба Балдуина о свиданіи съ Ману-

иломъ; разсказъ о Ѳеодорѣ Стипіатѣ (19). Встрѣча Балдуина и пріемъ его; ходатайство Балдуина объ Антіохійцахъ; пришествіе Тероза къ царю въ видѣ жалкаго просителя; торжественное вступленіе Мануила въ Антіохію (20). Нураддинъ разными уступками отклоняетъ царя отъ войны съ нимъ; царь, выѣхавъ на охоту, встрѣчается съ сарацинскимъ отрядомъ и обращаетъ его въ бѣгство; разсказъ о томъ, какъ Балдуинъ повредилъ себѣ руку, и какъ царь исцѣлилъ ее; возвращеніе царя въ Византію и вступленіе въ нее съ тріумфомъ (21). Новое нашествіе Мануила на персидскую землю и опустошеніе ея предѣловъ; неустрашимость его и отвага въ битвахъ; онъ одинъ преслѣдуетъ цѣлое непріятельское войско (22). Принимаетъ персидскихъ пословъ; опять вторгается въ персидскіе предѣлы чрезъ Филадельфію; ночной походъ съ фонарями; рѣчь царя къ Солиману, чрезъ подосланнаго имъ Пупаку; отступленіе его и борьба съ непріятелемъ въ тѣснинахъ (23). Персы нападаютъ на малую Фригію и грабятъ ее; царь собираетъ союзныя войска на Востокѣ и на Западѣ и приготовляетъ средства для содержанія ихъ; султанъ возвращаетъ взятые имъ города и чрезъ пословъ проситъ у Мануила прощенія; встрѣча Контостефана съ персидскимъ отрядомъ; условія съ султаномъ; набѣгъ и бѣгство Скиѳовъ (24).

Книга 5. Смерть царицы Ирины; отъѣздъ царя въ Сардику; война съ Венгріею и поводъ къ ней (1). Мануилъ устрояетъ дѣла Сербіи (2). Прибытіе въ Византію Кличестлана; торжественное его принятіе; несостоявшаяся церковная процессія; землетрясеніе въ Византіи; праздники по случаю прибытія Кличестлана; договоръ съ Кличестланомъ; посольство отъ персидскихъ

филарховъ (3). Посольство Мануила въ Триполь за невѣстою; посольство его съ тою же цѣлію въ Антіохію; второй бракъ Мануила (4). Походъ Мануила къ предѣламъ Венгріи; занятіе его дѣлами Сербіи; намѣреніе его овладѣть землею Гунновъ и сочетаніе бракомъ Маріи съ Белою (5). Усиленіе Нураддина на Евфратѣ; битва его съ Дуксомъ Киликіи Константиномъ и намѣреніе овладѣть Антіохіею; дѣла въ Венгріи отвлекаютъ вниманіе царя отъ Востока; походъ его на берега Савы; письмо его къ Стефану (6). Стефанъ съ союзными войсками намѣренъ отразить Мануила; папа не имѣетъ права раздавать престолы королямъ и императорамъ (7). Мануилъ переправляется чрезъ Дунай; посылаетъ одного Римлянина въ непріятельскій лагерь, для переговора съ Владиславомъ; отвѣтъ Владислава; царь мирится съ Стефаномъ и напрасно убѣждаетъ зятя Стефана отказаться отъ своихъ правъ на венгерскій престолъ; однакожъ впослѣдствіи, для спасенія Стефана, отправляетъ значительное войско (8). Посылаетъ въ Киликію Доместика Алексѣя, для удержанія Нураддина; беретъ мѣры противъ преобладаній Фридерика; возстановляетъ на престолѣ низверженнаго папу Александра; рѣчь Халуфы къ Венетамъ (9). Король Пэонянъ снова занимаетъ Сирмій; Мануилъ приготовляется къ войнѣ съ нимъ и для этого отправляетъ посольство къ Ярославу (10). Разсказъ о бѣгствѣ Андроника изъ темницы (11). Посольство Мануила къ другимъ князьямъ Тавроскиѳіи и письмо къ Ярославу; вступленіе въ союзъ съ царемъ Фридерика и Эрика; сборъ союзныхъ войскъ (12). Сношенія съ Мануиломъ іерусалимскаго короля Амальрика по поводу сватовства; отправленіе войска и флота на помощь осажденному Стефаномъ

Зевгмину; Гунны, для скорѣйшаго взятія Зевгмина, строятъ флотъ на Дунаѣ, но терпятъ пораженіе; отравляютъ Стефана старшаго и берутъ Зевгминъ (13). Прибытіе Мануила къ арміи и переправа ея чрезъ Дунай; осада Зевгмина (14). Совѣтъ Мануила съ своими военачальниками и планъ войны; третій приступъ къ Зевгмину (15). Взятіе Зевгмина и разграбленіе его; подробности при осадѣ и взятіи этой крѣпости; Мануилъ принимаетъ пословъ Стефана и, послѣ нѣсколькихъ упрековъ, даетъ Гуннамъ миръ (16). Покореніе Далмаціи; возвращеніе Мануила въ Византію (17).

Книга 6. Разсказъ о дѣлахъ возвратившагося изъ Тавроскиѳіи племянника Мануилова Андроника и о причинахъ, по которымъ произнесена ему Церковію анаѳема (1). Споръ о славѣ Христовой; бесѣда Мануила съ Димитріемъ; познанія, здравомысліе и способности царя; бесѣда его съ Евѳиміемъ, епископомъ Новыхъ Патръ; по случаю спора о славѣ Христовой, Соборъ въ Византіи; твердость Мануила и преданность его Церкви (2). Гунны снова намѣреваются занять Сирмій; совѣтъ римскихъ военачальниковъ; бѣгство ихъ отъ непріятеля; нападеніе Мануила на землю Гунновъ со стороны Эвксинскаго Понта и Тавроскиѳіи (3). Прибытіе Эрика въ Сардику и причина его прибытія; Гунны снова отнимаютъ Далмацію и берутъ въ плѣнъ Халуфу (4). Гимнастика Мануила и поврежденіе бедра и руки; пріемъ гуннскихъ пословъ и прибытіе въ Сардику (5). Измѣна Алексѣя Аксуха; разсказъ о мужествѣ Мануила при выѣздахъ на охоту; доказательства измѣны Алексѣевой; постриженіе Алексѣя въ монахи (6). Отправленіе Андроника въ Сирмію противъ Гунновъ; боевой порядокъ римскаго войска; битва; пораженіе Гун-

новъ; трофеи Римлянъ (7). Возобновленіе византійскихъ стѣнъ; устройство водопроводовъ; уничтоженіе обычая продавать себя въ рабство; постановленіе не вступать въ тяжбу съ монастырями за имѣніе; опредѣленіе праздничныхъ и непраздничныхъ дней; перенесеніе въ Византію священнаго камня (8). Отправленіе флота и войска въ Египетъ; участіе въ этой войнѣ іерусалимскаго короля; неудачный исходъ войны (9). Заключеніе Венетовъ въ государственныя темницы; разсказъ о дарованныхъ этому народу правахъ торговли въ Вазантіи и въ римской имперіи; изгнаніе Венетовъ при царѣ Іоаннѣ и уступка Іоанна; дерзость ихъ и арестъ при Мануилѣ; бѣгство ихъ въ отечество; нападеніе ихъ на римскіе острова и новое бѣгство; письмо къ нимъ Мануила (10). Разстройство дѣлъ въ Киликіи; прибытіе въ Византію правителя Саксоніи; волненія въ Сербіи и Венгріи; на венгерскій престолъ вступаетъ Бела; сраженіе Мануила съ сербскимъ архижупаномъ и разбитіе архижупана (11). Вооруженія противъ Римлянъ на Востокѣ; осада Анконы Алеманами и Венетами; защита этой крѣпости италіянскою правительницею; разбитіе Алемановъ и Венетовъ; сношеніе Мануила съ султаномъ Ликаоніи; разстройство непріятельскаго союза (12). Молчаливое Слово Мануила; его умъ и способности (13).

Книга 7. Дѣйствія Кличестлана; посольство его къ Мануилу съ предложеніемъ передачи занятыхъ имъ римскихъ городовъ; обманъ Кличестлана; отправленіе войска для занятія Амасіи; ослѣпленіе Кантакузина (1). Обновленіе Дорилеи; разбитіе Саписана; нерѣшительность Гавры подъ Амасіею; посольство Ѳомы къ Кличестлану; свѣденія о Ѳомѣ (2). Движенія Мануила на Риндакъ; дезертирство войскъ; новыя схватки съ не-

пріятелями; жестокое наказаніе дезертировъ; новое посольство отъ Кличестлана; приготовленіе Мануила къ войнѣ съ Кличестланомъ; направленіе войскъ къ Иконіи и отправленіе флота къ Египту (3)....

КРАТКОЕ ОБОЗРѢНІЕ ДОБЛЕСТНЫХЪ ДѢЛЪ БЛАЖЕННЫЯ ПАМЯТИ ЦАРЯ И ПОРФИРОРОДНАГО ГОСПОДИНА, ІОАННА КОМНИНА, И ПОВѢСТВОВАНІЕ О ДѢЛАХЪ СЛАВНАГО СЫНА ЕГО И ПОРФИРОРОДНАГО ГОСПОДИНА, МАНУ́ИЛА КОМНИНА.

ТРУДЪ ЦАРСКАГО ГРАММАТИКА ІОАННА КИННАМА.

КНИГА 1.

1. Древніе мудрецы не почитали дѣломъ маловажнымъ заниматься и Исторіею; напротивъ, весьма многіе изъ нихъ даже прославились этимъ. Одинъ за предметъ своей Исторіи бралъ дѣла Эллиновъ; другой раскрывалъ воспитаніе Кира въ его дѣтствѣ и разсказывалъ о подвигахъ, которые онъ совершилъ въ мужескомъ возрастѣ. Такъ какъ настояла опасность, чтобы событія, случившіяся задолго, не пришли въ забвеніе; то они начертывали ихъ въ книгахъ, будто на вѣчныхъ столпахъ, и свѣденія о нихъ передавали дальнѣйшему потомству. Таково дѣло историка. Но я думаю, что приступающіе къ подобному труду не недостойно цѣли, должны быть хорошо зна-

комы съ каждымъ событіемъ и свободны отъ всѣхъ заботъ и хлопотъ, непрестанно вплетающихся въ эту жизнь; а у насъ нѣтъ, сколько нужно, ни того, ни другаго. Изъ-за этого, однакожъ, не должно умалчивать о тѣхъ дѣлахъ, которыя случились въ наше время, а надобно стараться, чтобы представляющійся намъ благопріятный случай не прошелъ безъ пользы. И онъ не пройдетъ, если мы, рѣшительно оставивъ повѣствованіе о всемъ другомъ, что входитъ въ общественную человѣческую жизнь, опишемъ дѣла двухъ царей, изъ которыхъ одинъ окончилъ дни свои прежде, чѣмъ родились мы на свѣтъ, а другой процвѣталъ при насъ и умеръ, оставивъ царство еще несовершеннолѣтнему сыну (¹).

Эти государи — Іоаннъ и Мануилъ Комнины. Какъ жилъ тотъ, отъ котораго произошли оба они (одинъ, — возстановивъ въ себѣ царскую власть отца, а другой—дѣда) и какъ управлялъ онъ общественными дѣлами Римлянъ, о томъ довольно, думаю, сказано людьми, описывавшими его подвиги; такъ что намъ нѣтъ нужды повторять сказанное. Не нужно, говорить и о томъ, какъ онъ возсталъ на занимавшаго тогда царскій престолъ Никифора (²), уже глубокаго старца и бывшаго на западѣ дней своихъ; потому что люди, писавшіе не по ненависти къ нему, подробно опи-

---

(¹) То есть Алексѣю II Комнину, у котораго впослѣдствіи Андроникъ отнялъ престолъ вмѣстѣ съ жизнію.

(²) Разумѣется Никифоръ Вотаніатъ, который низвергнутъ былъ съ престола Алексѣемъ I Комнинымъ, отцемъ царя Іоанна.

сали, какъ я скалалъ, все это. Впрочемъ, дѣла Іоанна будутъ пересказаны мною кратко, какъ бы въ общемъ обзорѣ; потому что въ его время, повторяю, я еще не родился. Чтоже касается до царствовавшаго послѣ него Мануила, то не знаю, можетъ ли кто лучше меня разсказать его исторію; потому что мнѣ, даже прежде, чѣмъ достигъ я юношескаго возраста, довелось участвовать во многихъ его походахъ на обоихъ материкахъ. Таково мое намѣреніе; теперь время приступить къ самому разсказу и начать нашу Исторію.

2. По кончинѣ Алексѣя, Іоаннъ принялъ царство, которое еще прежде было завѣщано ему отцемъ (1), и позанявшись, сколько позволяло время, политическими дѣлами, поспѣшно отправился въ Азію. Близъ фригійскихъ рѣкъ Лика и Капра есть городъ, по имени, Лаодикія (2). Когда-то въ прежнее время онъ взятъ былъ Персами; а теперь царь задумалъ возвратить его римской имперіи, и для того послалъ къ нему значительное войско. Такъ какъ отъ этого города не вдалекѣ находилась Филаделфія, то царь расположилъ въ ней свой станъ и окопалъ его рвомъ. Для осады Лаодикіи сперва выслалъ онъ изъ Филаделфіи съ войскомъ одного преданнѣйшаго ему полководца, Іоанна, который производилъ свой

(1) Алексѣй I Комнинъ завѣщалъ царство сыну своему, Іоанну, тотчасъ по его рожденіи (Ann. L. 6, p. 167. 168).

(2) Лаодикія была главнымъ городомъ Фригіи. Плиній (L. 5, c.29) говоритъ о ней такъ: «celeberrima urbs Laodicea imposita est Lyco flumini, latera alluentibus Asopo et Capro, appellata primo Diospolis, deinde Rhoas».

*

родъ изъ Персіи, а потомъ, не много спустя, пошелъ и самъ во главѣ всего войска, и при первомъ нападеніи овладѣлъ городомъ. Въ то время въ этомъ городѣ случилось вообще много варваровъ, и однихъ важнѣйшихъ по ихнему особъ не менѣе восьми сотъ, между которыми находился также отличный знатокъ воинскаго искуства, Пихара. Итакъ, оставивъ тогда въ Лаодикіи достаточный гарнизонъ и исполнивъ, какъ слѣдовало, все нужное, царь возвратился въ Византію. Чрезъ нѣсколько времени осадилъ онъ также Созополь ([1]), и безъ всякаго труда присоединилъ его къ римскимъ владѣніямъ. Я скажу, какъ это произошло. Созополь принадлежалъ къ числу замѣчательнѣйшихъ нѣкогда азійскихъ городовъ. Онъ построенъ на высокой и скалистой мѣстности, и съ одной своей стороны совершенно неприступенъ, а съ другой—доступъ къ нему очень тѣсенъ, такъ что по этому пути нельзя ни придвинуть къ нему машину, ни употребить въ дѣло какое-нибудь стѣнобитное орудіе; да и самые люди съ этой стороны едва могутъ вступать къ него только въ небольшомъ числѣ. Таково было положеніе Созополя. У царя Іоанна сперва не было никакой надежды взять его; но потомъ родилась въ немъ такая мысль, которая безъ труда доставила римской державѣ городъ, а самаго царя покрыла великою между всѣми людьми славою. Я разскажу, въ чемъ состояла она. Призвавъ къ себѣ двухъ изъ своей стражи воиновъ, Пактіа-

---

([1]) Созополь—городъ Памфиліи. (См. Ник. Хон.).

рія и Декана, царь приказалъ имъ съ отрядомъ войска идти прямо къ городскимъ воротамъ и стрѣлять изъ луковъ въ стоящихъ на стѣнѣ непріятелей, когда же сіи послѣдніе выйдутъ изъ города,—нисколько не стыдясь, обратиться въ бѣгство и бѣжать до тѣхъ поръ, пока увлекающіеся преслѣдованіемъ непріятели не оставятъ далеко назади тѣснину; тогда, вдругъ поворотивъ коней, скакать къ воротамъ города и, упредивъ непріятеля, занять мѣстность. Итакъ, они пошли какъ бы на приступъ противъ города. Варвары, увидѣвъ приближеніе ихъ, вдругъ отворили ворота и, выбѣжавъ, устремились на нихъ съ величайшею быстротою. Римляне показали тылъ и были далеко преслѣдуемы. Въ это время одинъ изъ упомянутыхъ вождей проворно поворотилъ назадъ, а за нимъ послѣдовало множество и другихъ Римлянъ. Дошедши до воротъ, они сошли съ коней и стали передъ городомъ. Вслѣдъ за этимъ и тотъ (бѣжавшій) отрядъ Римлянъ, замѣтивъ, что сдѣлано его товарищами, быстро понесся назадъ,—и непріятели, очутившись въ срединѣ между Римлянами, разсѣялись, кто куда, по окрестнымъ полямъ,—и городъ былъ взятъ.

3. Возвращаясь оттуда, царь взялъ крѣпость Іерокорифитисъ и многіе другіе наблюдательные посты въ смежности съ Атталою (¹), а потомъ

(¹) Подъ именемъ Атталы здѣсь разумѣется городъ Памфиліи, иначе называемый Саталою. Онъ лежалъ на берегу Средиземнаго моря и былъ главнымъ городомъ области. Основаніе его приписываютъ Атталу (Strabo).

прибылъ въ Византію. Однакожъ здѣсь оставался онъ недолго и долженъ былъ отправиться въ Македонію; потому что тогда перешло чрезъ Дунай и вторглось въ предѣлы римской имперіи огромное войско Скиѳовъ. Но такъ какъ въ это время наступала зима; то царь остановился зимовать въ городѣ Бероѣ,—частію для того, чтобы приготовиться къ войнѣ, а еще болѣе для того, чтобы расположить къ себѣ нѣкоторыхъ скиѳскихъ филарховъ (¹), и, чрезъ то произведши между ними раздѣленіе, безъ труда побѣдить остальныхъ. Къ веснѣ успѣвъ уже посольствами привлечь многихъ на свою сторону, онъ выступилъ противъ прочихъ и рѣшился кончить съ ними дѣло войною. Когда обѣ арміи вступили одна съ другою въ сраженіе,—борьба до нѣкотораго времени оставалась въ колебаніи, такъ что самъ царь былъ раненъ стрѣлою въ ногу. Но наконецъ Римляне усугубили свое мужество, — и Скиѳы были разбиты на голову ; такъ что одни изъ нихъ легли на мѣстѣ, а другіе забраны были въ плѣнъ. Нѣкоторая же немаловажная часть ихъ, возвратившись въ станъ, не хотѣла бѣжать далѣе, но рѣшилась съ женами и дѣтьми снова выдержать опасность боя, воспользовавшись своими телегами, которыя они крѣпко связали одну съ другою, и, покрывъ ихъ воловьими кожами, помѣстили

(¹) Филархомъ назывался начальникъ племени, котораго каждое племя избирало изъ среды себя. Скиѳскія племена обыкновенно находились во взаимномъ союзѣ и составляли одинъ народъ. Nicet. Походъ Іоанна въ Македонію совершился въ 1123 году.

въ нихъ своихъ женъ и дѣтей. Итакъ, опять началось сраженіе упорное и полилась кровь съ обѣихъ сторонъ. Прикрываясь своими телегами, какъ стѣнами, Скиѳы наносили Римлянамъ чувствительный вредъ. Замѣтивъ это, царь хотѣлъ сойти съ коня и пѣшкомъ въ рядахъ своихъ воиновъ вступить въ бой. Но когда Римляне не одобрили его намѣренія,—онъ приказалъ окружавшимъ его бердышникамъ (это были Британцы, издавна служившіе римскимъ царямъ) подойти и рубить бердышами скиѳскія телѣги. Это дѣло тотчасъ же начато, — и царь овладѣлъ самымъ станомъ Скиѳовъ. Потомъ весьма многіе и изъ тѣхъ, которые старались спастись бѣгствомъ, по любви къ оставшимся въ плѣну, сами собою сдались царю, поселены на римскихъ земляхъ, вписаны въ военное сословіе и долго оставались въ немъ.

4. Такъ совершился переходъ скиѳскихъ племенъ въ римскую имперію. Послѣ того царь опять имѣлъ дѣло въ Азіи. Неожидаемый тамошними жителями—варварами, особенно по причинѣ зимняго времени, царь однихъ между ними совершенно поработилъ, а другихъ еще въ большемъ числѣ обратилъ къ православному ученію, и чрезъ то увеличилъ римское войско. Еще не занимавшись полевыми работами, эти варвары, подобно Скиѳамъ, питались только молокомъ и мясомъ и, поставляя свои палатки разсѣянно по полямъ, легко доставались всякому, кто хотѣлъ напасть на нихъ. Такъ прежде жили и Персы. Война же между

Римлянами и Гуннами (1), обитающими въ странѣ за Дунаемъ, возгорѣлась по слѣдующей причинѣ. У короля Пэоніи, Владислава (2), было два сына, Аллузій и Стефанъ. Стефанъ, какъ старшій, по смерти ихъ отца, самъ собою принялъ власть; а другой убѣжалъ и пришелъ къ царю, потому что у Гунновъ есть обычай, что, когда государь умираетъ и оставляетъ дѣтей,—братья живутъ вмѣстѣ во взаимномъ согласіи, пока тотъ, который правитъ государствомъ не сдѣлается отцемъ дитяти мужескаго пола: а какъ скоро у него родится сынъ, другому позволяется жить въ странѣ не иначе, какъ съ выколотыми глазами. Вотъ по этой-то причинѣ Аллузій и пришелъ къ царю. Царь радъ былъ видѣть этого человѣка и принялъ его съ любовію,—тѣмъ болѣе, что женатъ былъ на дочери Владислава Иринѣ, женщинѣ преимущественно предъ всѣми скромной и исполненной рѣдкихъ добродѣтелей. Все, что получала она отъ царя—супруга и изъ государственной казны, ни дѣтямъ не берегла въ наслѣдство, ни расточала на излишнія украшенія и рос-

---

(1) О войнѣ Іоанна съ Гуннами или Венграми см. Nicet. in Ioan. n. 5.

(2) У пэонскаго, или, что тоже—венгерскаго короля Владислава не было сыновей, а была только одна дочь, по имени, Пириска, вышедшая замужъ за Іоанна Комнина и названная Ириною. Владиславъ при смерти завѣщалъ престолъ племяннику своему, сыну Гейзы, Аллузію или Алмѣ, который, бывъ лишенъ зрѣнія братомъ своимъ Каламаномъ, ушелъ изъ Венгріи и проживалъ у константинопольскаго царя Іоанна. Когда же Каламанъ умеръ, сынъ Аллузія Стефанъ занялъ венгерскій престолъ. Otho Frising. l. 7 Chr. c. 13 et 21. Thworoczius in Chr. Reg. Hung. c. 63.

кошь, но во все время своей жизни благодѣтельствовала каждому, кто просилъ ее о чемъ нибудь. Создала она и монастырь въ Византіи во имя Вседержителя,—такой монастырь, который, по своей красотѣ и величинѣ, относится къ числу особенно замѣчательныхъ. Такова-то была эта царица. Король Гуннов, услышавъ о братѣ, отправилъ къ царю пословъ и просилъ выслать его изъ римской земли; но, не убѣдивъ царя сдѣлать это, переправился чрезъ рѣку Дунай и, осадивъ лежащій при ней Бѣлгородъ, взялъ его, раскопалъ до основанія и, вывезши оттуда на корабляхъ камни, построилъ изъ нихъ въ Сирміи (¹) городъ Зевгминъ, существовавшій съ того времени весьма долго, пока, при самодержавіи царя Мануила, не былъ раскопанъ до основанія и въ свою очередь не послужилъ весь на построеніе стѣнъ Бѣлграда. Но объ этомъ я скажу впослѣдствіи, когда по порядку повѣствованія дойду до того времени. Услышавъ, что Бѣлградъ разрушенъ, царь двинулся къ Дунаю со всѣмъ своимъ войскомъ и съ союзнымъ ополченіемъ частію изъ лигурійскихъ всадниковъ, которыхъ у насъ называютъ Ломбардцами, частію изъ Персовъ, и остановившись на придунайскомъ берегу, готовился къ битвѣ. Стефану случилось тогда страдать разслабленіемъ тѣла и надлежало, по болѣзни, оставаться въ предѣлахъ страны. Впрочемъ онъ не медлилъ своими распоряженіями, но со все-возможною скоростію выслалъ войско для удержанія царя, и приказалъ

(¹) Сирмія—область, лежащая между рѣками Дунаемъ и Савою.

своимъ военачальникамъ стать на мѣстѣ переправы. Гунны поступили согласно съ предписаніемъ. Но царь, чтобы не бороться съ преграждающими переправу непріятелями, придумалъ слѣдующее: отдѣливъ все союзное войско, велѣлъ онъ ему идти вдоль по рѣкѣ, по направленію къ мѣсту, называемому Темпомъ, гдѣ есть гора, которая, начинаясь въ странѣ Гунновъ, тянется до самой рѣки,—и тамъ переправиться; а самъ съ прочимъ римскимъ войскомъ стоялъ противъ крѣпости Храма и показывалъ видъ, что намѣренъ совершить переправу въ этомъ мѣстѣ. Вслѣдствіе такихъ распоряженій, Римляне перешли безъ труда,—и Гунны, не выдержавъ даже перваго натиска ихъ, побѣжали изо всей силы. Преслѣдованіе ихъ продолжалось до самой рѣки, гдѣ, столпившись на мосту, которымъ соединялись ея берега, они проломили его, отъ чего весьма многіе изъ нихъ увлечены были рѣкою и въ ней погибли, а другіе попали въ руки Римлянъ; въ числѣ послѣднихъ были Акусій и Келадій, мужи у Гунновъ именитѣйшіе. Совершивъ этотъ подвигъ, царь тотчасъ взялъ крѣпость Храмъ и, оставивъ для охраненія города Враницовы достаточный отрядъ войска, подъ начальствомъ Куртикія, немедленно возвратился въ предѣлы римской имперіи и прибылъ въ Византію. Впрочемъ, немного спустя, Гунны осадили Враницову и заняли ее; изъ бывшихъ же въ немъ Римлянъ—однихъ побили, а другихъ взяли въ плѣнъ. Были между ними и такіе, которые старались спастись бѣгствомъ. Разгнѣванный этимъ царь, осудилъ Куртикія въ

измѣнѣ, и приказалъ дать ему много ударовъ по спинѣ, хотя онъ не прежде сошелъ со стѣнъ, какъ тогда, когда непріятели ворвались уже со всѣмъ войскомъ въ городъ и начали жечь его.

5. Въ это время задумали отложиться Сербы,—племя далматское, и разрушили крѣпость Расъ. Въ наказаніе за то, Критопла, которому ввѣрено было охраненіе крѣпости, царь велѣлъ одѣть въ женское платье и, посадивъ на осла, возить по площади. Потомъ, прибывъ въ Враницову въ другой разъ, онъ спѣшилъ возобновить ее. Но между тѣмъ какъ время проходило въ работахъ, наступила зима, и войско отъ недостатка припасовъ начало сильно страдать болѣзнями. Узнавъ объ этомъ, король Пэонянъ задумалъ быстро перейти чрезъ Дунай и напасть на Римлянъ врасплохъ. Но въ странѣ Гунновъ находилась тогда женщина, родомъ Латинянка, отличавшаяся богатствомъ и знатностію происхожденія. Она чрезъ своего посла извѣстила царя объ этомъ замыслѣ. Царь, не имѣя возможности открыто сразиться съ непріятелемъ, потому что его войско, какъ сказано прежде, страдало болѣзнію и нуждалось въ припасахъ, укрѣпилъ, сколько могъ, городъ, и отступилъ отъ него; а чтобы войско Гунновъ не принудило его принять сраженіе, — пошелъ по нѣкоторымъ пустыннымъ и гористымъ мѣстамъ, можетъ быть, по тѣмъ, которыя извѣстны у туземцевъ подъ именемъ злой лѣстницы. Въ этомъ мѣстѣ войско Гунновъ внезапно напало на заднія фаланги Римлянъ, но не сдѣлало имъ никакого вреда, кромѣ того только, что взяло оста-

вленные, за недостаткомъ вьючнаго скота, обрывки покрововъ царской палатки,—и возвратилось; римское же войско продолжало свой путь оттуда безъ всякой опасности. Нѣсколько спустя послѣ того времени, царь отправился въ Азію—съ намѣреніемъ отнять (у варваровъ) прилежащій къ Пафлагоніи городъ, Кастамонъ. Персы, живя въ этомъ городѣ, дѣлали изъ него набѣги на ближайшія, подвластныя царю мѣста, и всегда наносили зло Римлянамъ. И такъ, приготовивъ большія средства къ войнѣ, онъ поразилъ Персовъ, принудилъ ихъ сдать Римлянамъ и городъ, и самихъ себя, и послѣ того, возвратившись въ Византію, блистательно торжествовалъ побѣду. Для этого случая соорудилъ онъ изъ серебра и богато вызолотилъ военную колесницу, какъ бы съ цѣлію ѣхать на ней въ столицу; однакожъ, избѣгая, вѣроятно, подозрѣнія въ гордости, не сѣлъ на нее, но поставилъ на ней икону Богородицы, а самъ шелъ впереди съ крестомъ. Дивно было видѣть Византійцамъ это шествіе (¹), подобнаго которому дотолѣ не видывали, думаю, со вступленія на римскій престолъ Ираклiевъ и Юстиніановъ.

6. Между тѣмъ какъ происходило это у Римлянъ, управлявшій въ то время Каппадокіею Танисманъ окружилъ своимъ войскомъ Кастамонъ и держалъ его въ осадѣ. Посему царь снова со-

(¹) Упоминаемое здѣсь торжественное шествіе обстоятельно описываетъ Никита. Но что подобнаго торжества не видывали со временъ Ираклiевъ и Юстиніановъ, это несправедливо: по свидѣтельству Зонары, такое же шествіе совершалъ Іоаннъ Цимисхій—послѣ побѣды надъ Болгарами. Carol. du Fresne not. in h. l.

брался было на войну, но ему помѣшало несчастіе: умерла супруга его Ирина, а самъ онъ сдѣлался боленъ и привезенъ былъ въ Византію, И такъ, Таписманъ сперва томилъ Кастамонцевъ голодомъ, а потомъ сдѣлалъ приступъ къ городу и взялъ его. Это произшествіе сильно огорчило царя. Вслѣдъ за тѣмъ отъ какой-то причины Таписманъ умеръ, а вступившій на его мѣсто Магометъ поссорился съ филархомъ города Иконіи, котораго Персы ставятъ выше прочихъ и называютъ султаномъ. Пользуясь этимъ, царь отправилъ въ Иконію пословъ, снискалъ дружбу султана и убѣдилъ его вступить въ союзъ съ Римлянами противъ Магомета. Посему вскорѣ пришелъ отъ него съ войскомъ одинъ изъ важнѣйшихъ сановниковъ, въ качествѣ поручителя и вмѣстѣ союзнаго полководца, — и царь, съ упомянутыми войсками пришедши къ Ганграмъ, расположилъ подъ ихъ стѣнами свой станъ и готовился на слѣдующій годъ сдѣлать приступъ. Тогда Магометъ, зная, что не въ силахъ противостоять царю, счелъ нужнымъ подружиться съ султаномъ, которому притомъ доводился въ родствѣ. Въ самомъ дѣлѣ, оба они, прекративъ вражду, сговорились дѣйствовать противъ Римлянъ,—и союзные посланные султаномъ Персы въ одну ночь всѣ убѣжали изъ римскаго стана. Узнавъ объ этомъ коварномъ поступкѣ, царь впалъ въ великое уныніе и хотѣлъ было немедленно приступить къ снятію стана; но нѣкоторые, случайно находившіеся въ лагерѣ, монахи стали отговаривать его отъ такого намѣренія и убѣждали твердо стоять въ своей рѣшимости

взять Гангры. Послушавшись ихъ, царь чрезъ нѣсколько дней напалъ на укрѣпленія города, но, бывъ отбитъ, перешелъ на Риндакъ и тамъ со всѣмъ войскомъ сталъ на зимнія квартиры. Въ этомъ мѣстѣ Римляне оставались весьма долго, и такъ какъ зимою неоткуда было доставать съѣстные припасы, то имъ приходилось уже томиться и голодомъ. Поэтому царь, поднявшись оттуда, пришелъ къ Кастамону и, взявъ этотъ городъ на условіяхъ, перешелъ потомъ къ Ганграмъ. Но занимавшіе городъ Персы, узнавъ, что на Риндакѣ, (по удаленіи Римлянъ) опять собирается ихъ войско, и надѣясь скоро получить помощь, сперва не хотѣли сдать царю городъ: когда же упомянутое войско, еще не успѣвъ собраться, снова разсѣялось (потому что зимою, какъ я и прежде говорилъ, сражаться было невозможно); тогда, побуждаемые необходимостію, сдались ему съ условіемъ, чтобы и сами они, и всѣ, взятые въ плѣнъ Римлянами во время войны съ Танисманомъ, были освобождены изъ рукъ Римлянъ. Впрочемъ Персы, предлагаемой имъ свободѣ сами собою предпочетши рабство, удостоились за то царскаго благоволенія и послужили къ немалому усиленію римскаго войска.

7. Съ этого времени начались войны Римлянъ съ Исаврійцами. Армянинъ Левуній (¹), взявъ множество другихъ, подчиненнымъ Римлянамъ

(¹) Левуній въ лѣтописи Анны (L. 13) названъ Львомъ, у Вильгельма Тирскаго (L. 14; c. 3) Левомъ. Здѣсь не безполезно имѣть въ виду генеалогическую таблицу правителей Арменіи.

исаврійскихъ городовъ, рѣшился осадить и Селевкію. Узнавъ о томъ, царь собралъ войско и съ великою поспѣшностію пошелъ противъ него. Для этой цѣли и по другой причинѣ, о которой сейчасъ скажу, онъ направился въ Киликію. Когда правитель Антіохіи Боэмундъ (¹) умеръ,—начальники той страны чрезъ посланныхъ говорили царю, что если угодно ему дочь Боэмунда взять замужъ за младшаго царскаго сына Мануила,—власть надъ Антіохіею, тотчасъ послѣ этого брака, будетъ принадлежать ему. Но еще не успѣлъ онъ вступить въ Киликію, какъ Антіохійцы, измѣнивъ свои мысли, вмѣсто друзей и союзниковъ, явились злѣйшими ему врагами. Видя однакожъ, что не могутъ противостоять римскому войску, они признали нужнымъ присоединить къ себѣ и Левунія. И такъ, выведши изъ тюрьмы этого человѣка, захваченнаго на войнѣ (²) и содержавшагося подъ стражею, и взявъ съ него клятву, что онъ будетъ ихъ другомъ и союзникомъ противъ царя, они освободили его. Между тѣмъ царь, пришедши въ Киликію, занялъ Мопсуестію, овладѣлъ Тарсомъ и Аданомъ, и осадилъ Аназарбъ (³). Но тогда, когда это происходило, случилось слѣдующее: у князя Петуи (Падуи), лежащей при

(¹) Смерть правителя антіохійскаго Боэмунда II случилась въ 1130 году.

(²) Не задолго до похода Іоанна въ Киликію, правитель Антіохіи Боэмундъ II велъ войну съ правителемъ Арменіи Левуніемъ, и взялъ его въ плѣнъ (Ordericus Uitalis lib. 11).

(³) Аназарбъ, по Никитѣ, Ѳеофану и другимъ, Анаварза, былъ митрополіею второй Киликіи.

іонійскомъ заливѣ, было два сына: одинъ изъ нихъ, по смерти отца, принялъ его власть, а другой въ одеждѣ нищаго пришелъ въ іерусалимскій храмъ. Увидѣвъ его и бывъ пораженъ его красотою и осанкою, блюститель храма подошелъ къ нему и просилъ сказать, кто онъ такой. На этотъ вопросъ онъ старался было дать такой отвѣтъ, чтобы не совсѣмъ быть узнаннымъ, но, не могши удовлетворить вопрошателя, наконецъ открыто высказалъ ему о себѣ всю правду. Тогда блюститель храма поспѣшно пошелъ къ королю и объявилъ ему объ этомъ человѣкѣ; а король, пригласивъ къ себѣ Раймунда (1), (ибо это было имя пришельца), совѣтовалъ ему жениться на дочери Боэмунда, еще не достигшей совершеннолѣтія. Раймундъ сѣлъ на коня и отправился въ Антіохію, но, случайно встрѣтившись съ римскими досмотрщиками, едва не былъ схваченъ ими; ибо одинъ изъ воиновъ, остановивъ его на бѣгу нанесъ ему такой ударъ по шлему, что, если бы не успѣлъ онъ удержаться, ухватившись обѣими руками за шею коня, и не подоспѣли многіе изъ его спутниковъ, то тутъ же упалъ бы стремглавъ. Избѣжавъ такимъ образомъ опасности, пріѣхалъ онъ въ Антіохію. Между тѣмъ царь на-

---

(1) Раймундъ, сдѣлавшійся правителемъ Антіохіи, родился въ Тулузѣ и былъ второй сынъ графа Аквитаніи Вильгельма IX (Chron. Mallaecens. A. 1099). По сказанію означенной хроники, онъ пришелъ въ Іерусалимъ, не какъ пилигримъ, а какъ родственникъ іерусалимскаго короля Фулкона, который вызвалъ его къ себѣ съ цѣлію женить на дочери своей Констанціи. (Tyrius L. 14, c. 9 et 20).

стойчиво держалъ въ осадѣ Аназарбъ; находившіеся же внутри города нашли способъ уничтожать его усилія: достаточно накаливая желѣзные прутья, они бросали ихъ въ стѣнобитныя машины и, сообщая ими огонь переднимъ деревяннымъ столбамъ машинъ, сожигали ихъ. Частое повтореніе такихъ неудачь наконецъ ослабило мужество царя; но тогда къ опечаленному отцу пришелъ Исаакъ и сказалъ: «прикажи ты, батюшка, деревянные столбы обложить кирпичами». Какъ скоро это было сдѣлано,—осажденные не могли уже противиться частому дѣйствію машинъ и, отворивъ ворота, приняли римскаго военачальника.

8. Такимъ образомъ Аназарбъ былъ покоренъ Римлянами. Между тѣмъ Раймундъ и Балдуинъ, управлявшій въ то время Моравсіею, пока еще бѣды не было предъ глазами, собравъ достаточное войско, шли въ Палестину, чтобы избавить тамошняго короля отъ опасности; потому что сосѣдніе съ Палестиною Сарацины, одержавъ надъ нимъ побѣду, осадили его въ крѣпости Монтеферрасѣ (¹), въ которой онъ заперся. Царь же, овладѣвъ Аназарбомъ, пошелъ къ крѣпости Бакѣ; а когда начали боявшіеся за Антіохію собираться въ этотъ городъ, — римское войско, отложивъ осаду Баки, стало лагеремъ на текущей чрезъ Антіохію рѣкѣ. Антіохійцы, полагаясь на проч-

(¹) Монтеферрасъ—крѣпость въ княжествѣ триполисскомъ, гдѣ находится гора Феррасъ, отъ которой крѣпость получила свое имя. (W. Tyrius L. 14, c. 6. 25. 26).

ность своихъ стѣнъ и на другія ручательства въ безопасности, сперва были неустрашимы. Поэтому, когда, во время долговременной осады, нѣкоторые военные люди, — что въ большомъ войскѣ часто случается, — прокрадывались въ ближайшіе къ городу сады и рвали плоды, — они внезапно выбѣгали изъ города и многихъ убивали; а какъ скоро это бывало замѣчаемо, и римскіе воины поспѣшно прибѣгали на помощь, они торопливо уходили въ ворота, бросая въ бѣгствѣ многихъ изъ своихъ товарищей. Но послѣ, увидѣвъ, что Римляне собираются къ приступу, обнаружили они величайшую трусость, такъ что Раймундъ часто самъ выходилъ къ царю и докучалъ ему предложеніемъ сдачи города—съ тѣмъ, чтобы царь былъ и назывался господиномъ его, а онъ только правителемъ отъ царскаго имени. Дѣлая такое предложеніе, онъ сперва получалъ отказы и возвращался безъ удовлетворенія; а потомъ, чрезъ нѣсколько дней, когда по этому дѣлу было совѣщаніе (¹) Римлянъ, допущенъ былъ и онъ къ тому, о чемъ сказано,—и латинскія войска, вмѣстѣ съ такъ называвшимися у нихъ братствами (²) и областными поселенцами, присоеди-

---

(¹) Объ этомъ договорѣ съ правителемъ Антіохіи разсказываетъ Wilh. Tyrius lib. 14, p. 30 и Ordericus Witalis L. 13, p. 914. 915. Здѣсь достойно замѣчанія особенно то, что по заключеннымъ условіямъ царь поставлялъ въ Антіохіи своего намѣстника или префекта, который долженъ былъ завѣдывать дѣлами, подлежавшими высшему праву царя, и рѣшать ихъ отъ имени Іоанна.

(²) Здѣсь разумѣется монашескій орденъ страннопріимныхъ братьевъ іерусалимскаго храма, или братьевъ святаго гроба. Nic. in

нились къ царю. Это-то здѣсь происходило. Послѣ сего царь Іоаннъ, никакъ не желая столь благопріятныя обстоятельства упустить безъ пользы, двинулся съ упомянутыми войсками въ верхнюю Сирію, взялъ въ ней по праву войны крѣпость Низу и, овладѣвъ великою добычею, препроводилъ ее въ Антіохію со множествомъ плѣнныхъ, надъ которыми власть ввѣрилъ Ѳомѣ, человѣку незнатнаго происхожденія, однакожъ съ дѣтства состоявшему, кажется, въ числѣ царскихъ письмоводителей; самъ же пошелъ въ древній и весьма важный городъ Берію. Но Ѳома, въ самомъ началѣ пути неожиданно встрѣтивъ непріятеля, не только бросилъ всю сопровождаемую имъ добычу и толпу плѣнныхъ, но и самъ едва избѣжалъ опасности. Царь между тѣмъ, пришедши къ Беріи и нашедши, что окрестности ея вовсе безводны, миновалъ ее и, овладѣвъ крѣпостями Хамою и Хавардою, приступилъ къ богатому и многолюдному городу Сесеру. Самый городъ взялъ онъ приступомъ, но отъ цитадели былъ отраженъ; а когда намѣревался сдѣлать второй приступъ,— пришли къ нему послы и предлагали— какъ теперь же представить деньги, такъ и на будущее время ежегодно выдавать Римлянамъ опредѣленную подать. Таково было намѣреніе этого посольства. Но царь въ тотъ разъ отвергъ его предло-

---

Andron. lib. 1 n. 4; Pachymer. L. 5, c. 8. 11. L. 6, c. 14; Greg. lib. 5; Cant. lib. 2, c. 12. Но эти братства къ цѣли религіозной шли въ воинскихъ доспѣхахъ (Statuta Hierosolimit. part. 2 c. 26).

*

женіе, надѣясь взять цитадель силою оружія; когда же послѣ многократныхъ приступовъ увидѣлъ безуспѣшность ихъ, то принялъ посольство и вступилъ въ условія. Тогда Сесерцы принесли ему множество денегъ и представили крестъ (1) изящной работы—даръ достойный царей. Камень былъ лихнитъ, порядочной величины; но получивъ въ отдѣлкѣ форму креста, онъ отъ чеканки потерялъ часть естественнаго своего цвѣта. Соорудилъ его, говорятъ, царственный Апостолъ Константинъ, но потомъ какимъ-то случаемъ (2) попалъ онъ въ руки Сарациновъ. И такъ, взявъ это и принявъ письменныя обязательства гражданъ касательно послѣдующихъ податей, царь двинулся опять по направленію къ Киликіи. Покоривъ сильныя крѣпости Баку и Капнискертъ, онъ остановился въ той странѣ и, отдѣливъ часть войска, посылалъ его дѣлать набѣги на прочія укрѣпленія. Но подробное описаніе этихъ дѣйствій выходитъ, думаю, за предѣлы нашего плана; ибо я въ самомъ началѣ предположилъ говорить только о событіяхъ того времени, а чего не видѣлъ лично, или о чемъ знаю недостовѣрно, то передавать въ общихъ чертахъ. Сколь ни много было такихъ дѣлъ, однакожъ при благопріятныхъ об-

---

(1) По свидѣтельству Дюканжа, этотъ крестъ попалъ въ руки крестоносцевъ, и нынѣ хранится и чествуется въ капеллѣ французскаго города Бурбона.

(2) По словамъ Никиты, этотъ крестъ найденъ былъ Сарацинами между сокровищами взятаго ими въ плѣнъ римскаго царя, Романа Діогена.

стоятельствахъ всѣ они совершены, кажется, въ теченіе двухъ лѣтъ.

9. И такъ, сраженія въ Азіи для царя Іоанна были благоуспѣшны, кромѣ только дѣлъ съ Неокесаріею, которыя шли не по его желанію. Время было уже около осенняго равноденствія, когда царь, стоя лагеремъ недалеко отъ этого города, вздумалъ осадить его. Но такъ какъ, съ одной стороны, защищавшіе городъ Персы сильно безпокоили его своими вылазками, съ другой—случившаяся тогда необыкновенная зима изнуряла его войско; то онъ, снявъ осаду города, напалъ на сосѣднюю персидскую страну, собралъ тамъ великую добычу и возвратилъ римской имперіи множество жителей, съ давняго времени находившихся подъ игомъ Персовъ. Во время этихъ военныхъ дѣйствій, разумѣю — тогда, какъ продолжалась еще осада Неокесаріи, случилось нѣчто, достойное быть разсказаннымъ и выслушаннымъ. Когда однажды между Римлянами и Персами произошла сильная схватка, и послѣдніе по какому-то случаю стали одерживать верхъ,—Мануилъ, который, какъ уже не разъ сказано, былъ младшимъ сыномъ царя Іоанна, замѣтивъ это, взялъ окружавшихъ его воиновъ и, безъ вѣдома отца, врубившись въ средину непріятелей, отразилъ ихъ и воодушевилъ уже терявшее духъ римское войско. Этимъ поступкомъ отецъ справедливо былъ недоволенъ и такую отвагу считалъ опасною; однакожъ внутренно удивлялся ему и чрезвычайно изумленъ былъ тѣмъ, что юноша, еще не достигшій осмнадцатилѣтняго возраста, дерзнулъ

подвергнуться такимъ опасностямъ, а потому всенародно призналъ его спасителемъ римскаго войска. Такъ-то доблесть не всегда опредѣляется лѣтами. Съ этой войны почти никому изъ Римлянъ не пришлось возвратиться на конѣ.

10. Такъ кончилось дѣло съ Неокесаріею. Потомъ царь снова задумалъ отнять у Персовъ Созополь, и быстро пошелъ къ сему городу; но, нигдѣ не встрѣтивъ непріятелей, потому что слухъ о наступленіи Римлянъ заставилъ ихъ удалиться оттуда, онъ перевелъ войско къ озеру, по имени, Пасгусѣ (¹). Это озеро тянется весьма далеко въ длину и широту, и на срединѣ имѣетъ острова, отдѣленные одинъ отъ другаго водою, на которыхъ изстари построены крѣпости. Жителямъ ихъ вмѣсто рвовъ служитъ вода и, когда кому нибудь изъ нихъ нужно съѣздить въ Иконію, онъ можетъ въ тотъ же день возвратиться домой. По этой особенно причинѣ обладаніе тѣмъ озеромъ казалось царю дѣломъ очень важнымъ. Но жившіе на немъ Римляне не хотѣли сдать его, потому что образомъ мыслей отъ времени и привычки сбизились съ Персами. Поэтому царь придумалъ слѣдующее: собравъ сколько можно больше лодокъ и баркасовъ, онъ связалъ ихъ сверху бревнами и, поставивъ на нихъ машины, поплылъ прямо къ упомяну-

---

(¹) Озеро Пасгуса упоминается у Страбона (1, 12) и полагается близъ Иконіи. Страбонъ находитъ на немъ два острова Κωράλις и Τρογίτης. На Коралисѣ нынѣ стоитъ городъ Акріотери. Carol. du Fresne not. ad h. l.

тымъ крѣпостямъ. Но въ это время случилось подняться сильной бурѣ, которая такъ взволновала озеро, что погибли многіе римскіе воины. Не смотря однакожъ на то, царь, хотя и съ великимъ усиліемъ, взялъ означенныя крѣпости. Между тѣмъ свѣдалъ онъ, что антіохійскій правитель Раймундъ задумываетъ возстаніе, и потому опять двинулся въ Киликію—съ намѣреніемъ Киликію и Антіохію съ Атталою и Кипромъ отдать въ наслѣдство Мануилу. А какимъ образомъ пришелъ онъ къ этой мысли, сейчасъ скажу. Іоаннъ задолго еще завѣщалъ скипетръ римской имперіи Алексѣю, который былъ старшимъ его сыномъ. Когда же родился у него Мануилъ, послѣдній,—тотчасъ стали ходить толки о признакахъ, что это дитя будетъ царствовать. Упомянуть объ одномъ или о двухъ изъ нихъ не будетъ, думаю, неблаговременно. Однажды Мануилъ заснулъ,—и вотъ представилась ему во снѣ какая-то женщина важной наружности, въ черномъ платьѣ, державшая въ рукахъ туфли, какія обыкновенно носятъ цари. Она подавала ихъ Мануилу и приказывала надѣть, а свои сбросить, указывая при этомъ на обыкновенныя его голубыя. Проснувшись взволнованнымъ и не нашедши туфлей, какія видѣлъ во снѣ, онъ, какъ свойственно дѣтямъ, началъ плакать и думалъ, что ихъ унесъ кто нибудь изъ слугъ. Таковъ былъ этотъ признакъ; не менѣе замѣчателенъ и другой. Былъ одинъ монахъ; отечество его Галилея, а жизнь отшельническая въ горахъ. Однажды, бесѣдуя съ царемъ Іоанномъ, онъ увидѣлъ подошедшихъ къ

себѣ царскихъ дѣтей,—и къ прочимъ отнесся, какъ къ частнымъ лицамъ, а къ Мануилу подошелъ благоговѣйно и благословилъ его. Когда же царь спросилъ, почему онъ такъ сдѣлалъ,—монахъ въ отвѣтъ сказалъ, что изъ всѣхъ дѣтей Іоанна одинъ Мануилъ кажется ему царемъ. Хотя эти и другіе подобные случаи возбуждали въ душѣ царя различные помыслы; однакожъ, не рѣшаясь нарушить то, чего прежде хотѣлъ, онъ продолжалъ имѣть въ виду упомянутую цѣль. Но изъ всѣхъ дѣлъ ни одно не зависитъ отъ предначертаній человѣческихъ. Еще не дошелъ онъ до Киликіи, какъ лишился двухъ старшихъ своихъ сыновей, а одинъ изъ двухъ остальныхъ, хотя былъ тоже не крѣпкаго здоровья, отправился препроводить тѣла умершихъ въ Византію. Потомъ въ Киликіи кончилъ жизнь самъ царь, —и Мануилъ взошелъ на царскій престолъ. Стоитъ разсказать и о томъ, какъ Іоаннъ умеръ. Однажды, выѣхавъ на охоту, встрѣтилъ онъ огромнаго кабана, какихъ много питаютъ земля киликійская и горы Тавра. Видя, что онъ наступаетъ, царь, какъ разсказываютъ, взялъ въ руку копье и ударилъ его. Но когда наконечникъ копья вонзился въ грудь звѣря,—онъ, разъяренный ударомъ, сдѣлалъ такой натискъ впередъ, что рука царя отъ сильнаго противодѣйствія ему, вмѣсто прямаго направленія, повернулась назадъ и нажалась на висѣвшій у него за плечами колчанъ, наполненный стрѣлами. Чрезъ это у самаго сгиба кости острѣемъ стрѣлъ произведена рана, и изъ раны вытекла кровавая пѣна. Тогда на рану на-

ложили тонкую кожицу, которую многіе называютъ по просту стягивающимъ пластыремъ (ἐκδηρὰν), чтобы, то есть, онъ стянулъ стѣнки разрѣза и закрылъ рану, для предотвращенія воспаленія и боли. Но впослѣдствіи это-то и было причиною воспаленія; потому что ядъ, съ острія стрѣлы бывъ принятъ внутрь и сжатъ подъ кожицею, перешелъ въ другія части тѣла. Впрочемъ это произошло послѣ, а тогда царь не чувствовалъ еще никакой боли, такъ что для него накрытъ былъ столъ, и онъ сѣлъ обѣдать. Въ продолженіе обѣда стоявшіе тутъ сыны врачебной науки, увидѣвъ пластырь, спросили о причинѣ раны и убѣждали царя тотчасъ снять съ руки накладку. Но онъ сказалъ, что это средство затянетъ рану и что ему не представляется ничего, что могло бы произвести опухоль и воспаленіе. Однакожъ едва успѣлъ онъ заснуть послѣ обѣда, какъ вдругъ поднялись острыя боли, и на рукѣ явилась опухоль. Тогда сошлось все общество врачей и начало рѣшать вопросъ, что нужно дѣлать. Одни признавали необходимымъ разрѣзать опухоль (¹); другіе находили ее еще не созрѣвшею и совѣтовали подождать, пока она сдѣлается мягче. Но видно уже надлежало быть бѣдѣ, — и мнѣніе въ пользу операціи пересилило. Когда опухоль разрѣзали, она сдѣ-

---

(¹) По словамъ Вильгельма Тир. (L. 15, c. 22) врачи совѣтовали отрѣзать руку прежде, чѣмъ ядъ заразитъ все тѣло; но царь отвергъ это, говоря: «стыдно римской имперіи быть управляемой одною рукою».

лалась еще больше, и рука была перевязана. Съ этой минуты душу царя начала уже потрясать мысль о смерти— особенно потому, что онъ не успѣлъ совершить путешествія въ Палестину, которое обѣщался нѣкогда предпринять, страдая болѣзнію, и для того сдѣлалъ золотую въ двадцать талантовъ лампаду, чтобы принести ее въ даръ іерусалимскому храму. Наконецъ, видя себя безнадежнымъ, онъ приказалъ позвать къ себѣ одного монаха, родомъ изъ Памфиліи, мужа святаго, и просилъ непрестанныхъ его молитвъ предъ Богомъ. Стоя на молитвѣ, сей мужъ слышалъ, говорятъ, пѣніе чьихъ-то голосовъ и видѣлъ на высотѣ свѣтильникъ, при чемъ божественный юноша успокоивалъ смятенныя души ихъ. Такъ это было. А царь, почувствовавъ уже, что ему становится худо, приказалъ явиться къ себѣ сановникамъ, вельможамъ, воеводамъ, вообще замѣчательнымъ лицамъ, и говорилъ имъ слѣдующее: «Римляне, всѣ сюда собравшіеся, послушайте меня! Многимъ уже и изъ предшествовавшихъ царей угодно было передавать своимъ дѣтямъ власть, какъ нѣкое отеческое наслѣдіе. И самъ я знаю, что получилъ царство отъ отца-царя, и каждому изъ васъ должно быть это извѣстно. Посему вы, конечно, думаете, что, находясь, какъ видите, при концѣ настоящей жизни и оставляя послѣ себя двухъ сыновъ, я, по общему человѣческому закону, передамъ власть и престолъ тому изъ нихъ, который старше возрастомъ. Но у меня столько попеченія о васъ, что еслибы и ни одинъ изъ нихъ, по своимъ качествамъ, не былъ спосо-

бенъ взять на себя это бремя, я избралъ бы кого-нибудь иного, кто пришелся бы по моимъ и по вашимъ мыслямъ; ибо мнѣ кажется, что и дающему и принимающему не полезно, когда кормчій, по невѣжеству, потопитъ свой корабль и,— что еще хуже,—самъ погибнетъ съ ввѣреннымъ ему кораблемъ, не воздавъ дарованному добра за добро. Вообще нѣтъ ничего хорошаго осыпать дарами неопытность и невѣжество. Таковы мои мысли касательно васъ, и вотъ вамъ доказательство: какъ скоро дѣло идетъ о вашей пользѣ,—я готовъ забыть даже право природы. Оба сыновья мои хороши, и одинъ изъ нихъ выше другаго по лѣтамъ: но мой умъ устраняетъ преимущество старшинства, а ищетъ наилучшаго и убѣждаетъ меня предпочитать доблесть доблести. Изъ всѣхъ подвиговъ самый трудный — стараться принять превосходное. А такъ какъ наилучшему должно быть и воздаваемо наилучшее, лучше же царства ничего другаго быть не можетъ; то я желалъ бы, мужи соратники, чтобы къ преимуществу старшинства присоединялось еще болѣе совершенство доблести. Но это основаніе обращаетъ мой взоръ на послѣдняго моего сына и присуждаетъ ему жребій царствованія. И не ослѣпленіемъ, происходящимъ отъ пристрастія, внушено мнѣ такое заключеніе; потому что оба мои сыновья равно любезны мнѣ, и съ этой стороны ни который не имѣетъ для меня преимущества предъ другимъ. Потому-то приговоръ объ нихъ обоихъ больше можно ввѣрить мнѣ, чѣмъ вамъ. Но вотъ что особенно надобно обсудить общимъ совѣтомъ:

какъ-бы младшій мой сынъ, оказываясь лучше своего брата теперь, не явился хуже его по возшествіи на престолъ; ибо въ этомъ отношеніи я не довѣряю самому себѣ, боясь въ единичномъ судѣ увлечься пристрастіемъ, которое особенно способно подкупить приговоръ, если онъ не ограничивается другимъ равносильнымъ. Итакъ, хотите ли, я опишу вамъ его свойства, а вы потомъ сами произнесите свое мнѣніе. Сколько у него силы, мужества и отваги въ воинскихъ подвигахъ, всѣ вы знаете: свидѣтельствуюсь дѣломъ при Неокесаріи, гдѣ онъ возстановилъ сраженіе и спасъ Римлянъ, когда они начинали уже склоняться предъ непріятелемъ. Но выслушайте еще слово мое о томъ, чего свидѣтелемъ не могъ быть никто, кромѣ отца. Когда мнѣ въ дѣлахъ государственнаго правленія случалось встрѣчать многія и важныя затрудненія и когда другіе не знали, что дѣлать,—онъ являлся великимъ совѣтникомъ, обнаруживалъ способность предвѣденія наступающей невзгоды и показывалъ ловкость въ отклоненіи бури и обузданіи противныхъ вѣтровъ. Но мы, предпочтительно предъ всѣмъ другимъ, должны обращать вниманіе на то, что этому юношѣ готовитъ награду самъ Богъ. И смотрите, какъ. Наслѣдникомъ царства былъ уже нареченъ отъ меня Алексѣй,—и эта воля моя за нѣсколько времени предъ симъ была объявлена. Но Богъ, напередъ уже предъуказывая мнѣ юнѣйшаго, на которомъ покоилось Его око, преднареченнаго мною юношу взялъ изъ среды живыхъ. Сказалъ бы я вамъ и о нѣкоторыхъ знаменіяхъ, предска-

зывавшихъ ему настоящую его судьбу, если бы не зналъ, что многіе почитаютъ ихъ сказками; ибо ничто съ такою легкостію не подвергается человѣческимъ пересудамъ, какъ вѣщанія сновъ и намеки на будущее. Вотъ я вамъ сказалъ, что самъ знаю о моемъ сынѣ: теперь остается вамъ объявить свою мысль». Какъ скоро царь сказалъ это, они съ удовольствіемъ и со слезами на глазахъ одобрили его мнѣніе. Тогда Мануилъ, любившій отца больше, чѣмъ кто другой, и уважавшій законы природы, потупилъ глаза и, склонившись головою на грудь родителя, оросилъ слезами постель его. Потомъ облекся въ порфиру, возложилъ на себя діадиму, и все войско провозгласило его царемъ. Послѣ сего царь Іоаннъ, проживъ еще нѣсколько дней, скончался (¹). Всего царствованія его надъ римскою имперіею было двадцать пять лѣтъ и семь мѣсяцевъ, по осьмое число мѣсяца, называемаго по-эллински Ксантикомъ, а по-римски Апрѣлемъ.

КНИГА 2.

1. Этимъ оканчивается моя исторія о царѣ Іоаннѣ. Царь же Мануилъ, принявъ скипетръ,

(¹) Смерть Іоанна послѣдовала подъ Аназарбомъ, митрополіею второй Киликіи,—въ томъ мѣстѣ, которое называется «Pratum Palliorum». Tyrius.

хотя былъ еще въ раннемъ юношескомъ возрастѣ и едва начиналъ обрастать бородою; однакожъ не устрашился бремени правленія и не сдѣлалъ ничего недостойнаго своей власти. Исаакъ въ то время былъ въ Византіи: посему тогда весьма многіе боялись, что онъ не удержится отъ возстанія; ибо былъ и безъ того по природѣ вздорливъ и, по большей части, расположенъ къ раздраженію, а теперь даже имѣлъ поводъ къ этому. Но Мануилъ мало о томъ заботился: онъ, по кончинѣ отца, провелъ на мѣстѣ цѣлыхъ тридцать дней и не прежде оттуда двинулся, какъ совершивъ по родителѣ все должное (кромѣ всего другаго, онъ приказалъ тамъ, гдѣ отецъ его испустилъ духъ, соорудить монастырь) и обезопасивъ общественныя дѣла Киликіи. Между тѣмъ Антіохійцы, начинавшіе и прежде еще, при жизни царя Іоанна, ускользать изъ рукъ его, теперь прислали пословъ къ царю Мануилу и просили возвратить имъ землю, которая, по словамъ ихъ, принадлежитъ Антіохіи, тогда какъ ею насильно, вовсе не по праву, завладѣли Римляне. Они говорили такъ; а царь, въ оправданіе себя, отвѣчалъ имъ слѣдующее: «всякій, думаю, знаетъ, мужи посланники, что Антіохійцамъ не случалось отъ насъ терпѣть никакого зла. Если же справедливость требуетъ, чтобы отнятое что-либо у другаго было отнято у того, кто отнялъ; то почему вы съ перваго раза не возвратили Римлянамъ Антіохіи, но отнимали ее у отца моего вооруженною рукою и насильно? Развѣ не намъ принадлежала она, когда въ первый разъ взяли ее Персы?

Во всякомъ случаѣ чью собственность составляетъ то, чего вы теперь просите у насъ? Собственность ли города Антіохіи? Но и самая Антіохія находилась подъ нашею властію. Если не стыдно было вамъ нарушить данную клятву; то для чего въ презрѣніи вашихъ правъ обвиняете насъ, когда мы скорѣе имѣли бы право подвергнуть наказанію васъ? Но для этого еще будетъ благопріятное время; а теперь повелѣваю вамъ отречься отъ вашихъ притязаній. То, что перешло въ мои руки отъ отца, я долженъ увеличивать, а не уменьшать». Такъ отвѣчалъ онъ посламъ; потомъ, вмѣстѣ съ приближеннѣйшими къ себѣ лицами, подставивъ плечо подъ гробъ умершаго, торжественно перенесъ его на суда, стоявшія на рѣкѣ Пирамѣ, которая протекаетъ чрезъ Мопсуестію и вливается въ море. Когда же дромоны были уже на морѣ,—онъ снялъ лагерь и, не пославъ предварительно вѣстника, пошелъ съ своимъ войскомъ чрезъ землю Персовъ. Пораженные этимъ, Персы изумлялись необыкновенной его смѣлости и не дерзали вредить Римлянамъ, такъ что по чужой землѣ шли они, будто по своей; а чрезъ это Мануилъ скоро вступилъ въ предѣлы римской имперіи. Между тѣмъ прахъ царя на триремахъ былъ привезенъ къ Византіи и вынесенъ на берегъ. Здѣсь римскій сенатъ принялъ его съ великолѣпною церемоніею и перенесъ въ святый монастырь, созданный, какъ я сказалъ, царицею Ириною во имя Вседержителя. Находясь еще на возвратномъ пути, Мануилъ ничего не слышалъ о Се-

вастократорѣ (¹) и о томъ, что люди, которымъ прежде ввѣрены были государственныя дѣла, узнавъ о намѣреніи его—затѣять тираннію, обманомъ подошли къ нему и заключили его подъ стражу въ храмѣ Вседержителя. Однакожъ онъ думалъ, какъ бы Севастократоръ, питая ненависть къ окружавшимъ царя лицамъ, особенно же къ тѣмъ, которые завѣдывали важнѣйшими частями правленія, не сдѣлалъ чего непріятнаго домамъ ихъ въ Византіи, и потому, желая отвлечь брата отъ такого покушенія, призналъ нужнымъ послать указъ въ Византію, которымъ отдавалъ подъ судъ этихъ самыхъ людей, и наказывалъ ихъ лишеніемъ состоянія и имущества. Такимъ образомъ предположивъ, говорилъ онъ, что эти люди злоумышляли противъ царя, Севастократоръ тѣмъ усерднѣе сохранитъ ихъ домы, въ надеждѣ чрезъ то снискать себѣ ихъ благорасположеніе.

2. Но что однажды опредѣлено Промысломъ, того никакъ нельзя разстроить и разрушить человѣческими соображеніями. Царь только думалъ еще объ этомъ и сообщалъ мысли свои приближеннымъ, а оба Исаака были уже въ оковахъ: одинъ, какъ я сказалъ, находился подъ карауломъ въ храмѣ, а другой, дядя его по отцѣ, содержался въ понтійской Ираклеѣ. Тамъ жилъ онъ не безъ чести, и въ первый разъ сосланъ былъ туда находившимся еще въ живыхъ братомъ и царемъ Іоанномъ— за то, что, стремясь къ царствованію,

(¹) То есть, объ Исаакѣ, братѣ Мануила, который еще отъ Іоанна украшенъ былъ достоинствомъ Севастократора.

не переставалъ строить ему козни за кознями; а теперь подвергался тому же несчастію, по мысли дѣйствовавшихъ въ Византіи правителей, которымъ извѣстны были его стремленія къ осуществленію прежняго намѣренія. Но Промыслъ, какъ я сказалъ, заранѣе угладилъ царю путь для легкаго возшествія на престолъ. Царь, не смотря на то, что слышалъ о замыслахъ Севастократоровъ, по прибытіи въ Византію, тотчасъ позвалъ къ себѣ брата, обнялъ его и принялъ братски; вызвалъ также изъ ссылки и дядю и, забывъ о причинѣ, по которой отецъ наказалъ его изгнаніемъ, даровалъ ему прощеніе; потомъ, одаривъ деньгами войско, распустилъ его по домамъ, и на каждый домъ въ Византіи выдалъ по двѣ златницы. Сверхъ того, такъ какъ въ Константинополѣ не было тогда пастыря, онъ возвелъ на престолъ Михаила (¹), который былъ настоятелемъ монастыря, находившагося на островѣ, прозванномъ, по его положенію, Оксісю (²),—и если не отличался высокимъ образованіемъ и познаніями въ наукахъ, то изъ современниковъ не было никого, столько сіявшаго добродѣтелями, кому бы уступалъ онъ въ чистотѣ нравовъ и въ разумѣніи свя-

---

(¹) Патріархъ Михаилъ, по прозванію Куркуасъ, возведенъ на престолъ по смерти Льва Стиппіота, въ восьмой мѣсяцъ втораго года царствованія Мануила Комнина. При немъ въ 1148 году былъ въ Константинополѣ Соборъ противъ ереси Богомиловъ. (Catalog. Patriarchar. C. P. in jure Graeco-Rom. Balsamon in Nomocan. Phot.)

(²) Оксійскій монастырь, впослѣдствіи названный Авксентьевымъ, находился на горѣ того же имени близъ Халкидона (Menaea Basil, Porphyr. 15 kal. Mart.).

щеннаго Писанія. Руками этого-то святителя Мануилъ увѣнчанъ былъ въ церкви діадимою и, положивъ на священной трапезѣ центенарій (¹) золота, вышелъ изъ храма, превозносимый всѣми за щедрость и великодушіе. Послѣ того и клиру назначилъ онъ отъ двора два центенарія годоваго жалованья. Но это была монета втораго достоинства (²).

3. Таково было начало его царствованія. Вскорѣ за тѣмъ, въ намѣреніи отплатить правителю Антіохіи Раймунду за вину его предъ отцемъ своимъ Іоанномъ, которому смерть помѣшала подвергнуть его должному наказанію, онъ послалъ противъ него, какъ сухопутное войско, такъ и флотилію. Первое было подъ управленіемъ Андроника и Іоанна, происходившихъ отъ Контостефановъ, и Просуха, отлично знавшаго военное дѣло; послѣднимъ командовалъ Димитрій, по прозвищу, Врана. Просухъ и оба Констостефаны, пришедши къ предѣламъ Киликіи, вскорѣ освободили крѣпости, отнятыя у Римлянъ Антіохійцами, и, сразившись съ Раймундомъ, обратили его въ

(¹) О центенаріѣ золота упоминаютъ: Θеофанъ p. 99. 147. 148. 335 etc. Прокопій lib. 1. de bello Persico и Historia arcana. Никита Man. lib. 2, n. 7; lib. 5, n. ult. etc. Исидоръ подъ центенаріемъ разумѣетъ сто фунтовъ.—То же свидѣтельствуютъ glossae Basil: κεντηνάριον λύτραι ρ' κέντον γαρ Ρωμαίοι τὰ ρ'φατι.

(²) Золотая монета въ Византіи была разныхъ пробъ: золото высшей пробы называлось первымъ, а низшей—вторымъ. О томъ и другомъ золотѣ упоминаетъ писатель сказанія объ иконѣ Спасителя, названной Ἀντιφωνήτης: ὁ μεν γαρ κασσίτερος ἐυρέθη μεταβληθεὶς εἰς ἀργύριον πρώτιστον, τὸ καλούμενον πεντασφράγιστον· ὁ δε μόλυβδος εἰς ἔλαττον μεν, δόκιμον δε, ὅμως δε ἀκτὸς μεταπεποίηται εἰς δεύτερον ἀργύριον.

бѣгство и побили многихъ изъ его войска. А какъ это было, сейчасъ скажу. Овладѣвши упомянутыми крѣпостями и не встрѣтивъ при этомъ никакого сопротивленія, Римляне дошли до самаго города Антіохіи и обобрали у туземцовъ все встрѣчное, будто у Мизіянъ (¹). Между тѣмъ Раймундъ, пока смотрѣлъ на приближеніе ихъ къ городу, безтрепетно сидѣлъ въ его стѣнахъ; а какъ скоро замѣтилъ, что, собравъ добычу, они начали удаляться (ибо противъ нихъ никто не выходилъ), задумалъ напасть на ихъ тылъ, и для того скрытно слѣдовалъ за ними. Поэтому Римляне, пришедши на одно мѣсто, сочли нужнымъ поставить тамъ лагерь и окопаться. Въ то же время и Раймундъ поставилъ свое войско лагеремъ и выслалъ небольшой отрядъ для наблюденія за непріятелями. Но этотъ походъ его не укрылся отъ Римлянъ. Нѣкоторые изъ нихъ, отошедши недалеко отъ ограды лагеря для собиранія сѣна, неожиданно встрѣтились съ нимъ и поспѣшили возвѣстить о томъ своимъ военачальникамъ. А военачальники, такъ какъ тогда была ночь, поставили около лагеря стражу и успокоились; на слѣдующее же утро, поднявшись до восхода солнца, построились и двинулись назадъ—съ намѣреніемъ напасть на Раймундово войско еще въ палаткахъ. Однакожъ и Раймундъ не былъ безпеченъ: поутру отдавъ своимъ нужныя приказанія

(¹) Въ Греческомъ текстѣ λείαν Μυσῶν,—пословица, прилагаемая къ тѣмъ, кого немилосердо грабятъ. См. Diogen. Zenob. и у другихъ собирателей пословицъ.

и оставивъ ихъ на мѣстѣ, онъ опять отправился для наблюденій, но нечаянно наткнувшись на Римлянъ, и самъ обратился въ бѣгство, и прочему своему войску послалъ приказаніе поспѣшно отступать. Тѣмъ не менѣе однакожъ Римляне, преслѣдуя его по пятамъ, перебили многихъ изъ его войска и гнались за ними до самыхъ воротъ Антіохіи. При этомъ Раймундъ и самъ едва ушелъ отъ непріятелей, и только ночью ускользнулъ въ городъ. Поразивъ такимъ образомъ Раймунда, войско Просуха снова вступило въ Киликію. Между тѣмъ Димитрій съ своею флотиліею опустошилъ прибрежья и мѣста приморскія, забралъ въ плѣнъ толпы туземцевъ и сжегъ множество принадлежавшихъ тамошнимъ жителямъ судовъ, стоявшихъ у морскаго берега. Въ числѣ плѣнныхъ у Римлянъ находился даже и сборщикъ государственныхъ податей. Услышавъ объ этомъ и возпылавъ великимъ гнѣвомъ, Раймундъ хотѣлъ было напасть на непріятельскую флотилію, но узнавъ, что римскіе корабли уже удалились отъ береговъ, возвратился домой безъ успѣха. Римляне же, задерживаемые вѣтрами, плавали близъ той области въ продолженіе десяти дней и, имѣя недостатокъ въ прѣсной водѣ, опять неожиданно пристали къ берегамъ, обратили въ бѣгство враговъ, опустошили двѣ приморскія крѣпости и, обильно снабдивъ свои корабли виномъ и рѣчною водою, при благопріятномъ вѣтрѣ отошли къ Кипру. Эти событія заставили Раймунда отправиться въ Византію. Но когда онъ прибылъ туда, царь не прежде принялъ его, какъ по возвращеніи его

съ гробницы отца, гдѣ онъ долженъ былъ признать свою вину и дать клятву, что на будущее время сохранитъ вѣрность.

4. Въ это время царь вступилъ въ бракъ съ Ириною, съ которою былъ обрученъ еще до возшествія на престолъ. Ирина происходила изъ королевскаго рода и благонравіемъ, душевными добдестями не уступала ни одной изъ сверстницъ. О ней разсказывали слѣдующее: какъ скоро прибыла она въ Византію,—встрѣтили ее и другія особы изъ высшихъ фамилій, и супруга царя Алексѣя (¹). Послѣдняя одѣта была въ платье изъ кисеи, прошитой золотомъ и пурпуромъ, но отливъ пурпура на кисеѣ дѣлалъ его темнымъ, похожимъ на платье пилигримки. Посему Ирина спросила присутствующихъ: «кто такая эта пышно одѣтая монахиня»? Слышавшіе такой вопросъ почли его худымъ предзнаменованіемъ, что вскорѣ и оправдалось. По вступленіи въ бракъ, царь отправился въ Азію и осматривалъ предѣлы Виѳиніи, чтобы оградить ихъ отъ вторженія Персовъ; ибо такъ какъ въ прежнія времена пограничныя укрѣпленія, останавливавшія набѣги варваровъ, по нерадѣнію, оставались въ пренебреженіи, и тѣ мѣста сдѣлались Персамъ легко доступными, то впослѣдствіи щедро отпускаемыми отъ царя суммами были сооружаемы тамъ многіе города. Та-

---

(¹) Разумѣется супруга Алексѣя, старшаго сына Іоаннова, который вскорѣ послѣ описываемаго событія умеръ въ Атталіи. Киннамъ называетъ его царемъ—потому, что ему уже завѣщано было царство самимъ Іоанномъ (См. выше I. 1, с. 10).

кой-то городокъ царь задумалъ построить и теперь въ такъ называемыхъ Мелангіяхъ (¹). Когда шла эта работа, донесено было ему, что старшая изъ дочерей царя Іоанна, бывшая въ замужествѣ за Кесаремъ Рожеромъ (²), впала въ болѣзнь и находится въ опасности. Посему, оставшись на нѣсколько времени въ той странѣ, чтобы окончить начатое дѣло, онъ отправился въ Византію. Но та жена, великая духомъ, обнаруживавшая доблести больше мужескія, между тѣмъ уже скончалась. Коснувшись ея моимъ словомъ, я припоминаю себѣ здѣсь одинъ достойный удивленія поступокъ ея. Говорятъ, что Кесарь Рожеръ, когда по смерти царя Іоанна городъ Константина еще не имѣлъ новаго самодержца, тоже засматривался на царскій престолъ и привлекъ къ себѣ—какъ много другихъ мятежниковъ, такъ и одного Италіянца, своего соотечественника съ четырьмя стами преданныхъ ему товарищей. Этотъ Италіянецъ (³) принадлежалъ къ знаменитой и славной

(¹) См. примѣч. ad Annae Chron. p. 441.

(²) Здѣсь говорится о Маріи Комниной, единоутробной сестрѣ Алексѣя, которая умерла вскорѣ по смерти своего отца.

(³) Основываясь на сказаніяхъ Александра, аббата целесинскаго (l. 1. 2. 3), Фалькапда (p. 647) и Вильгельма Тирскаго (Lib. 18, c. 7. 8) можно гадать объ имени и лицѣ Италіянца, о которомъ говоритъ здѣсь Киннамъ. Капуею въ то время управлялъ Робертъ III. Но правитель Сициліи, Рожеръ, отнялъ у него Капую и лишилъ его зрѣнія. У Роберта III остался сынъ, тоже Робертъ, который, вѣроятно, избѣгая участи отца, умершаго въ темничномъ заточеніи, оставилъ Италію и искалъ покровительства у Іоанна. По крайней мѣрѣ Баронiй подъ 1166 годомъ свидѣтельствуетъ, что этотъ Робертъ дѣйствительно удалился въ Византію и жилъ при дворѣ Мануила.

фамиліи и управлялъ Капуею, многолюднѣйшимъ и весьма богатымъ италіянскимъ городомъ. Причиною же проживанія его въ Византіи было слѣдующее: тогдашній властелинъ Сициліи, Рожеръ, о которомъ мы будемъ обстоятельно говорить послѣ, при обозрѣніи италіянскихъ войнъ, посягалъ на обладаніе Капуею и сильно тѣснилъ этого человѣка войною; такъ что послѣдній, отчаявшись въ сохраненіи своего города, удалился въ Византію. И такъ, намѣреніе Кесаря было таково. Но супруга его, видя, что многократныя убѣжденія ея недѣйствительны, что онъ, оставаясь непреклоннымъ, сильно домогается царствованія и, что ни случилось бы, не хочетъ отстать отъ своей цѣли, пригласила къ себѣ государственныхъ сановниковъ и, обьявивъ имъ о намѣреніи Рожера, сказала: «или мнѣ предайте этого человѣка, или всячески позаботьтесь сохранить царство моему брату». Выслушавъ это, сановники подъ разными предлогами подошедши къ Кесарю, вывезли его въ одно изъ ближнихъ предмѣстій Византіи, будто-бы для какой-то нужды, и когда онъ прибылъ на мѣсто, оставили его тамъ, а сами возвратились въ городъ.

5. Такова была Марія. Какъ скоро возвѣстили царю о ея болѣзни, онъ прибылъ въ Византію, а потомъ чрезъ нѣсколько времени, находясь въ риндакской долинѣ, (¹), гдѣ царь Іоаннъ сно-

---

(¹) Названіе этой долины произошло отъ протекавшей по ней рѣкѣ Риндаку, впадающей въ Мраморное море, въ Кизикѣ. Hoffm. L. v. Lopadium.

ва построилъ крѣпость, называемую попросту Лопадіономъ (¹), собралъ тамъ войско и намѣревался вступить въ Персію; потому что Персы, нарушивъ заключенный съ Римлянами договоръ, опустошили и взяли исаврійскій городъ Пракану, и причинили Римлянамъ много другаго вреда. И такъ, прекрасно приготовившись къ войнѣ, онъ поспѣшно двинулся оттуда и пошелъ впередъ, имѣя въ виду нечаянно напасть на неприготовленнаго непріятеля, чтобы истребить цвѣтъ его населенія, да и не совсѣмъ не достигъ своей цѣли, хотя въ этомъ сраженіи самъ и не поднималъ рукъ. Быстро перевалившись чрезъ мизійскую гору Олимпъ и дошедши до Пионки, онъ построилъ тамъ сильную крѣпость, и потомъ ночью передвинулся чрезъ тамошнія скалистыя, высокія и чрезвычайно лѣсистыя горы. Но здѣсь выходящія изъ кустарниковъ испаренія такъ отяготили его голову, что онъ вдругъ упалъ и, не могши подняться съ мѣста, до самой почти полуночи пролежалъ безъ чувствъ; съ полуночи же немного оправившись и на слѣдующій день получивъ облегченіе, самъ остался въ покоѣ и, отдѣливъ достаточную часть войска, отправилъ ее въ дѣло съ военачальниками, которые, не въ далекомъ разстояніи встрѣтившись съ непріятельскими силами, разбили ихъ въ сраженіи и, собравъ множество добычи, возвратились оттуда съ трофеями. Таковы были дѣ-

---

(¹) Лопадіонъ или Лопадіумъ—городъ при рѣкѣ Риндакѣ въ Виѳиніи, въ древности называвшійся Аполлоніею и отстоявшій на одинъ день пути отъ горы Олимпа. Hoffm. L. v. Lopadium.

ла царя. Между тѣмъ Персы, приготовившись къ войнѣ, вступили съ многочисленнымъ войскомъ въ землю Оракисіянъ и, не встрѣчая нигдѣ непріятеля (потому что Ѳеодоръ, по прозванію Контостефанъ, посланный для этого царемъ, собравъ войско, еще не успѣлъ придти туда), проникли для фуражировки до самой, недалеко находившейся отъ моря, крѣпости Келвіана (¹), и, забравъ множество добычи, уходили назадъ. Услышавъ объ этомъ, царь не могъ уже удержаться, но со всѣмъ войскомъ поспѣшно двинулся въ Иконію, погрозивъ напередъ султану грамотою, которая была слѣдующаго содержанія. «Мы хотимъ дать тебѣ знать, что нашъ противъ тебя походъ возбужденъ твоими поступками. Ты взялъ непринадлежащую тебѣ Прокану, и сверхъ того недавно сдѣлалъ набѣгъ на римскую землю. Ты не перестаешь также безпокоить войною римскаго союзника Ягуппасана и другихъ тамошнихъ племенныхъ правителей. Какъ человѣкъ умный, ты долженъ былъ помыслить, что Римляне не будутъ смотрѣть на это равнодушно и что за это придется тебѣ принять отъ Бога многоразличное наказаніе. И такъ, либо удержись отъ своихъ несправедливостей, либо тотчасъ же будь готовъ противустать Римлянамъ». Такъ говорилось въ грамотѣ. Прочитавъ ее, султанъ отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ: «получили мы твою грамоту, великій государь, и приготовились, какъ ты

(¹) Это укрѣпленное мѣсто находилось въ Лидіи, или въ малой Азіи. Такъ опредѣляетъ его положеніе Пахимеръ (Lib. 9, c. 8).

приказалъ. Теперь твое дѣло поспѣшать прибытіемъ, не занимая насъ здѣсь длинными увѣдомленіями. Прочее зависитъ отъ Бога и нашей заботливости. Мѣстомъ нашей встрѣчи да будетъ Филомеліонъ (¹), гдѣ въ настоящее время пришлось намъ расположиться лагеремъ». Написавъ царю это гордое письмо, султанъ самъ съ большею частію персидскаго войска остался въ Филомеліонѣ, гдѣ и прежде стоялъ лагеремъ, а нѣкоторую его часть отдѣлилъ и послалъ навстрѣчу наступавшимъ Римлянамъ. Это войско вскорѣ при городѣ Акрунѣ, около того мѣста, которое извѣстно подъ именемъ холма Калогреи, вступило съ царемъ въ битву, но, потерпѣвъ совершенное пораженіе, побѣжало къ султану. Въ сей битвѣ жертвою римскаго меча сдѣлались и многіе другіе, и знаменитый у Персовъ мужъ Херисъ. Упавшій духомъ отъ пораженія, султанъ, безъ всякаго приготовленія и не оставаясь на мѣстѣ даже для укладки всего нужнаго, самъ обратился въ бѣгство и ушелъ оттуда. Узнавъ объ этомъ и вознамѣрившись пристыдить султана за то и другое, то есть, и за прежнюю дерзость, и за послѣдующую непомѣрную трусость, царь писалъ ему такъ: «надлежало тебѣ хорошо знать, храбрый мужъ, что сколь ни постыдна трусость, но она бываетъ еще болѣе постыдна, когда предваряется дерзостію, не могущею настойчиво вести

(¹) Филомеліонъ или Филомеліумъ — городъ великой Фригіи (Str. l. 13), пограничный съ сѣверною Галатіею и истокомъ рѣки Меандра, въ 4 тыс. шагахъ отъ Апамеи. Hoffmann. Lex.

войну. Такъ какъ ты и теперь, по всегдашнему твоему обычаю, забываешь о прежней своей надменности и, ни во что вмѣнивъ то, что писано тобою къ нашему величеству, бѣжишь, не знать куда; то мы напоминаемъ тебѣ это. Если ты не хотѣлъ ожидать нашего прибытія въ Филомеліонъ, куда самъ приглашалъ насъ своимъ увѣдомленіемъ; то, конечно, остается заключить, что то мужество и великодушіе переродилось у тебя въ крайнюю трусость и робость». Таково было содержаніе грамоты. Пришедши въ Филомеліонъ, царь взялъ его силою и сжегъ весь, а содержавшихся тамъ подъ стражею съ давняго времени нѣкоторыхъ Римлянъ освободилъ отъ узъ и даровалъ несчастнымъ свободу; потому что Персы, сперва понадѣявшись на свою силу и полагая, что царь пойдетъ другою дорогою, не позаботились о переведеніи ихъ въ иное мѣсто, а когда напалъ на нихъ страхъ, тогда они не только не думали о чужихъ, но не дорожили и своими. Между тѣмъ грамота была доставлена султану,—и стыдъ ли на него подѣйствовалъ, или какая другая пробудилась въ немъ мысль, только онъ воротился и, поспѣшно пришедши въ одно мѣстечко, называемое поперсидски Андрахма, сталъ тамъ лагеремъ. Услышавъ объ этомъ, царь тотчасъ выстроилъ свое войско и, перешедши городъ Адріанополь (¹) (ибо это имя перешло и въ Ликаонію),

(¹) Объ Адріанополѣ азійскомъ географы не упоминаютъ; но ничто не препятствуетъ полагать, что въ Ликаоніи дѣйствительно было какое нибудь мѣстечко, основанное Адріаномъ и получившее его имя, которое однакожъ скоро было забыто и замѣнено другимъ.

сдѣлалъ привалъ въ мѣстечкѣ, называемомъ Гаитою. Потомъ на слѣдующій день,—такъ какъ палатки обоихъ войскъ стояли уже не въ дальнемъ разстояніи, вооружившись, подошелъ еще ближе и, сошедшись съ Персами, вступилъ въ битву. Персы, не выдержавъ и перваго натиска со стороны Римлянъ, начали отступать; Римляне же, слѣдуя за ихъ тыломъ, однихъ убивали, другихъ брали въ плѣнъ. Султанъ не прежде пересталъ бѣжать, какъ въ страхѣ вступивъ въ Иконію и запершись въ ея стѣнахъ. Поставивъ же себя такимъ образомъ въ положеніе безопасное, онъ придумалъ слѣдующій планъ: оставаться внутри города не доставало у него смѣлости; потому что, если Римляне осадятъ городъ, выхода ему уже не будетъ: притомъ, не предузнавая исхода войны и, какую судьбу она готовитъ ему, невыгоднымъ почиталъ онъ держаться въ тѣсныхъ предѣлахъ. Поэтому одной части своего войска приказалъ онъ охранять Иконію, а другую раздѣлилъ на два отряда, и первый изъ нихъ поставилъ въ тылу города, съ противоположной его стороны, а другой подъ личнымъ своимъ начальствомъ расположилъ съ правой его стороны, пользуясь особенно высотою горы, тянущейся между Иконіею и крѣпостію Каваллою.

6. Такъ расположено было войско персидское. Царь же, стоя подъ Каваллою, по какому-то непонятному побужденію, сильно желалъ идти на султана, только не могъ тотчасъ догадаться, гдѣ онъ находился, и для того на короткое время пріостановилъ свое движеніе. Потомъ воин-

ская опытность помогла ему узнать (ибо въ подобныхъ случаяхъ онъ былъ сообразительнѣе всѣхъ), что султанова фаланга стоитъ на правой сторонѣ города,—и онъ тотчасъ, взявъ знаменоносца за ремень, направилъ его въ ту сторону. Смотря на этотъ поступокъ, римское войско недоумѣвало и чрезвычайно дивилось, какъ царь столь непредусмотрительно рѣшается на опасность, направляясь противъ такой непреоборимой силы. А оно робѣло отъ того, что непріятельское войско нигдѣ не показывалось, и потому думало, что находившіеся съ султаномъ воины составляютъ только передовой отрядъ его арміи, самая же армія вѣроятно скрывается за гребнемъ горы. Видя ихъ изумленіе, онъ слегка улыбнулся и сказалъ: «мужи-Римляне! хитрость варваровъ не должна возмущать вашего духа. Изъ того, что при предстоящемъ намъ непріятельскомъ отрядѣ не видно знаменъ, не заключайте, будто они находятся гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ со всѣмъ войскомъ. Я думаю, что у Персовъ нѣтъ иной части силъ и что свои знамена держатъ они скрытно между кустарниками, чтобы пугать насъ представленіемъ своей многочисленности. Итакъ, не представляйте съ боязнію, будто варвары многочисленны, а лучше презирайте ихъ слабость; потому что истина не имѣетъ нужды въ прикрасѣ. Я иду сразиться съ наличными непріятелями, а вы должны слѣдовать за мною съ прочими войсками, чтобы не обмануться намъ уловками враговъ». Сказавъ это, самодержецъ пошелъ на враговъ и самъ, занявъ мѣсто на лѣвомъ флангѣ по-

зиціи, центръ своей арміи противопоставилъ тому непріятельскому войску, которое состояло изъ большаго числа отличнѣйшихъ непріятельскихъ полковъ. Тогда Персы, потерявшіе смѣлость еще въ прежнихъ сраженіяхъ, видя блескъ римскихъ мечей, начали оставлять строй и отступали безъ всякаго порядка, спѣша одинъ предъ другимъ уйти оттуда. Говорятъ, что въ числѣ этихъ бѣглецовъ находился и султанъ. Увлекаясь преслѣдованіемъ ихъ, Римляне потеряли много времени. Такъ было въ этомъ мѣстѣ. Другое же римское войско, шедшее, какъ сказано, въ тылу царя, нечаянно наткнувшись на засады, сперва поколебалось, потомъ обезпокоиваемое и съ тыла тѣми непріятелями, которые составляли гарнизонъ Иконіи (ибо замѣтивъ, что преслѣдованіе увлекло самодержца далеко отъ Иконіи, они также воодушевились и сдѣлали вылазку), и съ фронта врагами, расположенными, какъ сказано, за городомъ, начало уже приходить въ замѣшательство. Услышавъ объ этомъ, царь съ наивозможною скоростію послалъ часть бывшихъ при немъ войскъ, подъ начальствомъ Пиррогеоргія, человѣка весьма энергическаго, который впослѣдствіи почтенъ былъ достоинствомъ Примикирія (¹) двора, и Ху-

(¹) Примикирій, или, по латинскому произношенію, Примицерій, есть имя достоинства. Имъ выражалось то, что лице, украшенное этимъ достоинствомъ, занимало *первое* мѣсто на *восковой* таблицѣ чиновъ, относившихся къ извѣстному роду службы. Слѣдовательно, Примикирій есть не иное что, какъ officii princeps. А такъ какъ роды службы всегда были различны; то Примикиріи являлись во всѣхъ рангахъ, не только гражданскихъ, но и духовныхъ. Hoffm, L. V. Primiceriatus и Primicerium.

руна, принадлежавшаго къ числу царскихъ министровъ и чиновниковъ отъ порфиры (¹). Но и ихъ помощь не могла возстановить утомленное уже войско и удержать его отъ замѣшательства. Тогда царь, какъ человѣкъ въ нуждѣ находчивый и метко угадывавшій, что надобно дѣлать, увидѣлъ, что въ настоящемъ случаѣ надобно употребить скорѣе смѣтливость, чѣмъ силу. Посему, призвавъ къ себѣ тотчасъ одного изъ воиновъ, по прозванію Вембиціота, по происхожденію Адріанопольца, приказалъ ему снять съ головы шлемъ и, поднявъ его къ верху рукою, бѣгать вездѣ и въ слухъ всего войска обьявлять о взятіи въ плѣнъ султана. Когда это было сдѣлано, римское войско вдругъ воодушевилось и, сильно ударивъ на непріятелей, отразило ихъ. Такъ-то иногда одно мудрое распоряженіе бываетъ сильнѣе многочисленныхъ рукъ и мужество одного человѣка выходитъ крѣпче многихъ щитовъ. Но въ то время ночь прервала сраженіе, и царь ночевалъ на полѣ битвы. Поутру онъ пошелъ оттуда къ Иконіи и сталъ тамъ лагеремъ. Обошедши же этотъ городъ, увидѣлъ онъ, что приступъ къ нему былъ труденъ; при томъ ежедневно увеличивался слухъ, что западные народы, оставивъ отеческіе обычаи, угрожали своими толпами рим-

---

(¹) Чиновникъ отъ порфиры (πρὸς τῆς ἀλουργίδος ὑπηρέτας τελῶν)— лице, исправлявшее почетную придворную должность, т. е. завѣдывавшее облаченіемъ царя во время торжественныхъ его выходовъ. Титулъ a veste regia впослѣдствіи принимаемъ былъ отрѣшенно и значился въ дипломахъ, какъ имя достоинства или сана. Carol. du Fresne n. ad h. l.

скимъ предѣламъ. Посему онъ долженъ былъ отказаться отъ осады, полагая, что для этого требовалось и должайшее время и большія приготовленія, чѣмъ какія были сдѣланы. Итакъ, опустошивъ и уничтоживъ все, попадавшееся подъ ноги, онъ отступилъ оттуда. Говорятъ, что Римляне въ то время много издѣвались надъ предгородними могилами Персовъ и выкопали множество труповъ; но царь и въ эти дни сильнаго раздраженія воиновъ, не переставая быть великодушнымъ, повелѣлъ отнюдь не оскорблять праха султановой родительницы и говорилъ, что кто имѣетъ хоть немного здраваго смысла, тотъ уважитъ угнетаемое несчастіемъ благородство. Не мало участія выразилъ онъ также и въ письмѣ, которое написалъ и послалъ къ супругѣ султана. Письмо было слѣдующаго содержанія: «хотимъ довести до твоего свѣденія, что рабъ царскаго нашего величества, султанъ, живъ и на этотъ разъ избѣжалъ отъ рукъ войны». Прочитавъ это, она приготовила и хотѣла подарить царю около двухъ тысячь овецъ, весьма много быковъ и значительное количество изъ съѣстныхъ припасовъ; но, когда римское войско стало, какъ сказано, истреблять огнемъ предмѣстія города, — этотъ подарокъ не достигъ своей цѣли. Такъ шло дѣло. Начиная же отступать, царь опять писалъ султану, и содержаніе его письма было таково: «много и часто отыскивали мы тебя, но до сихъ поръ не нашли. Ты всегда бѣжишь и ускользаешь отъ насъ, какъ тѣнь. Итакъ, чтобы не сражаться съ тѣнью, мы теперь возвращаемся на-

задъ; весною однакожъ придемъ къ тебѣ съ большими средствами. Позаботься же, чтобы тогда не предаваться уже недостойному тебя бѣгству и не скрываться отъ насъ».

7. Таково было содержаніе сихъ писемъ. Между тѣмъ многочисленныя силы Персовъ, обитавшихъ выше Иконіи подъ управленіемъ Танисмана, пришли на помощь къ султану и соединились съ нимъ. Возгордившись этимъ войскомъ, султанъ не хотѣлъ теперь, какъ прежде, бѣжать, но построивъ свою армію, задумалъ самъ напасть на Римлянъ, остановившихся въ одномъ мѣстѣ, которое на нарѣчіи варваровъ называлось Чиврили-чимани. Это мѣсто было недоступно больше, чѣмъ всякое другое, и не легко проходимо не только для военнаго строя, но и для небольшаго числа путешественниковъ. Здѣсь одинъ отрядъ Римлянъ трудился уже надъ проведеніемъ ограды стана; а царь, подстрекаемый юношескимъ жаромъ, желалъ не задолго предъ тѣмъ совершившееся вступленіе свое въ бракъ, по обычаю (1), ознаменовать какимъ-нибудь подвигомъ въ сраженіи; ибо Латинянину, недавно введшему въ домъ

(1) Обычай послѣ брака совершать какой-нибудь подвигъ мужества или отваги въ продолженіе среднихъ вѣковъ господствовалъ во всей западной Европѣ, и преимущественно между аристократами Бургундіи и Германіи. Поэтому-то, вѣроятно, Киннамъ и упоминаетъ здѣсь о Латинянинѣ. Поприщемъ такихъ подвиговъ нерѣдко бывала арена, на которой охотники боролись со звѣрями; а иногда для выказанія мужества придумываемъ былъ поводъ къ международной войнѣ, и производились набѣги на предѣлы сосѣдняго государства. Car. du Fresne not. ad h. l.

жену, не показать своего мужества почиталось не малымъ стыдомъ. Итакъ, онъ устроилъ въ двухъ ущельяхъ отдѣльныя засады: въ одной изъ нихъ находились люди, близкіе ему по крови и много иныхъ родственниковъ вмѣстѣ съ мужьями его сестеръ; а въ другой залегли два военныхъ отряда, которыми управлялъ Николай (¹), по прозванію Ангелъ, человѣкъ съ сильною рукою и непоколебимымъ мужествомъ. Всѣмъ имъ царь приказалъ оставаться въ покоѣ, пока не увидятъ его помчавшимся на непріятелей; а самъ только съ братомъ Исаакомъ и Доместикомъ восточныхъ школъ Іоанномъ (²), которые едва упросили его взять ихъ съ собою, выѣхалъ въ поле и, увидѣвъ тамъ нѣсколькихъ Римлянъ, разсѣянно собиравшихъ фуражъ, скрылъ свое вооруженіе, чтобы по немъ не быть узнаннымъ отъ Персовъ, и ожидалъ, когда они, по всей вѣроятности, нападутъ на фуражировъ. Но такъ какъ Персы ни откуда не показывались; то царь, подозвавъ къ себѣ одного воина, родомъ тоже Перса, по имени Пупаку (³), впрочемъ человѣка храбраго и отважнаго, приказалъ ему ѣхать впередъ и внимательно высмотрѣть, не наступаютъ ли они откуда-нибудь. Пупака поѣхалъ и вскорѣ возвратился съ извѣ-

---

(¹) Можетъ быть, братъ Константина Ангела, о которомъ см. ниже.

(²) Здѣсь разумѣется, конечно, тотъ самый Іоаннъ Аксухъ, о которомъ упоминаетъ Никита въ запискахъ о Іоаннѣ (п. 11. 12) и Мануилѣ (L. 1. п. 1 и пр.).

(³) Пупака былъ племянникъ иконійскаго вельможи Солимана. См. ниже.

стіемъ, что видѣлъ Персовъ, но не болѣе осьми человѣкъ. Послѣ того царь, оставивъ прочихъ, какъ сказано, въ засадахъ, самъ съ братомъ и Доместикомъ быстро поскакалъ вслѣдъ за путеводителемъ Пупакою. Родственники же царя, находя себя пренебреженными, были такъ раздосадованы этимъ, что каждый изъ нихъ и всѣ вмѣстѣ поклялись страшными клятвами не ходить болѣе съ царемъ въ сраженія, хотя бы даже сталъ онъ приказывать. Между тѣмъ царь еще не успѣлъ встрѣтиться съ видѣнными Пупакою Персами, какъ ихъ собралось уже человѣкъ до осмнадцати. Не смотря на то, онъ все сгаралъ нетерпѣніемъ сразиться съ ними. Но такъ какъ, по дальности разстоянія, ему нельзя было вдругъ напасть на нихъ; то, боясь, чтобы они, всегда легкіе на бѣгу, не ушли, онъ придумалъ слѣдующее:—приказалъ Пупакѣ, бывшему ближе всѣхъ къ Персамъ, чтобы онъ, какъ скоро замѣтитъ ихъ наступленіе, обратился въ бѣгство и скакалъ изо всей силы, пока не доскачетъ до царя. Пупака такъ и сдѣлалъ. Когда варвары начали преслѣдовать его, онъ пустился бѣжать, впрочемъ не слишкомъ ускорялъ бѣгъ, но всегда какъ будто подавалъ Персамъ надежду схватить себя, и такимъ образомъ влекъ ихъ за собою до самаго царя. Однакожъ и чрезъ это царь не достигъ своей цѣли. Персы, лишь только увидѣли его, сперва въ одинъ мигъ ускакали, а потомъ, соединившись съ другими пятидесятью, которые шли позади, сдѣлались, при мысли о своей многочисленности смѣлѣе, и уже думали, какъ бы противустать

наступающему царю. Въ эту минуту окружавшіе царя очень не одобряли его намѣренія, говоря, что и безъ того уже они далеко оставили за собою войско; но онъ, не теряя нисколько времени, пустился на непріятелей во весь галопъ. До нѣкоторой поры рядомъ съ нимъ скакалъ и Севастократоръ, но наконецъ, задерживаемый усталостію коня, не могъ уже далѣе за нимъ слѣдовать, а потому, поколебавшись духомъ и отчаявшись въ спасеніи, усердно умолялъ брата позаботиться о его женѣ и дѣтяхъ. Но царь сдѣлалъ ему выговоръ и, обвиняя его въ малодушіи, сказалъ: «такъ ты полагаешь, любезнѣйшій братъ, что, пока я живъ, дозволю врагамъ наложить на тебя руки? Нѣтъ, не думай этого и не произноси столь недостойныхъ меня словъ». Когда же тотъ прибавилъ: «подожди только меня, — и я послѣдую за тобою противъ варваровъ», царь отвѣчалъ: «послѣ схватки я, дастъ Богъ, скоро приду къ тебѣ. Теперь же у меня иное на умѣ: мною овладѣло сильное желаніе показать свое мужество». Сказавъ это брату, онъ полетѣлъ на враговъ. Такъ было здѣсь съ царемъ. Между тѣмъ помѣщенные, какъ сказано, въ засадахъ, немедленно послали отъ себя одного изъ чиновныхъ лицъ, по прозванію Котерца, освѣдомиться, въ какомъ положеніи его дѣло; а царь этого посланнаго тотчасъ отправилъ къ пославшимъ съ приказаніемъ, чтобы они съ наивозможною скоростію сами шли къ нему. Потомъ онъ сдѣлалъ перевалъ чрезъ ближайшій холмъ и встрѣтился съ цѣлымъ персидскимъ отрядомъ, состоявшимъ изъ пятисотъ

человѣкъ, позади котораго невдалекѣ со всѣмъ войскомъ шелъ султанъ. Какъ скоро увидѣлъ онъ этихъ непріятелей, тотчасъ бросился на нихъ съ копьемъ на перевѣсъ и многихъ повергъ на землю, а прочіе будто онѣмѣли и стояли какъ вкопанные. Между тѣмъ какъ это происходило, появились вблизи и силы Римлянъ, которые прежде, какъ сказано, скрывались въ засадахъ, а теперь шли къ царю, по упомянутому его требованію. Замѣтивъ это, Персы отдѣлили одинъ отрядъ своего войска и велѣли ему зайти въ тылъ царю, чтобы не допустить къ нему наступающихъ Римлянъ; ибо думали, что теперь-то попалъ онъ въ ихъ сѣти. Такъ дѣйствовали Персы; а царь, опершись на воткнутое въ землю копье, отдавалъ приказъ Пупакѣ, который тогда находился при немъ, чтобы онъ строго наблюдалъ, какъ бы Персамъ въ самомъ дѣлѣ не удалось отрѣзать Римлянъ отъ ближняго холма и такимъ образомъ поставить его въ совершенно безвыходное положеніе. Но Пупака, совѣтуя противное тому, чего хотѣлось царю, говорилъ: «полно слишкомъ отважничать, Государь, полно! Не видишь ли, какой бѣдѣ можемъ мы подвергнуться? Подумай наконецъ о собственномъ спасеніи». Высказавъ это и еще больше этого, онъ не могъ однакожъ убѣдить царя и пошелъ исполнять его приказаніе. А царь между тѣмъ, такъ какъ бѣжать ему было нельзя, не обезчестивъ себя, вопреки внушеніямъ Пупаки, снова наскакалъ на враговъ и, убивъ одного изъ нихъ, а на прочихъ наведши страхъ, воспользовался этою минутою и

поднялся на одинъ пригорокъ, куда въ тоже время подоспѣли къ нему нѣсколько Римлянъ и впереди всѣхъ Іоаннъ, котораго, какъ братняго сына, впослѣдствіи почтилъ онъ достоинствомъ Протосеваста. Спасенный такимъ образомъ, онъ прекратилъ свои нападенія,—тѣмъ болѣе, что и конь его былъ весь въ пѣнѣ и совершенно задыхался. Что же касается до Доместика Іоанна, то во все время, пока царь схватывался съ непріятелями, онъ оставался назади и, боясь, какъ бы, при наступленіи враговъ съ разныхъ сторонъ въ большемъ и большемъ числѣ, не остаться ему безъ всякой помощи и не попасть въ ихъ руки, для личной своей безопасности придумалъ неблаговидный предлогъ; говорилъ, то есть, что мѣсто, гдѣ онъ стоялъ, было самое выгодное, и что поэтому войска, шедшія на помощь къ царю, должны всего лучше собираться здѣсь. Удержавъ такимъ образомъ при себѣ немалое число воиновъ, спѣшившихъ, какъ сказано, изъ лагеря къ царю, онъ подъ охраненіемъ ихъ и самъ прибылъ къ нему. Тутъ Іоаннъ и многіе другіе Римляне стали укорять царя и свои укоризны простирали почти до дерзости. Мнѣ же, всякій разъ, когда подумаю о томъ, приходится удивляться, какъ это случилось, что царь въ тотъ день среди столькихъ опасностей не былъ ни раненъ, ни убитъ. По тому ли казался онъ для этихъ варваровъ неприступнымъ, что еще прежде, въ частыхъ и геройскихъ подвигахъ, являлъ имъ опыты своего мужества, или просто хранилъ его Промыслъ Ему одному довѣдомыми способами,—утверждать на-

вѣрное не рѣшаюсь; скажу только съ своей стороны, что подобныхъ поступковъ не одобряю. Такъ, не могу я хвалить и отчаянной смѣлости Александра (¹), когда успѣхи его разсматриваю независимо отъ случайностей и порывовъ юношескаго возраста. Юность есть что-то неодолимое, а какъ скоро къ ней присоединяется сила и крѣпость,—она бываетъ еще неодолимѣе. Но объ этомъ пусть всякій думаетъ и говоритъ, какъ ему угодно. Итакъ, когда окружающіе осыпали царя укоризнами, онъ сказалъ: «теперь не въ этомъ дѣло; въ настоящую минуту надобно подумать о томъ, какъ бы нынѣшній день не былъ днемъ гибели для большаго числа Римлянъ: вѣдь ихъ много идетъ, и всѣ они у насъ назади». Сказавъ это, онъ счелъ нужнымъ, чтобы одни изъ его воиновъ сѣли въ засаду въ ближайшемъ ущельѣ съ цѣлію помочь идущимъ назади Римлянамъ, а другіе тихимъ шагомъ отправились въ лагерь. Такъ это и сдѣлано. Тогда самъ царь съ небольшимъ числомъ находившихся при немъ людей поѣхалъ впередъ; а Николай, о которомъ я уже упомянулъ, оставался позади—въ засадѣ съ двумя фалангами, ввѣренными ему еще при началѣ движенія на Персовъ. Но не слишкомъ далеко отъѣхалъ царь, какъ вдругъ, проѣзжая мимо одного ущелья, видитъ наступающихъ на него Персовъ и тотчасъ дѣлаетъ слѣдующее распоряженіе: самъ

(¹) Здѣсь указывается на похвалы отвагѣ Александра, высказанныя Курціемъ: «fatendnm est, cum plurimum virtuti debuerit, plus debuisse fortunae, quam solus omnium mortalium in potestate habuit».

съ небольшимъ числомъ людей становится по одну сторону ущелья, а другимъ приказываетъ перейти чрезъ ущелье и устремиться прямо на непріятеля. Едва только эти послѣдніе сошлись съ варварами, какъ о начинающемся дѣлѣ узнали и тѣ, которые сидѣли въ засадѣ, и узнавъ о томъ, поспѣшно прибѣжали на помощь. Тутъ Николай, о которомъ сейчасъ было упомянуто, ударилъ одного Перса копьемъ, но не могъ выбить его изъ сѣдла; потому что ударъ, по мѣстному положенію, случившійся изъ подъ горы, былъ не такъ силенъ. Потомъ, чтобы не долго озабочиваться отраженіемъ непріятелей, царь приказалъ окружавшимъ скакать изо всей силы къ ущелью, но не переходить чрезъ него,—и Персы, замѣтивъ это, тихо отступили. Въ то же время подоспѣли къ царю и предводимые Котерцою стрѣлки, которыхъ онъ, какъ сказано, посылалъ на помощь къ остававшимся назади Римлянамъ. Съ этими стрѣлками царь снова устремился на непріятелей; но они, сверхъ чаянія, поворотили коней и начали бѣжать. Тогда, смотря на бѣгство ихъ, онъ сказалъ окружавшимъ: «не теряйте бодрости,—къ намъ идутъ силы всего лагеря»; а такъ какъ нѣкоторые не вѣрили словамъ его, прибавилъ: «Персы столь нечаянно показали намъ тылъ вовсе не отъ того, будто гонитъ ихъ страхъ. До сихъ поръ мы все были слабѣе ихъ. Они бѣгутъ, конечно, потому, что имъ съ высотъ можно видѣть то, чего мы пока не видимъ». И предсказаніе царя точнѣйшимъ образомъ оправдалось самымъ дѣломъ; ибо стоявшіе въ лагерѣ Римляне, узнавъ,

что царь находится въ крайне затруднительномъ положеніи, быстро пошли къ нему на помощь. Разсказываютъ, что въ это время царскій дядя по отцу, Исаакъ Севастократоръ, находясь въ лагерѣ и узнавъ объ обстоятельствахъ самодержца, что, то есть, онъ находится въ крайней опасности, прибѣжалъ въ царскую палатку и, вошедши внутрь устроенной тамъ изъ занавѣсы походной церкви, ждалъ, чѣмъ дѣло кончится, потому что мысленно собирался царствовать. Это желаніе давно уже, какъ сказано, овладѣло имъ; съ нимъ оно росло, съ нимъ воспитывалось, и отъ него, какъ отцовское наслѣдіе, перешло къ его дѣтямъ. Но объ этомъ рѣчь будетъ впереди.

8. Царь—(возвращаюсь къ тому, на чемъ остановилось мое слово),—съ прибытіемъ стоявшаго въ лагерѣ войска, ободренный его многочисленностію, тотчасъ поскакалъ на непріятелей и, лично совершивъ подвиги мужества, въ стройномъ порядкѣ возвратился въ лагерь, а, вставъ поутру, отправился въ путь. Между тѣмъ Персы, гдѣ-то недалеко стоявшіе также лагеремъ, видя, что римское войско расположилось на не выгодной мѣстности, напали на него съ обѣихъ сторонъ и нанесли ему сильное пораженіе, такъ что у Римлянъ пало множество пѣхоты, и причина тому была слѣдующая. Въ римскомъ лагерѣ находился человѣкъ, съ отличными воинскими способностями, по прозванію Критоилъ, командовавшій въ то время пѣхотою. Отдѣлившись отъ арміи, онъ вздумалъ схватиться съ слѣдовавшими по пятамъ его Персами; но, одолѣваемый многочис-

ленностію непріятелей, принужденъ былъ предаться беззащитному бѣгству и, лишившись немалаго числа своихъ воиновъ, едва спасся и самъ. Узнавъ объ этомъ, самодержецъ ввѣрилъ свою фалангу брату и многимъ другимъ своимъ приближеннымъ, самъ же съ небольшимъ числомъ воиновъ спѣшилъ поддержать пострадавшую часть войскъ. Ставъ посреди, онъ призвалъ ихъ къ мужеству и повелъ противъ Персовъ. Но Персы, замѣтивъ это, устранились отъ боя съ Римлянами. Не смотря однакожъ на то, царя сильно заняла забота, какимъ бы образомъ возстановить бодрость римскаго войска; ибо упомянутое событіе съ пѣхотою начало мало по малу ослаблять въ немъ мужество. Въ самомъ дѣлѣ, ни что такъ не можетъ потрясти душу, какъ взглядъ на льющуюся вблизи кровь соотечественниковъ. Наконецъ онъ вынимаетъ изъ-за пазухи свитокъ, въ которомъ поимянно значились всѣ полки, и посылаетъ каждому изъ нихъ предписаніе, что должно дѣлать въ такихъ бѣдственныхъ случаяхъ; ибо въ это время значительная часть строевыхъ воиновъ, отказавшись ежедневно ходить въ сраженія съ непріятелями, оставила ряды и, не заботясь о многократныхъ повелѣніяхъ царя, перешла въ армейскій обозъ; такъ что, хотя многіе въ тотъ же день были за то тѣлесно наказаны,— другихъ это нисколько не удержало отъ подобнаго поступка. Извѣстно, что кто слишкомъ привязанъ къ жизни, тотъ всегда забываетъ о мужествѣ. Когда такимъ образомъ составлявшіе задній отрядъ постоянно уходили и соединялись съ

тѣми, которые шли впереди, — вся тяжесть битвы падала на царя и подавляла его. Не смотря на то, по своей воинской опытности, онъ успѣвалъ отражать непріятелей и оставался невредимымъ. Потомъ нѣкоторымъ казалось, что лучше остановиться тамъ гдѣ-то лагеремъ и не ходить далѣе: но царю это вовсе не нравилось; потому что теперь, пока въ войскѣ нѣтъ еще замѣшательствъ и мятежей, Римлянамъ выгоднѣе воевать, чѣмъ не много подождавши, или даже въ слѣдующемъ году, когда они будутъ, можетъ быть, поставлены въ крайнее затрудненіе. Онъ говорилъ, что въ настоящее время гораздо полезнѣе вести войну наступательную; потому-что, если удастся имъ прогнать непріятелей,—они изберутъ любое мѣсто для лагеря и остановятся не въ какой нибудь тѣснинѣ. Сказавъ это, хотя и видѣлъ онъ, что не всѣ принимаютъ его слова; однакожъ, оставивъ смотрѣть за лагеремъ Чинкандила и Синопита, также Критопла и многихъ другихъ военачальниковъ, самъ схватилъ царское знамя и, съ окружающими себя во всю прыть понесшись на враговъ, изумилъ ихъ настойчивостію своего нападенія и заставилъ обратиться въ бѣгство. Тутъ началось блистательное преслѣдованіе: гонясь за непріятелями по пятамъ, Римляне многихъ положили на мѣстѣ, а нѣкоторыхъ взяли въ плѣнъ, и въ томъ числѣ Фаркусу, знатнаго Перса, который во время стола подавалъ султану бокалъ своими руками. Римляне зовутъ его Пинкерною. Въ войскѣ варваровъ находился нѣкто, по имени Гаврасъ, произшедшій

отъ Римлянъ, но выросшій и воспитанный въ Персіи, и потомъ какими-то судьбами около того времени получившій сатрапію. Римляне въ этотъ день и его умертвили, и даже возвратились въ лагерь съ отрубленною у него головою. Но такъ какъ наступила уже глубокая ночь, царь оставилъ дальнѣйшее преслѣдованіе и, съ трофеями возвратившись въ лагерь, нашелъ Римлянъ въ смятеніи и среди величайшихъ безпорядковъ отъ того, что всѣ тяжести обоза находились еще на вьючныхъ животныхъ. Поэтому онъ быстро объѣхалъ весь лагерь и каждому полку указалъ приличное мѣсто. При всемъ томъ, многимъ воинамъ пришлось ночевать на коняхъ; ибо, по крайней тѣснотѣ мѣста, не было никакой возможности сойти съ нихъ. Такъ провели они ту ночь. А когда взглянуло на землю солнце,—царь пріѣхалъ въ средину войска и, по обычаю управляющихъ арміями полководцевъ, сказалъ слѣдующее: «храбрые воины! Я призываю васъ къ мужеству,— не потому, чтобы замѣчалъ въ васъ трусость или какое малодушіе. Римлянамъ ли упадать до такой низости и посрамлять славу отцевъ!... Нѣтъ, я только исполняю правило военачальника и хочу оградить васъ безопасностію на время будущее; ибо непредвидѣнно наступающее бѣдствіе можетъ возмутить и мужественную душу. Итакъ, знайте, товарищи, что намъ сего дня предстоитъ сраженіе поважнѣе прежнихъ; это будетъ заключительный и послѣдній бой. Поэтому надобно приготовиться хорошо,—какъ ради прежнихъ подвиговъ, такъ и для того, чтобы не унизить

доблести, уже доказанной нашими дѣлами, и быть виновниками величайшей пользы для насъ самихъ; ибо какъ прежняя неудача обыкновенно поправляется послѣдующею удачею, такъ и послѣдующая неудача уничтожаетъ прежнее успѣшное дѣло. Посему, чтобы и съ нами не случилось чего-нибудь такого, любезнѣйшіе, нужно каждому, сколько возможно болѣе, держаться строя, хорошо зная, что, когда правила тактики у насъ будутъ строго и ненарушимо соблюдаемы, и каждый станетъ помогать другому,—намъ останется только побѣждать, слава наша упрочится и непремѣнно перейдетъ въ потомство: а если, напротивъ, у насъ въ какой-либо степени произойдетъ взаимное раздѣленіе; то будьте увѣрены, что враги легко одолѣютъ насъ. Разломайте одну сторону стѣны въ осажденномъ городѣ, — и непріятели безъ труда вступятъ въ него: тоже должно сказать и о лагерѣ. Не безъ цѣли, конечно, еще древними выдуманы эти засады и полковыя построенія, передовыя и заднія фаланги, правый и лѣвый фланги, равномѣрность и однообразіе воинскихъ отрядовъ. Вѣдь лагерь—тотъ же городъ; а въ городѣ нужны и ворота, нужны и стѣны, нужны и рвы, и другія приличныя городамъ принадлежности. Такъ надобно и намъ запастись этимъ,—тѣмъ болѣе, что мы теперь среди земли вражеской и блуждаемъ далеко отъ римскихъ предѣловъ». Сказавъ все это, царь построилъ свое войско и повелъ его прямо къ озеру, которое въ древности называлось Склиромъ, а теперь извѣстно подъ именемъ Пунгусы. По-

этому пути вышедши на равнину и, вмѣсто прежней тѣснины, расположивъ свое войско на просторной мѣстности, онъ приказываетъ одному изъ воиновъ громкимъ и внятнымъ голосомъ позвать къ себѣ какого нибудь Перса. Воинъ исполнилъ это приказаніе,—и, когда Персъ явился, царь сказалъ ему: «вотъ что передай султану: великій государь объявляетъ тебѣ чрезъ меня: вотъ мы пришли къ самой Иконіи и обошли всю твою землю, сильно желая наказать тебя, особенно за всѣ твои проступки предъ нашимъ величествомъ. Но ты всегда уходишь, какъ бѣглецъ, перебѣгая то туда, то сюда, и не осмѣливаешься до сего дня стать противъ насъ лицемъ къ лицу. Теперь мы идемъ отсюда восвояси; но тебѣ надобно приготовиться—въ той увѣренности, что, съ наступленіемъ весны, мы снова нападемъ на тебя съ большими военными средствами». Давъ Персу это порученіе и подаривъ ему панцырь, какой носятъ военные сановники, чтобы видно было, что онъ посланъ царемъ, самодержецъ отпустилъ его. Выслушавъ такую рѣчь, султанъ не замедлилъ прислать пословъ съ просьбою о мирѣ. Царь взвѣшивалъ всю важность этого дѣла и не пренебрегалъ имъ, хотя, подъ разными предлогами, и уклонялся отъ мира, откладывая со дня на день дать посламъ рѣшительный отвѣтъ, пока, думаю, не получилъ достовѣрныхъ извѣстій о событіяхъ, которыя, какъ сказано, готовились на Западѣ.

9. Дошедши потомъ до одного мѣста, откуда беретъ свое начало Меандръ, и думая, что нахо-

дится уже за чертою непріятельскихъ дѣйствій, а мѣстность встрѣтивъ обильную водами и представляющую много пріятнаго для человѣческаго зрѣнія, царь захотѣлъ боевые труды усладить охотою. Занимаясь этимъ, услышалъ онъ вдалекѣ, около лѣса, какое-то движеніе; но, по великости разстоянія не могши различить этого явленія, послалъ нѣкоторыхъ изъ своей свиты для разузнанія,—и услышалъ, что тамъ раскинуто на одномъ пространствѣ много палатокъ, и что въ рощѣ шумъ происходитъ отъ лошадей, которые всѣмъ ртомъ срываютъ и жадно глотаютъ траву; а тѣ лошади принадлежатъ людямъ, сидящимъ въ палаткахъ. Тутъ царь тотчасъ понялъ, что это были Персы, и назвалъ ихъ племя, прибавивъ, что глава этого племени нѣкто Раманъ, и что они, по обычаю, нападали на сосѣднихъ Римлянъ, а теперь, послѣ грабежа, обремененные добычею, возвращаются восвояси. Посему, отдѣливъ отъ своихъ довольное количество воиновъ, онъ немедленно отправилъ ихъ въ погоню, а самъ, поднявшись на одно возвышенное мѣсто, остановился тамъ съ небольшимъ числомъ людей для наблюденія. Между тѣмъ Персы, совсѣмъ приготовившись въ путь, поѣхали. Но какъ скоро увидѣли они, что Римляне начинаютъ ихъ догонять и несутся на нихъ врасыпную, — тотчасъ, поворотившись къ нимъ лицемъ, останавливались, а когда первые приступали къ нападенію,— послѣдніе снова показывали тылъ. Это повторилось уже такъ много разъ, что Римляне наконецъ утомились и, оставляя преслѣдованіе, дума-

ли идти назадъ. Замѣтивъ то, царь, стоявшій, какъ я сказалъ, на возвышенномъ мѣстѣ и наблюдавшій, тотчасъ, даже безъ латъ понесся къ нимъ со всею быстротою. Персы же, видя, что Римляне отъ погони, какъ сказано, большею частію ослабѣли и притомъ были разрознены, а прочихъ предполагая немного, начали уже окружать ихъ и, конечно, нанесли бы имъ крайнее пораженіе, если бы царь неожиданнымъ своимъ появленіемъ не избавилъ ихъ отъ опасности. Но безостановочно преслѣдуя бѣжавшихъ Персовъ, онъ много потратилъ времени; поэтому, замѣтивъ усталость своего коня, остановился и ждалъ, пока не приведутъ ему другаго, на бѣгу лучшаго, котораго, намекая на быстроту его бѣга, называли Агримомъ (дикаремъ), а Римлянамъ, слѣдовавшимъ за нимъ поодиначкѣ и врассыпную, приказалъ гнаться еще быстрѣе и не ослабѣвать въ ревности. Но нѣкоторые изъ нихъ, послѣ долговременной погони, видя, что она безуспѣшна и что мѣсто, куда они забѣжали, пусто и неудобопроходимо, поворотили назадъ. Между тѣмъ царь встрѣтился съ племянникомъ своимъ Андроникомъ, о которомъ много было говорено выше, и который шелъ теперь на враговъ. Встрѣтившись съ нимъ, онъ насильно взялъ у него лошадь и, вскочивъ на нее, приказалъ, чтобы Андроникъ оставался на мѣстѣ въ ожиданіи упомянутаго Агрима и чтобы, какъ скоро приведутъ его, онъ взялъ этого коня и ѣхалъ на немъ въ битву, а самъ понесся на непріятелей. Между тѣмъ персидское войско раздѣлилось на двѣ половины: одна, передняя

часть состояла изъ конницы, которая, впрочемъ, не сидѣла на сѣдлѣ, а шла за лошадьми толпою, другая двигалась позади и готова была встрѣтить напоръ Римлянъ. Но такъ какъ никто изъ Римлянъ нигдѣ не показывался; то Персы, ободрившись, смѣшались между собою и вздумали свободно шедшую, какъ сказано, конницу свою сбить съ прочими въ одну толпу. Въ эту минуту вдругъ видятъ они, что скачетъ на нихъ царь—одинъ изъ всѣхъ Римлянъ безъ латъ,—и толпою высыпаютъ противъ него, натягивая луки и ободряя другъ друга. Но царь принялъ осанку героя выше всякаго мужества и, понимая, что враги не могутъ окружить его,—потому что мѣсто битвы съ обѣихъ сторонъ закрывалось густою растительностію, которая препятствовала имъ сдѣлать это,—схватился съ ними и весьма многихъ изъ нихъ поразилъ мечемъ, а прочихъ заставилъ обратиться въ бѣгство. Одинъ изъ этихъ варваровъ, не смѣя прямо противустать царю, упалъ навзничь и словно приросъ къ землѣ; но лишь только замѣтилъ, что царь проскакалъ далѣе, пустилъ въ него стрѣлу сзади и попалъ въ ногу—тамъ гдѣ, ниже ладышки, къ пяткѣ возвышается природная выпуклость. Онъ собирался пустить и другую; но царь, предваривъ это намѣреніе, схватилъ его за волосы и потащилъ живаго въ лагерь. На пути встрѣтился онъ съ Андроникомъ, который, когда привели ему царскаго коня, сѣлъ на него и поскакалъ на Персовъ. Такъ какъ и онъ не былъ вооруженъ, то царь долго уговаривалъ его не ѣхать далѣе; но не могши

убѣдить (потому что и этотъ обладалъ безпредѣльною отвагою и дышалъ битвами, отлично дѣйствуя копьемъ и щитомъ, хотя то и другое у него тогда было не свое, а взято имъ у кого-то изъ знатныхъ лицъ), отпустилъ, а самъ продолжалъ обратный путь и соединился съ прочимъ римскимъ войскомъ. Здѣсь стали его распрашивать, что случилось съ нимъ въ битвѣ, когда онъ одинъ пошелъ на варваровъ,—хотѣли знать о пораженіи непріятелей, которыхъ, какъ сказано, удалось ему положить на мѣстѣ: но царь, устраняя подозрѣніе въ низкомъ самохвальствѣ, ничего не отвѣчалъ; ибо дѣло, происходившее за глазами, бывъ выслушиваемо людьми не съ добрымъ расположеніемъ, легко перетолковывается ими. Вмѣсто того, онъ тотчасъ приказалъ лечить себѣ рану, чтобы не произошло воспаленія и вслѣдъ за тѣмъ не приключилось чего-нибудь худаго. При этомъ открылось нѣчто достойное замѣчанія. Такъ какъ здѣсь не было ничего, чѣмъ бы лечить рану царя; то одинъ изъ воиновъ вытащилъ было ножъ и думалъ уже отхватить часть собственнаго своего тѣла, съ цѣлію — приложить ее еще теплую къ ранѣ и такимъ образомъ предотвратить воспаленіе. Но царь, изъявивъ тому человѣку свое благорасположеніе, запретилъ ему дѣлать это, а приказалъ отрѣзать кусокъ мяса у одной, утомленной бѣгомъ лошади и въ туже минуту приложить его къ ранѣ. Отсюда за тѣмъ продолжалъ онъ длинный путь, — и въ полночь прибылъ въ лагерь, расположенный при истокѣ Меандра, гдѣ изъ подгорныхъ камней, будто изъ безчисленнаго

множества разверстыхъ жерлъ, бьетъ вода чрезвычайно обильными ключами и, затопляя окрестную мѣстность, сперва образуетъ озеро, а потомъ, на дальнѣйшемъ пути, прорѣзываетъ глубокое русло и становится рѣкою. Между тѣмъ Андроникъ, поскакавъ, какъ выше сказано, впередъ, ничего не сдѣлалъ, кромѣ того, что пригналъ въ станъ множество коней, принадлежавшихъ тѣмъ самымъ непріятелямъ, которые убиты были царемъ. Такъ это происходило. Послѣ сего царь направился къ Византіи и, прибывъ въ Виѳинію, поселилъ тамъ освобожденныхъ, какъ выше сказано, въ Филомеліонѣ Римлянъ, для которыхъ землю вымѣнялъ у одного изъ монастырей, и въ томъ же мѣстѣ построилъ крѣпость, которую назвалъ Пилэ (воротами).

10. Въ это самое время свергнутъ съ престола Косма, тогдашній правитель церковныхъ дѣлъ, мужъ украшавшійся жизнію и словомъ. Причина тому слѣдующая: Былъ одинъ человѣкъ, принявшій монашество, по имени Нифонтъ: энциклическаго образованія онъ не имѣлъ и за свѣтскія науки вовсе не брался, но съ дѣтства постоянно занимался священнымъ Писаніемъ. Этотъ Нифонтъ, еще въ то время, когда престолъ Церкви принадлежалъ Михаилу, мужу святому и исполненному добродѣтелей, былъ обвиненъ соборнымъ судомъ (¹) за то, что предъ многими обнаруживалъ

(¹) По сказанію Льва Алляція (L. 2 de eccl. Occid. et Orien. perp. cons. c. 12 p. 678), соборныя опредѣленія патріарха Михаила о Нифонтѣ, обвиненномъ въ ереси Богомиловъ, состоялись въ Октябрѣ 1144 и Февралѣ 1145 года. См. также Nova Bibliotheca Labbei p. 190.

*

нездравыя понятія о христіанской вѣрѣ, лишенъ бороды, которая простиралась у него до пятъ, и заключенъ въ тюрьму. Когда же тотъ Михаилъ скончался и вмѣсто его украшеніемъ престола сдѣлался Косма,—Нифонтъ вдругъ получилъ свободы больше прежняго: всегда окружаемъ былъ народомъ въ собраніяхъ и на площадяхъ и ничего иного не дѣлалъ, какъ разсѣвалъ свое ученіе и отвергалъ еврейскаго Бога (¹), ища въ этомъ личной пользы. И Косма чрезвычайно любилъ его, дѣлилъ съ нимъ бесѣды, произнесенный противъ него прежній соборный приговоръ называлъ несправедливымъ (хотя еще въ то время, за склоненіе на сторону сего человѣка, жестоко укоренъ былъ Соборомъ), чуть не обоготворялъ его добродѣтели, и къ тому еще присовокуплялъ, будто Нифонтъ уже задолго прежде предвозвѣстилъ ему восшествіе на патріаршій престолъ. Это многимъ не нравилось. Посему нѣкоторые изъ числа тѣхъ, которымъ жаль было Космы, воспользовавшись случаемъ, пришли къ нему и говорили: «что это значитъ, святѣйшій Пастырь, что ты ввѣрился волку? Развѣ не знаешь, что за то нехорошо посматриваетъ на тебя паства? Расторгни гибельную связь съ нимъ. Общеніе съ человѣкомъ отверженнымъ и само по себѣ есть уже достаточное обвиненіе». Это и подобное этому го-

---

(¹) Нифонту приписаны были неправыя мысли о Вѣрѣ особенно потому, что онъ, въ присутствіи всего Собора, произнесъ анаѳему Богу Евреевъ. Synod. A. 1144. Кто здѣсь разумѣется подъ именемъ еврейскаго Бога,—см. состязаніе Арнобія младшаго съ Серапіономъ L. 1. init.

ворили они. Напротивъ тѣ, которые ненавидѣли архіерея, гласно кричали и требовали на него суда Божія и государева. Но этихъ Косма ставилъ ни во что, а къ Нифонту привязался крѣпко и не хотѣлъ оставить его, еслибъ даже и случилось что-нибудь. И вотъ онъ, забывая себя, по излишней простотѣ сердца, терпитъ немаловажныя бѣдствія. Однажды, по приказанію царя—снова посадить Нифонта въ темницу, явились люди, долженствовавшіе взять и отвесть его. Патріархъ сперва смутился было немного и молчалъ, но потомъ, собравшись съ духомъ, пошелъ пѣшкомъ къ церковному двору, въ намѣреніи отнять Нифонта у людей, его ведшихъ; а такъ какъ они не отдавали, рѣшился самъ идти съ нимъ въ темницу. Отсюда произошло въ церкви волненіе,—и причиною того былъ Косма. Эти смуты кончились не прежде, какъ съ прибытіемъ царя въ Византію; ибо въ то время онъ еще занятъ былъ военными дѣлами. Тогда-то именно Косма лишенъ былъ престола (¹),—а какимъ образомъ, сейчасъ скажу. Призывая къ себѣ каждаго изъ архіереевъ порознь, царь спрашивалъ его, какъ онъ думаетъ о благочестіи Нифонта. Когда такимъ образомъ каждый искренно показалъ, что ему пред-

---

(¹) Мануилъ, по возвращеніи въ столицу, узнавъ, что Косма покровительствуетъ мнѣніямъ Нифонта, обвиняемаго въ ереси Богомиловъ, созвалъ Соборъ въ влахернскомъ дворцѣ, торжественно осудилъ и низложилъ патріарха 26 февраля 1147 года. Рукописныя постановленія этого Собора приводитъ Алляцій. Впрочемъ Никита (L. 2, c. 3) говоритъ о другой причинѣ низложенія Космы. Этотъ патріархъ управлялъ константинопольскою Церковію десять мѣсяцевъ.

ставлялось, вопросъ дошелъ наконецъ и до Космы. Но Косма по обычаю тотчасъ произнесъ Нифонту длинное похвальное слово,—открыто называлъ его мужемъ благочестивымъ и неподражаемо добродѣтельнымъ. Тогда дѣло уже предоставлено было суду, и царь не спрашивалъ болѣе архіереевъ по одиначкѣ, но предложилъ вопросъ всѣмъ вообще, какихъ они мыслей о Нифонтѣ,— и архіереи ясно назвали его нечестивцемъ. Таково было ихъ мнѣніе! Послѣ того царь обратилъ свое слово къ Космѣ: «а ты, Владыко, какъ думаешь объ этомъ человѣкѣ»? Когда же патріархъ, по своей простотѣ, сталъ смѣло настаивать на прежнемъ мнѣніи,—все собраніе закричало, что онъ не достоинъ болѣе занимать престолъ. Вотъ почему свергнутъ этотъ человѣкъ, богатый всѣми добрыми качествами, кромѣ того только, что онъ былъ излишне простъ.

11. Спустя немного послѣ того, царь снова предпринялъ походъ противъ Персовъ и, дошедши до рѣки Риндака, сталъ готовиться къ осадѣ Иконіи и опустошенію всѣхъ ея окрестностей. Но не успѣлъ онъ еще двинуть войско съ того мѣста, какъ приходятъ къ нему султанскіе послы съ просьбою о мирѣ. Начальникомъ этого посольства былъ человѣкъ, имѣвшій у Персовъ великую силу, по имени Солима, испытанный въ весьма многихъ войнахъ и давно уже испытавшій силу руки государевой, — еще тогда, когда, схватившись съ Римлянами, какъ я разсказывалъ, у калогрейскаго холма, былъ разбитъ на голову. Предложеніе посольства состояло въ слѣдующемъ:

Персы отдавали Римлянамъ городъ Пракану и все, что недавно отняли у нихъ;—въ этомъ состояли условія мира между Персами и Римлянами. На такихъ условіяхъ царь отмѣнилъ войну и возвратился въ Византію.

12. Съ того времени началось движеніе съ Запада. Теперь двинулись и Кельты (¹), и Германцы, и народъ Галльскій, и всѣ другіе народы, подвластные древнему Риму, Бритты и Британцы (²),—просто весь Западъ. Предлогомъ движенія этихъ народовъ изъ Европы въ Азію было сразиться съ Персами, какіе встрѣтятся на пути, взять въ Палестинѣ храмъ и посѣтить святыя мѣста; на самомъ же дѣлѣ у нихъ была мысль разорить до основанія римскую землю и попрать все, что попадется подъ ноги. Войско ихъ было числомъ превосходнѣе римскаго. Узнавъ, что они находились уже недалеко отъ границы Гунновъ, царь отправилъ къ нимъ пословъ—нѣкоего Димитрія Макримволита и Александра (³), родомъ Ита-

---

(¹) Киннамъ подъ Кельтами разумѣетъ Германцевъ, а подъ Германцами—Галловъ, какъ это видно изъ самаго его разсказа. О сирскомъ походѣ императора Конрада подробно говоритъ Фризингенскій епископъ Оттонъ, который самъ участвовалъ въ немъ. См. L. 1. de gestis Freder. c. 39. 43—45 et 58.

(²) Бриттовъ и Британцевъ Киннамъ приводитъ какъ два различныя племена. Эта ошибка могла произойти отъ различія наименованій одного и того же великобританскаго народа, встрѣчавшихся Киннаму въ историческихъ памятникахъ и на монетахъ того времени.

(³) Александръ графъ Равенны, лишенный графства сицилійскимъ королемъ Рожеромъ за произведенное имъ возмущеніе, сперва ушелъ въ Далмацію, а потомъ въ Константинополь къ царю Мануилу. О немъ подробнѣе говоритъ Никита (in Man. L. 2. c. 6).

ліянца, который прежде былъ графомъ италіянскаго города Равенны, а потомъ, изгнанный изъ своей области вмѣстѣ съ другими сицилійскимъ тиранномъ, добровольно перешелъ къ царю. Этимъ мужамъ приказано было вывѣдать ихъ намѣреніе и, если они идутъ не съ злымъ умысломъ въ отношеніи къ Римлянамъ, пусть подтвердятъ то клятвою. Пришедши къ предводителямъ сихъ варваровъ, послы говорили имъ слѣдующее: «Вести войну, безъ объявленія оной, и притомъ съ народомъ, не сдѣлавшимъ никакой обиды, и нечестиво, и непристойно людямъ, особенно такимъ, которые отличаются знатностію рода и избыткомъ силы. Положимъ, они побѣдятъ; но это не къ чести имъ,—не мужеству ихъ будетъ приписана побѣда. Если же будутъ побѣждены, то не за добродѣтель подвергнутся опасности. То и другое не похвально. Вамъ не иначе можно будетъ попирать землю Римлянъ, какъ послѣ даннаго царю увѣренія, что вы не будете совершать никакихъ обидъ. Если нѣтъ у васъ намѣренія дать ложную клятву, то отъ чего не ведете войны открыто? Напасть на Римлянъ и врасплохъ вамъ будетъ вѣдь трудно; а когда внесете къ нимъ войну вѣроломно, — еще труднѣе; потому что тогда должны будете воевать противъ Бога и римскаго оружія. Напротивъ, если дружба ваша искренняя и не скрывается въ васъ никакихъ коварныхъ умысловъ,—утвердите дѣло клятвою, и вамъ можно будетъ по землѣ великаго царя идти, какъ по дружественной; васъ встрѣтитъ приличный пріемъ и всякое радушіе». Вотъ что ска-

зали послы. А тѣ, сошедшись вмѣстѣ въ палаткѣ алеманскаго короля (¹) Конрада, какъ получившаго жребій старшинства надъ западными народами, отвѣчали, что они идутъ отнюдь не на зло Римлянамъ и что, если понадобится, утвердятъ свои слова даже клятвой, и сильно увѣряли, что совершенно готовы сдѣлать это. Намѣреніе наше, утверждали они, простирается на Палестину и грабителей Азіи Персовъ. Такъ говорили западные Римлянамъ и свои слова привели въ дѣло— всѣ, и короли, и другія знатныя особы, то есть, князья и графы. А эти власти въ войскѣ имѣли каждая частное свое значеніе и составляли какъ бы нѣкоторые отдѣлы (²), нисходя постепенно отъ величія царскаго лица, стоявшаго выше всѣхъ другихъ; такъ что князь превосходилъ графа, король—князя, а царь—короля. И по роду низшій всегда подчинялся высшему, помогалъ ему на войнѣ и въ такихъ случаяхъ повиновался. Посему Латиняне царя обыкновенно называютъ императоромъ, указывая этимъ на превосходство его предъ прочими, а короли у нихъ занимаютъ вто-

---

(¹) Киннамъ называетъ Конрада не царемъ—*βασιλέα*, а королемъ—*ρήγα*, конечно, потому, что примѣняется буквально къ тому имени, которымъ называли его сами Латиняне. Киннаму надобно приписывать не умышленное униженіе власти императора сравнительно съ византійскимъ царемъ, какъ объясняютъ это западные писатели, а незнаніе дипломатическаго значенія, въ какомъ принимались у Латинянъ слова imperator и rex.

(²) Киннамъ здѣсь хочетъ сказать объ обычаѣ древнихъ Латинянъ, по которому въ военныхъ походахъ каждый вассалъ долженъ былъ выставить особо отдѣльный отрядъ войска и вести его за своимъ владѣльцемъ.

рое мѣсто. Такъ дѣлятся они по степенямъ. Исполнивъ дѣло, для котораго приходили къ варварамъ, послы возвратились въ Византію, а короли продолжали свой путь. Впрочемъ войска ихъ не смѣшивались между собою, но впереди шелъ алеманскій король, а далеко позади — германскій (¹). Не знаю, почему они такъ дѣлали (²),—потому ли, что каждый хвастливо почиталъ и одного себя достаточнымъ для выдержанія войны, или потому, что при совокупномъ движеніи предвидѣли недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ. Впрочемъ войскъ у нихъ было безчисленное множество— больше, чѣмъ сколько песку въ морѣ. Столькими миріадами не хвалился и Ксерксъ, когда своими кораблями соединилъ берега Геллеспонта. Какъ скоро подошли они къ Дунаю, царь отправилъ все нужное для ихъ переправы и приказалъ большому числу писцовъ, ставъ на томъ и другомъ берегу рѣки, записывать грузъ всѣхъ кораблей. Но писцы, досчитавшись до девяноста миріадъ (³) (9,000,000), далѣе считать не могли.

(¹) То есть шло войско Франковъ подъ предводительствомъ короля Людовика VII.

(²) Willh. Tyrius (L. 16. c. 19) отвѣчаетъ на это такъ: ne populis inter se dissidentibus contentiones orirentur, et ut commodius vitae necessaria suis procurarent legionibus, equisque et jumentis ad onera deputatis pabula non deessent.

(³) Вильгельмъ Тирскій говоритъ: ut constanter asserunt, qui in ea expeditione fuerunt, in solo domini imperatoris comitatu ad septuaginta millia fuerunt loriccatorum, exceptis peditibus, puryulis et mulieribus et equitibus levis armaturae; in exercitu vero regis Francorum, virorum fortium loricis utentium numerus ad 70 millia, excepta classe secunda, aestimabantur. А Оттонъ Фризингенскій о Конрадѣ говоритъ

15. Столь великое было ихъ множество. Какъ скоро приблизились они къ городу Нансу,—митрополіи Дакіи, Михаилъ, по прозванію Врана, которому царь ввѣрилъ управленіе тою страною, исполняя приказаніе верховной власти, озаботился уже предупрежденіемъ ихъ нуждъ. Такой же пріемъ сдѣланъ былъ имъ и въ Сардикѣ, гдѣ два человѣка изъ высшаго сословія пришли къ нимъ, приняли ихъ, какъ слѣдовало, и снабдили всѣмъ нужнымъ. Одинъ изъ нихъ былъ Севастъ, изъ дома Палеологовъ, человѣкъ весьма умный и во многихъ дѣлахъ опытный, который царемъ Іоанномъ, не знаю по какому неудовольствію, сперва былъ сосланъ, а Мануиломъ возвращенъ, и отъ души былъ преданъ какъ ему, такъ и пользамъ Римлянъ. Это первый. Другой же, въ званіи хартуларія, служилъ обоимъ государямъ, и у Іоанна пользовался такою милостію, что когда старшій его сынъ Алексѣй скончался, — онъ ему одному завѣщалъ, по своей смерти, объявить царемъ Мануила и передать ему царство. Такъ эти-то теперь для извѣстной цѣли пришли въ Сардику. Между тѣмъ варвары, пока боролись съ трудностями пути (ибо, начиная отъ рѣки Дуная до Сардики, мѣстность покрыта многими высокими и едва проходимыми горами), шли спокойно и ничего не дѣлали непріятнаго Римлянамъ; а всту-

---

слѣдующее: tantum autem post se multitudinem traxit, ut et flumina ad navigandum, camporumque latitudo ad ambulandum vix sufficere videretur.... numerum si noscere quaeras, millia milleni militis agmen erat. Gotefridus Viterbiensis, part. 17.

пивъ на равнины, которыми смѣнились неудобопроходимые пути дакійской области, стали наконецъ обнаруживать духъ вражды: товары на рынкахъ, предлагаемые имъ, какъ продажные, брали насильственно, а кто хотѣлъ противиться хищенію, того рубили мечемъ. На всѣ такія событія король Конрадъ вовсе не смотрѣлъ и жалобамъ либо рѣшительно не внималъ, либо и внималъ, но все приписывалъ невѣжеству толпы. Услышавъ о томъ, царь съ возможною скоростію выслалъ войско подъ предводительствомъ Просуха, человѣка въ воинскомъ дѣлѣ опытнѣйшаго. Этотъ полководецъ встрѣтилъ ихъ въ окрестностяхъ Адріанополя и, слѣдуя за ними въ нѣкоторомъ разстояніи, удерживалъ толпу отъ безпорядковъ. Но когда увидѣлъ онъ, что дерзость ихъ болѣе и болѣе увеличивается, явно уже поднялъ на нихъ вооруженныя руки. Причина тому была слѣдующая. Нѣкто изъ знатныхъ Алемановъ, ослабѣвъ тѣломъ, остановился въ одномъ адріанопольскомъ монастырѣ съ деньгами и всѣми пожитками. Свѣдавъ объ этомъ, нѣкоторые Римляне изъ пѣхотныхъ полковъ подложили подъ его жилище огонь и, такимъ образомъ погубивъ того человѣка, похитили его деньги. Какъ скоро это дошло до слуха Конрадова племянника, Фридриха, человѣка чрезвычайно самолюбиваго, въ порывахъ необузданнаго и высокомѣрнаго,— онъ поспѣшно возвратился въ Адріанополь, хотя шелъ впереди Конрада, на два дня пути, и, истребивъ огнемъ монастырь, въ которомъ прежде того погибъ Алеманъ, подалъ этимъ поводъ къ войнѣ

между ними и Римлянами. По этому случаю Просухъ напалъ на Фридриха, обратилъ его въ бѣгство и произвелъ страшное побоище въ рядахъ варваровъ. Это былъ тотъ самый Фридрихъ, который, послѣ Конрада, начальствовалъ надъ Алеманнами,—а по какому случаю, — объ этомъ будетъ сказано впослѣдствіи. Съ того времени Алеманы, испытавъ на дѣлѣ силу Римлянъ, умѣрили свое нахальство.

14. Такъ шло здѣсь дѣло. Между тѣмъ Андроникъ, котораго называли также Опомъ, по приказанію царя, отправился напомнить Алеманамъ объ ихъ клятвѣ и обѣщаніи не дѣлать Римлянамъ никакихъ обидъ. Онъ сперва много укорялъ ихъ въ вѣроломствѣ, а потомъ совѣтовалъ имъ,—если не хотятъ подвергнуться явной бѣдѣ, идти къ авидскому (¹) заливу и тамъ немедленно переправиться. Но сколько ни говорилъ Андроникъ, не могъ убѣдить ихъ и, не достигнувъ цѣли, возвратился въ Византію. А тѣ, собравшись на совѣтъ и посудивъ о настоящихъ обстоятельствахъ, положили идти въ Византію и тотчасъ двинулись оттуда въ путь. Не смотря на претерпѣнное пораженіе, не меньше нахальны были они и теперь, какъ прежде: безъ пощады рѣзали скотъ и убивали многихъ, противившихся тому Римлянъ. Теперь настала война уже нескрытная. Услышавъ о томъ, царь понялъ, что надобно на-

---

(¹) Авидскій заливъ иначе назывался заливомъ святаго Георгія систскаго, по находившемуся при немъ городу Систу. Carol. du Fresn. ad h. l.

конецъ и самому ему приготовиться. Поэтому городъ Константина онъ тотчасъ оградилъ войскомъ, одну часть его расположивъ предъ стѣнами, а другую—внутри, за городскими воротами. Потомъ въ одно мѣсто, называемое Лонги, послалъ съ войсками въ засаду Василія, по прозванію Чикандила, прославившагося многими на Востокѣ подвигами и сраженіями противъ варваровъ, и вмѣстѣ съ нимъ, вышеупомянутаго Просуха, который по происхожденію былъ Персъ, а воспитаніе и образованіе получилъ римское. Онъ повелѣлъ имъ, какъ скоро Алеманы снова предадутся грабительству, воспользоваться мѣстностію и напасть на нихъ. Пришедши въ назначенное мѣсто, Василій и Просухъ увидѣли множество Алемановъ и внимательно начали высматривать, строенъ ли или нестроенъ ихъ лагерь. Они замѣтили, что это народъ весьма высокаго роста и что всѣ они тщательно покрыты латами, но конница ихъ на бѣгу не легка и идутъ они дорогой весьма безпорядочно, а потому заключили, что Римляне, сражаясь умѣючи, легко одолѣютъ это войско. О такихъ замѣчаніяхъ послали они донести царю и спрашивали его, что дѣлать. Царь, все еще уважая благовидный предлогъ варваровъ, то-есть, ихъ путешествіе въ Палестину, медлилъ нападеніемъ, ждалъ, пока не обнаружатъ они своихъ намѣреній болѣе яснымъ образомъ. Такихъ мыслей былъ государь. А варвары простирались впередъ и, достигши хировакхійскихъ (¹)

(¹) Оттонъ Фризингенскій о хировакхійской долинѣ говоритъ такъ: vallem quandam juxta oppidulum Cherevach dictum, campi viri-

долинѣ, гдѣ мѣстность становится покатою и представляетъ богатый подножный кормъ для лошадей,—остановились лагеремъ. Здѣсь, говорятъ, постигло ихъ бѣдствіе выше всякаго описанія, изъ чего справедливо можно заключить, что самъ Богъ наказывалъ ихъ за нарушеніе клятвы и великое безчеловѣчіе въ отношеніи къ людямъ единовѣрнымъ, которые не сдѣлали имъ никакого зла. Вдругъ полилъ необыкновенный дождь,—и протекающія по той мѣстности двѣ рѣки, Меласъ и Аѳирасъ, какъ зовутъ ихъ туземцы, вышедши изъ всегдашняго своего уровня и заливши на величайшее пространство поля, увлекли съ земли и потопили въ морѣ большую часть алеманскаго войска вмѣстѣ съ конями, оружіемъ и самыми палатками. Узнавъ объ этомъ, царь, по чувству состраданія къ людямъ, отправилъ двухъ сановниковъ къ Конраду утѣшить его въ несчастіи и кстати войти въ разсужденіе о предметахъ особенной важности. Но Конрадъ, и теперь еще нисколько не оставляя своей гордости, требовалъ, чтобъ самодержецъ встрѣтилъ его на пути въ Византію, и тогда положилъ потолковать съ нимъ о другихъ, тоже важныхъ вещахъ. Видя, что нахальство Конрада не имѣетъ никакихъ предѣловъ, царь наконецъ сталъ презирать его. А Конрадъ между тѣмъ со всѣми силами шелъ къ Византіи и остановился уже въ загородномъ цар-

---

ditate laetum, amniculi cujusdam medio decursu conspicuam attigimus, cujus loci amoenitate capti omnes, illo tentoria figere et ibi pausare constituimus.

скомъ дворцѣ, что предъ стѣнами столицы. Этотъ дворецъ зовутъ Филопатіономъ (1), — не знаю потому ли, что такимъ названіемъ обозначаютъ любимое мѣстопребываніе (ибо оно доставляетъ нѣкоторое успокоеніе и свободу отъ заботъ людямъ, удаляющимся туда отъ городскаго шума), или потому, что имъ указывается на многолиственныя и тѣнистыя растенія (ибо это мѣсто вездѣ поражаетъ зрѣніе роскошною зеленью). Отсюда Конрадъ сталъ осматривать укрѣпленія города. Видя достаточно поднимающіяся въ высоту башни и тянущійся вокругъ большой глубины ровъ, онъ крайне (2) удивился, особенно когда впереди башень замѣтилъ множество женщинъ и праздную невооруженную толпу народа (ибо всѣ привычные къ воинскимъ трудамъ стояли на стражѣ частію внутри города за стѣнами, а частію внѣ крѣпостной стѣны и ожидали, не начнутъ ли битвы Алеманы). Замѣтивъ это и тотчасъ понявъ, что городъ, при такомъ избыткѣ военныхъ силъ, можетъ остаться неодолимымъ, онъ

---

(1) См. Вріенн. стр. 139. 140 прим. 2.

(2) О прочности и высотѣ башень и стѣнъ Византіи Гунтеръ (in Hist. Cpolit. c. 13) говоритъ слѣдующее: Est enim civitas triangula, habens in quolibet latere magnum milliare vel amplius, ex ea parte, qua terram attingit, vasto aggere et muro firmistimo tripliciter clausa. Turres habens per circuitum sui excelsas et fortes, adeo sibi invicem propinquas, ut puer septennis de una turri ad ulteram pomum valeat jaculari. Потомъ ниже: ex ea parte, quoniam agger esse non potuit, propter frequentiam portus, quem habet tutissimum ac celeberrimum, muri sunt alti admirandae spissitudinis, et turres densae, eductae ad tantam celsitudinem, ut quivis in culmen ipsarum aspectum dirigere perhorrescat.

отступилъ оттуда и, быстро перешедши мостъ, которымъ, можно сказать, соединяется рѣка—море, занялъ предмѣстіе противъ Византіи, называемое Пикридіонъ. Видъ здѣшняго залива слѣдующій: Эвксинскій Понтъ, если плыть по немъ къ западу съ правой стороны, углубляется въ материкъ и образуетъ для Византійцевъ длинную гавань, въ которую, у самой ея вершины, недалеко отъ Византіи, вливается рѣка, выходящая откуда-то выше и протекающая по тамошнимъ равнинамъ. На этомъ-то пунктѣ соединенія рѣки съ пристанью и былъ построенъ мостъ.

15. Это—такъ. Находясь въ упомянутомъ предмѣстьи, Конрадъ послалъ передать царю объясненіе почти въ тонѣ глубокаго сокрушенія. Вотъ его содержаніе: «Всякому человѣку съ умомъ надобно, государь, смотрѣть не на дѣло само по себѣ, а на цѣль, съ которою оно особенно совершается. Кто предзанятъ какою-нибудь мыслію, тотъ часто и добраго не хвалитъ, и явно худаго не порицаетъ. Между тѣмъ бываетъ иногда, что отъ враговъ, сверхъ чаянія, мы получаемъ добро, а отъ друзей испытываемъ зло. Итакъ, не обвиняй насъ въ тѣхъ преступныхъ дѣйствіяхъ, которыя недавно совершены въ твоей землѣ толпами нашего войска, и не досадуй на это; потому что не мы сами были причиною того,—это произведено безумною стремительностію толпы, своевольно покушавшейся на такія преступленія. Вѣдь гдѣ блуждаетъ и скитается иноземное и пришлое войско — либо для обозрѣнія страны, либо для добыванія необходимыхъ припасовъ; тамъ подоб-

ныя преступленія съ обѣихъ сторонъ, думаю, естественны». Такъ говорили Алеманы. А царь, принявъ ихъ слова въ смыслѣ ироническомъ, отвѣчалъ слѣдующее: «И нашему величеству не безъизвѣстно, что стремительность толпы есть явленіе, всегда неудобоправимое и необузданное. Потому-то, конечно, мы, не связанные ни обѣщаніемъ и ничѣмъ другимъ, озаботились, какъ бы не обидѣть васъ, какъ бы, то есть, вамъ, людямъ иностраннымъ и пришлымъ, пройти по нашей землѣ безвредно, боясь нарушеніемъ долга гостепріимства навлечь на себя невыгодное между людьми мнѣніе. А что вы, какъ мудрецы, умѣющіе хорошо изслѣдовать природу вещей, представляете такія дѣла неподлежащими обвиненію,—за то мы даже благодаримъ васъ; потому что впередъ не будемъ уже стараться удерживать народнаго порыва и свалимъ все на безуміе толпы, чему вы научили насъ добрымъ своимъ примѣромъ. Въ этомъ случаѣ вамъ выгоднѣе будетъ не ходить въ разбродѣ и не скитаться такъ по чужой землѣ; ибо если это будетъ принято и съ обѣихъ сторонъ предоставится народнымъ толпамъ увлекаться своими порывами, то иностранцы естественно потерпятъ много отъ туземцевъ». Съ этими словами царь отпустилъ пословъ Конрада. Между тѣмъ, видя, что римское войско по количеству гораздо менѣе войска варваровъ, а по знанію военнаго искусства и твердости въ сраженіяхъ далеко превосходнѣе его, придумалъ слѣдующее. Онъ приказалъ Просуху, Чикандилу и многимъ другимъ римскимъ военачальникамъ

взять съ собой достаточное число войска и, поставивъ его прямо противъ Алемановъ, построить такъ: нефронтовую и какъ бы сборную часть арміи помѣстить далѣе, около четвертаго знамени, потомъ поставить тяжело вооруженныхъ и латниковъ, затѣмъ быстролетныхъ наѣздниковъ, и наконецъ впереди—Скиоовъ, вмѣстѣ съ персидскими и римскими стрѣлками. Римляне такъ и сдѣлали, — и Алеманы, лишь только увидѣли это, съ сильнымъ раздраженіемъ и шумомъ пустились на нихъ. Тутъ произошло упорное сраженіе и великое побоище Алемановъ; потому что Римляне искусно встрѣчали нападеніе своихъ противниковъ и убивали ихъ. Между тѣмъ Конрадъ, еще не зная объ этомъ событіи, надменно сидѣлъ въ лагерѣ и далеко простиралъ свои надежды. Поэтому царь, желая посрамить прежнее его высокомѣріе, отправилъ къ нему письмо слѣдующаго содержанія: «Каждому изъ насъ долженствовало быть хорошо извѣстно, что какъ конь, если онъ не слушается узды, не только не можетъ быть полезенъ всаднику, но еще часто вмѣстѣ съ собою низвергаетъ его въ бездну; такъ и войско, если оно не повинуется военачальникамъ, большею частію подвергаетъ опасностямъ правителей. Поэтому намъ не слѣдовало бы позволять своимъ войскамъ — тому и другому—увлекаться собственными порывами. Но какъ ты,—не знаю, по какому побужденію,—первый пренебрегъ этимъ правиломъ, а чрезъ то заставилъ по необходимости слѣдовать новому образу мыслей и наше величество, сколь ни дружески были мы располо-

жены къ тебѣ; то теперь, сообрази, къ чему привело васъ это своеволіе толпы. Мнѣ доносятъ, что и небольшое римское войско, схватившись съ немалочисленнымъ войскомъ Алемановъ, привело его въ худое состояніе; потому что туземецъ у себя дома большею частію одолѣваетъ пришельца и иностранца. А между тѣмъ за такое буйство намъ даже нельзя будетъ и наказать свою толпу. Да и какъ это можно, когда мы однажды позволили имъ слѣдовать собственной волѣ? Итакъ, если тебѣ угодно, — опять скажу, — надобно обоимъ намъ крѣпко держать бразды власти и обуздывать порывы своихъ войскъ; а неугодно,—пусть все остается въ нынѣшнемъ положеніи. По крайней мѣрѣ мы ясно высказали вамъ, что дѣлается».

16. Такъ оканчивалось письмо царя. Но Конрадъ, еще ничего не слышавъ о происшедшемъ съ Алеманами, казалось, вовсе не обратилъ на это вниманія; напротивъ просилъ царя прислать ему царскій дромонъ и обыкновенныя триремы, чтобы употребить ихъ для переправы,—и если они не скоро будутъ присланы, грозилъ въ будущемъ году обложить городъ своими миріадами. Разгнѣвавшись на это, царь отвѣчалъ нахалу уже не ироніею, но напалъ на него рѣзкими выраженіями и писалъ слѣдующее: «У кого есть хоть немного соображенія, тотъ обыкновенно судитъ о вещахъ не по множеству ихъ, а больше по качеству и по происходящимъ оттуда выгодамъ и невыгодамъ. Посему и подвижниковъ Марса надобно оцѣнивать не многочисленностію ихъ, а муже-

ствомъ, трудами и знаніемъ этого дѣла. И такъ, хотя за тобою слѣдуетъ огромное войско; однакожъ оно не многимъ превосходнѣе нашего, разсѣяннаго по пространству римской имперіи, потому что неустроено и большею частію неопытно въ воинскомъ дѣлѣ. Стадо овецъ считай хоть цѣлыми миріадами,—едва ли оно устоитъ при нападеніи льва. Развѣ не знаешь, что ты былъ уже въ нашихъ рукахъ, какъ птичка, и еслибы мы захотѣли,—твоя погибель не замедлила бы совершиться. Подумай, что жители сей страны суть тѣ, которыхъ предки съ оружіемъ въ рукахъ прошли всю землю и овладѣли вами и прочими подъ солнцемъ народами. Расчитай это и знай, что не придетъ къ тебѣ царскій корабль и не будетъ доставлено тебѣ ничто, чего ты просилъ у насъ, но понесутъ тебя обратно по прежнему пути ноги твоихъ коней. И вовсе не слѣдуетъ порицать насъ, если для желающихъ наносить намъ обиды мы будемъ тяжелы. Вѣдь обижать и защищаться—не одно и тоже: первое происходитъ отъ дурнаго сердца, а послѣднее поддерживается, конечно, стремленіемъ къ безопасности. Подданные давно уже просятъ насъ, чтобы, сколько ни получено будетъ пользы отъ сосѣднихъ Персовъ, Римляне всѣмъ этимъ владѣли безъ хлопотъ (¹). Такъ, чего мы не хотѣли допустить

(¹) Это наводитъ на мысль, что Римляне, обитавшіе въ смежности съ владѣніями Персовъ, просили царя, чтобы онъ позволилъ имъ дѣлать набѣги на персидскія селенія и города и имѣть право пользоваться награбленнымъ, безъ вмѣшательства верховной власти.

по просьбѣ нашихъ подданныхъ, того самаго, смотри, какъ бы не допустили, побуждаемые тобою». Выслушавъ это и узнавъ о недавнемъ пораженіи Алемановъ, Конрадъ взошелъ на какое-то жалкое судно, вытащенное на морской берегъ, поплылъ на немъ чрезъ Дамалсевъ проливъ и, гонимый варварскимъ малодушіемъ, скоро очутился на другой сторонѣ; ибо варваръ, при удачѣ, бываетъ чрезъ мѣру гордъ и надмененъ, а при неудачѣ, упадаетъ духомъ болѣе, чѣмъ должно, и непомѣрно унижается. Между тѣмъ царь, чтобы еще болѣе смирить его, поступилъ слѣдующимъ образомъ: онъ послалъ нѣсколько Римлянъ къ шедшему назади въ значительномъ количествѣ алеманскому войску,—съ намѣреніемъ приманкою денегъ поколебать въ немъ благорасположеніе къ Конраду. Услышавъ это, Конрадъ уже не обнаруживалъ такой надменности, какъ прежде, но отправилъ къ царю пословъ и просилъ прислать къ нему какого-нибудь Римлянина, который бы служилъ ему проводникомъ и безопасно провелъ его войско. Посему и посланъ былъ къ нему человѣкъ, исполнявшій въ то время должность Аколуѳа (¹), которому также поручено было войти съ Конрадомъ въ разсужденіе о союзѣ. Сражать-

(¹) Аколуѳомъ въ греческой имперіи называемъ былъ главный начальникъ дворцовой стражи, состоявшей изъ Варяговъ. Объ Аколуѳѣ въ этомъ его значеніи много говоритъ Кодинъ (de offic. c. 4 et 5). Западные писатели (Tyrius et Odo de Diogilo) всю неудачу похода Тевтоновъ чрезъ малую Азію безъ основаній приписываютъ этому проводнику, будто бы умышленно заведшему ихъ въ мѣста пустынныя, не представлявшія никакихъ средствъ для содержанія войска.

ся Римлянамъ и Алеманамъ во взаимномъ союзѣ было бы весьма выгодно; это помогло бы царю, а царь еще болѣе помогъ бы Конраду, если бы онъ захотѣлъ воевать противъ Персовъ вообще съ царемъ. Показаны были ему и двѣ дороги,— и онъ могъ избрать, которую хочетъ. Вотъ что Стефанъ объявилъ Конраду; но онъ, посовѣтовавшись съ своими, отказался отъ союза, а дорогу избралъ на Филомеліонъ. До Мелангій и города Дорилеи не встрѣтилось съ Алеманами ничего непріятнаго. Но когда они находились здѣсь,—Персъ, по имени Мампланъ (¹), рѣшился съ небольшимъ войскомъ напасть на передовые ихъ отряды,—съ намѣреніемъ попробовать ихъ силу и изучить образъ ихъ битвы. Алеманы, при первомъ появленіи Персовъ, шли безъ всякаго порядка и пустились на нихъ съ жаромъ и великимъ шумомъ. А Персы, пока Алеманы еще не удалились отъ своего лагеря, дали тылъ и притворно обратились въ бѣгство; когда же и кони Алемановъ уже утомились, и сами они далеко ускакали отъ лагеря, тѣ приняли обратное стремленіе и перебили какъ коней ихъ, такъ и ихъ самихъ. Эта многократно повторенная уловка повергла Алемановъ въ чрезвычайный страхъ. Тутъ-то надобно было видѣть вчерашнихъ смѣльчаковъ и нахаловъ, наступавшихъ подобно безпорядочной толпѣ звѣ-

---

(¹) Этотъ Мампланъ у Вильгельма Тирскаго называется Парамомъ. Причемъ Вильгельмъ замѣчаетъ, что Парамъ былъ сатрапъ иконійскаго султана и напалъ на Алемановъ съ позволенія своего государя. Это нападеніе произведено въ Ноябрѣ 1146 года.

рей,—какъ они теперь стали робки и низки, и не показывали способности не только дѣйствовать, но даже и мыслить. А когда на Персовъ поскакалъ и Конрадъ (ибо на войнѣ былъ онъ смѣлъ), то потерялъ и тѣхъ, весьма быстрыхъ на бѣгу коней, которыхъ подарилъ ему царь, и самъ едва не былъ взятъ въ плѣнъ варварами.

17. Таковы были обстоятельства Алемановъ. Король же Германцевъ (¹) (о которомъ доносили, что онъ перешелъ уже Дунай и идетъ далѣе) не мечталъ о себѣ болѣе надлежащаго, подобно Конраду; ибо отправленныхъ отъ царя пословъ, то есть, Михаила Севаста Палеолога и Михаила, по прозванію Врану, принялъ ласково, изъявилъ чрезъ нихъ благодарность царю и объявлялъ, что онъ не причинитъ Римлянамъ никакого зла. Вразумленъ ли онъ былъ неудачами Конрадова войска, или уже имѣлъ такой нравъ отъ природы (²),—сказать не могу; только чрезъ это онъ получилъ отъ царя гораздо лучшій пріемъ. Находясь уже вблизи Византіи, отправилъ онъ къ ца-

---

(¹) То есть Людовикъ VII, король Франковъ, который, еще до выступленія въ походъ, отправилъ къ царю посломъ Милона де Капрозіа, чтобы испросить у него позволеніе перейти чрезъ Ѳракію и на этомъ пути приготовить съѣстные припасы. Царь позволилъ и отвѣчалъ Людовику вѣжливымъ письмомъ. Rudulf. de Diceto in Abbrev. Chron. A. 1146.

(²) Gesta Lud. VII, c. 9. Объ этомъ королѣ говорится: erat vir naturaliter patiens et benignus. Odo de Diogilo l. 3: rex Francorum, cui semper mos fuit regiam majestatem humilitate condire. Gervasius Tilleberiensis de otiis imperial. Ms. de Ludovico VII: cui successit Ludovicus piissimus, amator cleri ac verus Dei cultor, qui a multis deceptus, nullumque decipiens, in sancta simplicitate transivit ad Dominum.

рю пословъ (¹) и, еще больше выражая ему свою дружбу, вызывался дѣйствовать съ нимъ заодно въ важныхъ дѣлахъ. Если же царю угодно сноситься съ нимъ и бесѣдовать во дворцѣ,—онъ не откажется и отъ этого. Царь выслушалъ эти слова не безъ удовольствія и пригласилъ его прибыть къ себѣ благонадежно. Итакъ, король прибылъ и при въѣздѣ встрѣченъ былъ такими особами, которыя, какъ по роду, такъ и по знатности, стояли близъ царя и занимали тогда высшія правительственныя должности. Эти лица торжественно и съ подобающею честію проводили его во дворецъ, и когда онъ былъ уже въ пріемной залѣ дворца, гдѣ сидѣлъ царь на возвышенномъ мѣстѣ,—принесли и для него низкое кресло (²), которое по-римски люди называютъ sellium. Сидя на немъ, онъ говорилъ и слушалъ, что слѣдовало, а потомъ отпущенъ былъ въ предмѣстіе противъ городскихъ стѣнъ, отъ многихъ называемое, какъ я уже сказалъ, Филопатіономъ, и тамъ имѣлъ квартиру. Потомъ немного спустя, ѣздилъ онъ съ царемъ во дворецъ (³), находящійся въ сѣверной части города, чтобы видѣть тамъ все достойное удивленія и поклониться покоющейся въ та-

---

(¹) Послами Людовика въ это время были—Алуизъ епископъ Атребатскій, Варѳоломей Канцеллярій, Архибальдъ Бурбонскій и нѣкоторые другіе. Carol. du Fresne ad h. l.

(²) Но Odo говоритъ: tandem post amplexus et oscula mutua habita, interius processerunt, ubi positis duabus sedibus pariter subsederunt.

(³) Здѣсь разумѣется дворецъ влахернскій. Carol. du Fresne ad h. l.

мошнемъ храмѣ святынѣ (¹)—разумѣю тѣ вещи, которыя освящены прикосновеніемъ къ спасительному тѣлу Христову и служатъ охраненіемъ христіанъ. Совершивъ все сіе въ Византіи и давъ клятву, что во всю жизнь будетъ другомъ и союзникомъ царя, и этотъ король переправился въ Азію.

18. Такъ вотъ что здѣсь происходило. Между тѣмъ на архіерейскій престолъ царь возводитъ нѣкоего Николая, по прозванію Музала, который прежде былъ въ числѣ высшихъ духовныхъ лицъ и занималъ престолъ кипрской Церкви, а потомъ добровольно удалился оттуда. Но едва только вступилъ онъ въ управленіе дѣлами (византійской Церкви),—вдругъ отверзлись противъ него уста всѣхъ и закричали, что онъ беззаконно занялъ престолъ, потому что, оставивъ прежнюю свою Церковь, сложилъ уже съ себя и священство. Николай сперва упорствовалъ и никакъ не хотѣлъ сойти съ престола; но узнавъ, что его дѣло будетъ разсматривать царь, и ожидая отъ него невыгоднаго опредѣленія, не рѣшился подвергнуться вторичному суду, оставилъ престолъ и жилъ частнымъ человѣкомъ. На мѣсто его возводится Ѳеодотъ (²), мужъ испытанный долговременными трудами подвижничества. Алеманы же, какъ сказано, бывъ многократно отражены Персами и по-

(¹) Въ храмѣ влахернскомъ сохранялись τὰ ἐντάφια τοῦ Χριστοῦ σπάργανα—погребальныя пелены, найденныя и положенныя въ семъ храмѣ царицею Пульхеріею. Nicephor. Callist. l. 4. c. 2.

(²) Ѳеодотъ былъ игуменомъ обители св. Анастасіи. Catal. Patriarch. Cp.

терявъ много войска, отчаялись въ возможности перейти Филомеліонъ, а потому пошли назадъ и, пришедши въ Никею, соединились тамъ съ продолжавшими свой путь Германцами и другими королями, которые сопровождаемы были также многочисленными войсками. Изъ нихъ одинъ управлялъ Чехами (1) и на королевскій престолъ былъ возведенъ Конрадомъ, другой—Лехами (2), народомъ скиоскаго происхожденія, сопредѣльнымъ съ западными Гуннами. Когда эти войска сошлись вмѣстѣ,—Германцы обыкновенно прилагаемое къ Алеманамъ слово πούτζη Αλεμάνε (3) (такъ буквально произносилось оно) теперь прокричали имъ издалека и громко. А откуда произошла такая насмѣшка,—тотчасъ разскажу. У этихъ народовъ способъ сражаться—не одинъ и тотъ же. Герман-

---

(1) Другіе историки разумѣютъ здѣсь Богемцевъ, которыхъ Славяне по первому ихъ королю, Чеху, называли Чехами. Aeneas Silvius in Histor. Bohem. c. 3. Но эти Чехи не тѣ, о которыхъ говорятъ: Procop. l. 2. de Bello pers. c. 29; l. 4. de Bello Goth. et Theophan. in Copronimo p. 369; потому что тѣ обитали далеко отъ Богеміи и населяли берега Эвксинскаго Понта.

(2) Разумѣется Болеславъ IV, король польскій: ибо Поляковъ въ то время называли Лехами, по родоначальнику ихъ Леху, брату богемскаго короля Чеха. Herberstein. in Comment. rer. moscovit.

(3) Выраженіе πούτζη Αλεμάνε, если πούτζη производить отъ ποῦς (нога) могло означать тоже, что французское à pied Aleman. Но кажется вѣроятнѣе, что πουτζη было не иное что, какъ французское pousse, то есть, бѣги скорѣе. О враждѣ, возникшей между Франками и Алеманами во время перваго крестоваго похода говоритъ, кромѣ другихъ. Odo de Diogilo l. 2. Ut nostris erant importabiles Alemanni eo in itinere, ita Alemannos Francorum superbiam dedignatos, non semel contra illos arma sumsisse. А что Алеманы не умѣли ѣздить и сражаться верхомъ на коняхъ, свидѣтельствуетъ Никифоръ Фока у Луитпранда in legat.

цы съ легкостію садятся на коня и при нападеніи весьма ловко дѣйствуютъ копьемъ; притомъ конь ихъ по быстротѣ превосходнѣе алеманскаго. Алеманы же способнѣе Германцевъ сражаться пѣшими и гораздо лучше ихъ дѣйствуютъ мечемъ. Посему когда послѣднимъ случалось вести войну съ первыми,—изъ опасенія къ ихъ лошадямъ, они скорѣе рѣшались нападать на противниковъ пѣхотою. Но тогда Германцы, схватившись съ нестройною алеманскою конницею, одолѣвали ее, и потомъ, тѣмъ удобнѣе наскакивая на Алемановъ, обращали въ бѣгство и ихъ пѣхоту, хотя численностію бывали гораздо ниже ея. Въ такихъ-то случаяхъ Германцы упомянутымъ выше словомъ смѣялись надъ своими непріятелями, выражая ту мысль, что, при всей возможности сражаться на коняхъ, они предпочитаютъ воевать пѣшими. Тѣмъ же словомъ, какъ сказано, Германцы привѣтствовали ихъ и тогда, и постоянно возбуждали въ нихъ великое неудовольствіе. По этой причинѣ, да и потому, что Алеманамъ во время похода предстояла опасность занимать второе мѣсто послѣ Германцевъ, всѣ сіи войска шли вмѣстѣ только до Филаделфіи; а отсюда Конрадъ, не могши болѣе сносить презрѣніе со стороны Германцевъ, рѣшился идти назадъ и о своемъ намѣреніи послалъ извѣстить царя. Царь, частію изъ желанія раздѣлить между собою королей, частію по состраданію къ человѣку, отписалъ ему слѣдующее: «Людямъ, которые хоть немного могутъ мыслить, свойственно разсматривать вещи не въ наилучшемъ ихъ состояніи, а въ

нихъ самихъ, внѣ всякой ихъ измѣнчивости. Посему и тогда, какъ твои дѣла шли хорошо, наши отношенія къ тебѣ были не выше твоего достоинства; и теперь, когда они нѣсколько неудачны, мы не отказываемся принять тебя опять такъ, какъ старались выразить тебѣ свое уваженіе прежде, видя въ твоемъ лицѣ сродника и правителя толикихъ народовъ и подавая тебѣ совѣты въ трудныхъ обстоятельствахъ,—и все это частію по высказанной причинѣ, а частію потому, что мы единовѣрцы. Напротивъ ты, не знаю какъ-то считая маловажнымъ все, тебѣ полезное, самъ не замѣчаешь, что избираешь худшее. Но такъ какъ сдѣланнаго однажды не сдѣланнымъ почитать нельзя; то прейдемъ это молчаніемъ и будемъ всячески стараться о томъ, что еще не ушло и находится въ нашихъ рукахъ. Вѣдь дѣла наши по природѣ таковы, что непрестанно текутъ и никогда не останавливаются. Кто первый овладѣлъ ими, тотъ пріобрѣлъ все; а когда они упущены,—возвратить ихъ никакъ невозможно. Итакъ, пока имѣешь какой нибудь способъ поправить свои дѣла,—спѣши ухватиться за полезное».

19. Таково было содержаніе письма. Между тѣмъ Конрадъ и прежде уже сознавалъ свою неразсудительность и, не зная, что дѣлать, не довольно охотно слѣдовалъ за Германцами; посему тогда, какъ пришло отъ царя письмо, онъ предлагаемое себѣ дѣло тотчасъ почелъ находкою, съ удовольствіемъ принялъ совѣтъ царя и быстро пошелъ назадъ; пришедши же къ Геллеспонту, переправился чрезъ проливъ во Ѳракію. Тамъ

сходился онъ съ царемъ для собесѣдованія и потомъ вмѣстѣ съ нимъ отправился въ Византію. Здѣсь предложены были ему многія мѣры отдохновенія,—и царскіе покои, и различныя зрѣлища, и состязательныя скачки коней, и блестящія угощенія, которыми возстановлялись силы истомленнаго его тѣла. Снабженъ былъ онъ также достаточными суммами денегъ и на триремахъ поплылъ въ Палестину. А флотомъ управлялъ и заботился о всемъ нужномъ Никифоръ Дасіотъ. Прибывъ туда въ одно время съ другими королями и совершивъ должное поклоненіе животворящему гробу Христову, онъ,—тогда какъ прочіе, каждый по возможности, отправились въ отечество,—сѣлъ на упомянутые корабли и приплылъ въ Ѳессалонику, гдѣ въ другой разъ видѣлся съ царемъ и дѣлился съ нимъ бесѣдою. При этомъ царь напомнилъ ему о давнемъ его обѣщаніи — отдать Италію въ приданое царицѣ Иринѣ, которую, какъ родственницу, самъ онъ обручилъ съ царемъ. Конрадъ и Фридерикъ утвердили свое слово вторичною клятвою и оставили римскую землю. Здѣсь былъ конецъ подвиговъ Конрада. А съ королемъ Германцевъ, когда онъ возвращался изъ Палестины на корабляхъ, изъ которыхъ многіе зыбились у тамошнихъ береговъ и за извѣстную плату предлагаемы были желающимъ для переѣзда, случилось слѣдующее. Сицилійскіе корабли, выходя для нападенія на землю Римлянъ, сперва плавали въ той сторонѣ моря (¹). Вотъ

(¹) То есть, ближе къ предѣламъ Палестины, на пути движенія судовъ изъ Палестины къ западу.

встрѣтился съ ними римскій флотъ подъ управленіемъ Хуруна ,—и дѣло дошло до рукъ. Но тогда какъ оба флота сражались, случилось подплыть къ нимъ и королю. И такъ какъ Римляне въ сраженіи уже брали верхъ, то онъ едва не попалъ въ плѣнъ (¹) по слѣдующей причинѣ. Сошедшись, какъ было сказано, съ кораблями Сицилійцевъ, король оставилъ свой корабль и перепрыгнулъ на сицилійскую трирему, и еслибы какое-то союзное судно Римлянъ, понявъ опасность, не подало скоро знака этой триремѣ, онъ вѣроятно попалъ бы въ руки Римлянамъ. А теперь, потерявъ весьма многихъ находившихся съ ними воиновъ, которые сдѣлались добычею побѣды, самъ онъ, хотя и съ трудомъ, спасся. Впрочемъ впослѣдствіи царь, внявъ прошенію, освободилъ плѣнныхъ и возвратилъ все отнятое. Такой былъ конецъ вторженія западныхъ народовъ въ римскую имперію.

20. По возвращеніи въ отечество, Конрадъ жилъ недолго и умеръ (²), не приведши къ концу ничего, что обѣщалъ царю. Власть его наслѣдовалъ Фридерикъ. Но какимъ образомъ Фридерику послѣ Конрада выпало владычество надъ Алеманами,—я разскажу по порядку. Король Алема-

---

(¹) Это сказаніе Киннама подтверждаютъ многіе западные писатели, изъ которыхъ писатель Magni chronici Belgici и Бонфиній (dec. 21, 6) говорятъ, что излагаемое здѣсь событіе случилось въ 1149 году, когда Мануилъ осаждалъ занятую Сицилійцами Корциру.

(²) Конрадъ умеръ 15 Марта 1152 года. Monach. Erfdor. Otho Frising. L. 1 de Gestis Frid. c. 63. L. 2, c. 1. etc.

новъ Генрихъ (¹), посадивъ въ оковы своего отца и побѣдивъ римскаго архіерея силою оружія, самъ беззаконно завладѣлъ престоломъ. Въ отмщеніе за это, Алеманы, когда онъ умеръ, не согласились передать верховную власть его дѣтямъ (дѣти же у него были—этотъ Конрадъ и отецъ Фридерика), а пригласили на престолъ нѣкоего Лотарія, глубокаго старца, и ввѣрили ему управленіе Алеманами. Но дѣти Генриха, не могши перенесть лишенія отеческой власти, задумали произвесть возмущеніе. Узнавъ объ этомъ, Лотарій,—такъ какъ онъ былъ подлинно старецъ и дожилъ до позднѣйшаго возраста, а съ другой стороны всегда отличался чистотою души и ничего не говорилъ и не дѣлалъ безъ простосердечія,—составилъ завѣщаніе, по которому верховная власть послѣ его смерти переходила къ нимъ. Вскорѣ послѣ того онъ умеръ,—и жребій власти палъ на старшаго изъ сыновей Генриха, то есть, на отца Фридерикова. Но этотъ, лишившись одного глаза (²), избралъ вмѣсто себя брата своего Конрада, взявъ съ него напередъ клятву, что послѣ своей смерти онъ передастъ престолъ сыну его Фридерику. Поэтому-то, умирая, Конрадъ, какъ сказа-

---

(¹) Киннамъ невѣрно полагаетъ, что Конрадъ и Фридерикъ, правитель Свевовъ, отецъ императора Фридерика, были дѣти императора Генриха: они родились отъ благороднаго Свева, Фридерика де Штофенъ, и дочери императора Генриха Агнесы, Carol. du Fresne ad. h. I.

(²) Это обстоятельство подтверждаютъ Otho Frising. l. 1. de Gest. Frid. c. 12. 14. 21. 39. Chron. Hildesheim. A. 1105. 1118. 1126 et 1135. Chronica Australis A. 1135. Guntherus etc.

но, возложилъ вѣнецъ на Фридерика. Такъ это происходило, и вмѣстѣ съ тѣмъ положено начало сицилійскихъ войнъ.

КНИГА 3.

1. Былъ нѣкто Рожеръ (1), по прежнему званію хотя только графъ, однакожъ человѣкъ предпріимчивый и дѣятельный, способный пользоваться обстоятельствами и измѣнять ходъ дѣлъ. Когда правитель Лонгобардіи Вильгельмъ (2) отправлялся въ Палестину,—Рожеръ, находившійся подъ его начальствомъ, далъ ему денегъ въ-займы и, подъ залогъ этого долга получивъ управленіе Лонгобардію, впослѣдствіи заставилъ римскаго архіерея признать себя королемъ; а какъ именно заставилъ, объ этомъ будетъ сказано. Услышавъ, что Лонгобардія управляется Рожеромъ, сидѣвшій тогда на римскомъ престолѣ епископъ вознегодовалъ на такую дерзость и говорилъ, что она издавна принадлежитъ его Церкви. Это тронуло Лотарія (3), и онъ, не терпя, чтобы достоинство

---

(1) Рожеръ, графъ сицилійскій, сынъ сицилійскаго графа Рожера I и Аделаиды монферратской. Carol. du Fresne, ad h. l.

(2) Вильгельмъ, сынъ Рожера, правителя Апуліи и Калабріи, внукъ Роберта Вискарда, получилъ право на управленіе тѣми же областями отъ папы Пасхалія въ 1114 году. Carol. du Fresne ad h. l.

(3) О вызовѣ Лотарія въ Италію папою Иннокентіемъ II, про-

папы было уничижаемо, вторгнулся въ Лонгобардію съ большимъ войскомъ. Отнявъ у Рожера не малую часть его владѣній, Лотарій скоро и вовсе выгналъ бы его изъ той страны, еслибъ Рожеръ, по обыкновенію, не прибѣгъ опять къ хитрости и такимъ образомъ не выгналъ оттуда Лотарія безъ боя. А какъ онъ сдѣлалъ это,—объяснитъ слѣдующее сказаніе. Былъ у Лотарія зять (¹), пользовавшійся при немъ великою силою; такъ что народъ алеманскій отдавалъ ему первую честь послѣ государя. Поддѣлавшись къ этому человѣку и подкупивъ его деньгами, Рожеръ убѣдилъ его дать алеманскому войску, безъ вѣдома Лотарія, знакъ окончанія войны. Знакомъ же служилъ не звукъ трубы или что-нибудь въ этомъ родѣ, а нѣчто варварское и непонятное. По обычаю, въ лагерѣ ихъ раздавалась какая-то пѣсня, послѣ которой войску уже нельзя было оставаться на мѣстѣ, но каждый воинъ, какъ только заслышивалъ ее, уходилъ и начиналъ приготовляться къ отступленію. Такъ-то и теперь,—лишь только зять Лотарія запѣлъ эту пѣсню, все войско тотчасъ разсѣялось и стало уходить оттуда. Въ гнѣвѣ на это, Лотарій бросился было останавливать народное движеніе и повѣсилъ до пятисотъ человѣкъ,

---

тивъ сицилійскаго короля Рожера, говорятъ Otho Frising. L. 7. Chron. c. 18—20. Petrus Diaconus L. 4. Chron. Casin. c. 99. 107 etc. Will. Tyrius L. 13 c. 19.

(¹) Киннамъ, вѣроятно, разумѣетъ правителя Саксоніи Генриха или Рейнальда, которому Лотарій, по изгнаніи Рожера изъ Италіи, ввѣрилъ охраненіе Апуліи. См. Chronicon Weingartense c. 12. Tyrium L. 13. c. 19. Chron. Casin L. 4. c. 127.

но остановить не могъ. Алеманы тѣмъ не менѣе бѣжали, совершенно презирая и мученія и казни. Отъ скорби объ этомъ Лотарій впалъ въ горячку и, не много спустя, умеръ; а Конрадъ, какъ сказано, принялъ власть.

2. Послѣ сего Рожеръ опять крѣпко ухватился за Лонгобардію (¹). Не терпя этого, римскій архіерей заключилъ союзъ съ Алеманами и весьма рѣшительно выступилъ противъ Рожера. Но въ то время, какъ онъ становился лагеремъ, Рожеръ, неожиданно явившись предъ нимъ, войско его обратилъ въ бѣгство, а его самого взялъ въ плѣнъ (²). Имѣя же теперь архіерея въ своихъ рукахъ, онъ поставилъ полотняную палатку и, помѣстивъ его въ ней, самъ палъ ницъ на землю и, подползши къ нему на рукахъ и ногахъ, просилъ прощенія въ своемъ грѣхѣ и утвержденія въ королевскомъ достоинствѣ. Архіерей принялъ просителя (да и что было ему дѣлать?) и наименовалъ его королемъ. Съ того-то времени правители Лонгобардіи и стали называться королями. Достигнувъ своей цѣли, Рожеръ отправилъ посольство къ здравствовавшему тогда еще

(¹) Объ этомъ разсказываютъ такъ, что Рожеръ, по смерти Лотарія, выгналъ изъ Апуліи Рейнальда и самъ завладѣлъ ею. А по свидѣтельству Gotefr. Viterb.: post pauca dux Apuliae Raino, vel Rainaldus moritur. Rogerius in Apuliam revertitur, et terram duce orbatam nec resistentem occupat.

(²) О взятіи въ плѣнъ папы Иннокентія и о томъ, что по сему случаю папа утвердилъ Рожера въ королевскомъ достоинствѣ, разсказываютъ abbas Usperg. et Albericus in Chron. 1139 an. Otho Frising. L. 7. Chron. c. 24. Baronius 1139 an., гдѣ излагается и данный Рожеру дипломъ, утверждающій инвеституру сицилійскаго короля.

НАРОДНА БИБЛИОТЕКА

царю Іоанну и просилъ у него своему сыну (¹) супруги изъ царскаго рода. Но посольство еще не успѣло исполнить своего порученія, какъ Іоаннъ скончался. Чрезъ нѣсколько времени послѣ сего, въ царствованіе уже Мануила, онъ опять послалъ просить о томъ же. Для переговоровъ по этому дѣлу отправленъ былъ въ Сицилію къ Рожеру Василій, по прозванію Ксиръ (²). Но этотъ человѣкъ, подкупленный деньгами, утвердилъ самъ собою странныя условія, изъ которыхъ главнымъ было то, чтобы царь и Рожеръ почитались лицами равнаго достоинства. Отъ этого впослѣдствіи возгорѣлась страшная война; ибо, когда Ксиръ возвратился въ Византію и, не понесши еще должнаго наказанія за свою дерзость, умеръ,—царь отвергъ все, сдѣланное его посольствомъ, и оставилъ Рожера; а Рожеръ, раздражившись этимъ и считая себя обманутымъ, снарядилъ флотъ и, держа его въ готовности, выжидалъ удобнаго случая отмстить Римлянамъ. Да варваръ и достигъ своей цѣли. Во время вторженія западныхъ народовъ въ римскіе предѣлы, онъ опустошилъ Коринѳъ, Эвбею и беотійскія Ѳивы (³). Римское войско тогда было занято други-

---

(¹) Здѣсь разумѣется старшій сынъ Рожера, называвшійся также Рожеромъ. Alexand. abbas Celes. L. 3. c. 26. Умеръ въ 1149 году. Romuald. Salernit. in Chron. et alii.

(²) О Ксирѣ, константинопольскомъ префектѣ, упоминаетъ Анна Комнина (L. 12). Василій Ксиръ, вѣроятно, былъ одинъ изъ его потомковъ.

(³) О взятіи Коринѳа, Эвбеи и прочихъ греческихъ городовъ подробно разсказываютъ Otho Frising. L. 1. de Gest. Frid. c. 33. Nicetas L. 2, n. 1—5. Robertus de Monte A. 1148 et 1149.

ми дѣлами, —и варвары, высадившись въ тѣ города, свободно и безъ сопротивленія сполна нагрузили свои корабли добычею, а оттуда переплыли къ Корцирѣ и, взявъ ее силою, всячески укрѣпили, уже какъ собственную. Узнавъ объ этомъ, царь сильно опечалился и сталъ думать, какъ бы отмстить Рожеру достойнымъ образомъ и наказать его за дерзость. Наконецъ онъ приготовилъ флотъ изъ пятисотъ триремъ и тысячи перевозныхъ судовъ для лошадей и тяжестей, и самъ пошелъ сухимъ путемъ, а страшному своему флоту приказалъ плыть моремъ.

3. Но едва только дошелъ самодержецъ до Филиппополя, какъ распространился слухъ, что скиоскія войска, перешедши Дунай, опустошаютъ и грабятъ все, встрѣчающееся имъ на пути, и взяли уже одинъ при той рѣкѣ важный городъ. Такая-то разнеслась молва. Тогда, измѣнивъ направленіе, царь пошелъ оттуда къ Дунаю, и къ Дунаю же приказалъ плыть кораблямъ изъ Византіи чрезъ городъ Анхіалъ (¹), а до ихъ прихода въ тамошнихъ долинахъ занимался охотою; ибо тѣ, совершенно пустыя и издревле ненаселенныя, долины пропитывали великое множество дикихъ звѣрей. Во время этихъ занятій, донесено было ему, что Скиѳы, собравъ добычу въ римскихъ владѣніяхъ, недавно переправились черезъ Дунай и невдалекѣ оттуда раскинули свои палат-

(¹) Анхіалъ, городъ во Ѳракіи на одной изъ бухтъ Чернаго моря, недалеко отъ Аполлоніи. Турки нынѣ называютъ его Кенхисъ. Leunclav. Ovid. L. 1. Trist. Eleg. 11. v. 35. Анхіалъ надобно отличать отъ Анхіала; города киликійскаго, отечества Аѳинодора.

ки. Услышавъ это, царь съ возможною скоростію поспѣшилъ къ рѣкѣ и, нашедши тамъ рыбачью лодку (а лодки на Дунаѣ употреблялись обыкновенно сдѣланныя изъ одного дерева), приказалъ подать ее себѣ. Но перевозчикъ случился человѣкъ упрямый, который, выслушавъ приказаніе царя, отвѣчалъ: «если бы царь заботился о насъ, то Демиричикъ (такъ называлась взятая, какъ мы сказали, Скиоами крѣпость) не былъ бы взятъ, наше имущество не попало бы въ руки варваровъ и не было бы унесено ими». Раздраженный этимъ царь, говорятъ, сказалъ: «пусть не буду я тотъ, кому свыше вручено владычество надъ Римлянами, если Скиоы не понесутъ тотчасъ же должнаго наказанія за свою дерзость». И затѣмъ, прочее свое войско поставивъ лагеремъ на берегу, самъ онъ,—такъ какъ корабли, сказано, еще не пришли,—приказалъ связать и сладить рыбачьи лодки и на нихъ съ пятью стами человѣкъ переправился черезъ Дунай. Но подвигаясь далѣе, встрѣтилъ онъ на пути еще двѣ судоходныхъ рѣки и, такъ какъ тамъ не было видно рыбачьихъ лодокъ, на которыхъ можно было бы переправиться, приказалъ сопровождавшимъ его людямъ привязать къ лошадинымъ хвостамъ найденные на Дунаѣ челноки и перетащить ихъ на упомянутыя рѣки. Когда это было сдѣлано, они безъ труда переправились и, перешедши длинную равнину, достигли горы (τένου ὅρμον), находящейся недалеко отъ тавроскиоскихъ границъ. Тамъ нашли они скиоскій лагерь совершенно пустымъ (потому что Скиоы незадолго передъ тѣмъ

снялись оттуда), и пошли далѣе. Время было уже около полудня, а изъ враговъ никто и нигдѣ не показывался. Тогда царь, отдѣливъ союзныхъ съ Римлянами Скиѳовъ, подъ предводительствомъ подручнаго себѣ полководца Гифарда, человѣка опытнаго въ воинскомъ дѣлѣ, послалъ ихъ въ погоню за непріятелемъ, чтобы слѣдить его и, гдѣ можно, сразиться съ нимъ, а самъ медленно двигался позади. Гифардъ невдалекѣ настигъ враговъ, но не осмѣлился сразиться съ ними,—потому что число варваровъ показалось ему превосходнѣе численности его отряда,—а послалъ просить царя, чтобы онъ скорѣе шелъ къ нему. Услышавъ это, царь тотчасъ вооружился самъ, вооружилъ и все войско и, нагнавъ Скиѳовъ, вступилъ съ ними въ бой. Скиѳы сперва остановились—съ намѣреніемъ принять сраженіе и, построившись въ фалангу, стали защищать себя и унесенную ими добычу. Посему битва съ обѣихъ сторонъ была стремительная и сильная. Но между Римлянами находилось тогда много и другихъ людей доблестныхъ, доблестнѣе же всѣхъ былъ царь. Выдерживая близкій и сильный натискъ враговъ, онъ съ копьемъ въ рукѣ нападалъ на ихъ ряды, разрывалъ ихъ строй и убивалъ ихъ не по одному только, но и по два человѣка. Когда же отъ этихъ неудержимыхъ нападеній царя непріятельское войско стало приходить въ замѣшательство, Римляне, устремившись противъ него цѣлою массою, одержали блистательную побѣду. Въ этомъ дѣлѣ многіе изъ варваровъ пали, а болѣе ста человѣкъ было взято въ плѣнъ, въ

числѣ которыхъ и нѣкто Лазарь,—человѣкъ, отличавшійся особеннымъ мужествомъ и между скиѳскими филархами преимущественно замѣтный. Остальные спаслись, благодаря быстротѣ коней и лѣсистымъ горамъ, которыя тянулись тамъ во множествѣ. Забравъ весь скиѳскій фуражъ, Римляне пошли назадъ. Тогда, получивъ свободу, ушелъ отъ Скиѳовъ и прибѣжалъ въ лагерь тотъ богатый, какъ сказано, и по происхожденію знатный человѣкъ, Сотъ.

4. Одержавъ эту не предполагаемую побѣду, самодержецъ двинулся отсюда и готовился къ войнѣ съ Сициліею. Онъ былъ такъ неутомимъ въ воинскихъ трудахъ, какъ не приходилось, думаю, никогда и никому изъ людей, занимавшихся гражданскою и воинскою службою,—ни царямъ, ни военачальникамъ. Онъ шелъ въ Сицилію, а мысль его обнимала всю Италію. Но видно судьба отказывается и отъ истинной славы и военачальство, соединенное съ знаніемъ дѣла, умѣетъ безъ всякаго труда направить совершенно къ противоположному. Хотя дѣла съ Скиѳами и отвлекли царя отъ Сициліи, однакоже онъ въ-пору пришелъ въ то мѣсто, откуда надлежало начать плаваніе. Но случилось, что флотъ, отъ того ли, что въ своемъ шествіи онъ задерживаемъ былъ противными вѣтрами, или отъ неискусства вождя въ этомъ дѣлѣ, опоздалъ и упустилъ время. Вышедши изъ византійской гавани весною, онъ пришелъ къ царю уже при концѣ лѣта, и отъ этого дѣло Римлянъ было неудачно. Царь взошелъ уже на дирему, и вся корабельная прислуга сидѣла

при веслахъ, въ готовности къ отплытію, какъ вдругъ поднялась жестокая буря, забушевалъ порывистый вѣтеръ, — и намѣреніе царя не могло быть приведено въ исполненіе; ибо тамъ море страшно разверзаетъ свои пучины и плаваніе бываетъ весьма опасно,—особенно зимою. Поэтому царь присталъ къ одному мѣсту, недалеко отъ Верріи, и тамъ остался зимовать, а своего зятя Стефана, котораго называли, думаю, уменшительно—Контостефаномъ (¹) (ибо онъ былъ малъ ростомъ), со всѣмъ флотомъ отправилъ въ Корциру, находившуюся тогда, какъ сказано, подъ властію Сициліи, съ цѣлію возвратить ее Римлянамъ. Но остановившись предъ городомъ и дѣлая различныя попытки напасть на его стѣны, Стефанъ положилъ тамъ свою жизнь прежде, чѣмъ дѣло приняло рѣшительный оборотъ; а какъ это случилось, я скажу. Устроивъ длинную лѣстницу, которая была гораздо выше внѣшнихъ стѣнъ, онъ хотѣлъ ввести по ней войско въ городъ. Но пущенный изъ крѣпости машиною огромный камень сильно ударился о лѣстницу и разбился на нѣсколько осколковъ, изъ которыхъ одинъ попалъ въ вождя и смертельно ранилъ его. Но онъ и при смерти, почти уже не чувствуя себя, много заботился о томъ, какъ бы при извѣстіи объ этомъ въ обоихъ войскахъ, Римляне не упали ду-

---

(¹) Этого прозванія, даннаго Стефану, не должно смѣшивать съ фамиліею Контостефановъ, которая у византійскихъ историковъ встрѣчается ранѣе сего времени. Вріенн. стр. 155. Стефана, зятя Мануилова, прозвали Контостефаномъ потому, что онъ былъ малъ ростомъ (отъ κόντος, короткій).

хомъ, а Сицилійцы не сдѣлались смѣлѣе; поэтому приказалъ спокойно положить себя на палубѣ корабля и продолжать дѣло; призвавъ также младшаго изъ дѣтей своихъ Андроника и начальника бердышниковъ, просилъ ихъ внушить Римлянамъ, чтобы они не теряли бодрости, а напротивъ были еще дѣятельнѣе, особенно теперь, когда такъ близка надежда взять городъ. Это, по моему мнѣнію, было признакомъ души мужественной, сильной и любящей свое отечество. Однакожъ, какъ скоро несчастіе случилось и между толпами распространился о томъ слухъ,— все пошло напротивъ; ибо Римлянъ, хотя они были уже на верху стѣнъ, Сицилійцы отразили,—и тогда произошло между ними общее смятеніе и тревога.

5. Въ такомъ положеніи находились дѣла Римлянъ. Услышавъ объ этомъ, царь естественно огорчился и, назначивъ другаго начальника флота (¹) на мѣсто Стефана, приказалъ ему неотступно продолжать осаду города. Но когда и этотъ не сдѣлалъ ничего замѣчательнаго (ибо внезапно возникъ раздоръ между Римлянами и сражавшимися въ ихъ рядахъ Венетами и помѣшалъ успѣху римскаго войска);— онъ принужденъ былъ наконецъ самъ отправиться туда и приступить къ осадѣ города. Прекративъ раздоръ между Венетами и Римлянами и достойно наказавъ виновныхъ съ той и другой стороны, царь сдѣлалъ

(¹) По смерти Контостефана, начальникомъ флота назначенъ былъ великій Доместикъ Аксухъ. Carol. du Fresn. ad h. l.

сильный приступъ къ стѣнамъ. Это занимало его. А сицилійскій тиранъ Рожеръ, узнавъ, что царь находится подъ Корцирою, послалъ флотъ въ римскую землю, въ той мысли, что, перенесши войну сюда, онъ принудитъ царя снять осаду города. Но Мануилъ, оставивъ при себѣ нѣкоторую часть бывшихъ съ нимъ кораблей, прочіе подъ начальствомъ Хуруна немедленно отправилъ для отраженія Сицилійцевъ, которые, какъ сказано, шли въ римскую землю, а самъ еще настойчивѣе продолжалъ осаду. Приставивъ съ кораблей къ стѣнамъ чрезвычайно большія лѣстницы, онъ, хотя съ трудомъ и усиліями, повелъ по нимъ войско. При этомъ случилось, что одна изъ лѣстницъ, отъ тяжести всходившихъ по ней, сползла въ море и увлекла съ собою многихъ въ бездну, гдѣ несчастные испустили духъ, оставивъ Римлянамъ долговременную память о своей доблести. Сицилійцы, при всемъ томъ, что Римляне были уже внутри городскихъ стѣнъ, никакъ не хотѣли сдать царю городъ, но, какъ могли скорѣе, ушли въ крѣпость и, защищаясь, оттуда, будто съ неба дождемъ, осыпали Римлянъ камнями, стрѣлами и всѣмъ, что попадалось подъ руку: ибо крѣпость тянулась на такую высоту, что ея зданія трудно было обнять и напряженнымъ зрѣніемъ (¹). Кипя гнѣвомъ при такомъ неблагопріятствованіи

(¹) О корцирской крѣпости Никита говоритъ такъ: «корцирская крѣпость вся—на обрывистой и возносящейся къ облакамъ скалѣ, имѣетъ видъ винтообразный, съ острою вершиною, поднимающеюся надъ бездною моря» и проч.

судьбы, царь сталъ въ прямомъ положеніи на диремѣ, на которой плылъ, и приказалъ гребцамъ немедленно подвести себя къ стѣнамъ, съ цѣлію самому попытаться взойти на стѣну. Но нѣкоторые изъ ,военачальниковъ и близкихъ его родственниковъ, употребивъ всѣ усилія, удержали его, хотя ему это, думаю, весьма не нравилось; ибо съ мужествомъ онъ соединялъ большею частію и неустрашимость, которую, я слышалъ, иные поставляли ему въ вину, какъ причину безразсудной его отваги. Онъ всегда питалъ въ душѣ рѣшительность чрезвычайную (δαιμόνιον), превышавшую человѣческое мужество, и, бывъ еще шестнадцати лѣтъ, часто одинъ своими руками бралъ въ плѣнъ варваровъ. Поэтому и жена его, родомъ Алеманянка, нѣкогда сказала въ собраніи государственнаго совѣта, что хотя и сама она происходитъ изъ великаго и воинственнаго поколѣнія, однако ни о комъ еще не слыхала, кто въ одинъ годъ украсился бы столькими подвигами. Въ это время къ корцирской стѣнѣ подплылъ корабль изъ римскаго флота; онъ былъ не изъ легкихъ и не изъ такихъ, которые бываютъ низки и продолговаты, но имѣлъ достаточную высоту и широту, былъ нагруженъ лошадьми и всякаго рода оружіемъ. Силою вѣтра принесло его къ тому мѣсту городской стѣны, которое, отъ множества насыпавшихся со скалы камней, было неудобопроходимо и на которомъ онъ подвергался величайшей опасности; потому что здѣсь неслись на него и каменныя массы, и стрѣлы, и все, что попадалось; такъ что бывшіе на кораблѣ

пришли отъ того въ отчаяніе, оробѣли и попрятались подъ палубу. Замѣтивъ это, царь одною рукою взялъ щитъ,—не изъ тѣхъ обыкновенныхъ щитовъ, которые прикрываютъ тѣло только одного человѣка, но весьма широкій, какой одному человѣку не легко и поднять,—а другою уложилъ обыкновенно находившіеся на царской диремѣ снаряды такъ, чтобъ они не мѣшали ему отражать направляемые со стѣнъ удары, подплылъ къ кораблю и, привязавъ къ нему веревки, потащилъ его за собою и спасъ отъ опасности. Говорятъ, что тогда поставленный Рожеромъ начальникъ (¹) корцирской крѣпости, видя, какъ много камней бросаютъ изъ города въ царя, сказалъ: «нѣтъ, ради вашего спасенія, товарищи, нѣтъ, не пускайте въ это тѣло ни одной стрѣлы; если нужно будетъ дать за это отвѣтъ, я весь гнѣвъ приму на себя». Такъ шли здѣсь дѣла. Между тѣмъ сицилійскій флотъ, схватившись съ флотомъ Хурупа, большею частію былъ разбитъ, и лишь сорокъ кораблей, избѣгнувъ опасности, пришли къ Византіи (²). Но пришедши туда, они не сдѣлали тамъ ничего замѣчательнаго; а только во время стоя-

---

(¹) Никифоръ (l. 2. n. 5) именуетъ его Θеодоромъ Капелланомъ.

(²) Этотъ морской походъ Сицилійцевъ къ Византіи не должно смѣшивать съ тѣмъ, во время котораго, по свидѣтельству Сапута, Сицилійцы, завоевавъ Корциру и опустошивъ греческія провинціи, ad urbem usque regiam Constantinopolim accedentes, sagittas aureas in palatium imperatoris jecisse; ибо это, какъ свидѣтельствуетъ Никита (L. 2. n. 8), было уже послѣ смерти Рожера. См. Bonfin. dec. 2. L. 6. p. 263.

нокъ около Дамалиса покушались произвесть огонь; да и оттуда принуждены были постыдно бѣжать, бросивъ у насъ много своихъ. Впрочемъ и избѣгшіе здѣсь отъ опасности не избавились отъ совершенной погибели; ибо встрѣтившись съ кораблями, везшими критскую подать, сдѣлались почти всѣ добычею битвы. Между тѣмъ царь, голодомъ и осадою принудивъ городъ къ сдачѣ, отплылъ оттуда и началъ думать о Сициліи и Италіи, какъ бы и эти земли возвратить подъ римскую державу.

6. Донесено было царю, что Алеманы, Далматы и Пэоняне, свѣдавъ о приготовленіяхъ его къ войнѣ противъ Сициліи, условились между собою сдѣлать на Римлянъ нападеніе съ Запада; а персидскій филархъ Ягупасанъ, вмѣстѣ съ султаномъ, задумалъ грабить Азію. Узнавъ объ этомъ, царь самъ пошелъ противъ Далматовъ, въ намѣреніи поскорѣе отмстить ихъ архижупану (¹), который уже открылъ военныя дѣйствія; а флотъ поручилъ Доместику восточныхъ и западныхъ школъ Іоанну, приказавъ ему направить свой путь къ Анконѣ (ибо Анкона есть приморскій городъ Италіи) и оттуда уже, какъ изъ средоточнаго пункта, идти на Италію. Но Іоаннъ, достигши рѣки Боозы, не думалъ идти далѣе и сдѣлалъ такую погрѣшность — либо по неопытности въ мор-

(¹) Этотъ архижупанъ, правитель Сербіи, ниже называемый Вакхиномъ, говорятъ, былъ одно и тоже лице съ Драгиномъ, о которомъ упоминаетъ Діоклеатъ въ Исторіи Далмаціи. Carol. du Fresn. ad h. l. Но Шафарикъ (Древн. сл. т. II, кн. I, стр. 418) называетъ его Чедомиломъ, сыномъ сербскаго князя Уроша.

скомъ дѣлѣ, либо по совѣтамъ Венетовъ, боявшихся, чтобы Римляне, овладѣвъ Италіею, не стали, какъ и естественно было, выражать презрѣніе къ сосѣдней съ нею странѣ ихъ и не перестали нуждаться въ ихъ помощи на войнѣ. По той или другой причинѣ, только Доместикъ не исполнилъ царскаго приказанія и потерялъ время по-пусту. Отъ этого, когда вдругъ поднялась сильная буря (ибо время было уже около осенняго равноденствія),—многіе изъ кораблей, по винѣ начальника, потерпѣли крушеніе. Можно было бы ввести ихъ въ рѣку и протянуть у обоихъ ея береговъ; а онъ поставилъ ихъ открыто у морскаго берега. Между тѣмъ царь, сдѣлавъ нападеніе на Далмацію, разрушилъ крѣпость Расонъ (¹) и опустошилъ все, что попадалось на пути. При этомъ, забравъ въ плѣнъ безчисленное множество народа, онъ оставилъ его вмѣстѣ съ войскомъ подъ начальствомъ старшаго изъ Севастовъ, Константина, называемаго Ангеломъ (²), а самъ пошелъ далѣе и, занявъ область Никаву, находившуюся также подъ властію архижупана, безъ всякаго труда взялъ всѣ, какія были въ ней, крѣпости. Дошед-

---

(¹) Древній Расонъ, по словамъ Шафарика (т. II, кн. 1, стр. 431) есть нынѣшній Ражанъ на побережьѣ Пишавы и не долженъ быть смѣшиваемъ съ Расомъ, главнымъ городомъ великаго жупанства, который есть нынѣшній Новый Пазаръ на рѣкѣ Рашкѣ.

(²) Константинъ Ангелъ былъ племянникъ царя Мануила, упоминаемый у Алляція въ опредѣленіи низложенія патріарха Космы подъ 1144 годомъ. Слѣдовательно его надобно считать сыномъ Константина Ангела отъ Ѳеодоры Комниной, дочери царя Алексѣя.

ши до Галича (¹), онъ увидѣлъ, что тамошніе варвары, полагаясь на свою многочисленность и недоступность мѣста, не хотѣли сдать ему это убѣжище. Посему, устроивъ здѣсь лагерь, онъ приказалъ, не теряя времени, пускать стрѣлы и бросать изъ пращей камни во внѣшнія укрѣпленія, и такимъ образомъ на третій день взялъ крѣпость силою. Нашедши здѣсь множество варваровъ, изъ которыхъ одни были военные, а другіе занимались скотоводствомъ, онъ увелъ ихъ оттуда и, возвратившись въ Расонъ, послалъ на поселеніе въ Сардику и въ другія мѣста римскихъ владѣній. Потомъ извѣщенный Ангеломъ, что жупанъ, воспользовавшись его удаленіемъ, начинаетъ нападать на Римлянъ и уже далъ одно сраженіе, царь быстро двинулся оттуда и старался захватить его. Но жупанъ, услышавъ о наступленіи Римлянъ, бѣжалъ на вершины горъ и такимъ образомъ спасся отъ близкой опасности. Тогда царь прошелъ по той странѣ и, такъ какъ никто не препятствовалъ ему, опустошилъ всю ее и на пути предалъ огню принадлежавшія архижупану зданія.

7. Наконецъ, когда наступила сильная зима, такъ что у многихъ животныхъ, отъ сосредоточенія естественной теплоты около сердца, начали уже страдать оконечности; тогда царь вспом-

---

(¹) Крѣпость Галичь, которую, по словамъ Киннама, взялъ Мануилъ Комнинъ около 1153 года, нынѣ въ развалинахъ, на горѣ Галичѣ или Голечѣ, на сѣверъ отъ Чачка, между рѣками Чемерницей и Дичиной. Шафарикъ, тамъ же стр. 433.

нилъ о Византіи. Въ слѣдующее же лѣто, при концѣ этого времени года, когда дороги въ Сербію бываютъ для военныхъ особенно хороши и спадаетъ зелень съ деревъ, онъ перевелъ свое войско къ Нису. Здѣсь узнавъ, что къ Далматамъ идетъ вспомогательное войско изъ Пэоніи, онъ употребилъ стараніе перевесть свою армію черезъ такъ называемую лонгомирскую страну (¹), чтобы Римляне могли сразиться съ шедшими отъ нихъ вправо Пэонянами. Приблизившись къ Савѣ, онъ перешелъ оттуда къ другой рѣкѣ, по имени Дринѣ, которая, имѣя свой истокъ гдѣ-то выше, отдѣляетъ Боснію отъ Сербіи. А Боснія не подчинена сербскому архижупану; этотъ народъ живетъ и управляется особо, самъ собою. Что заставило Гунновъ вступить въ войну съ Римлянами, я сейчасъ объясню. Былъ нѣкто, родомъ Далматъ; какимъ именемъ звали его,—не знаю, но братъ его назывался Белою, — и оба они пользовались у Далматовъ честью. Послѣдній былъ женатъ на сестрѣ архижупана и, лишившись зрѣнія (какимъ образомъ—сказать не могу), удалился въ Пэонію. Проживъ здѣсь долгое время, онъ былъ весьма уважаемъ королемъ Гейзою (²), потому что находился въ числѣ его воспитателей

(¹) По Кинниму, лонгомирская страна, въ сербскихъ лѣтописяхъ называется жупою Лугоміра или лугомірскою. Она находилась въ восточномъ углу Шумадіи, т. е. Полѣсья, гдѣ рѣка Лугоміра, впадающая съ лѣвой стороны въ Мораву, и теперь еще удержала за собою это древнее названіе. Шафарикъ Т. II, кн. I, стр. 433.

(²) Разумѣется венгерскій король Гейза II, сынъ Белы, по прозванію, Слѣпаго.

и наставниковъ съ самаго его дѣтства. Чтобы отплатить за это Гейзѣ благодарностію, вознамѣрился онъ подчинить ему Далмацію и, всякій разъ совѣтуя одно и тоже, наконецъ успѣлъ убѣдить этого человѣка. Вотъ почему Гейза, услышавъ о вторженіи Римлянъ въ Далмацію, послалъ войско на помощь Далматамъ, и это было причиной непріязни между Римлянами и Гуннами. Во время движенія римскаго войска впередъ, фуражиры встрѣтились съ шедшими противъ Римлянъ Гуннами и вступили съ ними въ битву. Узнавъ объ этомъ, царь выслалъ къ нимъ на помощь съ войскомъ Протосеваста Іоанна. Въ произшедшей стычкѣ Гунны были побѣждены Римлянами и обратились въ бѣгство по направленію къ рѣкѣ Стримону, у которой бросивъ довольно своихъ, продолжали бѣжать безъ оглядки; а Римляне все слѣдовали за бѣгущими по пятамъ и дошли до рѣки Тары (¹); но видя, что никто противъ нихъ не выходитъ, вспомнили о возвращеніи. Между тѣмъ царь стоялъ лагеремъ на срединѣ дороги, ведущей въ Сеченицу (²), и не зная, гдѣ находится архижупанъ, сначала былъ въ недоумѣніи, но, услышавъ отъ плѣнныхъ Далматовъ, что онъ ожидаетъ на помощь себѣ гуннское войско, которое должно придти весьма скоро, повелъ свою армію далѣе. До рѣки Тары Римляне не встрѣтили ни-

---

(¹) Рѣка Тара, по Шафарику (т. II. кн. 1. стр, 433), выходитъ изъ Осоговскихъ горъ, течетъ на сѣверъ и впадаетъ въ Дрину.

(²) По догадкѣ Шафарика, тамъ же стр. 434, нынѣ Сѣница на рѣкѣ Вувцѣ (имен. Серб. Вуванъ).

гдѣ ни одного непріятеля; но подошедши къ этой рѣкѣ, еще прежде, чѣмъ солнце зашло за западный горизонтъ, увидѣли они безчисленное множество вооруженныхъ Далматовъ. Увидѣвъ ихъ, Римляне, объятые страхомъ и трепетомъ, пришли сказать объ этомъ царю. Тогда царь, весьма вѣрно сообразивъ, что видѣнное войско состоитъ изъ ожидаемыхъ Далматами Пэонянъ, (въ чемъ сверхъ того былъ удостовѣренъ и наблюденіемъ Хурупа), сказалъ: «Далматы хотятъ внезапно напасть на Римлянъ»,—потому что сдѣлали привалъ уже неподалеку оттуда,—и, какъ въ то время наступала ночь, придумалъ слѣдующее. У Римлянъ есть обычай, для означенія времени стоянки, трубить наканунѣ вечеромъ: звукъ трубы былъ знакомъ для войска, что на томъ мѣстѣ оно пробудетъ и слѣдующій день. И такъ, чтобы обмануть непріятелей, которые знали также этотъ римскій обычай, царь приказалъ тотчасъ трубить, секретно же объявилъ военачальникамъ по одиначкѣ свое распоряженіе, чтобы каждый изъ нихъ, вооруживъ отборныхъ людей своей фаланги, какъ слѣдуетъ, стоялъ смирно и ожидалъ его приказанія; а дабы ихъ не замѣтили, велѣлъ имъ прикрыть свое вооруженіе плащами, какіе носятъ бѣдняки.

8. Приказаніе было исполнено. Потомъ когда уже разсвѣло, царь вывелъ ихъ изъ лагеря, будто для фуражировки, и для того велѣлъ даже нѣкоторымъ идти впереди совершенно безъ оружія, съ одними заступами и щупами, какіе обыкновенно употребляютъ для отысканія хлѣба подъ землею, когда хотятъ достать для войска продо-

вольствіе; а какъ скоро увидятъ они, что враги идутъ на нихъ, приказалъ имъ бѣжать до тѣхъ поръ, пока, соединившись съ идущими позади Римлянами, не будутъ въ безопасности. Какъ военачальникъ, все мгновенно обнимающій своимъ взглядомъ, онъ распорядился, чтобы изъ этихъ воиновъ, сперва шли двое, потомъ не много позади — четверо, далѣе — шесть человѣкъ, затѣмъ десять, и такъ все болѣе; а между тѣмъ построилъ еще одну колчаноносную фалангу, и велѣлъ ей идти на непріятеля съ другой стороны, и, какъ скоро Далматы начнутъ бой, бѣжать, — если числомъ она будетъ слабѣе враговъ, а когда никто противъ нея не выйдетъ, — стоять спокойно передъ лагернымъ валомъ. Такъ распорядился онъ съ тою цѣлію, чтобы, какъ скоро отъ его натиска съ другимъ отрядомъ войска, Далматы обратятся въ бѣгство, эта фаланга, вооруженная гораздо легче, могла догонять и бить ихъ. Недалеко еще прошла та первая дружина, какъ досмотрщики быстро прискакали къ царю и прерывающимся голосомъ, блѣдные отъ страха, говорили, что на другой сторонѣ рѣки расположено фалангою огромное войско, состоящее не только изъ туземцевъ, но и изъ многочисленной союзной дружины гуннскихъ всадниковъ и неединовѣрныхъ съ ними Халисянъ (¹); потому что

(¹) Близъ Понта, вѣроятно, на сѣверныхъ его берегахъ находился городъ Халисія, котораго жители назывались Халисянами. Hoffman. Lexic. v. Chalisin. Не были ли это предки нынѣшнихъ Караимовъ?...

Гунны исповѣдуютъ христіанскую вѣру, а эти и донынѣ управляются законами Моисеевыми, да и то не совсѣмъ правильно понимаемыми. Они сказали также, что въ рядахъ Далматовъ вмѣстѣ съ этими находятся и Печенеги. Услышавъ о томъ, царь подумалъ, какъ бы попедній впередъ небольшой отрядъ Римлянъ не былъ окруженъ и подавленъ многочисленнымъ непріятелемъ, и быстро понесся оттуда, приказавъ слѣдовать за собою знаменоносцу. Но такъ какъ послѣдній, отъ утомленія своей лошади, ѣхалъ медленно; то царь, самъ схвативъ знамя, полетѣлъ съ нимъ и съ одного возвышеннаго мѣста показалъ непріятелямъ какъ себя, кто онъ, такъ и знамя. Между тѣмъ и вооруженные луками подошли къ рѣкѣ и стали лицемъ къ лицу съ Далматами; но ни тѣ, ни другіе долго не начинали сраженія и стояли спокойно. Наконецъ Далматы, увидѣвъ царское знамя, отступили отъ моста и дали Римлянамъ возможность бросать въ себя стрѣлы. Узнавъ объ этомъ, царь (онъ стоялъ, какъ сказано, на одномъ возвышенномъ мѣстѣ и наблюдалъ, что дѣлается) поспѣшилъ и самъ перейти съ своими воинами чрезъ рѣку: потому что, какъ мнѣ часто приходилось говорить, какой-то небыкновенный духъ, выше мужества, всегда влекъ его къ битвамъ. А Далматы, хотя ихъ преслѣдовало и немногочисленное войско, бѣжали до тѣхъ поръ, пока не очутились въ мѣстахъ неудобопроходимыхъ. Воротившись отсюда назадъ, они скоро сошлись съ непріятелемъ,— и тогда произошла стычка, въ которой однакожъ

немногіе пали съ той и другой стороны; ибо Далматы, узнавъ о присутствіи царя, тотчасъ разсѣялись: но когда Римляне пустились преслѣдовать бѣгущихъ, тогда много было убито какъ изъ Далматовъ, такъ и изъ Пэонянъ. Въ это время попались въ руки Римлянъ и два знаменитѣйшихъ Далматинца—Гурдесъ и Вульчинъ. Между тѣмъ царь больше всего озабоченъ былъ потребностію надѣть на себя полное вооруженіе, тогда какъ это должно было отнять у него нѣсколько времени, потому что его оруженосцы съ оружіемъ шли не вслѣдъ за нимъ. Въ тотъ промежутокъ нѣкоторые изъ римскихъ полководцевъ, между коими были Гифардъ, Михаилъ, по прозванію Врана, и многіе другіе, способные и сами дѣйствовать, и управлять войскомъ,—преслѣдуя непріятеля, попали въ неудобопроходимую и гористую чащу лѣса, и такимъ образомъ подвергались явной опасности. Замѣтивъ, что эти люди далеко ушли отъ прочихъ Римлянъ, Далматы обратились назадъ и стали противъ нихъ лицемъ къ лицу.

9. Въ такомъ были они положеніи, когда царь, надѣвъ уже на себя вооруженіе, погнался за ними во весь опоръ, прибѣжалъ къ нимъ и, нашедши ихъ на одномъ мѣстѣ тѣсно сомкнутыми между собою, сталъ открыто обвинять, сильно бранить ихъ и укорять въ трусости и незнаніи воинскаго дѣла. Когда же они начали ссылаться на положеніе мѣстности и необыкновенную стужу, онъ самъ пошелъ впередъ и приказалъ имъ слѣдовать за собою; а между тѣмъ къ

нимъ присоединилось и прочее римское войско. Во время этого движенія неожиданно выскочила непріятельская засада и сдѣлала нападеніе на лѣвый флангъ Римлянъ; но царь, замѣтивъ ея малочисленность, и не подумалъ воротиться, а продолжалъ безостановочно гнаться за непріятелемъ, чтобъ схватить или самаго архижупана, или тогдашняго военачальника Пэонянъ, человѣка отличавшагося мужествомъ. Поэтому вышедшіе изъ засады, не сдѣлавъ ничего замѣчательнаго, опять разбѣжались. Продолживъ еще нѣсколько преслѣдованіе, царь увидѣлъ, что дружина его утомилась; посему, оставивъ ее и взявъ съ собою двухъ своихъ родственниковъ, изъ которыхъ одинъ былъ по имени Іоаннъ Дука, а другой—Іоаннъ, по прозванію Кантакузинъ, женатый на дочери Андроника Севастократора, — пошелъ съ ними противъ враговъ. Враги, узнавъ его по вооруженію, которое все было въ изобиліи покрыто золотомъ, особенно же догадываясь по его росту, бѣгу и стройности стана (ибо онъ истинно походилъ на героевъ, отличаясь удивительнымъ искусствомъ въ верховой ѣздѣ и ловко владѣя оружіемъ), нисколько не постыдились дать тылъ. Преслѣдуя бѣгущихъ, царь, говорятъ, за одинъ разъ повергалъ на землю копьемъ до пятнадцати человѣкъ; потому что въ замѣшательствѣ и смятеніи враги бѣжали безъ всякаго порядка и толкали другъ друга. Убивъ до сорока человѣкъ въ открытомъ бою, прочихъ обратилъ онъ въ бѣгство и, преслѣдуя бѣгущихъ, поражалъ ихъ въ тылъ мечемъ и копьемъ. Въ это время случилось слѣ-

дующее: одинъ изъ тѣхъ, которыхъ онъ ранилъ копьемъ, поднявшись съ земли (такъ какъ былъ раненъ несмертельно), бѣжалъ, несчастный, пѣшкомъ; увидѣвъ же вблизи себя царя, обнажилъ мечь и бросился на него, чтобъ нанесть ему ударъ. Но царь, толкнувъ его ногою въ грудь, повергъ на землю и, нанесши ему замѣтную рану около глаза, поѣхалъ далѣе. Потомъ замѣчая, что лошадь его отъ тяжести оружія утомилась, не желая однакожъ воротиться назадъ, приказалъ онъ Кантакузину (такъ какъ этотъ одинъ изъ его свиты слѣдовалъ за нимъ) идти впередъ и вступить въ сраженіе съ варварами, чтобы, пока варвары будутъ заняты имъ, ему самому можно было подоспѣть къ нимъ. И онъ достигъ своей цѣли. Быстро приблизившись къ непріятелю, Іоаннъ ударилъ по хребту архижупана Вакхина, въ намѣреніи пронзить его копьемъ, но не могъ этого сдѣлать; встрѣтивъ препятствіе въ его вооруженіи. Тутъ Вакхинъ, обратившись назадъ, увидѣлъ, что его преслѣдуютъ только два человѣка, ибо съ царемъ былъ и другой Іоаннъ, о которомъ я уже упомянулъ. Имѣя при себѣ семь человѣкъ изъ своей дружины, Вакхинъ рѣшился схватиться съ Кантакузиномъ,—и дѣло уже доходило до рукъ. Между тѣмъ варвары одинъ по одному сбѣгались отвсюду, — и Кантакузинъ былъ уже въ крайности; такъ что, если бы царь, показавшись вблизи, не избавилъ его отъ опасности, онъ, думаю, непремѣнно сдѣлался бы жертвою вражеской сѣкиры. Впрочемъ опасность не далека была и отъ самаго царя. Расчитывая, что если онъ

сперва вступить въ бой съ семью человѣками, которые окружили Іоанна,—другимъ, собравшимся уже въ числѣ трехъ сотъ, не трудно будетъ идти на нихъ обоихъ, онъ счелъ за нужное прежде схватиться съ большою толпою; потому что, когда отступитъ эта послѣдняя, отступятъ, вѣроятно, и окружающіе Іоанна. Итакъ, пришпоривъ свою лошадь, онъ бросился въ средину непріятелей, но, направивъ ударъ на одного изъ нихъ, промахнулся; потому что варвару удалось отклонить отъ своего бока остріе копья. Тогда царь вступилъ съ нимъ въ рукопашный бой. Увидѣвъ это, Вакхинъ и бывшіе съ нимъ оставили Іоанна и бѣгомъ бросились на царя. Тутъ произошло дѣло страшное. Царь, оставивъ копье и обнаживъ висѣвшій при бедрѣ его мечь, постоянно махалъ имъ, то нанося, то принимая удары, пока не разсѣялись всѣ другіе и битва не остановилась на одномъ Вакхинѣ, который отличался храбростію и чрезвычайно большимъ ростомъ. Послѣ продолжительной борьбы, Вакхинъ мечемъ нанесъ царю ударъ въ челюсть, но не могъ пробить прикрѣпленной къ шлему и висѣвшей на лицѣ сѣтки. Впрочемъ ударъ былъ такъ силенъ, что кольца, впившись въ тѣло, отпечатлѣлись на лицѣ. Тогда царь, отсѣкши у варвара руку мечемъ, передалъ его племяннику, а самъ опять порывался напасть на враговъ; но оба Іоанна и варваръ Вакхинъ удержали его порывъ, ибо послѣдній, попавъ въ плѣнъ, сталъ уже обнаруживать видъ доброжелательства и указывалъ на волосы своей головы, давая тѣмъ знать, какое множе-

ство враговъ встрѣтитъ царя. Въ этомъ дѣлѣ Кантакузинъ лишился двухъ пальцевъ на одной рукѣ. Взявъ около сорока человѣкъ въ плѣнъ, царь возвратился въ лагерь. Тутъ вспомнилъ онъ о томъ непріятельскомъ воинѣ, котораго повергъ на землю и оставилъ съ замѣткою около глаза. По этому объявленному имъ признаку, стали искать въ лагерѣ отмѣченнаго и нашли; найденный и самъ узналъ побѣдителя, и былъ узнанъ побѣдителемъ. Не много спустя явились въ лагерь и послы архижупана съ просьбою — простить ему причиненное имъ зло. А потомъ, по приказанію царя, скоро явился и самъ архижупанъ, какъ человѣкъ, просящій милости. Царь принялъ просителя и простилъ ему его преступленіе. Тогда прощенный, немного привставъ съ земли, на которую повергся и лежалъ простертый у ногъ царя, клятвами утвердилъ договоръ,—обѣщалъ навсегда оставаться рабомъ Римлянъ, если они будутъ воевать на Западѣ, слѣдовать за ними съ двумя тысячами, а когда въ Азіи, — къ прежнимъ тремъ стамъ человѣкъ прибавлять еще двѣсти. Совершивъ благополучно это дѣло, царь возвратился въ Константинополь. Въ тоже время пришелъ въ Византію и флотъ, послѣ безполезнаго плаванія въ Италію. Далматы до того были преданы Римлянамъ, что, чрезъ много времени лишивъ власти Уресія (¹) и, безъ вѣдома царя, передавъ

(¹) Объ Уресіѣ, братѣ Дезы, исторія Далмаціи, сколько извѣстно, не упоминаетъ, если этотъ Уресій былъ не одно и тоже лице съ Белою, который управлялъ Сербіею передъ Дезою. Carol. du Fresne, not. ad h. l.

ее другому его брату,—испугались, какъ бы царь, чего и слѣдовало ожидать, не разгнѣвался на нихъ, а потому пришли къ нему съ Дезою (¹) и Уресіемъ, обѣщаясь непремѣнно повиноваться тому, кого онъ изберетъ. Разобравъ это дѣло судомъ, царь, какъ награду, ввѣрилъ власть снова Уресію. Но это было уже послѣ.

10. Между тѣмъ царь открылъ походъ въ землю Гунновъ, пользуясь тѣмъ предлогомъ къ войнѣ, что Гунны, какъ сказано прежде, помогали Далматамъ. Впрочемъ онъ пошелъ на нихъ не безъ объявленія имъ объ этомъ, но предварительно послалъ письмо, въ которомъ изложилъ ихъ вину передъ собою и угрожалъ скорымъ нашествіемъ Римлянъ. Пришедши къ берегамъ Дуная и не желая упустить удобное время, которое въ подобнаго рода дѣлахъ весьма важно, царь,—такъ какъ приготовленныхъ имъ въ Византіи кораблей еще не было,—вошелъ въ одну изъ тѣхъ небольшихъ лодокъ, какія находятся у тамошнихъ береговъ состоятъ изъ одного дерева, и переправился въ ней на другой берегъ, ведя вплавь за собою коня. Потомъ такимъ же образомъ переправилось и цѣлое римское войско и вступило въ землю Гунновъ, въ которой, по мѣрѣ углубленія въ нее, безпощадно грабило все, что встрѣчалось. На дру-

---

(¹) Дезу сербскія хроники называютъ Тешею: но у Теши былъ братъ Чедомилъ (Вакхинъ), а не Уресій. Теша дѣйствительно свергнутъ былъ съ престола царемъ Мануиломъ; но на его мѣсто этотъ государь въ 1165 году возвелъ расскаго жупана Стефана Неманя. Шафарикъ, тамъ же стр. 418.

гой сторонѣ рѣки находилось укрѣпленіе, по имени Зевгминъ ([1]), окруженное крѣпкими стѣнами и достаточно обезопашенное въ другихъ отношеніяхъ. Не могши взять его при первомъ приступѣ, царь оставилъ при немъ войско подъ начальствомъ зятя своего по сестрѣ Ѳеодора Ватація, а самъ, проходя селенія, все покарялъ своей власти. Тогда для отраженія Римлянъ вышло было войско Гунновъ, но, видя, что оно приступаетъ къ дѣлу невыполнимому, и само присоединилось къ царю, а вслѣдъ за тѣмъ все по произволу было и уводимо и уносимо. Людей всякаго возраста гнали, какъ плѣнниковъ, цѣлыя племена приведены были въ движеніе и переселяемы въ другія жилища. Такимъ образомъ островъ, образуемый двумя, вытекающими изъ Альпійскихъ горъ ([2]) рѣками — Дунаемъ и Савою, которыя въ землѣ Гунновъ сперва текутъ отдѣльно одна отъ другой, а потомъ, сдѣлавъ большой обходъ, сливаются вмѣстѣ, — этотъ островъ ([3]) остался весь пустымъ и ненаселеннымъ. Римляне разрушили даже королевскій дворецъ, — дѣло достойное за-

---

([1]) Зевгминъ, городъ при сліяніи Савы и Дуная, обыкновенно называется Землинъ. Шафарикъ, т. II. кн. 1. стр. 349. Объ укрѣпленіи его см. выше стр. 9.

([2]) Изъ этихъ словъ Киннама явствуетъ, что Альпами въ его время называли не тѣ только горы, которыми разграничиваются Галлія, Италія и Германія, но всѣ вообще большія возвышенности: Альпы было имя нарицательное. Gloss. Graeco-lat. Alpes, ὄρη ὑψηλά. По этому Сидоній говоритъ объ Аѳонѣ (Carm. 2): silvorum currebant vela per Alpem. По этому также Авзоній (Epist. 23) называетъ Альпами и Пиринеи.

([3]) Мѣстность или страна, которую Киннамъ представляетъ здѣсь, какъ островъ, заключала въ себѣ Савію, Паннонію и Норикъ.

нять мѣсто въ ряду самыхъ великихъ удачъ римскаго оружія. Совершивъ это столь успѣшно, царь отправился подъ Зевгминъ, гдѣ, какъ сказано, оставленъ былъ Ватацій для осады этой крѣпости. Защитники Зевгмина упорно отстаивали свой городъ, пока у нихъ была надежда, что король въ непродолжительномъ времени придетъ къ нимъ на помощь; но когда получили извѣстіе, что его нѣтъ нигдѣ, а Римляне между тѣмъ приготовились къ штурмованію стѣнъ, тогда, страшась наступающей опасности, обратились они къ царю съ просьбою, чтобы, по сдачѣ крѣпости, позволено было имъ выдти невредимыми. Царь однакожъ отвергъ это предложеніе,—и они, повѣсивъ на шею веревки и снявъ съ головы покровы, предстали предъ него въ такомъ униженномъ видѣ. Царь запретилъ Римлянамъ убивать кого бы то ни было, а только позволилъ имъ расхитить эту богатую сокровищами крѣпость.

11. Окончивъ это, Римляне двинулись къ Савѣ, чтобы совершить чрезъ нее переправу, и вели за собою плѣнныхъ Гунновъ, которые числомъ далеко превосходили массу римскаго войска. Но еще не успѣли они переправиться, какъ разнеслась молва, что король Пэонянъ, счастливо окончивъ войну противъ Галиціи (¹) — страны тавроскиѳской и располагая огромными силами, съ великимъ рвеніемъ идетъ на Римлянъ. А царь за

(¹) Галиція во времена Киннама понимаема была, какъ часть Малой Россіи, *μέρος τῆς μικρᾶς Ρωσίας*, замѣчаетъ Андроникъ; а по словамъ Никиты (in Man. 1. 4. n, 2), *μία τῶν παρὰ τοῖς Ρὼς τοπαρχιῶν, οὓς καὶ Σκύθας ὑπερβορίους φασίν.*

то-то особенно и мстилъ ему, что онъ напалъ на Владиміра (¹) (это было имя правителя Галиціи), союзника Римлянъ, вопреки его желанію. Услышавъ объ этомъ, царь повелѣлъ прочему войску, военному обозу и самой большой части плѣнныхъ, которыхъ было огромное количество, переправиться на противоположный берегъ и тамъ оставаться, а самъ взялъ отборныхъ въ лагерѣ воиновъ и, вопреки неодобренію большей части военачальниковъ, повелъ ихъ назадъ, съ цѣлію—какъ можно скорѣе сразиться съ непріятелемъ, говоря, что дѣло волковъ, а не львовъ нападать на стада овецъ, при появленіи же пастуховъ или собакъ, бѣжать безъ всякаго стыда и довольствоваться тѣмъ, что кое-какъ спасаютъ себя и свою добычу. При семъ разсказываютъ о такомъ дѣлѣ, котораго я хвалить не могу, поколику оно разсматривается независимо отъ его намѣренія; а такъ какъ это дѣло совершено было, думаю, по нѣкоторой предусмотрительности, чтобы окружавшіе царя Римляне боролись съ большимъ воодушевленіемъ, то считаю его достойнымъ стратегической мудрости. Приготовившись уже оставить воды Савы и идти на встрѣчу Пэонянамъ, царь приказалъ начальнику флота перевесть корабли

(¹) Война Мануила съ Венграми была современна борьбѣ дѣтей Мономаховыхъ съ ихъ дядями. Кіевскій великій князь Изяславъ Владиміровичь, незадолго предъ тѣмъ выдавшій свою дочь замужъ за венгерскаго короля Гейзу, велъ войну съ Георгіемъ суздальскимъ и Владиміромъ галицкимъ и, боясь ихъ могущества, просилъ помощи у иноземнаго своего зятя. Гейза пришелъ къ нему съ войскомъ и, помогши ему разбить князя галицкаго, возвратился восвояси. Карамз. Т. 2 гл. 12.

къ другому берегу рѣки и тамъ стоять, чтобы, если кто изъ Римлянъ, убѣжавъ съ поля битвы, захотѣлъ бы быть перевезеннымъ на противоположный берегъ, и виду не показывать, что замѣчаютъ его. «Даже, если бы я самъ, — говорилъ царь,—прибывъ сюда, вздумалъ приказывать иное, чѣмъ теперь, то ты не долженъ исполнять такихъ приказаній; въ противномъ случаѣ, то есть, не исполнивъ того, что теперь повелѣвается, не избѣжишь казни». Такое приказаніе дано царемъ, думаю, съ цѣлію воодушевить воиновъ, какъ я уже сказалъ, къ отвагѣ; ибо, когда нѣтъ никакой выгоды отъ трусости, необходимо прибѣгать подъ защиту мужества. Тогда какъ царь уже готовъ былъ выступить оттуда, прибылъ одинъ убѣжавшій изъ Пэоніи военно-плѣнный Римлянинъ съ извѣстіемъ о скоромъ нашествіи короля. Услышавъ объ этомъ, царь уже не въ состояніи былъ сдерживать себя, изъ опасенія, какъ бы не показалось, будто войско Гунновъ, предупредивъ его, нападаетъ на бѣгущихъ Римлянъ. Поэтому, выстроивши свою армію, онъ двинулся назадъ. Оказалось однакожъ, что самаго короля еще не было; извѣщали только, что не далеко находится первый его сановникъ Белосисъ, (котораго по сану Гунны называютъ Баномъ) (¹),—и царь поспѣш-

(¹) Достоинство Бана, отъ котораго, очевидно, произошло малороссійское панъ, имѣло политическое значеніе у Венгровъ и Сербовъ и должно было соотвѣтствовать скиѳскому филарху или топарху. Этимъ достоинствомъ украшенъ былъ Бела или, какъ у Киннама, Белосисъ, внукъ короля Гейзы, братъ сербскаго князя Ура, на дочери котораго Еленѣ женатъ былъ король Бела, по прозванію Слѣпой. Ioannes Thworoczius c. 65.

но пошелъ на него, а когда уже стемнѣло, сошелъ съ лошади и уснулъ на щитѣ, прислонивъ его къ собственному вооруженію и приказавъ всему войску сдѣлать тоже самое. На слѣдующій день Белосисъ, узнавъ о наступленіи царя, подъ предлогами не слишкомъ благовидными, со всѣмъ своимъ войскомъ пошелъ назадъ. Выдумывая поводъ къ бѣгству, онъ говорилъ, будто король приказываетъ ему оставить настоящій путь и идти по направленію къ городу Браничеву (¹) въ той мысли, что оттуда лучше устремиться на Римлянъ. Царь однакожъ, все еще не переставая преслѣдовать его, достигъ рѣки, переправился чрезъ нее и, прибывъ въ Браничевъ, остановился тамъ. Потомъ, немного спустя, онъ задумалъ фуражировку и послалъ войско въ другую часть земли гуннской,—туда, гдѣ находится гора, называемая у туземцевъ Темисисъ. Это войско пошло подъ предводительствомъ Бориса (²), который, говорятъ, происходилъ изъ одного по-

---

(¹) Нѣкогда знаменитый городъ Браничевъ, называвшійся во время римскаго владычества Viminatium, лежалъ по обѣимъ сторонамъ рѣки Млавы, при самомъ впаденіи ея въ Дунай, гдѣ и теперь еще видны развалины, Браничевацъ и Костолацъ. Шафарикъ Т. II, кн. I, стр. 347.

(²) Этотъ Борисъ былъ сынъ венгерскаго короля Каламана и жены его, дочери россійскаго князя, которую онъ обвинялъ въ невѣрности себѣ, и потому, самаго Бориса не признавая законнымъ своимъ сыномъ, лишилъ его наслѣдія. Не могши доказать своихъ правъ на престолъ, Борисъ пришелъ въ Византію и женился на родственницѣ царя Іоанна. Западные историки разсказываютъ, что, командуя римскими войсками, онъ неоднократно нападалъ на Венгрію, но всякій разъ былъ разбиваемъ, и наконецъ одинъ слуга Куманъ закололъ его стрѣлою въ 1156 году. Otho Frising. l. 7 Chron. c. 21. 34.

колѣнія съ Гейзою, но по какому-то случаю за долго предъ тѣмъ перебѣжалъ къ царю Іоанну, а царь удостоилъ его значительныхъ почестей и женилъ на одной своей родственницѣ. Прибывъ въ ту страну, Борисъ обошелъ и разрушилъ тамошнія мѣстечки, по множеству жителей тѣсныя, но изобиловавшія всевозможными благами; потомъ, встрѣтившись съ тремя гуннскими фалангами и сразившись съ ними, обратилъ ихъ въ бѣгство, ибо онѣ думали, что тутъ самъ царь, и, съ богатою добычею возвратившись оттуда, присоединился къ римскому лагерю. Узнавъ, что не царь римскій, а Борисъ нанесъ Пэоніи столько бѣдствій, король съ яростію погнался за нимъ, но уже не могъ вступить съ нимъ въ дѣло; потому что Борисъ успѣлъ переправиться чрезъ рѣку ночью при свѣтѣ факеловъ, присланныхъ ему въ большомъ количествѣ изъ царскаго лагеря. Даже и два пѣхотные отряда, остававшіеся еще на противоположномъ берегу рѣки, успѣли отъ прибывшихъ Гунновъ скрыться въ кустарникѣ. Совершивъ это и овладѣвъ, сколько можно было, городами придунайскими, царь остановился здѣсь— въ намѣреніи переправиться чрезъ Дунай и сразиться съ королемъ, который стоялъ лагеремъ на другомъ берегу той же рѣки. Но послѣдній, узнавъ о намѣреніи царя и опасаясь неблагопріятнаго исхода войны, какъ бы, то есть, потерпѣвъ неудачу и здѣсь, вконецъ не погубить гуннской земли, послалъ къ царю людей для переговоровъ о мирѣ. Послѣ того царь пришелъ въ Византію, торжественно отраздновалъ побѣду и принесъ Богу

жертву благодарности. Около этого времени августѣйшая Ирина родила ему первое дитя—прекрасную дочь, которая была названа Маріею (¹) и провозглашена царевною.

12. Таковы были дѣла Римлянъ. Между тѣмъ сицилійскій тираннъ Рожеръ (²) умеръ,—и власть получилъ сынъ его Вильгельмъ. Сознавая, что его отецъ во многихъ случаяхъ по отношенію къ римской Имперіи поступалъ несправедливо, онъ счелъ нужнымъ послать къ царю пословъ, чтобы распутать недоразумѣнія. И такъ, пришли послы, изъ которыхъ каждый былъ облеченъ саномъ епископа. А смыслъ посольства былъ таковъ. Вильгельмъ обѣщалъ возвратить все движимое и недвижимое, что удалось Рожеру, какъ я уже говорилъ, увлечь на свои корабли изъ Эвбеи, изъ элладскихъ Ѳивъ и Коринѳа, и объявлялъ царю, что съ удовольствіемъ исполнитъ, чего бы онъ ни пожелалъ. Но царь отослалъ (³) пословъ и, снарядивъ флотъ, посадилъ на него войско подъ предводительствомъ дяди своего Константина, по прозванію Ангела, и приказалъ ему, приставъ

(¹) См. таблицу рода Комниныхъ.

(²) Сицилійскій король Рожеръ умеръ, по хроникѣ Ромуальда, въ 1152 году; но Робертъ де Монте относитъ его смерть къ 29 Апр. 1153 года, а другіе даже къ 1154 году.

(³) Otho Frising (l. 2 de Gest. Frid. c. 11) говоритъ, что тотчасъ по смерти Рожера, Мануилъ сильно подстрекаемъ былъ противъ Вильгельма союзомъ съ Фридерикомъ. Но это мнѣніе подозрительно: для чего присланы были къ Мануилу, въ качествѣ пословъ, одни епископы? и чего требовалъ отъ него Вильгельмъ въ-замѣнъ того, что онъ возвращалъ ему? Смыслъ посольства у Киннама, повидимому, высказанъ не вполнѣ.

къ какому нибудь мѣсту Лаконіи, ожидать тамъ остальной, еще не прибывшей части флота. Константинъ отправился изъ Византіи и при благопріятномъ вѣтрѣ достигъ лаконійскаго мыса, который многіе, по мѣстоположенію, называютъ Монемвасіей (¹). Между тѣмъ царь узналъ, что король Пэонянъ Гейза, раздраженный прежними потерями, намѣревается нечаянно напасть на города придунайскіе, и потому старался предупредить это покушеніе. Для сего онъ съ возможною скоростію возвратился къ берегамъ Дуная и расположился лагеремъ противъ лагеря Гунновъ, находившагося на другой сторонѣ рѣки. До нѣкотораго времени ни тѣ, ни другіе не хотѣли начинать битвы, особенно потому, что къ Римлянамъ еще не пришли корабли. Но когда, спустя нѣсколько дней, Римляне настроили, изъ чего попало, множество небольшихъ лодокъ и спустили ихъ на воду, король Пэонянъ, узнавъ объ этомъ и боясь, чтобы, какъ я сказалъ, вторично не потерпѣть неудачи и не подвергнуть опасности свою власть, опять приступилъ къ переговорамъ. Отправивъ пословъ, онъ просилъ оставить въ плѣну не болѣе десяти тысячь Гунновъ, а прочія толпы плѣнниковъ возвратить; тогда, говорилъ, во всю жизнь будемъ находиться въ дружбѣ съ Римлянами и цѣлый вѣкъ сохранять союзъ съ ними. По заключеніи мира на этихъ условіяхъ, римское войско возвратилось оттуда.

(¹) Мысъ Монемвасія получилъ это названіе по лежавшему на немъ городу Монемвасіи, иначе Мальвасіи. Этотъ городъ находился въ Пелопонесѣ и былъ резиденціею архіепископа. Hoffm. Lex.

*

13. Такъ шли дѣла на сушѣ. Но, по неблагоразумію вождя, совсѣмъ не такъ кончились они на морѣ. Узнавъ, что флотъ Вильгельма возвращается изъ Египта, отъ рѣки Нила, и что онъ наполненъ добычею и тамошними богатствами, Ангелъ задумалъ совершить нѣчто великое: не дождавшись изъ Византіи остальнаго флота, онъ поспѣшно снялся съ якоря и устремился навстрѣчу непріятелю, хотя царь многократно запрещалъ ему это и письменно убѣждалъ его съ такою малочисленною силою не выступать противъ силы гораздо большей, ибо ничто не помѣшаетъ варварамъ, говорилъ онъ, взять въ плѣнъ и самаго Ангела, такъ что, по поговоркѣ, не придетъ съ битвы даже и ангелъ (вѣстникъ). Но онъ вмѣнилъ эти слова ни во что и вступилъ въ битву (¹) съ появившимся уже сицилійскимъ флотомъ. Сицилійцы сначала поворотили кормы и отступили въ порядкѣ; а потомъ, когда узнали о безпорядочномъ наступленіи Римлянъ и когда уже сдѣлалась очевидною малочисленность ихъ кораблей,—вдругъ обратились и понеслись на непріятельскій флотъ; между тѣмъ вѣтеръ, дувшій сперва въ кормы римскихъ кораблей, теперь какою-то судьбою сталъ дуть въ ихъ носы. Такимъ образомъ нѣкоторые римскіе корабли, состоявшіе подъ начальствомъ Ангела—брата главнаго вождя,

---

(¹) Это морское сраженіе Римлянъ съ Сицилійцами, въ которомъ взятъ былъ въ плѣнъ Константинъ Ангелъ, описывается также Никитою (L. 2, n. 7). Сицилійскимъ флотомъ управлялъ Maio Barensis, который въ выданномъ ему дипломѣ короля Вильгельма (Baronius A. 1156) называется magnus amiratus amiratorum.

которыхъ впрочемъ было немного, спаслись безславнымъ побѣгомъ; а Константинъ, оставленный среди непріятелей, взятъ былъ ими въ плѣнъ и этимъ заплатилъ за свое неблагоразуміе. Вотъ что новаго произошло въ томъ году.

14. Между тѣмъ царь услышалъ, что правитель Пэонянъ опять думаетъ возобновить враждебныя дѣйствія, (ибо не могъ переносить столь обидныхъ для него прежнихъ потерь), и уже шелъ по направленію къ Дунаю. Изумленный однакожъ тогда приближеніемъ царя, онъ снова сталъ просить его о мирѣ,—и война между ними была прервана, просіяла улыбка выгоднаго мира. Но немного спустя, по поводу, который подалъ племянникъ царя Андроникъ, она опять возгорѣлась противъ Римлянъ. Впрочемъ объ этомъ послѣ. Упоминаемаго здѣсь Андроника царь послалъ тогда въ Киликію и Исаврію, давъ ему полную свободу въ дѣлѣ войны; ибо Терозій (¹) — явный любимецъ счастія, родомъ Армянинъ, давно когда-то, еще во времена войнъ въ предѣлахъ исаврійскихъ, взятый въ плѣнъ царемъ Іоанномъ, убѣжалъ изъ Византіи, прибылъ въ Киликію и, замысливъ измѣну, убѣждалъ тамошніе города отложиться отъ власти Римлянъ. Вотъ для того-то царь и послалъ Андроника, а Кесаря (²) отправилъ съ тѣмъ, чтобы онъ взялъ въ супружество Констанцію, жену князя Раймунда, который кон-

---

(¹) Иначе Торосъ или Ѳеодоръ, князь Арменіи, наслѣдовавшій власть брата своего Ливонія. Объ этомъ походѣ Андроника упоминаетъ и Никита L. 3. n. 1.

(²) См. таблицу рода Комниныхъ.

чилъ (¹) уже свою жизнь, и я сейчасъ разскажу,— какимъ образомъ. Есть одна небольшая крѣпость (²), находящаяся недалеко отъ Верреи и служившая Антіохійцамъ для склада взносовъ. Обитавшіе въ тѣхъ предѣлахъ варвары, узнавъ, что она терпитъ недостатокъ въ необходимыхъ жизненныхъ припасахъ, вздумали осадить ее. Раймундъ, больше всѣхъ готовый къ военнымъ дѣйствіямъ, при извѣстіи объ этомъ, весьма поспѣшно пришелъ къ крѣпости съ имѣвшимся у него войскомъ: непріятели не могли противустоять ему,—и онъ, снабдивъ крѣпость всѣмъ нужнымъ, пошелъ оттуда обратно. Наступилъ уже вечеръ, но ему хотѣлось идти далѣе; потому что еще не представлялось мѣста, гдѣ можно было бы безопасно остановиться на ночь. Напротивъ окружавшіе его, почувствовавъ усталость отъ путешествія, желали поставить палатки гдѣ-то тамъ и для того указывали мѣсто, по большей части окруженное болотами, а съ одной стороны запертое холмами и лѣсистыми возвышенностями. Раймундъ продолжалъ упорствовать и, указывая на кустарникъ, говорилъ: «боюсь, какъ бы непріятели ночью не напали на насъ съ этой стороны и не лишили насъ возможности отступить,—тогда мы погибнемъ, какъ овцы, запертыя въ загороди, и не будемъ въ состояніи защищаться». Но одинъ изъ окружавшихъ Раймунда, человѣкъ дерзскій, на-

---

(¹) Объ убіеніи антіохійскаго князя Раймунда говорятъ Will. Tyrius L. 17 c. 9. Willhelm. Neubrigensis L. 1, c. 21. Robert. de Monte A. 1146. Trivetus A. 1150.

(²) Эта крѣпость у Вильг. Тирск. называется Непа.

чалъ укорять его словами и говорилъ, что это— трусость, а не благоразуміе. Тогда Раймундъ, разсердившись, сказалъ ему: «знаю, любезный, что если бы мы ушли отсюда, ты никогда не переставъ бы упрекать насъ въ этомъ. Такъ хорошо же: мы, по твоему желанію, расположимся здѣсь; только, смотри, будь готовъ на дѣлѣ показать намъ ту храбрость, о которой теперь безъ нужды проповѣдуешь,—будь готовъ показать ее, когда непріятельское войско нападетъ на насъ съ показанной мною стороны и начнетъ поражать насъ бѣдствіемъ». Сказавъ это, Раймундъ расположился на томъ мѣстѣ, гдѣ ему суждено было остаться навсегда. Наступила глубокая ночь,—и Персы, именно откуда сказано, напали на Римлянъ, изрубили какъ ихъ самихъ, такъ и лошадей, и никто не могъ ни защищаться, ни спастись. Послѣ сего Кесарь Іоаннъ прибылъ, какъ мы сказали, въ Антіохію, но ничего не сдѣлалъ для цѣли своего путешествія (ибо, бывъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, не понравился Констанціи), а потому возвратился въ Византію, гдѣ, впавъ въ болѣзнь, постригся и облекся въ черную одежду.

15. Между тѣмъ Андроникъ прибылъ въ Киликію и, такъ какъ Терозій имѣлъ пребываніе въ Мопсуестіи, со всѣмъ войскомъ приступилъ къ осадѣ этого города. Можетъ быть, онъ и совершилъ бы что-нибудь хорошее и весьма легко взялъ бы въ плѣнъ измѣнника, если бы не предался лѣности и сценическимъ играмъ, и этимъ не испортилъ дѣла Римлянъ; ибо Терозій, узнавъ объ изнѣженности Андроника и о томъ, что

имъ владѣетъ ни къ чему негодная страсть, выбралъ одну безлунную ночь, когда притомъ шелъ проливной дождь, разрушилъ во многихъ мѣстахъ мопсуестійскую стѣну, вывелъ съ собою все многочисленное свое войско и, неожиданно напавъ на Римлянъ, разбилъ ихъ на-голову. Узнавъ объ этомъ слишкомъ поздно, Андроникъ, (отличавшійся, какъ я сказалъ, чрезвычайною безпечностію), сѣлъ на коня и, рыца съ копьемъ, совершалъ рукою дѣла дивныя, ибо, какъ многократно было говорено, громкими словами никому не уступалъ въ мужествѣ); однакожъ все не смогъ ничего сдѣлать и, едва избѣгнувъ плѣна, пришелъ въ Антіохію. Въ этомъ сраженіи лишился жизни и Ѳеодоръ Контостефанъ, возведенный въ достоинство Севаста: когда лошадь его пала отъ стрѣлъ,—одинъ изъ римскихъ наемниковъ, по личной къ нему ненависти, снялъ съ него голову. Говорятъ, что задолго прежде Ѳеодоръ, на бѣду себѣ, выгналъ этого злодѣя изъ царскаго дворца.

16. Такъ шли тогда дѣла въ Киликіи. Возвратившись изъ города Антіохіи въ Византію, Андроникъ опять не менѣе былъ виденъ при дворѣ и, сверхъ чаянія, пользовался прежнею довѣренностію. Говорили, будто царь, принимая его наединѣ, жестоко бранилъ, укорялъ въ нерадѣніи о воинскихъ дѣлахъ и обличалъ за неблаговременныя удовольствія; а между тѣмъ при всѣхъ дѣлалъ ему блистательные подарки и честилъ болѣе другихъ,—даже наименовалъ его тогда Дуксомъ Наиса и Браничева, и сверхъ того отдалъ

ему Касторію (¹). Я не могу рѣшительно сказать, издавна ли Андроникъ замышлялъ измѣну и тайно питалъ въ себѣ это стремленіе, но могу указать на то время, съ котораго начало проявляться въ немъ неудовольствіе. Главною заботою царя Мануила, тотчасъ по вступленіи его на престолъ, было особенно то, чтобы, сколько можно болѣе, улучшить вооруженіе Римлянъ. Прежде они обыкновенно защищались круглыми щитами, по большей части носили колчаны и рѣшали сраженія стрѣлами; а Мануилъ научилъ ихъ употреблять щиты до ногъ, дѣйствовать длинными копьями и пріобрѣтать какъ можно болѣе искусства въ верховой ѣздѣ. Въ самое даже свободное время отъ войны онъ старался приготовлять Римлянъ къ войнѣ, и для того имѣлъ обыкновеніе нерѣдко выѣзжать на конѣ и дѣлать примѣрныя сраженія (²), становя отряды войска одинъ противъ другаго. Дѣйствуя въ этихъ случаяхъ деревянными копьями, они такимъ образомъ пріучались съ ловкостію владѣть оружіемъ. Вслѣдствіе сего римскій воинъ скоро превзошелъ и германскаго и италійскаго копейщика. Отъ такихъ упражненій не уклонялся и самъ царь, но становился въ числѣ первыхъ и дѣйствовалъ копьемъ, которое по долготѣ и величинѣ съ другими было несравнимо. Кромѣ того, что сказано, вывѣшива-

---

(¹) Касторія—епископскій городъ въ Македоніи при озерѣ Лихнидѣ. Hoffm. Lex.

(²) Эти примѣрныя сраженія, по свидѣтельству Никифора Григоры (L. 10), вошли въ обычай при Мануилѣ и заимствованы Греками отъ Латинянъ или Франковъ. См. Никит. L. 3, n. 3.

лось еще какое-то необыкновенное знамя, которое, какъ раздѣленное на восемь частей, было въ обычаѣ называть восминожнымъ. Этому, во время своего пріѣзда въ Византію, дивился, говорятъ, и самъ Раймундъ, по словамъ разсказчиковъ, настоящій Геркулесъ (¹). Предполагая въ тѣхъ вещахъ какую-нибудь хитрость, онъ подошелъ къ царю и попросилъ у него то самое копье и тотъ самый щитъ,—и только взявъ ихъ въ руки и узнавъ, что онѣ дѣйствительные, съ изумленіемъ высказалъ причину, по которой просилъ ихъ.

17. Однажды во время такого примѣрнаго сраженія, производимаго царемъ при Ираклеѣ мизійской, сыну Андроника Севастократора, Іоанну, красивому и стройному юношѣ, пришлось отъ удара италіянскимъ копьемъ лишиться одного глаза. Желая доставить ему утѣшеніе въ такомъ несчастіи, царь возвелъ его въ санъ Протовестарха и далъ ему достоинство Протосеваста. Это, говорятъ, сильно возмутило душу Андроника, и съ того времени онъ постоянно строилъ коварные замыслы. Ведя послѣднюю войну въ Киликіи, склонилъ онъ на свою сторону палестинскаго короля и персидскаго султана; получивъ же власть, какъ уже сказано, надъ Паисомъ и Бра-

---

(¹) О геркулесовской силѣ и воинскихъ доблестяхъ Раймунда свидѣтельствуетъ и Вильгельмъ Тирскій (L. 14, c. 21); а Вильгельмъ Неубрагенскій (L. 1, c. 21) говоритъ: quippe hic fuerat christiani nominis in Oriente fortissimus propugnator, atque insignium gestorum titulis veteris in se Machbaei transfuderat gloriam, etc.

ничевомъ, писалъ королю Пэонянъ, что, если послѣдній согласится содѣйствовать его тиранніи и поможетъ въ его предпріятіи, онъ обѣщаетъ, по достиженіи желаемой цѣли, уступить ему города Браничевъ и Нансъ. А чтобы не разнеслась объ этомъ молва и не послужила къ его обвиненію, онъ умѣлъ дать дѣлу другой оборотъ; именно: объявилъ царю, что онъ хочетъ нѣкоторыхъ пэонскихъ вельможъ, начинающихъ оказывать ему преданность, держать въ ослѣпленіи, чтобы такимъ образомъ они удобнѣе попались въ его ловушку. Но царю уже извѣстенъ былъ обманъ; до его рукъ дошло то самое письмо, въ которомъ Андроникъ предлагалъ правителю Пэоніи вышеупомянутое обѣщаніе. Намѣреваясь приготовить ему обличеніе, царь допускаетъ его совершить задуманное дѣло безъ всякаго препятствія,—и Андроникъ, полагая, что не осталось уже и тѣни подозрѣнія, смѣло отправляетъ пословъ къ Гуннамъ и къ королю Алемановъ, съ приглашеніемъ его въ извѣстное время на помощь. Послѣ такихъ коварныхъ поступковъ возвращается онъ въ Византію, какъ будто условія между Римлянами и Гуннами уже заключены. Но царь,—не знаю, по жалости ли къ этому человѣку (ибо чрезвычайно любилъ его, какъ своего ровесника, вмѣстѣ съ нимъ пользовавшагося и одною пищею, и однимъ воспитаніемъ, вмѣстѣ съ нимъ упражнявшагося и въ бѣганіи, и въ борьбѣ, и во многихъ другихъ подвигахъ), или по какому иному побужденію,—все еще терпѣлъ тогда злодѣя. Однажды, находясь въ Ираклеѣ мизійской, которую, не знаю,

съ какого языка, Римляне стали называть теперь Пелагоніей, вышелъ онъ ночью на охоту, съ тѣмъ чтобы, какъ это часто случалось, тамъ имѣть и ночлегъ. Обладая великою силою тѣла, онъ ходилъ на медвѣдей, нападалъ на кабановъ и шелъ на нихъ большею частію пѣшій съ однимъ дротикомъ. Разсказывали, что какъ надѣлъ онъ тогда въ первый разъ латы, такъ почти постоянно и оставался въ вооруженіи, остерегаясь будто бы козни со стороны Исаака Севастократора и великаго Стратарха, хотя послѣдній до самаго конца не сдѣлалъ ему ничего непріятнаго, кромѣ того только, что снималъ царскія печати (¹), которыми обыкновенно утверждаемы были подарки. Впрочемъ царь дѣлалъ это не безъ повода, но по извѣстной причинѣ, о которой сейчасъ скажу. Тогда какъ онъ проводилъ время въ Мелангіяхъ близъ одного мѣста, называемаго Метаволи, — за обѣдами обыкновенно произносились похвальныя рѣчи. При этомъ другіе единодушно прославляли подвиги царя, а Іоаннъ гораздо больше превозносилъ и выставлялъ на видъ дѣла его отца. Царь съ удовольствіемъ принималъ, что̀ было говорено, и, унижаемый предъ отцемъ, одобрялъ оратора. Іоаннъ хотя и видѣлъ, что въ другихъ это возбуждаетъ ненависть, однакоже все еще не прерывалъ своей рѣчи, поставляя на видъ, что онъ приноситъ дань вѣрности покойному самодержцу,

---

(¹) Царская грамота на какой-нибудь подарокъ обыкновенно утверждалась царскою печатью, которая привѣшивалась къ грамотѣ на снуркѣ. Плутовское искусство снимать съ грамоты печать безъ сомнѣнія имѣло цѣлію дѣлать подлоги.

какъ поступаютъ, думаю, многіе люди; ибо похвалы отшедшимъ бываютъ свидѣтельствомъ признательности къ нимъ людей еще живущихъ. Но кромѣ того, онъ сталъ рѣзко и непочтительно отзываться о сынѣ. Тогда произошла тревога, и этотъ Андроникъ, бросивъ на Севастократора яростный взглядъ, готовъ былъ уже снять съ него голову мечемъ, если бы царь не удержалъ его руки, а Іоаннъ Дука, тоже племянникъ царя, не подставилъ подъ опускавшійся мечь нагайки, которою обыкновенно погоняютъ лошадей, и ослабленнаго удара не уклонилъ на щеку Андроника. Такимъ образомъ Іоаннъ предохраненъ былъ отъ удара; а царь, удерживая, какъ я сказалъ, руку Андроника, получилъ рану,—правда, не смертельную, однакожъ плоть была нѣсколько разсѣчена, и рубецъ на кисти его руки остался на всю жизнь. Послѣ сего усилившаяся до такой степени Андроникова ревность замолчала. Спустя нѣсколько дней, Исаака царь удалилъ отъ себя, а Іоанна предалъ суду и подвергъ его упомянутому наказанію, гораздо слабѣйшему, чѣмъ какое слѣдовало по законамъ. Но возвратимся къ прежнему разсказу.

18. Узнавъ, что царь проводитъ время въ ночной охотѣ, Андроникъ вооружилъ тѣхъ бывшихъ при немъ Исаврянъ, которые еще прежде дали ему слово идти съ нимъ противъ кого бы то ни было, и, сѣвъ на самаго быстраго изъ своихъ коней, поскакалъ съ ними на мѣсто охоты. Потомъ Исаврянъ поставилъ онъ подальше въ кустарникѣ, верхомъ на коняхъ, а самъ подъѣхалъ

къ царской палаткѣ на лошакѣ, тихо сошелъ съ него и медленно пошелъ, тряся правою рукою кинжалъ. А чтобы никто не схватилъ его, — надѣлъ на себя, вмѣсто обыкновеннаго платья, италіянское. Но какъ скоро увидѣлъ Андроникъ, что его узнали (ибо охранявшіе спящаго царя уже обнажили мечи, и въ числѣ охранителей былъ царскій племянникъ Іоаннъ, который, говорятъ, прежде другихъ замѣтилъ подходящаго Андроника),—какъ скоро увидѣлъ онъ это,—тотчасъ склонился на колѣни и прикинулся испражняющимся, а потомъ, понемногу отступая, ушелъ. Такъ разстроенъ былъ здѣсь его замыслъ. Вскорѣ послѣ сего онъ опять вышелъ ночью съ большою толпою Исаврянъ и сталъ подкарауливать царя. Но объ этомъ донесъ царицѣ Алексѣй, тогдашній начальникъ царской конюшни (каковую должность Римляне означаютъ именемъ Протостратора) (¹),— и съ извѣстіемъ о замыслѣ тотчасъ отправленъ былъ къ царю нѣкто изъ людей самыхъ проворныхъ, а потомъ съ тридцатью вооруженными воинами посланъ и Исахъ, родомъ варваръ, однакожъ царю весьма преданный. Но еще не успѣлъ Исахъ дойти до мѣста, какъ царь уже узналъ о дѣлѣ и, когда другіе объяты были страхомъ и трепетали (ибо случилось, что большая часть изъ нихъ ѣхала на лошакахъ), онъ счелъ нужнымъ,

---

(¹) Званію или должности Протостратора при дворахъ римскомъ и византійскомъ соотвѣтствовала должность конюшаго при дворахъ россійскихъ князей и государей. Этого чиновника Римляне называли также princeps stratorum, или primus equisonum. Hoffm. Lex.

чтобы они уклонились отъ прямой дороги, которая ведетъ къ лагерю и царской палаткѣ, и пошли по необыкновенной и непротоптанной, которую тогда же указывалъ,—и притомъ, чтобы они двигались не толпою, а по одиначкѣ, и въ шествіи оставляли промежутокъ; «чрезъ это, говорилъ онъ, мы будемъ казаться людьми, идущими съ пастбища и возвращающимися въ тѣ видимыя отсюда шалаши». Такимъ образомъ царь ѣхалъ къ своей палаткѣ безъ трепета. Между тѣмъ Іоанна, о которомъ недавно упоминалось, встрѣтилъ и терзалъ зубами кабанъ. Узнавъ объ этомъ, царь быстро поскакалъ назадъ, пришелъ къ нему и, сдѣлавъ, что слѣдовало, оставилъ его. Онъ съ такимъ великодушіемъ принялъ замышляемое противъ себя дѣло, что (по возвращеніи) даже не бросилъ на Андроника и суроваго взгляда. А Андроникъ, какъ бы ничего не зная, что дѣлалось, усердно ухаживалъ за своимъ конемъ, о которомъ я упомянулъ, и повидимому всегда много говорилъ и думалъ объ Іоаннѣ. Поэтому, когда царь однажды спросилъ его: что значитъ такое ухаживаніе за этимъ конемъ? — онъ отвѣчалъ: «я ухаживаю за нимъ для того, чтобы, отрубивъ голову у ненавистнѣйшаго мнѣ изъ всѣхъ людей, уйти на немъ»,—какъ бы намекая тѣмъ на Протосеваста. Узнавъ, что этотъ человѣкъ страдаетъ такимъ неистовствомъ, царь удалилъ его отъ общенія съ собою и содержалъ подъ стражею во дворцѣ.

19. Итакъ, Андроникъ былъ низверженъ; а король Пэоніи, ничего еще не зная о томъ, что

съ нимъ случилось, составилъ войска изъ Чеховъ, Саксонцевъ и другихъ многихъ народовъ, и приступилъ къ осадѣ Браничева,—думаю, въ твердой надеждѣ на то, въ чемъ удалось ему условиться съ Андроникомъ. Царь былъ пораженъ извѣстіемъ объ этомъ и удивлялся вѣроломству Гунновъ, безъ всякой причины нарушившимъ только что данную клятву. Видя, что это дѣло требуетъ быстроты, онъ немедленно направился къ Дунаю и, зная что бывшее при немъ войско не въ силахъ бороться съ войскомъ Гунновъ (ибо силы Римлянъ, тогда какъ ниоткуда не предвидѣлось враждебныхъ дѣйствій, были разосланы по областямъ), придумалъ слѣдующее. Есть одно довольно крѣпкое отъ природы мѣсто, по имени Смила(¹),—и царь положилъ занять его, чтобы оттуда дѣлать набѣги на Гунновъ; а для побужденія Браничевцевъ по немногу отстаивать свой городъ, написалъ къ нимъ грамоту съ извѣщеніемъ, что онъ не замедлитъ придти къ нимъ, и, вручивъ ее одному изъ воиновъ, приказалъ ему привязать ее къ стрѣлѣ и пустить въ городъ. Воинъ сдѣлалъ, что было приказано; но стрѣла, опустившись далѣе, чѣмъ сколько слѣдовало, попала въ руки Гунновъ. Это тотчасъ произвело у нихъ тревогу, и они, предавъ огню машины и все, что было приготовлено для разрушенія стѣнъ, устремились къ переправѣ черезъ Дунай. Но Дунай былъ въ разливѣ, ибо въ верховьяхъ его шли сильные

(¹) Смила городъ, нынѣ Смолинецъ, селеніе близъ Браничева Шафарикъ т. II, кн. 1 стр, 358.

дожди, и потому они направились къ Бѣлграду. Узнавъ объ этомъ и получивъ извѣстіе, что вмѣстѣ съ тѣмъ и правитель далматской страны Борисъ Боснякъ, бывшій въ числѣ союзниковъ паонскаго государя, возвращается въ свою землю, царь выбралъ самыхъ сильныхъ людей изъ своего войска и послалъ ихъ вступить въ битву съ Борисомъ. Надъ этимъ отрядомъ начальствовалъ Василій, о которомъ я уже упомянулъ,— человѣкъ, происходившій не изъ знатнаго дома, но состоявшій при царѣ Хартуляріемъ (¹). Царь же съ остальнымъ римскимъ войскомъ медленно шелъ позади. Но Василій, забывъ, кажется, для чего и съ кѣмъ послалъ его царь воевать, чрезъ ускоренное движеніе очутился вблизи войска гуннскаго и, встрѣтивъ передовые его отряды, обратилъ ихъ въ бѣгство, а потомъ бросился въ самую средину

(¹) Хартуляріемъ назывался чиновникъ, занимавшійся веденіемъ дѣловыхъ бумагъ по какой-нибудь отрасли бюрократіи (χάρτης листъ папируса). По ближайшему истолкованію слова, это—секретарь, или правитель дѣлъ. Въ новеллахъ Юстиніана мы встрѣчаемъ Хартуляріевъ sacri cubiculi (8 и 25), которые вели запись расходовъ по этому предмету, также Хартуляріевъ numerorum militarium (117. cap. 11), которые вносили въ списки имена воиновъ. Константинъ Порфирор. (de Adm. Imp. cap. 43) упоминаетъ о Хартуляріѣ δξέος δρόμου, а Іоаннъ Дамаскинъ (Epist. Synod. ad Theophil.) о Хартуляріѣ τῆς λεγουμένης ἐξαρτήσεως. Такъ какъ Хартуляріевъ было много, то отсюда произошла *школа Хартуляріевъ*, о которой говоритъ Lex. 1 Cod. de Offic. Praef. Praet. Хартуляріями назывались и тѣ лица, которые вели запись государственныхъ податей и сборовъ ихъ (Histor. Miscel. 1. 22), а главный начальникъ этихъ лицъ носилъ титулъ великаго Хартуляріа. Duc. c. 30. Хартуляріи завѣдывалъ также царскими лошадьми, какъ это видно изъ свидѣтельства Зонара и Льва Исавра (p. 83 и великій Хартуляріи въ этомъ смыслѣ стоялъ при дворѣ степенью ниже Протостратора. Codin. de Offic. aulae Cp. c. 5. n. 6.

гуннской фаланги, въ той мысли, что совершитъ великое дѣло, если, напавъ на устрашенныхъ Гунновъ, приведетъ ихъ въ смятеніе. — И его мысль съ перваго взгляда казалась не совсѣмъ неосновательною: Гунны, подумавъ сперва, что самъ царь распоряжается этимъ нападеніемъ, побѣжали безъ всякаго порядка,—и многіе изъ нихъ, бросаясь толпами на суда, тонули въ рѣкѣ. Но когда узнали они, что царь идетъ позади, и что войскомъ управляетъ Василій, — ободрились и, обратившись назадъ, противустали Римлянамъ. Римляне, хотя были гораздо малочисленнѣе непріятелей, однакожъ выдерживали ихъ нападеніе. При этомъ много было убито съ той и другой стороны, пока союзные Римлянамъ Гунны, подъ начальствомъ Стефана (¹), сына Гейзы, не начали бѣгства первые; ибо съ той минуты преслѣдованіе стало обратнымъ, — и изъ Стефановыхъ Гунновъ пали почти всѣ, а изъ Римлянъ многіе, другіе же, въ числѣ которыхъ былъ и военачальникъ Василій, спаслись бѣгствомъ. Вѣсти объ этомъ и въ-добавокъ о томъ еще, что жители Бѣлграда замышляютъ отложиться отъ Римлянъ, сильно озаботили царя. Посему царь отправилъ Іоанна Кантакузина, чтобы онъ постарался возстановить спокойствіе въ городѣ, коле-

---

(¹) Стефанъ, о которомъ здѣсь говоритъ Киннамъ, былъ не сынъ, а братъ Гейзы, какъ это явствуетъ ниже (кн. 4), изъ словъ самаго Киннама и изъ свидѣтельства Радевика (L. 3. c. 12), гдѣ сказано, что Стефанъ, домогаясь царской власти, отъ брата отправился къ императору Фридерику, а Фридерикомъ препровожденъ былъ въ Грецію. Carol. du Fresne in h. l.

бавшемся, какъ я сказалъ, мыслію объ отложеніи отъ Римлянъ, а между тѣмъ предалъ погребенію убитыхъ и созвалъ бѣжавшихъ отвсюду, гдѣ они скрывались. Сильно досадуя на случившееся, онъ горячился и хотѣлъ было отправиться въ погоню за Гуннами; но когда Римляне не одобрили этого, сказалъ: «стыдно мнѣ, господа, не получивъ ранъ, отказываться отъ подвига за честь Римлянъ». Впрочемъ услышавъ, что Гунны— далеко, сдержалъ свой порывъ. Между тѣмъ и Кантакузинъ, исполнивъ то, за чѣмъ былъ посыланъ, возвратился и представилъ узниками людей, подстрекавшихъ, какъ сказано, Бѣлградянъ къ отложенію. Тогда, снявъ лагерь, двинулся онъ оттуда и перезимовалъ по близости города Беріи ([1]); съ весною же, собравъ отвсюду войска, опять пошелъ на Гунновъ, въ намѣреніи вторгнуться въ самую средину ихъ страны. Для этой цѣли онъ со всѣмъ своимъ войскомъ расположился лагеремъ на берегахъ Дуная, при которыхъ стояли и приведенные изъ Византіи корабли, готовые перевести его войско. Между тѣмъ король Пэонянъ, видя себя въ слишкомъ тѣсныхъ обстоятельствахъ, сталъ думать уже о посольствѣ и, пославъ къ царю почетныхъ у себя лицъ, объявлялъ, что немедленно возвратитъ плѣнныхъ Римлянъ и на будущее время будетъ служить ему всѣмъ, чего бы онъ ни захотѣлъ. Царь, сперва какъ будто и слушать не хотѣлъ предлагавшихъ

([1]) Городъ въ Македоніи, на рѣкѣ Лидіи, по латинскому произношенію Береа, по турецкому Бооръ. Hoffman, Lex.

*

ему миръ, но потомъ допустилъ къ себѣ просителей и принялъ вышесказанныя условія. Итакъ, въ римскій лагерь приведены были всѣ, сдѣлавшіеся плѣнниками въ разсказанную битву; туда же возвращены—и оружіе, и лошади, и прочая добыча войны. Взамѣнъ же лошадей и вьючныхъ животныхъ, которыя пали, доставлены живыя, гуннской породы. Остановивъ такимъ образомъ войну, послы возвратились домой. Съ этого времени началась война италіянская, которую, какъ уже сказано, царь началъ блистательно. Но возмемъ этотъ предметъ нѣсколько выше.

КНИГА 4.

1. Фридерикъ, двоюродный братъ правителя Алемановъ, Конрада, о которомъ мы довольно говорили въ предъидущихъ книгахъ, по смерти сего послѣдняго, самъ получилъ власть его. Однажды ведя рѣчь о благородствѣ (а теперь дума у него была особенно о женитьбѣ и о томъ, чтобы взять себѣ жену изъ самаго знатнаго рода), услышалъ онъ, что въ Византіи подростаетъ Марія (¹), дочь

(¹) Императоръ Фридерикъ въ это время уже былъ женатъ на дочери Діепольда, Адели, но развелся съ нею и, задумавъ вступить во второй бракъ, отправилъ пословъ къ Мануилу просить себѣ въ супружество дочь Исаака Севастократора. Мануилъ соглашался на предложеніе и свое согласіе высказывалъ чрезъ особое отъ себя посольство; но Мануиловы послы нашли Фридерика женатымъ уже въ другой разъ и даже представлялись императрицѣ. Otho c. 20. 31.

Севастократора Исаака, дѣвица и знатнаго рода, и рѣдкой красоты. Тотчасъ же плѣнившись ею, онъ отправилъ къ царю пословъ и просилъ выдать ее за себя замужъ, обѣщая при этомъ сдѣлать все, что обѣщали дядя его Конрадъ и самъ онъ на возвратномъ пути изъ Палестины, то есть, помочь Римлянамъ подчинить своей власти Италію. Такова была цѣль посольства Фридерикова. Принявъ это предложеніе, царь отправилъ и отъ себя пословъ къ Фридерику, приказавъ имъ утвердить предложенное своимъ согласіемъ. Но они, вступивъ съ Фридерикомъ въ разговоръ, увидѣли, что отъ него нельзя добиться ничего путнаго, и потому возвратились оттуда ни съ чѣмъ и убѣждали царя въ необходимости вторичнаго посольства къ Фридерику. Царь и самъ былъ того же мнѣнія,—и немедленно отправилъ къ нему двухъ сановниковъ, Михаила Палеолога и Іоанна Дуку, которые оба имѣли санъ Севаста. При нихъ былъ и Александръ, нѣкогда правитель италіянскаго города Равенны, впослѣдствіи изгнанный Рожеромъ и въ первый тогда разъ перебѣжавшій къ царю. Много было дано имъ отъ царя денегъ и поручено,— если услышатъ, что Фридерикъ проживаетъ между Альпами,—явиться къ нему всѣмъ вмѣстѣ; а когда онъ будетъ далеко оттуда,—Михаилу съ деньгами отправиться въ Италію (1), прочимъ же идти къ Фридерику и, коль скоро онъ не покажетъ заботливости о вы-

(1) Послы Мануила нашли Фридерика близъ Анконы. Otho Frising, L. 2, c. 23.

полненіи того, что обѣщалъ, употребить собственныя усилія для завоеванія Италіи. Такъ и было сдѣлано.

2. У Сицилійскаго тиранна Рожера былъ двоюродный братъ, по имени Басавила (¹). Онъ, еще при жизни Рожера, домогался власти надъ Италіею, и однако, даже по смерти послѣдняго, когда управленіе (Сициліею) перешло къ его сыну Вильгельму, принужденъ былъ нести должность только второстепеннаго вицачальника, а Италіею управлялъ другой. Не вынося этой обиды, Басавила задумалъ отложиться и, пославъ нарочитыхъ къ Фридерику, обѣщалъ предать ему всю Италію и самую Сицилію. Но Фридерикъ въ этомъ трудномъ дѣлѣ обнаруживалъ нерѣшительность,—и послы Басавилы возвратились отъ него ни съ чѣмъ. На возвратномъ пути встрѣтились они съ Александромъ, который тоже, не успѣвъ ни въ чемъ, за чѣмъ приходилъ къ Фридерику, возвращался оттуда съ Дукою. Итакъ, Александръ и послы Басавилы вступили между собой въ разговоръ,—и первый, узнавъ, за чѣмъ они были у Фридерика, сказалъ имъ: «не далеко, любезные друзья, тотъ, кто можетъ ваше посольство увѣнчать успѣхомъ», когда же тѣ захотѣли знать,

---

(¹) Робертъ Басавила былъ сынъ тетки короля Вильгельма. Вильгельмъ, желая облагодѣтельствовать всѣхъ своихъ родственниковъ, далъ Басавилѣ лорительское графство: но онъ вскорѣ затѣялъ заговоръ противъ короля, сталъ домогаться сицилійскаго престола и за то впослѣдствіи сосланъ былъ въ ссылку, гдѣ и находился до самой смерти Вильгельма, а послѣ смерти послѣдняго былъ возвращенъ. Tyrius L. 18, c. 2. Ioannes Beraldi L. 4, Chron. Casauriensis.

кто это такой,—«римскій царь», прибавилъ Александръ, и потомъ все объяснилъ, присовокупивъ, что здѣсь близко и Палеологъ, человѣкъ принадлежащій къ римскому сенату и саномъ Севастъ, что у него въ рукахъ большія суммы денегъ и что онъ прибылъ сюда съ цѣлію пріобрѣсть царю Италію. Выслушавъ это, послы Басавилы объявили ему о настоящемъ случаѣ письменно, и онъ захотѣлъ переговорить съ Римлянами въ городѣ Песхарѣ (1). Узнавъ о томъ, Палеологъ, безъ всякаго отлагательства, поплылъ въ Песхару на десяти корабляхъ, а передавшійся царю городъ Вестію (2) между тѣмъ укрѣпилъ. Получивъ же потомъ извѣстіе, что Басавила намѣренъ вести переговоры въ Вестіи, поплылъ назадъ и, здѣсь переговоривъ съ нимъ,—давъ и принявъ ручательства, взялся за дѣло (3). Дука собралъ уже войско и приступилъ къ осадѣ одной сильной крѣпости, надъ которою начальствовалъ италіянецъ Прунцъ. Здѣсь во время битвы Римляне, обративъ въ бѣгство враговъ, вслѣдъ за бѣгущими ворвались внутрь стѣнъ; осажденные же сперва ушли было въ акрополь, но когда Римляне начали жечь строенія и расхи-

---

(1) Песхара—Piscaria, крѣпкій замокъ между Атріею и Ортоною, при устьѣ рѣки того же имени, впадающей въ Адріатическое море. Онъ построенъ на основаніяхъ древняго Атерна, о которомъ упоминаетъ Paulus Diac. L. 2. Rerum Longob. c. 20. Carol. du Fresn' in h. l.

(2) Вестія—Vescia, городъ между Абеллою и Везувіемъ. Leon. Ost. L. 8 c. 18.

(3) Объ италіянской войнѣ Мануила говорятъ Faleandus, Otho Frising. L. 2. c. 29. Will. Tyrius L. 18 c. 2, 7 et 8 et alii.. Стеръ прибавляетъ, что въ этой войнѣ погибло Грековъ до 40 тысячъ.

щать домы, имъ пришлось выдти оттуда и провозгласить своимъ владыкою великаго царя. Такимъ образомъ крѣпость была взята. Потомъ Римляне подступили къ одному городу (¹), соименному съ чтимымъ тамъ святымъ Флавіаномъ, и весь народъ высыпалъ имъ на встрѣчу, умоляя ихъ о своихъ поляхъ и уговаривая римскихъ воиновъ не дѣлать ничего непріятнаго, при чемъ жители объявляли себя рабами царя и были готовы на все, чего хотѣлось Римлянамъ. Платя имъ за это благорасположеніемъ, военачальникъ шелъ по ихъ землѣ, какъ по дружественной. Когда же онъ выходилъ оттуда, братъ Басавилы, Вильгельмъ, тоже склонившійся на сторону Римлянъ, встрѣтилъ его съ письмомъ отъ брата, въ которомъ послѣдній совѣтовалъ ему быть смѣлѣе, потому что и смежная область уже покорилась Римлянамъ.

5. Между тѣмъ Палеологъ, какъ сказано, овладѣвъ Вестіею по договору, пошелъ къ Трану (²). Транитяне, увидѣвъ римское войско, отправили къ военачальнику пословъ и просили его удалиться оттуда, потому что они никакъ не хотятъ сдать города; ибо не взявъ напередъ Бара, взять Транъ было ему невозможно. Посему собравъ тотчасъ не больше десяти кораблей, онъ отправился отсюда и подошелъ къ Бару, не столько слѣдуя внушеніямъ воиновъ (ибо былъ чело-

---

(¹) Флавіана—городъ на самнитскомъ берегу, недалеко отъ Турдина. Carol. du Fresn. ad h. l.

(²) Городъ подъ этимъ именемъ нынѣ лежитъ въ развалинахъ. Carol. du Fresn. ad h. l.

вѣкъ проницательный и, по опытности въ воинскихъ дѣлахъ, не уступалъ никому), сколько зная, что взять Транъ было неудобно, и почитая безполезнымъ тратить время попусту. Впрочемъ и самый Баръ казался ему вовсе недоступнымъ; потому что окружавшія его стѣны были крѣпки, войско варваровъ стояло въ полномъ вооруженіи то между зубцами стѣнъ, то въ безчисленномъ множествѣ—пѣшее и конное—съ оружіемъ въ рукахъ выстроилось за воротами, а сильно воздымавшееся море грозило потопить корабли. Но, хотя такое состояніе города представляло Палеологу невыгоды со всѣхъ сторонъ, однакожъ онъ нововсе терялъ надежду. На слѣдующій день, какъ скоро прекратилась буря, рѣшился онъ приняться за дѣло: но такъ какъ успѣха не было, потому что одни изъ непріятелей бросали на него со стѣнъ тучи камней, бревенъ и всего, что ни попадалось подъ руку, а другіе, стоявшіе на землѣ, помрачали воздухъ стрѣлами; то онъ вдругъ далъ дѣлу иной оборотъ,—вышелъ за черту полета стрѣлъ и обратился къ осажденнымъ съ предложеніями, объявляя, что если великому царю они сдадутъ городъ безъ боя, то одни благодѣянія получатъ теперь же, а другія будутъ имѣть надежду получить впослѣдствіи. Услышавъ это, одни изъ городскихъ жителей выскакали на коняхъ, а другіе приплыли на лодкахъ и стали просить его идти въ городъ, указывая на растворенныя ворота. Но боясь, не скрывается ли тутъ обманъ, Палеологъ захотѣлъ предварительно сдѣлать пробу,—и одному изъ бывшихъ у него кораблей при-

казалъ идти къ берегу и тамъ причалить. Видя его приближеніе, непріятели, около пяти сотъ человѣкъ, тотчасъ взошли на стѣны; но такъ какъ они не были вооружены, то Александръ, насыпавъ за пазуху золота, проворно сошелъ съ корабля и, показывая на него жителямъ города, сталъ кричать: «кто хочетъ богатства и свободы, пусть идетъ сюда, и теперь же получитъ». На эти слова высыпало изъ города множество гражданъ и охотно присоединилось къ царю. Взявъ съ нихъ клятву, военачальникъ поспѣшно ввелъ войско въ городъ. Такъ-то, для людей нѣтъ ничего обольстительнѣе золотой приманки. Узнавъ о томъ, другіе граждане, которымъ не нравилось это дѣло, бѣгомъ пустились въ акрополь и, заключившись въ стѣнахъ его, сражались изо всѣхъ силъ. Тутъ открылось явленіе, достойное величайшаго удивленія: люди, недавно еще соединенные и природою и образомъ мыслей, теперь, бывъ разлучены золотомъ, какъ бы стѣною, враждебно смотрятъ другъ на друга и разошлись въ своихъ дѣйствіяхъ. Таково было здѣсь положеніе дѣлъ. Но въ верхней части того же города была другая крѣпость, въ которой находился храмъ во имя святаго Николая. Задумавъ взять и ее, военачальникъ распорядился такъ. Онъ приказалъ нѣсколькимъ латникамъ, надѣвъ на себя сверхъ латъ черныя мантіи, рано утромъ отправиться въ храмъ и, когда будутъ внутри (крѣпости), обнажить мечи и приняться за дѣло. И такъ, утромъ пришедши къ крѣпости, начали они стучаться въ ворота. Бывшіе же внутри, при-

нявъ ихъ за какихъ-нибудь монаховъ, отворили ворота и впустили стучавшихся. Вслѣдствіе сего Римляне овладѣли и этою крѣпостью. Но и по взятіи ея, заключившіеся въ акрополѣ все еще упорствовали и противоборствовали прочимъ гражданамъ до седьмаго дня. Когда же пришелъ сюда и Басавила и привелъ съ собою большое войско, тогда сдался Римлянамъ и акрополь. По ненависти къ Рожеру, безчеловѣчно съ ними обращавшемуся, какъ обыкновенно обращаются тиранны, жители оставили акрополь, сравнявъ его съ землею, хотя военачальникъ сильно противился этому и даже хотѣлъ купить его за большія деньги.

4. Такъ вотъ что произошло съ Баромъ. Взявъ его, Палеологъ поплылъ къ Трану. Посредствомъ переговоровъ подчинивъ себѣ и этотъ городъ, онъ мирно потомъ овладѣлъ и значительнымъ городомъ Ювенантомъ (1). Но здѣсь былъ нѣкто, по имени Ричардъ (2), человѣкъ крайне мстительный. На того, кто хоть немного оскорбилъ его, онъ смотрѣлъ какъ на свою жертву,— и обычнымъ способомъ наказанія у него было либо вскрытіе внутренностей, либо отсѣченіе рукъ или ногъ. Онъ начальствовалъ надъ крѣпостію Антромъ и, услышавъ, что Ювенантъ поддается Римлянамъ, гро-

---

(1) Приморскій городъ въ Апуліи, въ 12 миляхъ отъ Бара, нынѣ—Giovenazzo.

(2) Ричардъ, графъ Андріи или Антра, города салентинскаго. Его не должно смѣшивать съ графомъ острова Андры, о которомъ упоминаетъ Robertus de Monte A. 1155.

зилъ прежде всего воспрепятствовать этому намѣренію. Когда же Римляне, презрѣвъ его угрозы, чрезъ переговоры пріобрѣли Ювенантъ и, простираясь впередъ, затѣвали тоже съ прочими городами,—онъ, соединившись съ другими графами и съ самимъ Вильгельмомъ Канцеляріемъ (санъ, у Италіянцевъ соотвѣтствующій эллинскому Логоѳету), пошелъ на Транъ, въ намѣреніи взять этотъ городъ при первомъ нападеніи. За ними слѣдовало войско, состоявшее изъ двухъ тысячь всадниковъ и великаго множества легкой и тяжело вооруженной пѣхоты. Римляне, оставленные въ томъ городѣ, были слабы и немногочисленны, а потому боялись и за городъ, и за весь ходъ войны. Это заставило ихъ поспѣшно послать къ Дукѣ письмо, съ увѣдомленіемъ о наступающей опасности. Получивъ письмо, Дука въ тотъ же день собрался и отправился къ Трану. Когда находился онъ у одного мѣстечка, которое называется Бунъ (¹), навстрѣчу ему вышли жители и предложили римскому войску занять городъ безъ боя. Но Дука, полагая, что всякое замедленіе здѣсь было бы неблаговременно, потому что дало бы Ричарду возможность свободно управлять ходомъ войны, на этотъ разъ миновалъ Бунъ, въ надеждѣ удержать его за собою послѣ, въ болѣе удобное время, и со всѣми силами двинулся противъ Ричарда. Есть въ Италіи одинъ приморскій городокъ, по имени Барлетъ (²), и въ этомъ

(¹) Нынѣ Буно.

(²) Нынѣ Барлетта, близъ Трана. О ней см. Ughellü tom. 7. Ital. Sacr. p. 1195.

городкѣ пришлось тогда находиться Канцелярію. Когда Дука близко подошелъ къ тому мѣсту, неожиданно встрѣтили его триста всадниковъ изъ Канцеляріева войска съ фалангою пѣхоты, и сдѣлали на него нападеніе. Но нисколько не смѣшавшись отъ этой нечаянности, онъ скоро выстроилъ фалангу и стремительно пошелъ на нихъ. Не долго стояли они, и обратились въ бѣгство. Не могу я разсказать, какъ здѣсь удалось каждому Римлянину отличиться храбростію; но что касается до Дуки, то онъ, говорятъ, преслѣдуя непріятелей, поднялъ ихъ на остріе своего копья человѣкъ до тридцати, пока прочіе, оставивъ многихъ на мѣстѣ, не скрылись за своими воротами. Тогда преслѣдовавшіе ихъ Римляне, такъ какъ уже смерклось, возвратились въ лагерь, не потерявъ никого, кромѣ одного всадника изъ наемныхъ. Эту ночь они гдѣ-то тамъ простояли, а съ наступленіемъ дня отправились въ путь. Ричардъ, узнавъ о томъ и боясь, какъ бы Римляне не окружили его и не поставили въ бѣдственное состояніе, поспѣшно поднялся оттуда и, пришедши въ Антръ, оставался тамъ. Тогда Дука, притянувъ къ себѣ войско, бывшее съ Палеологомъ, пошелъ на Ричарда, хотя силы послѣдняго своею численностію были далеко выше римскихъ, потому что у Дуки имѣлось не болѣе шести сотъ всадниковъ, кромѣ пѣшихъ, которые также весьма много уступали въ числѣ Ричардовымъ. У Ричарда было всадниковъ до тысячи восми сотъ, а пѣхоты, можно сказать, безъ счета. Итакъ, освѣдомившись, что Римляне наступаютъ, Ричардъ и самъ вы-

велъ свое войско. Подошедши близко, Римляне раздѣлены были на три части и выстроены слѣдующимъ образомъ. Скиоы и многіе пѣхотные стрѣлки стояли фалангами впереди; Дука съ большею половиною Скиоовъ занималъ позицію назади, а Басавила съ другими графами и съ остальною конницею помѣщался въ срединѣ. Ричардъ, сильно горячась и нисколько не стѣсняясь требованіями тактики, все несся впередъ съ бывшими при немъ всадниками, пока, влетѣвъ въ самую уже средину римскаго войска, не встрѣтилъ здѣсь сопротивленія и не принужденъ былъ сражаться, стоя на мѣстѣ; потому что передовое стрѣлковое войско ни на минуту не показало ему сопротивленія, а Басавилу силою заставилъ онъ обратиться назадъ, и уже стремился на отрядъ подъ управленіемъ Дуки. Но здѣсь произошла ожесточенная битва и со стороны Ричарда пало много воиновъ. Здѣсь, какъ бываетъ и во всякомъ рукопашномъ бою, войско уже не имѣло никакого сознанія; слышенъ былъ только сильный стукъ копій о щиты, и трескъ ломающагося оружія, — а стрѣлы, лѣтая густо, во всѣ стороны разносили пораженіе, пока наконецъ Ричардъ сильнымъ натискомъ не заставилъ и этихъ показать тылъ, при чемъ и самъ Дука, раненный копьемъ, едва не попалъ въ плѣнъ. Но Промыслъ всегда ведетъ и направляетъ человѣческія дѣла къ тому концу, къ которому хочетъ. Хотя Римляне и подверглись такому несчастію, однакожъ подъ конецъ они остались побѣдителями. Дука успѣлъ убѣжать въ одно мѣсто, обнесенное сложенными изъ

камня стѣнами, которыя строятся обыкновенно безъ извести или другаго какого цемента, чтобы опоясывать ими луга, лежащія предъ городскими воротами,—и тамъ спасся. Римская пѣхота, удобно помѣстившись въ этомъ мѣстѣ, стала въ воиновъ Ричарда метать камни; а между тѣмъ сюда же сбѣжались и многіе изъ тѣхъ, которые предались было бѣгству. Увидѣвъ это, Ричардъ тотчасъ понесся на нихъ съ тридцатью шестью всадниками. Но одинъ изъ трапитскихъ священниковъ, схвативъ большой осколокъ камня, пустилъ его въ Ричарда съ правой стороны и, попавъ ему въ голень, повалилъ его на землю. А пока онъ лежалъ, терзаясь отъ боли, тотъ послалъ ему и другой ударъ по шеѣ. Когда же Ричардъ совсѣмъ уже ослабѣлъ, священникъ, не смотря на жалобныя его мольбы, положилъ его навзничь, распоролъ ему ножемъ животъ и, вынувъ всѣ внутренности, поднесъ ихъ къ его рту, какъ бы какое кушанье, чтобы этотъ злодѣй, отличавшійся безчеловѣчіемъ, испыталъ его и надъ самимъ собою. Послѣ того Антръ и стоявшее около него войско на условіяхъ сдались Римлянамъ,—и тѣ, которые не чаяли избѣжать опасности, пошли въ Баръ съ трофеями. Въ Барѣ, нашедши въ обиліи все необходимое, воины успокоились отъ трудовъ своихъ.

5. Спустя немного времени, признано было нужнымъ раздѣлить войско на двѣ части, и одной, подъ управленіемъ одного военачальника остаться на мѣстѣ, а другой, подъ предводительствомъ другаго, отправиться для нападенія на

окрестныя крѣпости. Жребій послѣдняго труда выпалъ Дукѣ. Былъ тамъ городъ, подъ управленіемъ Кастра, человѣка знатнаго; Дука обложилъ его и держалъ въ крѣпкой осадѣ. Но послѣ многихъ приступовъ къ стѣнамъ, замѣтивъ, что усилія его безуспѣшны, что онъ ни одного камня оторвать не могъ, хотя часто употреблялъ въ дѣло стѣнобитныя орудія, поднялся оттуда подъ вечеръ и пошелъ къ Монополю (¹), въ намѣреніи напасть на него врасплохъ. Между тѣмъ въ то же время и Монополиты выслали войско противъ Римлянъ—частію для наблюденія за происшествіями, а частію и для того, чтобы, если окажется возможность, противостать Римлянамъ. Итакъ, случайно встрѣтившись съ передовыми отрядами римскаго войска, Монополиты вступили было съ ними въ бой. Но какъ скоро показались и задніе отряды Римлянъ, почти всѣ всадники ихъ бросились бѣжать и, еще на бѣгу и въ большихъ попыхахъ, кричали остальнымъ гражданамъ, что римское войско скоро будетъ здѣсь и что изъ пѣшихъ весьма многіе попали въ плѣнъ. Встревоженные этимъ граждане положили, сколько возможно въ настоящихъ обстоятельствахъ, защищаться отъ непріятелей. Итакъ, они вывели больше двухъ сотъ всадниковъ и больше тысячи пѣшихъ, за которыми слѣдовало безчисленное множество пращниковъ, и поставили ихъ передъ городомъ. Между тѣмъ наступилъ уже день, и

(¹) Городъ въ Апуліи—не великъ, но чистъ, красивъ и хорошо выстроенъ, Leander Albertus.

Дука, вставъ, большую половину своихъ воиновъ удержалъ при себѣ, а прочихъ выслалъ на фуражировку въ окрестности. Такимъ образомъ онъ подступилъ къ городу, раздѣливъ свое войско на двое, впрочемъ не вдругъ сразился съ Монополитами, но сперва показывалъ видъ, будто обозрѣваетъ стѣны, и ходилъ вокругъ тихимъ шагомъ, какъ бы разсматривая городъ по частямъ; потомъ, не сказавъ никому ни слова, приказалъ слѣдовать за собою тридцати воинамъ и идти въ самую средину непріятелей. Изумленные такою нечаянностію, Монополиты обратились въ бѣгство; а онъ не прежде пересталъ преслѣдовать ихъ, какъ добѣжавъ за уходящими до городскихъ воротъ, такъ что одного изъ нихъ поразилъ копьемъ и повергъ на землю въ самыхъ воротахъ, и затѣмъ, взявъ въ плѣнъ остальныхъ, удалился оттуда. Тоже и другая часть войска, обошедши довольно окрестностей, возвратилась съ большою добычею и, вмѣстѣ съ Дукою, пошла въ Баръ. Между тѣмъ какъ это происходило, — къ римскимъ военачальникамъ пришли послы отъ римскаго архіерея (¹), котораго Латиняне обыкновенно зовутъ папою. Цѣлію сего посольства было просить обоихъ или одного изъ военачальниковъ прибыть въ Римъ, для совѣщанія съ архіереемъ о важныхъ дѣлахъ; потому что архіерей, говорили они, собравъ весьма много войскъ, готовъ вступить въ союзъ съ Римлянами. Но римскіе военачальники письменно отказались отъ этого и отправили къ

(¹) Адріана II.

архіерею бывшаго тогда съ ними одного изъ царскихъ писцовъ, Василаки, давъ ему золото, чтобы онъ нанялъ тамъ и привелъ всадниковъ, а сами начали готовиться къ нападенію на Монополь. Монополиты, не смѣя выдти противъ Римлянъ, просили дать имъ срокъ, послѣ котораго, если ниоткуда не явится къ нимъ помощь, они сдадутъ городъ безъ боя. Это и было сдѣлано, — Монополитамъ данъ былъ мѣсяцъ сроку.

6. Таковы были дѣла римскихъ военачальниковъ. Между тѣмъ Басавила, тѣснимый уже сицилійскимъ войскомъ, послалъ къ нимъ письмо и просилъ ихъ скорѣе помочь ему. Когда же они на его просьбу не обратили вниманія, онъ отправилъ къ нимъ и второе письмо о томъ же предметѣ. Но Римляне по прежнему отказали ему, говоря, что пришли сюда отъ царя не для соратованія Басавилѣ (это не входило и въ условія ихъ съ Басавилою), а для того, чтобы, при его помощи, добыть царю Италію. Такъ отвѣтили они Басавилѣ; а онъ тѣмъ не менѣе приступалъ къ этимъ людямъ и говорилъ, что находится въ послѣдней крайности. Тогда, посудивши между собою, военачальники изъ Бара пришли въ городъ Бututу (¹), находившійся на разстояніи дня пути для человѣка вооруженнаго, и, такъ какъ распространилась молва, будто Басавила затѣваетъ предать Римлянъ Ричарду, который тогда еще былъ живъ,—сочли нужнымъ связать его вторич-

(¹) Нынѣ Bitonto, городъ епископскій, между Рубами и Баромъ, у Антонина называется Будрунтомъ или Бутунтомъ. Hoffm. lex.

ною клятвою, а когда это было сдѣлано, оставили всякое относительно его подозрѣніе. Въ это время царь прислалъ въ Италію флотъ, съ массагетскими, германскими и вмѣстѣ римскими всадниками. Массагетами управлялъ Іоанникій, котораго звали Критопломъ, Германцами Александръ, родомъ Лонгобардъ, человѣкъ весьма преданный Римлянамъ и видамъ царя. Надъ всѣми же начальствовалъ Іоаннъ, по прозванію Ангелъ. Узнавъ объ этомъ и о томъ, что римское войско идетъ противъ него съ цѣлію осадить Антръ и захватить тамошнюю землю, военачальникъ Вильгельма ушелъ оттуда со всѣмъ своимъ войскомъ въ довольно безопасный городъ Мальфетъ (¹); а Римляне разсудили покорить себѣ подчиненный тому Ричарду, крѣпкій и вообще нелегко доступный замокъ, Боскъ. Въ этомъ замкѣ Ричардъ, по чрезмѣрному хвастовству, содержалъ разнаго рода животныхъ, въ особыхъ для каждаго помѣщеніяхъ, чтобъ безъ труда охотиться, когда захочетъ. Итакъ Дука съ нѣсколькими изъ своихъ отправился обозрѣть тотъ замокъ, и когда былъ близъ него,—находившіеся внутри смѣло вышли изъ замка и, проникнувъ въ средину его отряда, четырехъ воиновъ ранили, хотя оставили на мѣстѣ и двухъ своихъ. Дѣло доходило уже до рукопашнаго боя; но Римляне, съ обычною имъ храбростію ставъ дружно, отразили непріятелей. Въ семъ дѣлѣ отличилось много Римлянъ и два Мас-

(¹) Мальфетъ, нынѣ Malfetta и Мельфатта, на морскомъ берегу въ 3 миляхъ отъ Ювенанта. Carol. du Fresn. ad h. l.

*

сагета,—и этимъ кончилась стычка. Потомъ Дука, когда пришло и прочее войско, поставилъ его лагеремъ и огородилъ частоколомъ, а поутру построился и выступилъ фалангами. Во время приступа Римляне находившихся внутри сильно безпокоили стрѣлами и камнями изъ каменометныхъ машинъ; но стоявшіе на стѣнахъ мужественно отбивались. При этомъ случилось нѣчто удивительное. Двое изъ оруженосцевъ Дуки, видя, что замокъ отъ камней не подается, покрыли головы щитами, а въ другую руку взяли по факелу и пошли къ воротамъ, чтобы зажечь ихъ. Но такъ какъ ворота оказались не изъ горючаго матеріала; то они возвратились оттуда ни съ чѣмъ, и сверхъ всякаго чаянія избѣжали градомъ сыпавшихся на нихъ со стѣны стрѣлъ. Тогда Римляне, видя, что ихъ усилія безуспѣшны, хотя сраженіе длилось до заката солнца, возвратились въ лагерь. Услышавъ объ этомъ, военачальники Вильгельма собрались на совѣтъ и стали разсуждать, не лучше ли имъ идти на Римлянъ,—и рѣшили: взявъ войска, напасть на римскій лагерь. Узнали это и Римляне, и начали готовиться къ отпору. Италіянцами управляли девять вождей, а главнымъ военачальникомъ надъ всѣми былъ Канцелярій. Все войско ихъ было исправно вооружено, сидѣло на горделивыхъ коняхъ и имѣло въ рукахъ длинныя копья. Отъ этого римское войско пришло въ смущеніе и страхъ, какъ ему при своей малочисленности вступить въ бой съ войскомъ, такимъ многочисленнымъ и такъ хорошо вооруженнымъ. Построившись однакожъ, Римляне ста-

ли по засадамъ и военачальникъ долго убѣждалъ ихъ сохранять мужество. До нѣкотораго времени ни то, ни другое войско не начинало боя. Но когда съ той и другой стороны раздались звуки трубъ и поданъ былъ знакъ къ сраженію, живо всѣ бросились въ рукопашный бой. Тутъ, можно сказать, исчезли для глаза и солнце, и день; потому что мгла покрыла всѣхъ и пыль поднималась къ небу столбомъ; тутъ слышался только трескъ и раздавался дикій гулъ. Битва оставалась въ равновѣсіи до самаго полдня. Но въ это время Италіянцы, имѣя на своей сторонѣ преимущество численности, начали сильно тѣснить воиновъ Дуки. Тотчасъ замѣтивъ такой поворотъ сраженія, онъ вогналъ свою фалангу въ средину непріятелей и, рубя направо и налѣво, громко приказывалъ римскому войску слѣдовать за собою. Тогда войска снова схватились одно съ другимъ,—и битва свирѣпѣла до тѣхъ поръ, пока Римляне своею храбростію не обратили непріятелей въ бѣгство. Во время бѣгства, непріятельскихъ всадниковъ пало до трехъ сотъ, а пѣшихъ несчетное множество; остальные же ушли. Совершивъ это, Римляне направились на замокъ и, скоро овладѣвъ имъ, нашли тамъ въ обиліи необходимое продовольствіе, собрали много и другаго добра, и пошли въ Баръ.

7. Вскорѣ послѣ того сдѣлались они обладателями и города Монтополя (¹), взяли также Ра-

---

(¹) Монтополь—Monspelosus, городъ, омываемый рѣкою Брадаиомъ, нынѣ Montepeloso.

венну (¹), которою прежде управлялъ Александръ, и другіе города и замки; а въ-добавокъ пріобрѣли больше пятидесяти мѣстечекъ. Такимъ образомъ дѣла царя (въ Италіи) болѣе и болѣе улучшались; а силы Вильгельма постоянно ослабѣвали и приходили въ упадокъ. Молва, пробѣгая по всей Италіи, гласила всюду о непобѣдимой храбрости Римлянъ. И увидѣли тогда Италіянцы, что Римляне, которыхъ оружія они уже давно — давно не испытывали, теперь рѣшительно все забираютъ и уносятъ. Но только до сихъ поръ и шли благопріятно дѣла Римлянъ; а съ этого времени судьба начала уже завидовать ихъ успѣхамъ. На Палеолога напала болѣзнь, изнурявшая его сильными припадками жара и не прежде переставшая пожирать жизненные соки его тѣла, какъ заставивъ его сперва постричься, а потомъ немного спустя и выдти изъ числа живыхъ. Правда, онъ началъ было уже выходить въ волосяной одеждѣ и, думая, что ему лучше, убѣдилъ Дуку идти на другіе города, которые еще не покорены были Римлянами; но на третій послѣ того день опять почувствовалъ себя худо, и Дука, узнавъ объ этомъ, возвратился въ Баръ. Когда Палеологъ умеръ, онъ, взявъ его тѣло, предалъ погребенію (²) и совершилъ все, что предписывается христіанскими законами при семъ священномъ обрядѣ. Распорядившись въ Барѣ, какъ слѣдовало, Дука взялъ на себя всѣ дѣла.

(¹) Равенна—городъ Апуліи, недалеко отъ Матеры.

(²) Otho Frising., упоминая о смерти Палеолога, говоритъ: mortuus fuit ibi Palaeologus et ad terram suam deportatus.

8. Такъ вотъ Палеологъ такимъ образомъ кончилъ жизнь, — человѣкъ проницательный и весьма искусный въ веденіи военныхъ дѣлъ. А Дука, взявъ войско, немедленно выступилъ къ Брундузію и при этомъ убѣдилъ присоединиться къ себѣ Басавилу, дѣйствовавшаго до сихъ поръ отдѣльно по слѣдующей причинѣ. Выдумывая ли предлоги для прикрытія, какъ я думаю, корыстолюбія, или дѣйствительно нуждаясь въ деньгахъ, онъ бывшаго еще въ живыхъ Палеолога просилъ—дать ему въ займы 10,000 золотыхъ. Палеологъ соглашался дать ему тотчасъ же 4,000, только въ даръ отъ царя, а не въ ссуду, въ остальныхъ же тысячахъ рѣшительно отказалъ. Этимъ-то раздосадованный, Басавила отдѣлился отъ римскаго стана. Но когда Палеологъ кончилъ жизнь и дѣлами сталъ распоряжаться Дука,—Басавила пришелъ къ нему и, получивъ деньги, сколько просилъ, опять принялъ участіе въ воинскихъ трудахъ Римлянъ. Ведя съ собою и его, Дука со всѣмъ войскомъ пошелъ на Мазавру (¹). На пути къ ней лежалъ городъ, называемый Полимиліемъ, и въ немъ случилось находиться одному изъ военачальниковъ Вильгельма, по имени Фламингу. Услышавъ, что подходитъ римское войско, Фламингъ поднялся оттуда и прибылъ въ Тарентъ; а Римляне, взявъ Полимилій и опустошивъ окрестныя поля, снабдили свой лагерь необходимыми припасами. Отсюда перешли они къ городу Мо-

(¹) Мазавра въ 3 миляхъ отъ Тарента, на мѣстѣ уклоненія къ сѣверу тарентинскаго залива. Это—небольшой, но по положенію своему въ Аппенинахъ весьма крѣпкій замокъ. Carol. du Fresn. ad h. l.

лиссѣ, который расположенъ на весьма большой плоской возвышенности, укрѣпленъ и защищенъ башнями; съ одной стороны его тянутся утесистыя и съ трудомъ проходимыя ущелья, а съ другой онъ опоясывается судоходными рѣками. Но войску, плывшему подъ попутнымъ вѣтромъ, ничто не могло противустоять,—и Молисса, хотя отвсюду была обезопашена, однакожъ Римляне безъ большихъ трудовъ овладѣли ею, — и я разскажу, какъ это произошло. Воодушевляемые прежними удачами, Римляне, какъ скоро увидѣли, что жители города, въ надеждѣ на естественную его укрѣпленность, высыпали за ворота, — бѣгомъ пустились на гору съ той стороны, съ которой удобнѣе было взять городъ. Тогда изумленные ихъ смѣлостію, граждане начали тѣсниться въ ворота, но еще не успѣли запереть ихъ, какъ ворвалось туда и римское войско,—и городъ взятъ былъ силою. Совершивъ это, Римляне двинулись оттуда. Немного еще прошли они, какъ встрѣтилъ ихъ съ большимъ войскомъ Фламингъ. Нѣкоторые изъ римскихъ полковъ стремительно бросились на непріятелей и отличились удивительными подвигами; однакожъ, будучи гораздо малочисленнѣе противниковъ, должны были отступить. Тогда на Фламинга всѣми своими силами налегъ и Дука и, обративъ его въ бѣгство, прибылъ въ Мазавру. Овладѣвъ ею при первомъ приступѣ, онъ нашелъ въ акрополѣ несказанныя сокровища, множество оружія и не меньше двухъ сотъ лошадей. Видя это, Тарентинцы на сходкахъ и народныхъ собраніяхъ стали публич-

но бранить Фламинга, поставляя ему въ вину то, что его трусость дала пищу смѣлости Римлянъ. Не въ силахъ будучи выносить это, онъ опять взялъ войско и сталъ выжидать римскую армію. Но лишь только замѣтилъ ее, — тотчасъ упалъ духомъ и даже не вспомнилъ о мужествѣ. Тутъ нѣсколько Римлянъ, напавъ на бѣжавшихъ, нѣкоторыхъ изъ нихъ убили. Потомъ близко уже подошедши къ Тарситу и понявъ, что этого города нельзя взять, Римляне отступили отъ него и положили идти къ Монополю; а между тѣмъ, чувствуя недостатокъ въ стѣнобитныхъ орудіяхъ, письменно требовали, чтобы стоявшій въ Барѣ флотъ, какъ можно, скорѣе доставилъ ихъ. Въ это время Римлянамъ, такъ какъ они проходили по странѣ богатой и изобиловавшей всѣми благами, удалось сильно обогатиться. Говорятъ, что тогда за статиръ золота воинъ отдавалъ до десяти гуртовыхъ быковъ, или до ста тридцати овецъ. Кромѣ сего тогда нашли нѣкоторыхъ Римлянъ, съ давняго времени содержавшихся въ тюрьмахъ, и освободили этихъ несчастныхъ.

9. Когда на пятый день римское войско подошло къ Монополю, — противъ него не вышелъ никто, ибо молва, заранѣе встревожившая жителей, загнала ихъ внутрь стѣнъ; однакожъ на башняхъ Монополиты стояли вооруженные и готовы были защищаться, еслибы сдѣланъ былъ приступъ къ стѣнамъ. Посему Римляне неподалеку отъ города на удобномъ мѣстѣ наколотили частоколъ и остановились; а между тѣмъ пришелъ къ Монополю вызванный изъ Бара флотъ, съ нуж-

ными для осады орудіями; тогда они со всѣми силами подступили къ стѣнамъ города. Но Монополиты, сверху бросая въ непріятелей стрѣлы, поражали подступавшихъ Римлянъ и нѣкоторыхъ убивали. Борьба, начавшись утромъ, окончилась ночью и, когда уже стемнѣло, Римляне возвратились въ лагерь. Монополиты же имѣли на башняхъ постоянно смѣнявшуюся стражу, изъ опасенія, чтобы Римляне не сдѣлали покушенія на городъ ночью. Кромѣ того съ обѣихъ сторонъ зажжено было много огней и раздавались звуки флейтъ и свирѣлей. Потомъ едва только солнце достигло восточнаго горизонта и выглянуло изъ-за него на землю, какъ Римляне, вышедши изъ своей ограды, снова принялись за дѣло; а Монополиты въ свою очередь бѣгомъ поднялись на стѣны и взялись за оружіе. Опять развернулась страшная битва: Римляне рвались подняться на стѣну, а Монополиты отбивали подступавшихъ. Такъ дѣло шло до нѣкотораго времени; но наконецъ римское войско ворвалось въ монополитскую пристань, зажгло стоявшія тамъ суда и произвело величайшій пожаръ. При этомъ одинъ изъ римскихъ воиновъ, по имени Иканатъ, совершилъ такое дѣло, о которомъ стоитъ разсказать и послушать. Монополь опоясывается двумя стѣнами; но внутренняя гораздо выше внѣшней и вовсе недоступна непріятельскимъ стрѣламъ, другая же, будучи втрое ниже, идетъ въ уровень съ основаніемъ первой. На эту-то внѣшнюю стѣну взошли двое Монополитовъ и, стрѣляя въ непріятелей сами, подстрекали къ тому же и другихъ. Видя

это, Иканатъ бросился съ копьемъ и угодилъ имъ въ одного изъ сказанныхъ воиновъ. Тотъ вдругъ повалился навзничь, а въ римскомъ войскѣ поднялись крикъ и столь сильное рукоплесканіе, что ничего нельзя было разслышать. Въ изумленіи отъ этого, стоявшіе на башняхъ воины подумали, что городъ уже взятъ и, оставивъ башни, спустились въ средину города. И если бы они не замѣтили скоро ошибки и не поспѣшили опять на стѣны,—городъ тогда же былъ бы взятъ Римлянами. Такъ кончился и второй приступъ къ Монополю. Находя себя въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, Монополиты послали письмо къ Фламингу и просили его придти, какъ можно, скорѣе. Фламингъ отвѣчалъ, что онъ явится къ нимъ немного спустя и силою большаго войска прогонитъ Римлянъ. Между тѣмъ внутренно онъ боялся и впадалъ въ безпредѣльную робость, представляя, съ кѣмъ ему предстоитъ сражаться и противъ кого вести войну. Но вотъ прошелъ уже седьмой день, а Фламингъ нигдѣ не показывался; тогда Монополиты, отчаявшись наконецъ въ подкрѣпленіи, послали въ римскій лагерь пословъ, съ цѣлію и городъ и себя самихъ предать великому царю. Но Дука отвѣчалъ имъ, что онъ не иначе признаетъ ихъ предложеніе искреннимъ, какъ если они позволятъ поставить у нихъ отъ имени царя гарнизонъ. Монополиты согласились и на это, и назначенъ былъ срокъ для принятія присяги. Но нѣкоторые изъ монопольскихъ гражданъ (ибо были и такіе, которымъ этотъ образъ мыслей не нравился) тайно отъ другихъ извѣсти-

ли о томъ Фламинга. Встревожившись такимъ извѣстіемъ, Фламингъ изъ бывшаго при немъ войска выбралъ не меньше ста одѣтыхъ въ латы всадниковъ, и немедленно послалъ ихъ, обѣщая немного спустя придти и самъ съ сильнымъ отрядомъ. Принимавшіе участіе въ этомъ дѣлѣ выжидали посланныхъ всадниковъ ночью и, когда дождь лилъ, какъ изъ ведра, впустивъ ихъ чрезъ одну дверь въ городъ, снова задумали приняться за оружіе. Какъ скоро это дошло до свѣденія Дуки, онъ заключилъ, что посольство Монополитянъ было—обманъ, и тотчасъ вывелъ противъ нихъ войско изъ-за частокола. Но граждане, находя для себя недостаточнымъ подкрѣпленіе изъ сотни всадниковъ и предвидя, что римское войско станетъ теперь сражаться съ большимъ рвеніемъ, чѣмъ прежде, опять послали просить военачальника въ городъ, и вину сваливали на нѣскольскихъ согражданъ, которые рѣшились на это безъ общаго согласія. Дука сперва отказывался и, сильно колеблясь недовѣрчивостію и подозрѣніемъ, уже положилъ было рѣшить дѣло битвою. Когда же граждане стали еще болѣе настаивать и умолять его о снисхожденіи къ ихъ проступку, онъ наконецъ уступилъ ихъ просьбамъ и ввелъ войско въ городъ. Но только что Римляне заняли городъ, пронеслась вѣсть, что и Фламингъ находится стадіяхъ въ двадцати отъ него. Узнавъ объ этомъ, Дука отобралъ самый цвѣтъ бывшихъ при немъ всадниковъ и выслалъ ихъ на встрѣчу Фламингу, а самъ остался въ городѣ, для распоряженія его дѣлами. Но Фла-

мингъ, какъ скоро замѣтилъ издали, что на башняхъ Монополя развѣваются уже знамена царя,— прежде чѣмъ успѣлъ схватиться съ римскими всадниками, которые были уже недалеко, пошелъ назадъ. Тогда Римляне, погнавшись за нимъ по пятамъ, многихъ изъ его воиновъ убили и кромѣ того больше ста вооруженныхъ съ головы до ногъ всадниковъ взяли въ плѣнъ. Недалеко было до плѣна и Фламингу; только быстрота лошади спасла его. Совершивъ этотъ подвигъ, Римляне возвратились въ Монополь.

10. Но Дука, хотя видѣлъ, что счастье постоянно улыбается Римлянамъ, однакожъ не совсѣмъ довѣрялъ ему, не безъ основанія опасаясь его превратности, какъ бы т. е. оно, подобно ненадежнымъ сопутникамъ, не оставило ихъ на половинѣ пути. Поэтому онъ написалъ и послалъ царю письмо, содержаніе котораго было слѣдующее: «Хотя наша война въ Италіи не встрѣчала еще ни одной неудачи, державнѣйшій Царь, и хотя не было у насъ недостатка ни въ войскѣ, ни въ чемъ-либо другомъ, — ты знаешь, что все до послѣдняго дня намъ удавалось и что всѣ почти города, сколько ихъ ни встрѣчалось въ Италіи и у залива іонійскаго, покорены уже и взяты по праву войны къ славѣ великаго твоего царства и народа римскаго; но брань бо́льшая предстоитъ еще намъ впереди: Вильгельмъ, разбойничающій въ Сициліи, естественно огорчаясь потерею своихъ владѣній, отвсюду собираетъ войска и стягиваетъ уже на морѣ весьма многочисленный флотъ, съ цѣлію налечь на насъ съ

суши и съ моря. Не должно намъ пренебрегать приготовленіями островитянина или тянуть коекакъ эту войну, чтобы настоящая наша слава не обратилась намъ въ безчестіе. Конечно, съ малыми силами совершить великія дѣла—больше славы, чѣмъ—съ большими; за то ошибка навлекаетъ сугубый срамъ, потому что побѣжденныхъ, кромѣ того, что они поражены, обвиняютъ еще въ незнаніи военнаго искусства, какъ это часто внушало намъ твое величество. Итакъ, чтобы не случилось съ нами чего-либо такого, необходимо намъ имѣть здѣсь больше и морскаго и сухопутнаго войска». Вотъ въ чемъ состояло письмо. Между тѣмъ, устроивъ хорошо дѣла въ Монополѣ, Дука выступилъ оттуда со всѣмъ войскомъ и, главнымъ образомъ чрезъ переговоры овладѣвъ чрезвычайно укрѣпленнымъ городомъ Остуніемъ (¹), пошелъ на другой городъ, Брундузій, который въ древности назывался Темессою,—ибо смѣняющіеся вѣка измѣняютъ названія многихъ вещей въ другія, то вовсе непохожія, то нѣсколько отличныя. Дошедши до этого города, Римляне остались на время въ покоѣ, потому что у христіанъ наступала Пасха. Но жители города, принявъ это за трусость, часто выходили и проникали до самыхъ римскихъ окоповъ, пока охотники изъ Римлянъ не напали на нихъ. Прогнавъ этихъ Брундузійцевъ, они возвратились въ лагерь. Прочіе же Римляне попрежнему соблюдали святость празд-

(¹) Остуній—городъ въ Апуліи, расположенный на небольшомъ холмѣ между Молою и Конверсаномъ,—нынѣ Ostussi. Carol. du Fresn. ad h. l.

пичныхъ дней. Около этого времени нѣкто Ѳома, родомъ Антіохіецъ, издавна самъ собою перешедшій на службу къ царю, выѣхалъ въ полномъ вооруженіи за оконы въ поле и, находясь близко къ городу, началъ вызывать отличнѣйшаго на единоборство съ собою. А тамъ былъ одинъ человѣкъ, очень славившійся храбростію, по имени Энхелисъ. Узнавъ, что Ѳома требуетъ единоборства, онъ тоже надѣлъ латы и выѣхалъ въ поле, направляясь медленнымъ шагомъ къ Ѳомѣ. Страхъ объялъ зрителей той и другой стороны при видѣ этихъ вооруженныхъ и храбрыхъ борцовъ, готовившихся схватиться на томъ полѣ, какъ будто на ристалищѣ. Итакъ, находясь уже недалеко другъ отъ друга, они погнали коней и ударились копьями. Копье Ѳомы, прошедши чрезъ щитъ и латы его противника, коснулось самой кожи; и Энхелисъ также направилъ копье на щитъ въ ту минуту, какъ онъ поднятъ былъ его противникомъ надъ головою, для ея прикрытія, и, пронзивъ шлемъ, коснулся самого тѣла. Послѣ того они разъѣхались, — и одинъ удалился въ римскій лагерь, а другой отправился въ городъ. Наконецъ праздникъ у Римлянъ прошелъ, и они, построившись, приступили къ городу. Но послѣ многихъ попытокъ разбить стѣны каменометными машинами, они увидѣли, что это невозможно,—ибо древніе, заботясь вообще о своихъ дѣлахъ, прилагали особенное стараніе къ созиданію городовъ,— а потому оставили свое намѣреніе и начали метать камни далѣе стѣнъ, чтобы они падали во внутренность города. Только что пущенъ былъ первый

камень, какъ одна проворно шедшая по городу женщина получила ударъ въ темя,—такъ что ей раздробило голову и переломало кости во всѣхъ членахъ. Тутъ поднялся вой, какъ будто взятъ былъ городъ,—и никто изъ жителей не осмѣливался выдти посмотрѣть на эту несчастную женщину. Когда же Римляне бросили и другой камень, и начали дѣлать это часто; народъ пришелъ въ ужасъ,—каждый воображалъ, что надъ его головою камень, только не такъ, какъ въ миѳахъ разсказывается о Танталѣ. Поэтому граждане стали совѣщаться объ открытіи Римлянамъ входа въ городъ, а войско и вся стража на башняхъ, узнавъ о томъ, бѣгомъ пустились въ акрополь. Наконецъ народъ отворилъ ворота и впустилъ римское войско. Взявъ такимъ образомъ и этотъ городъ, Дука раздѣлилъ войско на двѣ части, и одну оставилъ при себѣ въ городѣ для осады акрополя, а другую послалъ для фуражировки. Такъ шли здѣсь дѣла. Въ это время одна многолюдная и плодоносная область, называемая Алиціемъ (¹), соображая то, что случилось съ Брундузіемъ, тоже присоединились къ царю. Тогда же небольшое войско непріятелей (то были Кельты), засѣвъ въ кустарникѣ, для подстереженія римской конницы, пасшей своихъ лошадей, и замѣтивъ, что она предалась сну, угнало оттуда лошадей. Услышавъ объ этомъ отъ возвратившихся съ пастбища, Римляне поспѣшно погнались, отняли всѣхъ лошадей

(¹) Алицій—Halicyae находился между Лилибеемъ и Энтеллою. Steph. У Діодора Сицилійскаго и Плинія L. 3. c. 8, жители этого города называются Ἁλικυαῖοι.

и весьма многихъ изъ непріятелей забрали въ плѣнъ. При этомъ случилось попасться и одному изъ самыхъ знатныхъ Италіянцевъ, по имени Сихеру: но, прежде чѣмъ узнали о его званіи, онъ успѣлъ откупиться золотомъ у того, кто его схватилъ.

11. Спустя немного, до Римлянъ дошелъ слухъ, что идетъ на нихъ Вильгельмъ съ большими силами—и сухопутными, и морскими. Поэтому они приготовились, сколько могли, и спокойно стали ожидать его. Не прошло еще пяти дней послѣ того, какъ одинъ перебѣжчикъ изъ непріятельскаго войска извѣстилъ Римлянъ, что Вильгельмъ недалеко, и хочетъ охватить ихъ, какъ сѣтями. Услышавъ объ этомъ, римскіе военачальники распредѣлили войну такъ: Басавилѣ и Іоанну Ангелу, имѣвшимъ подъ собою все наемное войско и тѣхъ, которые присоединились къ царю въ Италіи, положено было встрѣтить нападеніе на сушѣ, а Дукѣ вступить въ борьбу съ морскими силами. Такимъ образомъ они въ состояніи будутъ, говорили, одни помогать другимъ. И такъ, Дука на зарѣ съ одѣтыми въ латы всадниками тихо направился къ берегу, имѣя предъ глазами подплывавшіе съ противуположной стороны корабли; а прочіе стройно пошли, приготовившись къ битвѣ на сушѣ. Сицилійскіе корабли, находясь уже близъ города, не могли войти въ гавань всѣ вмѣстѣ, потому что она, будучи довольно широка внутри, значительно съуживалась ко входу; посему они раздѣлились по десяти и вступали одинъ за другимъ послѣдовательно. При этомъ, говорятъ, Ду-

ка, видя, что римскій флотъ, по своей малочисленности (онъ состоялъ всего изъ четырнадцати кораблей) страшится большаго непріятельскаго флота, придумалъ слѣдующее. Онъ вынесъ и показалъ своимъ воинамъ письмо, будто бы недавно присланное отъ царя. Это письмо извѣщало, что около полудня подойдутъ къ нимъ силы съ суши и съ моря. Когда же воины отъ того воодушевились надеждою,—онъ сказалъ: «Товарищи! поспѣшимъ восхитить побѣду себѣ, чтобы намъ, несшимъ до сихъ поръ всю тяжесть трудовъ, не пришлось подѣлиться плодами побѣды съ тѣми, которые явятся къ бою позже насъ». Послѣ этихъ словъ военачальникъ, видя, что непріятельскіе корабли уже вошли въ самую пристань, приказалъ начинать дѣло. Съ открытіемъ морской битвы, Сицилійцы, не вынося римскихъ стрѣлъ съ суши и съ моря и получая пораженія съ той и другой стороны, начали отступать. Преслѣдуя ихъ, Римляне многихъ убили, а четыре корабля, сѣвшихъ на мель, вмѣстѣ съ людьми взяли въ плѣнъ. Понесшись на веслахъ быстрѣе, чѣмъ сколько слѣдовало, эти корабли сѣли у берега, и сдѣлались добычею сухопутнаго войска. Въ этомъ дѣлѣ пало непріятелей больше двухъ тысячь, а изъ Римлянъ удалось отличиться и многимъ другимъ, но больше всѣхъ—одному храброму воину изъ отряда Дуки, по имени Скараманкѣ. Когда непріятели начали уже бѣжать, онъ разогналъ своего коня и, одною рукою схвативъ судно за корму, никакъ не выпускалъ его, сколько ни усиливалось оно уйти. Этотъ храбрецъ повторилъ

всѣми прославляемое дѣло извѣстнаго Кинегира. Хотя, получая удары отъ бывшихъ на суднѣ непріятелей, онъ и принужденъ былъ наконецъ оставить его; за то однакожъ на нѣкоторое время замедлилъ его ходъ и далъ возможность другимъ, уже подплывавшимъ Римлянамъ, овладѣть имъ. Совершивъ такой подвигъ, Римляне возвратились въ Брундузій и, имѣя при себѣ одну машину, которая обыкновенно называется черепахою, подвезли ее къ акрополю. Смотря на это, стоявшіе на стѣнахъ громко смѣялись надъ замысломъ Римлянъ разрушить стѣну; потому что такое намѣреніе, по ихъ мнѣнію, было рѣшительно невыполнимо: камни были прилажены одинъ къ другому такъ, что стѣна, казалось, состояла изъ одного цѣльнаго камня. Но Римляне, пододвинувъ машину къ стѣнѣ и подходя подъ нее ночью, начали рыться подъ основанія крѣпости и выносить землю на другую сторону, пока не дорылись до послѣднихъ камней основанія и не добрались до лежавшей уже подъ ними земли. Тогда, раскапывая ее, они образовали подъ стѣною пустое мѣсто и, бросая туда бревна, наполняли ими пустоту, такъ что стѣна, висѣвшая уже на воздухѣ, поддерживалась только бревнами. Видя наконецъ, что находящіеся внутри продолжаютъ упорствовать, они подложили подъ бревна огонь, который скоро истребилъ это вещество,—и стѣна повалилась на землю съ самаго основанія, низвергнувъ вмѣстѣ съ собою и многихъ стоявшихъ наверху воиновъ. Не смотря однакожъ на то варвары убѣжали за внутреннюю стѣну, и продолжали отбиваться.

12. Въ такомъ положеніи были дѣла Римлянъ, когда царь, собравъ флотъ, прислалъ его вмѣстѣ съ сухопутнымъ войскомъ въ Италію. Какъ первымъ, такъ и послѣднимъ управлялъ Алексѣй ([1]), внукъ царя Алексѣя по дочери, имѣвшій въ то время санъ великаго Дукса. Ему поручено было царемъ собрать и другія войска и съ ними отправиться въ Италію. Но онъ прибылъ къ Брундузій, ничего не сдѣлавъ; потому что многіе частію боялись пуститься въ такое опасное плаваніе, частію подозрѣвали, какъ бы не подвергнуться бѣдствію со стороны непріятелей. Съ сихъ поръ судьба стала уже явственнѣе завидовать Римлянамъ. Робертъ ([2]), который до сихъ поръ ратовалъ въ союзѣ съ ними, слыша, что Вильгельмъ идетъ съ большими силами, и видя, что Римляне еще не взяли акрополя брундузійскаго, отдѣлился отъ нихъ—подъ тѣмъ предлогомъ, что отправляется для набора войскъ, необходимыхъ для здѣшнихъ воинскихъ трудовъ. Притомъ и всадники изъ города Марка ([3]) стали требовать на будущее время двойной платы за труды и, не получая требуемаго, удалялись. Узнавъ о томъ, Вильгельмъ взялъ войска и тотчасъ пошелъ на Римлянъ. Тогда они вошли въ совѣщаніе, какъ слѣдуетъ распорядиться войною,—и однимъ казалось лучше идти въ Баръ и укрѣпить

([1]) Алексѣй Вріеній или Комнинъ, сынъ Цесаревны Анны отъ Никифора Вріенія. См. генеал. табл. Комниныхъ.

([2]) То есть Робертъ Басавила. См. выше.

[3] Городъ Маркъ—то же, что Анкона; а жители Анконы были въ союзѣ съ Римлянами, какъ это откроется ниже.

его окопами, а другимъ этотъ совѣтъ не нравился,—они говорили, что весьма опасно оставить позади себя то, что было уже въ ихъ рукахъ. Остановившись на послѣднемъ мнѣніи, они, чтобы не тратить попусту времени, снова приступили къ стѣнѣ и большую часть ея разрушили каменометными машинами, однакожъ варваровъ оттуда выгнать не могли; напротивъ они съ прежнею храбростію выступили противъ Римлянъ и, сдѣлавъ на нихъ натискъ всею массою, немедленно укрылись за стѣною. Впрочемъ, если бы судьба не воспрепятствовала Римлянамъ, они конечно, овладѣли бы тогда Брундузіемъ; потому что взошли уже на стѣну и бились съ находившимися внутри, стоя на башняхъ: но такъ какъ большая часть башень, пострадавъ отъ частой стрѣльбы, рухнула на землю и увлекла съ собою многихъ Римлянъ; то они и возвратились, не достигнувъ цѣли. Послѣ сего Сицилійцы, такъ какъ Вильгельмъ еще не приходилъ, стали совѣщаться, не слѣдуетъ ли имъ сдать Римлянамъ крѣпость на условіяхъ. Но счастіе, какъ будто положивъ опредѣленный срокъ для благопріятствованія Римлянамъ и видя, что онъ уже кончился, оставило ихъ среди города и удалилось. Пока продолжалось совѣщаніе Сицилійцевъ, пришло къ нимъ извѣстіе, что Вильгельмъ съ великимъ войскомъ уже близко. Услышавъ объ этомъ, они удержались отъ задуманнаго дѣла и, взошедши на стѣны, безпрестанно рукоплескали и проводили день попраздничному, какъ будто бы Римляне были уже прогнаны.

13. Такъ вотъ что тамъ происходило. Между тѣмъ Вильгельмъ, поднявшись со всѣмъ войскомъ, изъ Мизіи спѣшилъ къ Брундузію, а флотъ его сталъ въ гавани одного островка, лежавшаго въ нѣсколькихъ стадіяхъ противъ Брундузія; потому что положено было сдѣлать нападеніе на Римлянъ въ одно время съ обѣихъ сторонъ. Дать Сицилійцамъ морское сраженіе, прежде чѣмъ появится предъ ними Вильгельмъ,—для этого у Римлянъ тогда не достало догадки; какъ будто было уже рѣшено, чтобы они испытали бѣдствіе. Допустивъ нападеніе на себя съ обѣихъ сторонъ, Римляне разстроили дѣло царя. Слишкомъ понадѣявшись на то, что идетъ войско изъ Византіи, они, въ ожиданіи скораго его прибытія, откладывали нападеніе на непріятелей; а когда получили извѣстіе, что Вильгельмъ уже близко, тогда должны были поневолѣ принять битву съ обѣихъ сторонъ. И такъ, избравъ двухъ, опытнѣйшихъ въ воинскомъ дѣлѣ мужей, Іоанникія Критопла и Перама, родомъ Перса, они послали ихъ съ Иверцами и Массагетами завязать перестрѣлку. Тѣ тотчасъ же схватились съ непріятелями, которые расположились лагеремъ въ сорока пяти стадіяхъ,—и, полагаясь на краткій путь отступленія, забѣжали имъ въ тылъ, побили много людей въ ихъ арріергардѣ, угнали отъ нихъ много вьючныхъ лошадей и, отбивъ знамя, ушли къ Брундузію. Но Сицилійцы мало заботились объ этомъ; ибо, при великомъ множествѣ всего, для нихъ такая потеря не была нисколько чувствительна: они лишь нѣсколько отдалили отъ

Римлянъ свой лагерь, чтобы не сталкивались между собою пастухи съ той и другой стороны, и стали приготовляться къ бою. Недалеко уже отъ гавани стоялъ и флотъ ихъ. Въ такомъ положеніи были Сицилійцы. Что же касается до Римлянъ, то они и прежде были гораздо малочисленнѣе войска непріятельскаго, а теперь изъ ихъ силъ убыло еще болѣе. Отъ нихъ отдѣлилось какъ весьма много другихъ союзниковъ, такъ въ особенности немалая дружина Кельтовъ, которые, служа Римлянамъ за деньги, самымъ непримѣтнымъ образомъ перешли къ Вильгельму. Видя это, Вильгельмъ рѣшился воспользоваться благопріятнымъ временемъ, пока ни Робертъ не явился еще къ нимъ на помощь,—ибо слышно было, что онъ возвращается съ многочисленными силами,—ни подошло къ нимъ отъ царя какое-нибудь сухопутное или морское войско. Не смотря на намѣренное или случайное замедленіе Роберта, Римляне тоже выстроились, какъ могли лучше, и стали противъ непріятеля. Страшно было смотрѣть на эту небольшую горсть Римлянъ, приготовившуюся къ битвѣ со всѣми силами Сицилійцевъ. До нѣкотораго времени ни тѣ, ни другіе не начинали дѣла. Потомъ одинъ изъ наемныхъ всадниковъ выѣхалъ изъ римской фаланги на средину поля и вызывалъ желающаго на единоборство. Этимъ открылось сраженіе съ обѣихъ сторонъ. Начавшись съ самаго утра, оно долго оставалось въ равновѣсіи, потому что Римляне бились весьма мужественно; но потомъ Сицилійцы, надвинувъ на нихъ всею массою, обратили

ихъ въ бѣгство. Изъ бѣжавшихъ многіе пали, другіе взяты были въ плѣнъ, остальные же съ большою давкою и усиліемъ попали въ городъ; въ числѣ послѣднихъ былъ и военачальникъ Алексѣй. А Дука, оставленный внѣ стѣнъ, не прежде пересталъ биться, нанося и принимая удары, какъ былъ окруженъ непріятелями и, послѣ продолжительныхъ подвиговъ, сдѣлался плѣнникомъ. Взявъ же его въ плѣнъ, Сицилійцы безъ труда уже какъ бы сѣтью переловили и находившихся въ городѣ. Вотъ къ какому концу прежнюю славу Римлянъ привела неразсудительность Комнина и Дуки. Такъ-то изъ нашихъ современниковъ одни, вовсе не зная стратегіи, подвергаютъ государственныя дѣла опасности, а другіе хотя и знаютъ ее нѣсколько, но большею частію ошибаются. Стратегія есть также искусство,—и тому, кто имъ занимается, надлежитъ быть гибкимъ и оборотливымъ, чтобы благовременно примѣняться къ каждому изъ его видовъ. Можно иногда и бѣжать безъ всякаго стыда, если того требуютъ обстоятельства; можно и неотступно преслѣдовать, смотря по тому, что нужно. А когда открывается надобность не столько въ рукѣ, сколько въ умѣ,—совѣта въ опасности должно требовать отъ всѣхъ. Если многія и различныя дѣйствія направляются къ одной цѣли—къ побѣдѣ; то все равно, кто бы ни способствовалъ къ достиженію ея. Вотъ и Римляне, не получивъ съ Алексѣемъ войскъ, которыя царь приказалъ ему привести, и не имѣя у себя силы, достаточной для борьбы съ Сицилійцами, пусть бы пере-

вели свое войско на корабли и прежде сразились съ ихъ флотомъ: они навѣрно одолѣли бы его и свое удаленіе съ суши вознаградили бы морскими трофеями, а потомъ, по требованію обстоятельствъ, могли бы снова выдти на сушу и съ большими силами продолжить войну въ Италіи. Но они полагали, что безчестно-удалиться съ суши; за то и потерпѣли рѣшительное пораженіе и покрыли себя безславіемъ.

14. Такъ шли тамъ дѣла. Услышавъ объ этомъ, царь пришелъ въ справедливое и тѣмъ сильнѣйшее негодованіе, что это случилось послѣ столькихъ предшествовавшихъ успѣховъ. Неудача, слѣдующая за славой, хотя и отклоняетъ безчестіе, за то обыкновенно тѣмъ болѣе опечаливаетъ, что губитъ все, тогда какъ немного уже оставалось до успѣшнаго окончанія дѣла. Впрочемъ, сколь ни сильно царь скорбѣлъ объ этомъ,—скорбь не побѣдила его. Облекши тогда Алексѣя въ санъ Протостратора, онъ послалъ его въ Анкону, чтобы отсюда, какъ изъ средоточія, Алексѣй снова началъ завоеваніе Италіи. Жители этого города еще прежде дали царю клятву въ томъ, что хотя по своей волѣ они и не начнутъ войны съ королемъ алеманскимъ, однакожъ деньги царскія и Римлянъ, которыхъ онъ пришлетъ, будутъ беречь, какъ самихъ себя. А почему царь пришелъ къ этому намѣренію, я объясню сейчасъ. Еще во время корцирской войны замѣтилъ онъ непріязнь и упрямство Венетовъ и съ тѣхъ поръ много думалъ о томъ, какъ бы, овладѣвъ Анконою, смирить великую ихъ гордость, и чрезъ то легче вести войны

въ Италіи. Для этой цѣли Алексѣй прибылъ въ Анкону съ большими деньгами; потомъ изъ Анконы послалъ въ Италію Константина Оттона и италіянскаго градоправителя Андрея (¹), человѣка отважнаго въ бояхъ и знаменитаго мужествомъ, и, собравъ чрезъ нихъ значительное союзное войско, покорилъ Римлянамъ весьма много городовъ. Между тѣмъ римскій архіерей (²), заключившій уже съ Вильгельмомъ дружественный союзъ, узнавъ, что тѣ два человѣка ходятъ по подвластнымъ Риму городамъ, строжайшимъ образомъ запретилъ имъ это. Однакожъ нѣкоторые знатные люди, еще прежде обѣщавшіеся благопріятствовать Римлянамъ (у царя Мануила всегда былъ обычай водить дружбу со многими изъ тамошнихъ жителей), возстановивъ противъ него народъ, приняли царское знамя съ подобающею честью и дозволили Контостефану нанимать воиновъ, сколько онъ хочетъ. Разгнѣванный этимъ, архіерей обратился къ единственному оружію, какое имѣлъ,—подвергъ народъ отлученію, говоря, что между новымъ и древнимъ Римомъ, которые такъ давно расторглись, нѣтъ ничего общаго, что скорѣе должно помочь владѣтелю Сициліи, ибо нечестиво не подать помощи члену одного съ ними тѣла, и притомъ тяжко пострадавшему въ борьбѣ съ врагомъ, ко-

---

(¹) То-есть Андрея, князя Руписканины, который, бывъ лишенъ своихъ владѣній, пришелъ въ Константинополь. См. Tyr. и Chronicon Cecean. A. 1161. Объ Андреѣ говорятъ также Falcandus p. 650 и Otho Frising. L. 2. de Gest. Frid. c. 28. 29.

(²) О мирѣ папы Адріана съ Вильгельмомъ подробно говоритъ Баронiй in Actis Adriani.

торый гораздо сильнѣе его. Устрашенный этимъ отлученіемъ, одинъ изъ приверженцевъ царя уже отсталъ было отъ своихъ сообщниковъ и измѣнически перешелъ на сторону архіерея; но люди, благопріятствовавшіе Римлянамъ, употребивъ особенное усиліе, не допустили его до этого. А чтобы огласить его невѣрность, они воспользовались какимъ-то варварскимъ и почти непристойнымъ средствомъ,—подняли его оружіе и коня на одно дерево (1) и потомъ, отнявъ веревки, сбросили и первое и послѣдняго на землю; затѣмъ явно уже возставъ противъ архіерея, принудили его вопреки своей волѣ снять съ людей отлученіе. Съ того времени Римляне снова начали дѣйствовать смѣлѣе. Теперь они взяли съ боя городъ, носившій имя святаго Германа, и покорили царю около трехъ сотъ другихъ городовъ. Кто желаетъ знать, какое каждый изъ нихъ имѣлъ названіе, тотъ можетъ прочитать ихъ имена во дворцѣ (2), который воздвигнутъ этому царю на мѣстѣ стараго дома государствен-

---

(1) Этотъ способъ наказанія былъ въ употребленіи у западныхъ Римлянъ и древнихъ Галловъ и прилагался особенно къ военнымъ людямъ. Дерево, на которое поднимали виновныхъ, нынѣшніе Французы называютъ estrapade, а Италіянцы—strapata— отъ корня estraper—вырвать изъ корня, какъ бы, то есть, человѣкъ, котораго такимъ образомъ наказывали, исторгался изъ земли, терялъ право на жизнь. Замѣчательно, что въ томъ случаѣ, о которомъ говоритъ Киннамъ, виновный получаетъ наказаніе не лично, а въ своемъ конѣ и оружіи,—черта христіанскаго милосердія и людскости. Въ язычествѣ подобныхъ наказаній отыскать почти невозможно. Carol. du Fresne ad h. l.

(2) То-есть, во влахернскомъ дворцѣ, въ которомъ Мануилъ съ особеннымъ искусствомъ изображалъ воинскіе свои подвиги. Объ этомъ говоритъ также Никита (L. 7. n. 3) и Beniaminus Tudel. въ Itiner. p. 26.

наго Совѣта, что на южной сторонѣ города. Тамъ этихъ именъ написано было, конечно, слишкомъ много; но то произошло отъ какой-то безмѣрной лести и рабскаго чувства тѣхъ, которые не обращаютъ вниманія на дѣла, и каковыхъ людей всегда бываетъ много. Я слышалъ, что нѣкогда и самъ царь негодовалъ на это. Изглажены ли они теперь, или нѣтъ, — утверждать не могу.

15. Такимъ образомъ и опять немногаго недоставало, чтобы вся италіянская земля подчинилась Римлянамъ. Но Алексѣй Комнинъ, Дука и другіе римскіе полководцы попались въ плѣнъ владѣтелю Сициліи, и снова испортили дѣло. Они уже клятвенно обѣщали Сицилійцамъ многое, на что царь прежде не соглашался, и такимъ образомъ отняли у Римлянъ плоды величайшихъ и прекрасныхъ дѣлъ. Да и чего не пообѣщаетъ, кто бы то нибылъ, когда держатъ его въ цѣпяхъ и стерегутъ въ подземныхъ тайникахъ? Сицилійцы домогались этого съ тою цѣлію, чтобы находившіеся въ ихъ рукахъ люди, въ ожиданіи примиренія царя съ Вильгельмомъ, поспѣшили, какъ видно, прежде времени отступиться отъ занятыхъ Римлянами городовъ. Услышавъ объ этомъ, царь понялъ ходъ дѣлъ и, посылая въ Сицилію письма, находившимся въ темницѣ Римлянамъ писалъ слѣдующее: «мнѣ пришлось удивляться, какъ это вы, мужи, въ такихъ дѣлахъ всегда обнаруживаете малодушіе. И прежде такимъ же образомъ потерявъ тѣ славныя побѣды, вы сами себѣ приготовили настоящую участь, которой подверглись; и теперь, когда другіе, съ Божіей помощію, стара-

ются поправить то, что вами уже испорчено, вы противостоите тому. Не ужели вамъ не приходило на умъ, что Сицилійцы придумали это, имѣя въ виду остановить дальнѣйшіе наши успѣхи? Найдется ли кто изъ Италіянцевъ, который, слыша, что мы отдали Вильгельму уже находившуюся въ нашей власти страну, не оставилъ бы насъ въ ту же минуту и не перешелъ бы безъ всякаго замедленія на сторону Вильгельма? Безъ сомнѣнія, не найдется никого, кромѣ развѣ человѣка безчестнаго и глупаго, какихъ впрочемъ бываетъ много. Спрашиваю,—скажите ради Бога,—когда отечеству было бы пріятнѣе увидѣть васъ, тогда ли, какъ покоривъ намъ всю Италію и островъ Сицилію, вы, мужи сами по себѣ славные, были бы славно освобождены оттуда единоплеменниками и, явившись въ Византію благородными римскими героями, представили бы сладостное зрѣлище людямъ съ вами равночестнымъ, или тогда, какъ мы вызвали бы васъ оттуда, по смыслу вашей клятвы, не давъ и не взявъ ничего»? Это писалъ онъ Римлянамъ, а Вильгельму послалъ письмо такого содержанія: «Не думай, благородный мужъ, что отъ насъ укроется намѣреніе, съ которымъ это сдѣлано вами,—не думай, будто необходимость заставитъ согласиться съ насиліемъ. Нѣтъ,—вовсе не принесетъ тебѣ пользы то, въ чемъ поклялись эти, заключенные въ узы и темницу, люди; потому что Римляне дотолѣ не перестанутъ воевать съ Италіею, пока и ее и весь островъ попрежнему не покорятъ подъ нашу власть». Получивъ это письмо, сановники

Вильгельма отвѣчали такъ: «Если тебѣ угодно наказать насъ за прежнія преступленія противъ твоей державы, державнѣйшій Царь; то ты уже отмстилъ Италіи болѣе, чѣмъ было должно, потому что покорилъ себѣ среди ея не менѣе трехъ сотъ городовъ,—дѣло, какого прежнія времена римскаго царства не представляютъ, и слава, какой послѣ древняго римскаго самодержца, Юстиніана, не имѣлъ никто кромѣ твоего самодержавія. Сравни же, просимъ тебя, нашу ошибку (говорю о нападеніи на твои области Коринѳъ и Эвбею), съ побѣдами Римлянъ въ Италіи,—Римлянъ, которые уже столько времени увозятъ и уносятъ къ себѣ здѣшнее богатство, которые пролили на этой землѣ втрое—и больше, чѣмъ втрое, здѣшней крови, нежели сколько мы—тамошней, и которые не только разграбили столь много городовъ, но и покорили ихъ. То ли, или это кажется тебѣ выше? Если же ты не хочешь въ этомъ сравнивать себя съ нами, которые много ниже твоей державы, то обратись мыслію къ прежнимъ царямъ, и взгляни на древнѣйшіе подвиги Римлянъ: развѣ тогда никто не нападалъ на римское царство? Совсѣмъ напротивъ,—нападали многіе народы: и Персы, и Гунны, и, чтобъ не возбудить неудовольствія въ твоемъ державствѣ, тотъ Робертъ, который, приплывъ изъ Италіи въ Эпидамнъ, боролся тамъ съ твоимъ дѣдомъ въ великихъ битвахъ. Но твой дѣдъ былъ радъ и тому, что едва кое-какъ изгналъ Роберта изъ римской земли; а ты почти овладѣлъ и всею нашею. И такъ, если твое предпріятіе имѣло цѣлію отмстить намъ, то тебѣ довольно тро-

фесвъ; ты уже достаточно наказалъ насъ,—и теперь, попирая нашу землю, тебѣ нисколько не безчестно, если только не весьма славно, принять миръ. Тогда немедленно получишь ты и Римлянъ,—тѣхъ столь знаменитыхъ мужей, которыхъ случай доставилъ намъ возможность взять въ плѣнъ. И за нихъ несправедливо тебѣ гнѣваться на насъ; потому что человѣкъ, ведущій войну, не заслуживаетъ порицанія, когда противодѣйствуетъ врагамъ. Вообще выходитъ, что ты имѣешь право вести съ нами войну только за наше преступленіе относительно Эвбеи, за что однакожъ наказаніе простерто уже тобою, какъ мы сказали, далѣе надлежащаго. И такъ, если ты предположилъ наказать насъ, имѣя въ виду зло, какое сдѣлано нами твоей странѣ, то въ этомъ мы предъ твоимъ державствомъ оправдались; а когда тебѣ хочется только быть во всегдашней войнѣ съ нашимъ родомъ, то пора подумать, не будетъ ли это намѣреніе выходить за предѣлы человѣческихъ законовъ. Вѣдь людямъ свойственно соразмѣрять войны съ причинами; выходить же за этотъ предѣлъ свойственно животнымъ, сказалъ бы кто другой, а намъ говорить это не слѣдуетъ. И такъ, просимъ тебя,—окончи настоящую войну миромъ». Перечитавъ это посланіе много разъ, царь согласился съ тѣмъ, что въ немъ говорилось, и, взявъ плѣнниковъ, увезши, какую имѣлъ, военную добычу, и получивъ отъ Вильгельма увѣреніе (¹)

(¹) Тоже говоритъ и современный этимъ лицамъ историкъ Фалькандъ: per idem tempus cum imperatore Graecorum foedus initum est

въ томъ, что онъ будетъ его союзникомъ въ войнахъ съ Западомъ, прекратилъ войну. Потомъ, спустя немного, царь почтилъ его титуломъ короля (¹), котораго онъ прежде не имѣлъ, и сохранялъ къ нему такое благорасположеніе, что когда онъ окончилъ жизнь и явился къ нему его братъ (²) съ просьбою о помощи, для пріобрѣтенія власти надъ Сицилійцами, онъ вовсе не принялъ его.

16. Такой конецъ имѣли для Римлянъ эти италіянскія войны. Но и прежде еще, когда онѣ продолжались въ Италіи, царь сильно озабочивался возникавшими уже тогда безпокойствами въ Азіи, а теперь всецѣло предался этимъ заботамъ. Персидскій султанъ овладѣлъ подвластными Римлянамъ городами Пунурою и Сивилою; Терозъ, о которомъ было уже упомянуто, отнялъ у Римлянъ весьма много городовъ въ Киликіи; а персидскій филархъ Ягупасанъ (³), правитель Каппадокіи,

---

paxque firmata: Graeci Constantinopolim dimissi, qui post brundusianum bellum in vinculis tenebantur. Впрочемъ этотъ миръ былъ непродолжителенъ Nicet. L. 2. n. 8.

(¹) Мануилъ только призналъ Вильгельма королемъ; потому что до этого мирнаго договора Вильгельмъ въ Византіи понимаемъ былъ, какъ похититель престола. Carol. du Fresn. ad. h. l.

(²) Этотъ братъ былъ не Танкредъ, какъ нѣкоторые ошибочно полагаютъ, потому что отцемъ Танкреда почитается хотя также Рожеръ, однакожъ не король Сициліи, а князь Апуліи (Ughell. tom. 9 Italiae Sacrae p. 66. 100. 103. etc). Подъ именемъ брата Вильгельмова надобно здѣсь разумѣть побочнаго Рожерова сына, Симона, который, изгнанный братомъ своимъ Вильгельмомъ изъ тарентинскаго княжества, завѣщаннаго ему отцемъ, спасся вмѣстѣ съ Матѳеемъ Боннеллою на триремѣ и, вѣроятно, удалился въ Константинополь. Falcandus.

(³) Ягупасанъ, зять иконійскаго Султана Масута, правитель Амасіи, Анкиры и Каппадокіи. Nicet. L. 3 n. 5.

дѣлалъ набѣги на два понтійскихъ города—Инеонъ и Павраю. Въ такихъ обстоятельствахъ царь посылаетъ къ султану Алексѣя Гифарда, и упомянутые города возвращаетъ; Ягупасана заставляетъ прекратить набѣги на римскія границы и пристать къ себѣ; а въ Киликію рѣшается сдѣлать походъ самъ. Въ это время въ Византіи случилось слѣдующее: былъ одинъ изъ левитовъ (¹), которыхъ мы называемъ діаконами, по имени Василій. Онъ, по возложенной на него обязанности, обьясняя народу слово Божіе на различныхъ службахъ, позволялъ себѣ въ этихъ бесѣдахъ намеками и прикровенно безчестить и другихъ, кто хотя немного былъ съ нимъ не въ ладу, и въ въ томъ числѣ Михаила (²) и Никифора, по прозванію Василакія, изъ которыхъ первый въ то время былъ преподавателемъ риторики и въ храмѣ Софіи обьяснялъ священныя евангельскія изреченія (³), а послѣдній славился ученостію, ни-

---

(¹) Объ этомъ богословскомъ спорѣ подробнѣе говоритъ Nicet. in Man. L. 7 n. 5. L, 4. et 22. Leo Allatius in excerptis Var. et L. 2 de Eccl. Occid. et Orient. c. 12 n. 5.

(²) То-есть Михаила Ѳессалоникскаго *μαΐστωρα τῶν ῥητόρων, διδάσκαλον τῶν εὐαγγελίων καὶ πρωτέκδικον τῆς μεγάλης ἐκκλησίας Κωνσταντινοπόλεως*. Должность магистра риторовъ состояла въ истолкованіи св. Писанія. Allatius in excerptis. Codin de offic. c. 1. n. 22. А. Никифоръ Василакій, по Никитѣ, былъ *διδάσκαλος τῶν ἐπιστολῶν; ὁ Βασιλάκιος Νικήφορος τὰς τοῦ Παύλου ἀναπτύσσων ἐπ' εκκλησίᾳ ἐπιστολάς καὶ διαλευκαίνων τῷ τῆς καλλιρρημοσύνης φωτὶ, ὅσαι τῶν ἀποστολικῶν ῥήσεων τῇ ἀσαφείᾳ ὑπομελαίνονται, καὶ τῷ βάθει τοῦ πνεύματος ἐπιφρίσσουσι.*

(³) Преподаваніе Риторики и обьясненіе Евангелія были двѣ должности, но соединялись въ одномъ лицѣ Михаила. Codin. c. 1 n. 12. Въ византійской церкви *πολλοὶ ἦσαν οἱ διδάσκαλοι*, какъ-то: *διδάσκαλος τοῦ εὐαγγελίου, διδάσκαλος τοῦ ἀποστόλου, διδάσκαλος τοῦ ψαλτηρίου*; но *διδάσκαλος*

салъ хорошія сочиненія и весьма искусно также обработалъ многое по части риторики. Эти люди огорчались такими поступками и считали дѣломъ важнымъ, что, достигнувъ столь великой мудрости, были осмѣиваемы тѣмъ человѣкомъ и чрезъ то какъ для многихъ другихъ, такъ и для самихъ себя сдѣлались виновниками невыносимыхъ бѣдствій. Однажды Василій совершалъ свое обычное служеніе въ храмѣ Апостола Іоанна Богослова (¹) въ предмѣстьи города: пришли туда послушать и они, но послушать слухомъ лукавымъ и непріязненнымъ. Обьясняя, думаю, какое-нибудь отдѣленіе Евангелія, Василій сказалъ, что одинъ и тотъ же Сынъ Божій и бываетъ жертвою, и вмѣстѣ съ Отцемъ пріемлетъ жертву. Они тотчасъ схватили эти слова и, идучи дорогою, осмѣивали ихъ со всѣхъ сторонъ, говоря, что если принесть жертву—значитъ одно, а принять ее—другое, то Василій вводитъ двѣ ѵпостаси. Къ этому мнѣнію присоединились и другіе, по учености, люди извѣстные, и даже Сотирихъ (²), по прозванію Пантевгеносъ,

---

κατ' ἐξοχὴν почитался истолкователь Евангелія. Catalogus Goari et Medonii: ὁ διδάσκαλος ἑρμηνεύει τὸ ἅγιον εὐαγγέλειον, εἰ δυνατός ἐστι, καὶ τὸ ψαλτήριον, κρατῶν καὶ τὰ σχολεῖα τῆς ἐπισκοπῆς. Изъ этого видно, что истолкователь Евангелія не только имѣлъ право обьяснять и другія книги священнаго Писанія, но и управлялъ патріаршими школами.

(¹) Разумѣется, вѣроятно, храмъ, построенный при Гебдомѣ, страннопріимномъ домѣ Іоанна Богослова, о которомъ см. Ann L. 3 Constant. in Basil. c. 63. Scylitz. и Glycas in Bulgaroctono. Впрочемъ Guillelmus Biblioth. in Adriano II находитъ еще храмъ Іоанна у такъ называемаго Castrum Rotundum.

(²) Сотирихъ Пантевгеносъ называется ὑποψήφιος τοῦ πατριάρχου, то-есть, представитель патріарха антіохійскаго; ибо пока Антіохія

мужъ въ то время превосходившій другихъ и мудростію, и силою слова, и уже избранный на антіохійскій престолъ, только еще не получившій рукоположенія (¹). Этотъ Сотирихъ присталъ къ ихъ мнѣнію не только языкомъ и устами, но и написалъ прекрасную рѣчь, имѣвшую что-то чрезвычайно сходное съ Платоновыми разговорами; только въ рѣчи этой наговорилъ много и нелѣпостей, такъ что когда царь разобралъ ихъ споръ, — и самъ писатель лишенъ былъ престола, и подвергъ тому же всѣхъ своихъ соучастниковъ. Василій же напротивъ снова получилъ свое достоинство, котораго было лишился; хотя впослѣдствіи, обличенный, какъ говорили, въ неправославіи, опять потерялъ его.

17. Такой былъ конецъ этого догматическаго спора. Послѣ чего царь выступилъ противъ Тероза (²). Когда онъ занятъ былъ, какъ мы ска-

---

находилась во власти Латинянъ, Греки имѣли антіохійскихъ патріарховъ только по имени. Эти представители антіохійскаго престола—дѣйствительные патріархи не могли имѣть резиденціи въ Антіохіи. Balsam. ad. can. 16 Synod. Antioch. См. Nicet in Isaac. L. 1. n. 4. Baron. A. 1178.

(¹) Безъименный авторъ у Алляція называетъ этого Сотириха ὑποψήφιον τοῦ πατριαρχείου Ἀντιοχείας. Впрочемъ ὑποψήφιος назывался не титулярный только епископъ извѣстной Церкви, но и всякій, пока онъ былъ нареченъ; хотя быть нареченнымъ значило собственно ὑπὸ τόμῳ κοινῷ ἀνακηρυχθεῖναι, какъ выражаетъ это Пахимеръ L. 4. c. 15. ὑπὸ τόμῳ, т. е. по законному избранію клира и народа, каковое избраніе совершалось публично, и актъ избранія подписываемъ былъ всѣми избирателями. Ep. Symmach. pp. 5. et 6. ad Caesarium Arelat. in Conc. Arvern. Can. 2. Aurelian. IV Can. 5. Aurelian. V Can. 11.

(²) Вильгельмъ Тирскій (L. 13): in partibus Ciliciae circa Tarsum erat qvidam nobilis et potentissimus Armenus, nomine Toros, qui do-

зали, западными дѣлами, этотъ варваръ, улучивъ время, овладѣлъ почти всѣми городами Киликіи. Онъ искуснѣе, чѣмъ кто другой, ловилъ случаи и умѣлъ пользоваться обстоятельствами. Это, да еще и другое, о чемъ сейчасъ скажу, побудило царя отправиться въ Азію. По смерти антіохійскаго князя, Раймунда, супруга его Констанція тотчасъ и себя и антіохійскія дѣла ввѣрила царю. Вслѣдъ за тѣмъ царь послалъ въ Антіохію Кесаря Рожера, о которомъ я уже упоминалъ, чтобы онъ вступилъ съ Констанціею въ бракъ. Но она, перемѣнивъ мысли, по общему совѣту Антіохійцевъ, соединилась бракомъ съ какимъ-то Ренальдомъ; ибо Антіохійцы опасались, какъ бы имъ, если эта женщина выйдетъ за Рожера, не пришлось платить Римлянамъ дань. Упомянутый Ренальдъ, тогда какъ царь не допускалъ его къ себѣ съ прошеніемъ, а напротивъ устрашалъ многими угрозами, понялъ, что ему нужны деньги, и поступилъ слѣдующимъ образомъ. Настроивъ кораблей, онъ отплылъ къ Кипру и, производя тамъ грабежи, какъ пиратъ, пріобрѣлъ такимъ образомъ великое богатство. Управлявшій тогда этой страной, племянникъ царя Іоаннъ, Михаилъ Врана и всѣ другіе, которымъ поручено было ея охраненіе, сначала прогнали его и разбили; но потомъ, когда Врана съ большею, чѣмъ нужно, стремительностію преслѣ-

---

mini imperatoris gratiam, ejus efficiente inconstantia, frequentius demerebatur et incurrebat offensam, confisus enim de eo, quod ab impedio remotus erat plurimum, et quod in montibus arduis habebat domicilia, per plana Ciliciae praedam agebat et manubias, non veritus terram romini sui modis, quibus poterat, damnificare, etc.

довалъ его до Левкусіи, и когда вмѣстѣ съ нимъ плылъ также Іоаннъ,—имъ обоимъ пришлось попасться Ренальду въ плѣнъ. Такъ вотъ для чего царь отправился въ Киликію. Прибывъ въ Малую Фригію и встрѣтившись тамъ съ Персами, онъ побѣдилъ ихъ въ сраженіи и произвелъ великую сѣчу; потомъ, опустошивъ сосѣдственную съ Фригіею персидскую область, направился къ Киликіи, а между тѣмъ показывалъ видъ, будто ведетъ войну съ Персами. Чрезъ это надѣялся онъ напасть на Тероза, когда послѣдній не будетъ и подозрѣвать того; а чтобы еще неожиданнѣе явиться предъ нимъ, поступилъ слѣдующимъ образомъ. Онъ повелѣлъ Алексѣю Кассіану (¹), который тогда управлялъ Селевкіею, собрать войско изъ туземцевъ и имѣть его въ готовности; потомъ самъ выбралъ лучшихъ у себя воиновъ и поспѣшилъ къ Селевкіи, а прочему римскому войску приказалъ. оставаясь здѣсь у Атталы, позаботиться о лошадяхъ; ибо у лошадей явилась тогда болѣзнь на оконечности ногъ, обыкновенно поражавшая лошадиную породу, и сильно мучила ихъ. Царь пришелъ уже на поля Селевкіи, а войска, вопреки его приказанію, еще не было (потому что Алексѣй не позаботился объ этомъ). Тогда, сильно желая схватить Тероза, онъ обратился къ другому способу: Алексѣя послалъ впередъ, чтобы Терозъ, завязавъ съ нимъ

(¹) Этотъ походъ Мануила протитъ правителей Арменіи и Антіохіи подробно описываютъ Nicetas in Man. L. 3 n. 1. 3. Will. Tyrius L. 18. c. 23. 24. Упоминаетъ о немъ и Фока, лично въ немъ участвовавшій и оказавшій Мануилу важныя услуги. Descript. T. 8. 1. 24.

битву, могъ быть этимъ задержанъ на мѣстѣ, а самъ пошелъ въ тылу его, ведя съ собою не болѣе пяти сотъ тяжело вооруженныхъ воиновъ. Этимъ способомъ тираннъ былъ бы въ самомъ дѣлѣ скоро взятъ (1) и попался бы въ руки Римлянъ, если бы, сверхъ ожиданія, не спасъ его одинъ случай. Нѣкто изъ нищихъ, которые въ большомъ числѣ изъ латинскихъ странъ приходятъ въ Палестину, обѣгаютъ тамъ горы и лѣса и не оставляютъ ни одного мѣста, не проходя его толпами,— нѣкто изъ такихъ нищихъ, встрѣтившись съ царемъ и получивъ отъ него въ даръ статиръ золота, какъ могъ, скорѣе пошелъ къ Терозу, и извѣстилъ его о немедленномъ прибытіи царя. Услышавъ это, онъ, какъ и слѣдовало ожидать, пришелъ въ ужасъ и, не открывъ полученнаго извѣстія никому, кромѣ преданнымъ ему людей, Ѳомы (2) и Корка, началъ бѣгать изъ мѣста въ мѣсто и блуждалъ повсюду. Вступивъ на другой день въ Киликію, царь не нашелъ его нигдѣ, и сперва овладѣлъ безъ боя сильною крѣпостію на Ламѣ; потомъ взялъ Кистрамъ и знаменитый городъ Аназарбъ; затѣмъ, идя далѣе, напалъ на Лонгиніаду и поработилъ ее со всѣми окрестностями; отсюда перешелъ къ Тарсу, который былъ митрополіею этой области, и взялъ его при первомъ приступѣ; пославъ же часть войска къ

---

(1) Tyrius: Tam subitus autem fuit imperialium exercituum adventus, ut prædictus Toros, qui Tarsi tunc morabatur, vix liberas ferias habuerit, ut ad montes vicinos gratia salutis se conferret.

(2) Ѳома, вѣроятно, былъ тотъ самый племянникъ Тероза по сестрѣ, который послѣ него сдѣлался наслѣдникомъ его власти.

весьма сильной крѣпости Тили, покорилъ и ее Римлянамъ. Какъ онъ въ одинъ день овладѣлъ Тарсомъ, который не легко можетъ быть взятъ и многими десятками тысячь войска,— это я объясню. Узнавъ, что его трудно взять, онъ не хотѣлъ здѣсь тратить время попусту, но самъ направился къ другимъ городамъ, а осаждать Тарсъ послалъ зятя своего по сестрѣ Ѳеодора, прозывавшагося Ватацею. Ѳеодоръ не успѣлъ еще подойти къ городу, какъ бывшіе на стѣнахъ его воины, подумавъ, что идетъ на нихъ царь, въ чрезвычайномъ испугѣ начали бросаться съ башень и, несчастные, убивали сами себя. Вслѣдствіе сего городъ тутъ же былъ взятъ.

18. Итакъ, Тарсъ палъ. Видя это, Терозъ и князь Ренальдъ никакъ не осмѣливались отправить къ царю пословъ, ибо знали за собой великія преступленія, но послали просить нѣкоторыхъ его родственниковъ, чтобы они склонили царя на милость. Когда же и родственники не достигли своей цѣли, — Ренальдъ, отчаявшись во всемъ, обѣщалъ сдать царю антіохійскій акрополь, если онъ забудетъ о злыхъ его дѣйствіяхъ. Притомъ Ренальду было извѣстно, что и антіохійскій архіерей, (1) котораго Антіохійцы поставляютъ себѣ изъ единоплеменниковъ и называютъ его па-

---

(1) О чрезвычайно дурномъ и неприличномъ обращеніи Ренальда съ патріархомъ антіохійскимъ Эмерикомъ и о причинѣ такого обращенія подробно расказываетъ Вильгельмъ Тирскій (L. 18. c. 1); который называетъ Эмерика Petri apostolorum principis successorem и этимъ показываетъ, что Эмерикъ принадлежалъ къ іерархіи Церкви западной.

тріархомъ, питаетъ къ нему неудовольствіе и вражду по слѣдующей причинѣ. Ренальдъ, испытывая, какъ мы уже сказали, крайнюю бѣдность, задумалъ напасть на Кипръ и, призвавъ къ себѣ этого архіерея, требовалъ отъ него наединѣ, чтобы онъ далъ ему денегъ, ибо зналъ, что онъ богатъ. Когда же архіерей не послушался, — Ренальдъ снялъ съ него одежды и сперва побоями сдѣлалъ ему на тѣлѣ много ранъ, а потомъ, (это было лѣтомъ) намазавъ раны медомъ, выставилъ его на солнечный жаръ. Тогда осы, пчелы, мухи и другія, жадныя до крови, насѣкомыя, покрывъ все обнаженное его тѣло, сосали изъ него кровь. Наконецъ изнемогшій отъ этого, архіерей вынесъ все свое богатство и отдалъ его Ренальду. Укрощенный этимъ, Ренальдъ облекъ его въ обыкновенную одежду и возилъ на конѣ по городу, а самъ шелъ пѣшкомъ у его ногъ и держалъ въ рукѣ висѣвшее отъ его сѣдла стремя (¹). Но хотя онъ и сдѣлалъ это, однакожъ архіерей тѣмъ не менѣе негодовалъ на него и искалъ случая отмстить ему. Онъ уже не разъ посылалъ къ царю и предлагалъ ему выдать этого человѣка. Но царь не соглашался на его предложеніе (потому что хотѣлъ побѣдить Ренальда скорѣе войною, чѣмъ коварствомъ),—и намѣреніе

(¹) Въ тѣ времена, о которыхъ пишетъ Киннамъ, стремя сѣдла имѣло не нынѣшнюю форму; это былъ двойной ремень, который, когда всходилъ на коня или сходилъ съ него царь, держать долженъ былъ Страторъ,—имя должности, производимое отъ слова staffa стремя: quasi nempe Strator ad staffam, или по Воссію, ad stapiam stet. Carol. du Fresne ad h. l.

оставлено. Въ этихъ мысляхъ Ренальдъ обѣщалъ царю то, о чемъ мы сказали прежде. Когда же царь не принялъ его просьбы, онъ поступилъ слѣдующимъ образомъ: снялъ съ головы шлемъ, обнажилъ руки до самыхъ локтей и, безъ обуви, съ толпою монаховъ прошедши чрезъ весь городъ, предсталъ предъ царя съ веревкою на шеѣ и съ мечемъ въ лѣвой рукѣ. На этотъ случай воздвигнутъ былъ блистательный престолъ. Ренальдъ стоялъ вдали отъ царской палатки, какъ бы не смѣя войти въ нее; а сонмъ монаховъ немонашествующихъ, безъ сандалій и съ непокрытыми головами, вошелъ къ царю,—и всѣ они, ставъ на колѣна и проливая изъ очей слезы, простирали къ нему руки. Царь сперва упорствовалъ, но наконецъ, бывъ упрошенъ, повелѣлъ войти князю. Когда онъ вошелъ въ описанномъ нами видѣ,—царь былъ тронутъ и простилъ ему оскорбленіе. При этомъ Ренальдъ клятвами утвердилъ какъ многое другое, чего хотѣлось царю, такъ и то, чтобы въ Антіохію архіерей посылаемъ былъ по древнему обычаю изъ Византіи. Это казалось чудомъ для всѣхъ пословъ, которымъ тогда случилось здѣсь быть:—этому дивились послы народовъ азійскихъ, Хоразміянъ, Сузянъ, Екватанцевъ, Мидіянъ и Вавилонянъ, которые главнаго своего властителя называютъ султаномъ, — также послы верріэйскаго сатрапа Нураддина, и послы персидскаго Филарха Ягупасана,— Авазговъ, Иберійцевъ, Палестинянъ и Армянъ, живущихъ за Исаврами.

19. Вотъ что здѣсь совершилось. Между тѣмъ

царю писалъ палестинскій король Балдуинъ (¹) и просилъ у него свиданія, чтобы сообщить ему, какъ говорилъ, нѣчто важное. Но это былъ только предлогъ. Задумавъ властвовать надъ Антіохіею, которая находилась у него въ сосѣдствѣ, но не зная, какъ бы овладѣть ею, — пока еще не извѣстно было ему, что случилось съ Ренальдомъ, Балдуинъ совѣтовалъ царю никакъ не выпускать этого человѣка изъ рукъ, чтобы, то-есть, по низложеніи его, либо поработить Антіохійцевъ себѣ, такъ какъ бы онъ спасъ ихъ, либо, когда они откажутся подчиниться тому и другому (Ренальду и царю), тѣмъ не менѣе повелѣвать ими. Замысливъ это, онъ пріѣхалъ въ Антіохію и, обратившись съ рѣчью къ Антіохійцамъ, искусно напомнилъ имъ, что онъ для ихъ пользы прибылъ сюда изъ Палестины, и что они обязаны ему великою благодарностію. Когда же Антіохійцы подтвердили его слова, онъ опять сталъ просить царя о свиданіи съ нимъ. Но царь, понявъ намѣреніе этого человѣка, сперва сдѣлалъ отказъ и ссылался на то, что не можетъ принять его съ должнымъ радушіемъ и готовностію, — какъ будетъ онъ вести съ нимъ бесѣду, занимаясь военными дѣлами! Видя однакожъ, что Балдуинъ еще болѣе настаиваетъ и ежедневно проситъ объ одномъ и томъ же, согласился на просьбу и велѣлъ ему придти. Говорятъ, что Антіохійцы, когда онъ

(¹) О свиданіи іерусалимскаго короля, Балдуина III, съ Мануиломъ и о томъ, какъ первый примирилъ съ нимъ Ренальда, разсказываетъ также Вильгельмъ Тирскій L. 18 c. 24.

выходилъ изъ города, окружили его и просили, какъ можно, постараться примирить ихъ съ царемъ. Въ это время въ царскомъ дворцѣ случилось слѣдующее. Въ числѣ царскихъ писцовъ находился нѣкто, по имени Ѳеодоръ, по прозванію Стипіатъ (¹). Этотъ Ѳеодоръ прежде былъ весьма близокъ къ царю и удостоенъ довѣренности служить при каникліѣ (²); но обличенный въ коварствѣ и злыхъ замыслахъ противъ царя, несчастный, былъ ослѣпленъ и лишенъ языка. Онъ, будто съ треножника, многимъ провѣщавалъ, что жизнь царя уже измѣрена, и говорилъ, что римскому совѣту нужно передать власть не человѣку молодому и юношѣ, но мужу, совершенно состарѣвшемуся и вышедшему изъ юношескихъ лѣтъ, чтобы тогда, какъ онъ будетъ властвовать на словахъ, можно было управлять гражданскими дѣ-

---

(¹) Объ этомъ событіи совсѣмъ иначе разсказываетъ Никита (L. 2, n. 4). Онъ говоритъ, что Ѳеодоръ Стипіатъ по ненависти оклеветанъ былъ негоднымъ человѣкомъ, Логоѳетомъ почтъ, который донесъ царю, будто бы этотъ правитель царской канцеляріи тайно совѣщался съ сицилійскимъ королемъ Вильгельмомъ. Но свидѣтельство Киннама въ главныхъ чертахъ подтверждается разсказомъ Радевика. L. 3 de Geslis Frid. c. 47.

(²) Служить при каникліѣ значило быть хранителемъ сосуда съ багряными чернилами, которыми царь обыкновенно подписывалъ грамоты или дипломы. Посему чиновникъ, хранившій эти чернила, назывался ὁ ἐπὶ κανικλείου. Сосудъ съ означенными чернилами былъ сдѣланъ изъ золота и украшенъ драгоцѣнными камнями.—δοχεῖον ἐρυθροδάνου διάλιθον χρυσοῦν. Nicet. in Manuel. L. 3, n. 4. Отсюда, по мнѣнію Дюканжа, чиновникъ при каникліѣ былъ тоже, что Логоѳетъ; а Родерикъ говоритъ, что caniclinum nos cancellarium dicere possumus. Roder. L. 3. de Gest. Frid. c. 47. Hoffman. Lex. v. caniclium et caniclinus.

лами такъ, какъ бываетъ въ демократическомъ правленіи. Это-то случилось тогда съ Ѳеодоромъ. Въ тоже время и начальникъ царскихъ трубачей, Георгій, по прозванію Пиррогеоргій, котораго обыкновенно называютъ Примикиріемъ (¹) двора, немаловажными также дѣлами оскорблявшій царя, опять удостоился его милости, и не потерпѣлъ никакой другой непріятности кромѣ той, что лишенъ былъ начальства надъ трубачами.

20. Узнавъ, что король приближается, царь нѣсколько разъ высылалъ ему навстрѣчу разныхъ чиновныхъ особъ, и всегда знатнѣйшихъ послѣ менѣе знатныхъ, восходя до своихъ зятьевъ (²) по племянницамъ,—чтобы они вели съ нимъ разговоры и оказывали ему надлежащія почести, пока онъ не дойдетъ до самаго царя. Столь достойно почтилъ онъ и привѣтствовалъ этого человѣка. А онъ, или возгордившись этимъ, или нося въ душѣ врожденную надменность,—по прибытіи въ царскій дворецъ, въ сопровожденіи царскихъ жезлоносцевъ и знатнѣйшихъ Римлянъ, сошелъ съ коня тамъ, гдѣ обыкновенно дѣлалъ это царь. Понявъ отсюда его самомнѣніе, царь пропустилъ въ церемоніалѣ много такого, что клонилось еще къ большей его чести. Впрочемъ при свиданіи

(¹) Титулъ Примикирія принадлежалъ не исключительно начальнику царскихъ трубачей. О значеніи его сказано было выше. См. Кинн. стр. 46.

(²) Эти зятья, по свидѣтельству Вильг. Тирскаго, были родные братья, то-есть Іоаннъ Протосевастъ и Алексѣй Протостраторъ, сынъ Іоанна Аксуха—Великаго Доместика, мужъ дочери Алексѣя Комнина, старшаго сына царя Іоанна. См. таблицу Комниныхъ.

онъ говорилъ съ нимъ и предложилъ ему одно низкое кресло, да и много разъ вступалъ съ нимъ въ бесѣду и приглашалъ его къ своему столу. Такъ какъ Антіохійцы недовольны были договоромъ Ренальда относительно количества войска, которымъ обязывались помогать царю, — потому что городъ не имѣлъ прежней силы, — и относительно архіерея, чтобы онъ присылаемъ былъ въ Антіохію изъ Византіи, и посему поводу пришли просить царя; то Балдуинъ ходатайствовалъ предъ нимъ и объ этомъ дѣлѣ и, какъ скоро замѣтилъ, что царь не сильно отказываетъ, тотчасъ велѣлъ посламъ пасть къ его стопамъ. Тогда размысливъ, который изъ двухъ (предметовъ прошенія) приноситъ Римлянамъ болѣе чести, царь тутъ же дозволилъ Антіохійцамъ вооружать для службы себѣ меньшую дружину, (потому что за требованіемъ свыше силы часто слѣдуетъ неисполненіе, а съ другой стороны, и малая дружина, выставленная народомъ, есть достаточное свидѣтельство служебной его покорности), а архіерея не дозволилъ принимать ни откуда болѣе, какъ изъ Византіи. Выслушавъ это съ удовольствіемъ, послы были отпущены въ городъ. Этимъ кончивъ здѣсь дѣло съ Ренальдомъ, царь потомъ положилъ идти на

(¹) Тоже самое подтверждаетъ Вильг. Тирскій (l. c.): deinde ipsis eum ducentibus usque ad ostium tentorii, ubi dominus imperator cum suis illustribus residebat, cum multa gloria introductus, humanissime ab eo salutatus et ad osculum pacis erectus, secus eum in sede honesta, humiliore tamen, locatus est. Подобнымъ образомъ, когда приходилъ къ Мануилу и іерусалимскій король Амальрикъ, juxta eum dominus rex throno sedit honesto, humiliore tamen, Wilh. Tyr. L. 20 c. 24.

Тероза. Терозъ сперва убѣжалъ въ пустынныя мѣста и Таврскія горы, а потомъ, когда Балдуинъ сталъ просить царя и о немъ,—явился въ римскомъ лагерѣ жалкимъ просителемъ. Принявъ его, царь причислилъ къ римскимъ подданнымъ и наконецъ прекратилъ войну. Когда же хотѣлъ онъ вступить въ Антіохію, жители этого города, чего и слѣдовало ожидать, стали опасаться, какъ бы римскія силы, бывъ впущены въ городъ, не попытались изгнать ихъ оттуда, но не зная, какъ отвратить царя отъ его намѣренія, выдумали и представили ему пустые предлоги. Они состояли въ томъ, будто бы въ Антіохіи нѣкоторые дерзкіе люди согласились, когда царь вступитъ въ городъ совершенно безоружнымъ (они думали, что это будетъ не иначе), употребить въ отношеніи къ нему какое-то коварство. Но царь, понявъ хитрость, сказалъ, что замышляемое не будетъ имѣть мѣста, и, обратившись къ окружавшимъ его, присовокупилъ, что это вовсе невозможно, какъ по многому другому, такъ особенно потому, что король будетъ ѣхать довольно далеко отъ царя, и притомъ невооруженный, а Ренальдъ и другіе будутъ имѣть дѣло съ сбруею коня и стременными ремнями сѣдла, идя пѣшкомъ безъ всякаго оружія; притомъ царя, по обычаю, будетъ сопровождать большая дружина варваровъ-бердышниковъ. Такъ опровергъ онъ эти рѣчи и, намѣреваясь вступить въ городъ, надѣлъ двойную броню, потому что имѣлъ для этого довольно силы въ неутомимомъ тѣлѣ; сверхъ того возложилъ на себя широкую персидскую, покрытую

драгоцѣнными камнями, одежду, которая своею тяжестію не уступала тому, что было подъ нею, также вѣнецъ и другія обычныя царскія украшенія. Удивляюсь, какъ это, по совершеніи такого торжественнаго шествія, каково оно обыкновенно бываетъ при вступленіи въ Византію, царь, подъѣхавъ къ храму Апостола Петра, легко сошелъ съ коня и опять вскочилъ на него однимъ прыжкомъ, какъ не вскочилъ бы никто и изъ людей нагихъ и безоружныхъ. Тутъ встрѣтилъ его архіерей города, облаченный въ священную одежду, со всѣмъ чиномъ священнослужителей. Они держали въ рукахъ кресты и несли предъ собою священныя книги, такъ что всѣ чужеземцы и пришельцы изумлялись, особенно видя, что Ренальдъ и знатные Антіохійцы бѣгутъ подлѣ царскаго коня пѣшкомъ, а Балдуинъ, вѣнценосный мужъ, далеко оттуда ѣдетъ на конѣ, но безъ всякихъ знаковъ власти. Этимъ заключился тріумфъ,— и царь, пробывъ въ городѣ восемь дней, выступилъ оттуда. Антіохійцы выражали ему такую преданность, что, когда онъ жилъ во дворцѣ Ренальда, всѣ тяжущіеся судились (¹) не у своихъ единоплеменниковъ, а у Римлянъ.

(¹) Пока Мануилъ пребывалъ въ Антіохіи, право суда, принадлежавшее антіохійскому князю, прекращалось и переходило къ Мануилу, какъ къ лицу съ высшею властію. Это дѣлалось по силѣ закона феодальныхъ европейскихъ обществъ. Speculum Saxonicum L. 3. artic. 60: in quamcunque civitatem imperii rex devenerit, ibi telonia vacabunt sibi et monetae. Quamcunque etiam provinciam sev territorium intraverit, judicium illius sibi vacabit, et ei licebit judicare omnes causas, quae eorum judicio non fuerant inceptae aut finitae. Посему, какъ скоро въ какой-нибудь городъ вступалъ феодальный правитель,

21. Совершивъ это, царь приготовлялся идти противъ Нураддина. Но Нураддинъ, узнавъ о походѣ, освободилъ сына Саргелы (¹), родомъ Италіянца и начальника палестинскихъ рыцарей, котораго Латиняне называютъ Магистромъ (²) храма,—(оба они были люди знаменитѣйшіе). Освободилъ онъ кромѣ того и много дворянъ; а простаго народа разныхъ сословій болѣе шести тысячь. Всѣ они взяты были имъ въ плѣнъ изъ войска алеманскаго и германскаго, когда сражались въ Азіи. Сдѣлавъ это, Нураддинъ обѣщался еще помогать царю въ его войнахъ съ азіятскими непріятелями, и такими условіями отклонилъ его отъ принятаго намѣренія. Но спустя немного, царь принужденъ былъ нарушить договоръ, хотя и не достигъ своей цѣли, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго разсказа. Толпа Сарацинъ, вовсе безъ вѣдома Нураддина, подстерегши Римлянъ, которые шли на пастбище, нанесла нѣкоторымъ изъ нихъ раны. Узнавъ объ этомъ, царь тоже поставилъ въ одномъ удобномъ мѣстѣ за-

---

тотчасъ на главной городской башнѣ поднималось его знамя, а знамя его вассала было спускаемо—въ знакъ того, что reddibilia et jurabilia теперь переходили къ первому. Carol. du Fresn. ad h. l.

(¹) Вильг. Тирскій: inde missis nunciis ad Noradinum, qui forte Halapiae tunc erat, obtinet per legatos quemdam Bertrandum comitis sancti Aegidii naturalem filium cum quibusdam aliis concaptivis sibi dari, ipse vero postmodum non multo interjecto temporis intervallo, revocantibus eum curis domesticis, ad propria reversus est. Бертранъ былъ побочный сынъ тулузскаго князя Альфонса. По смерти своего отца, онъ вмѣстѣ съ сестрою обманомъ взятъ былъ Турками въ плѣнъ, о чемъ подробно разсказываетъ Robertus de Monte.

(²) Въ то время, по словамъ Вильг. Тирскаго (L. 17. c. 21), магистромъ храма былъ Bernardus de Tromelay.

саду, и вмѣстѣ съ началомъ дня лично напалъ на нихъ, тогда какъ они ничего не предвидѣли. Обративъ ихъ въ бѣгство, онъ захотѣлъ охотиться, и для того отправился въ верхнія мѣста Сиріи,—дѣло, о которомъ въ нынѣшнее время страшно и слышать. Впереди его шло не болѣе шести человѣкъ, которые должны были выслѣживать логовища звѣрей. Не успѣли они еще далеко отъѣхать, какъ предъ ними явились двадцать четыре вооруженныхъ непріятельскихъ воина и старались хитростію увлечь нѣсколькихъ Римлянъ къ войску, помѣщенному назади въ засадѣ. Тѣ звѣроловы лишь только увидѣли ихъ, тотчасъ бросились въ протекавшую у ногъ ихъ рѣку и, переплывъ ее, пришли къ царю съ извѣстіемъ о томъ, что случилось съ ними. Не смутившись при этомъ извѣстіи, царь сказалъ: «пойдемъ туда, гдѣ, по вашимъ словамъ, находятся враги». Ихъ взяло великое раздумье; но онъ, совершенно опустивъ поводья коня, понесся на враговъ. Тутъ вдругъ явилось предъ нимъ скрывавшееся въ тѣхъ мѣстахъ многотысячное сарацинское войско. Однакожъ, нисколько не замедляя бѣга, онъ сильнымъ натискомъ ворвался въ средину столь многихъ вооруженныхъ людей и, обративъ ихъ въ бѣгство, тогда только прекратилъ преслѣдованіе, когда бѣгущіе враги скрылись въ построенныхъ тамъ крѣпостяхъ и когда тамошнее поле наполнилось мертвыми. Это была причина, по которой, возвратившись въ лагерь, онъ рѣшился, какъ сказано, нарушить договоръ. Но пришедшіе съ Запада слухи говорили ему, что тамошнія дѣ-

ла возобновляются, и отклонили его отъ задуманнаго предпріятія. Въ тоже время у Балдуина повреждена была рука (¹) по слѣдующей причинѣ. Когда царь здѣсь охотился,—участвовалъ въ его занятіи и Балдуинъ. Удивляясь самодержцу во всемъ другомъ, онъ хотѣлъ узнать его ловкость и въ этомъ отношеніи; но потомъ, по чувству самолюбія, желая и самъ въ быстротѣ бѣга состязаться съ царемъ, который въ этомъ случаѣ былъ неподражаемо гибокъ, вдругъ нечаянно упалъ вмѣстѣ съ конемъ и, какъ сказано, жестоко повредилъ себѣ руку. Царь тотчасъ перевязалъ ее и, приложивъ надлежащее попеченіе, черезъ нѣсколько дней возвратилъ ей здоровье. Онъ и въ этомъ отношеніи превосходилъ многихъ врачей, хотя они всю жизнь занимались наукой. Я видѣлъ, какъ онъ разрѣзывалъ жилы и, когда не было врачей, давалъ больнымъ лекарства. Онъ внесъ въ науку Асклепіадовъ многое, что оставалось для нея неизвѣстнымъ во всѣ времена:—изобрѣлъ много и мазей, и жидкостей, которыя желающій можетъ получать въ общественныхъ лечебницахъ, обыкновенно называемыхъ ксенонами. Но объ этомъ довольно. Наконецъ царь вспомнилъ о возвращеніи въ Византію. Чтобы пройти кратчайшемъ путемъ, онъ оставилъ Памфилію и повелъ войско чрезъ Ликаонію, хотя султанъ сильно отказывалъ ему въ этомъ. Когда онъ находился невдалекѣ отъ города Аранды, пе-

---

(¹) Объ этомъ случаѣ и о томъ, какъ Мануилъ перевязывалъ и лечилъ руку Балдуина, разсказываетъ также Вильг. Тирскій (L. 18 c. 15).

репутавшіеся Персы предались бѣгству, думая, что Римляне тотчасъ нападутъ на Иконію. А такъ какъ послѣдніе не дѣлали ничего непріязненнаго, то первые, ободрившись, начали выносить во множествѣ съѣстные припасы и доставлять ихъ Римлянамъ. Однакожъ они все-таки не смогли до конца сдержать питаемую ими ненависть. Когда Римляне были уже въ Коттіэнѣ,—Персы напали на нѣкоторыхъ изъ нихъ, вышедшихъ тайно изъ лагеря, и однихъ убили, а другихъ взяли въ плѣнъ. Наконецъ царь пришелъ къ Византіи, вступилъ въ нее съ величайшимъ тріумфомъ и, принесши Богу жертву благодарности за побѣду, прибылъ во дворецъ.

22. Но спустя немного онъ положилъ наказать Персовъ за новую противъ него дерзость и собралъ войско на Кинсельскихъ равнинахъ, а между тѣмъ послалъ къ начальникамъ римскихъ областей въ Азіи приказаніе напасть на персидскую землю съ разныхъ сторонъ въ одно опредѣленное время. Это сдѣлалъ онъ съ тою цѣлію, чтобы Персы не имѣли возможности помогать другъ другу, и чрезъ такое распоряженіе, когда оно было исполнено, нанесъ имъ великій вредъ. Переправившись чрезъ Геллеспонтскій проливъ въ Азію, когда солнце было уже около зимняго поворота, онъ дошелъ до Дорилеи, лежащей при двухъ рѣкахъ, изъ которыхъ одну туземцы называютъ Ваѳисомъ, а другую Ѳиврисомъ, и обѣжавъ всю окрестность, увелъ оттуда великое множество людей и разнаго скота. Почуявъ свою гибель, Персы начали появляться полками и от-

рядами. Тогда царь прочее римское войско послалъ опустошать все, что встрѣтится на пути, а самъ съ немногими изъ своихъ сдѣлалъ набѣгъ на мѣста въ той странѣ болѣе высокія и приказалъ трубить въ царскія трубы (¹), чтобы вселить въ непріятелей страхъ и дать имъ знать, что этимъ войскомъ командуетъ самъ царь. Въ это время онъ многократно простиралъ на варваровъ и собственныя руки и, нападая на нихъ неожиданно, казался имъ чуть не молніею. Тогда, нисколько не стыдясь, предъ нимъ, говорятъ, отступали тысячи, а, если угодно бывало судьбѣ, то и десятки тысячь людей вооруженныхъ и закованныхъ въ желѣзо. Доходя до моего слуха, эти подвиги казались мнѣ менѣе вѣроятными, чѣмъ дѣла Фоки и Цимисхія, — этихъ не очень давнихъ самодержцевъ, и нѣкоторыхъ другихъ, пріобрѣтшихъ себѣ имя мужествомъ. Какъ повѣрить, что одинъ человѣкъ побѣждаетъ цѣлыя тысячи, и одно копье одолѣваетъ миріады вооруженій! Поэтому, когда я бывалъ въ царскихъ чертогахъ и слышалъ, что царю приписываются такія дѣла, тотчасъ съ смущеніемъ уклонялся отъ собесѣдованія; потому что имѣю отъ природы нравъ, неспособный къ лести, и не могу безъ затрудненія произнести ни одного слова иначе, какъ языкомъ истины. Я такъ и думалъ, что эти дѣла прикрашены сановниками и людьми, имѣющими при дворѣ правительственныя должности, пока не усмотрѣлъ ихъ своими глазами, ко-

(¹) О царскихъ трубахъ см. Codin. de offic. c. 5 n. 15.

гда, случайно замѣшавшись между врагами, самъ, увидѣлъ вблизи, какъ этотъ самодержецъ противостоялъ цѣлымъ персидскимъ фалангамъ. Но объ этомъ когда-нибудь разскажетъ исторія, а мы будемъ теперь продолжать начатое. Царь держался тѣхъ возвышенныхъ мѣстъ, а римское войско, уже проникшее внутрь страны, неожиданно встрѣтилось съ персидскими полками. Тутъ произошла битва на близкомъ разстояніи и, когда Римляне начали уже утомляться, царь узналъ объ этомъ и устремился на непріятелей во всю прыть, не надѣвъ ни панцыря и ничего другаго, а только оградивъ тѣло щитомъ. Тотчасъ ворвавшись въ средину враговъ, онъ совершалъ удивительные боевые подвиги,—поражалъ мечемъ всякаго встрѣчнаго. Наконецъ непріятели показали тылъ; а онъ, взявъ копье и нисколько не теряя времени, сталъ ихъ преслѣдовать. Долго бѣжали Персы, не оглядываясь: имъ и въ голову не приходило, что за столь многолюднымъ войскомъ гонится одинъ человѣкъ; потому что совершенно овладѣвшій ими страхъ сильно омрачилъ имъ глаза. Наконецъ распознавъ, что съ ними дѣлается, они много укоряли другъ друга въ трусости и, тотчасъ обратившись назадъ, стали противъ царя лицемъ къ лицу, хотя уже не дѣлали сильнаго нападенія, потому что страхъ однажды навсегда укротилъ ихъ порывы. Они опустошили всѣ колчаны; а онъ, обращая щитъ въ ту и другую сторону, отражалъ удары и охранялъ тѣло отъ стрѣлъ. Между Персами былъ одинъ человѣкъ храбрый и сильный. Видя, что никто не

вступаетъ въ битву съ царемъ, онъ воскипѣлъ гнѣвомъ, вырвалъ у одного изъ своихъ соплеменниковъ мечь и устремился на царя, чтобы поразить его. Но самодержецъ, схвативъ его за волосы, повлекъ за собою вмѣстѣ съ тремя другими, людьми также благородными. Послѣ того прочіе, видя, что не могутъ вступить съ нимъ въ борьбу, предались бѣгству; а царь съ упомянутыми плѣнниками возвратился въ лагерь и, когда увидѣлъ, что уже наступаетъ жесточайшая зима, отправился въ Византію.

23. Но какъ скоро пришелъ онъ въ то виоинское мѣстечко, по имени Пилэ, въ которомъ прежде поселилъ приведенныхъ Римлянами филомилійскихъ плѣнниковъ,—тотчасъ прибыли къ нему послы отъ султана. Говоря съ ними и узнавъ, что они не возвѣщаютъ ничего здраваго, онъ отослалъ ихъ съ угрозою, что если Персы не будутъ поступать по его волѣ, римская конница не въ продолжительномъ времени нападетъ на ихъ страну и опустошитъ все гораздо болѣе, чѣмъ теперь. Проведши немного времени съ царицею, царь (а онъ жилъ тогда на другой сторонѣ залива, въ мѣстѣ, которое туземцы называютъ Риціемъ) переправился потомъ на противоположный берегъ, и оттуда, идя далѣе чрезъ приморскіе города, прибылъ въ Филаделфію, а изъ Филаделфіи, приготовившись, вторгнулся въ персидскую землю. Посему послы, возвращавшіеся черезъ дорилейскія равнины, вовсе не знали о походѣ царя противъ ихъ страны и утверждали, что онъ проводитъ время въ предмѣстьяхъ Византіи. Отъ

этого, когда со всѣхъ сторонъ начали приходить извѣстія о походѣ Римлянъ, Персы сперва считали это дѣло совершенно невѣроятнымъ, но потомъ, слыша о немъ отъ многихъ очевидцевъ, поспѣшили уже двинуться навстрѣчу Римлянамъ всѣмъ войскомъ. Варваръ ничѣмъ столько не возмущается, какъ потерею денегъ или имѣнія. Думая, что Персы еще не знаютъ о томъ, что дѣлается, царь прочее римское войско послалъ впередъ для грабежа, а самъ съ немногими воинами пошелъ позади. Но Римляне, услышавъ, что и Персы двинулись уже всѣмъ войскомъ, оробѣли, чего и слѣдовало ожидать—между прочимъ потому, что съ ними не было царя. Когда же и царь узналъ о выступленіи Персовъ и соединился съ своимъ войскомъ, — оно ободрилось и пошло живѣе. Тогда наступалъ уже конецъ дня, и Римляне, сошедши съ лошадей, по обычаю дали имъ корму и легли немного отдохнуть, а по наступленіи ночи, поднялись и продолжали путь съ фонарями. Фонари устрояются слѣдующимъ образомъ. Сдѣлавъ желѣзный кубъ, прилаживаютъ къ нему раздѣленныя промежутками трубки, которыя снизу бываютъ шире, а къ верху, мало по малу съуживаясь, всегда оканчиваются остріями. Среди куба ставятъ другую, тоже желѣзную трубку, но не похожую на прежнія: сначала она толста, а потомъ какъ-то круто заостряется. Эти трубки обводятъ вокругъ поперечными перевязками и, такимъ образомъ давъ имъ фигуру фонарей, надѣваютъ ихъ на острія копій. Потомъ, разрѣзавъ полотно вдоль на тесьмы, напитываютъ ихъ сви-

нымъ жиромъ и, тщательно скрутивъ, надѣваютъ на каждое желѣзное остроконечіе. Когда эти свѣтильники бываютъ зажжены, отъ нихъ льется столько свѣта, что для войскъ въ то время наступаетъ какой-то искусственный день. О фонаряхъ довольно. Такъ какъ тогда выпалъ глубокій снѣгъ, и дороги стали вовсе невидны; то римское войско весьма далеко уклонилось отъ предположеннаго пути и вѣрно попало бы въ мѣста гибельныя и опасныя, если бы царь, скоро замѣтивъ ошибку, не взялъ фонаря, не походилъ туда и сюда и, распознавъ дорогу, не вывелъ благополучно войска на надлежащій путь. Прибывъ въ одно мѣсто, которое туземцы называютъ Милоновой Сарапатой, онъ началъ оттуда производить фуражировки. Не смотря на распространившуюся всюду молву, сатрапъ этой страны (имя ему Солиманъ) (¹) и теперь еще не хотѣлъ вѣрить тому, что говорили: поэтому, пославъ своего племянника Пупаку (²), который часто видалъ царя, приказалъ ему подойти на самое близкое разстояніе къ римскому войску и, по мѣрѣ возможности, высмотрѣть царя. Пупака, дѣйствительно, узналъ его съ перваго взгляда, сошелъ съ коня и рабски обратился къ нему съ рѣчью. Тогда, распросивъ, кто онъ и для чего посланъ, царь сказалъ ему: «скажи Солиману слѣдующее: стараясь узнать,

---

(¹) Между вельможами иконійскаго султана Солиманъ занималъ первое мѣсто ὁ τῶν παρὰ τῷ Σουλτάνῳ τὰ μέγιστα δυναμένων κορυφαιότατος. Nicet. L. 3, n. 6.

(²) По словамъ Дюканжа, этотъ Пупака былъ тотъ самый, который прежде служилъ Мануилу. См. Кинн. стр. 53.

кто опустошаетъ персидскія земли, ты поступаешь такъ же, какъ если бы кто, видя въ пламени свой домъ, нисколько не думалъ о томъ, какъ бы потушить огонь, а сталъ тщательно изслѣдовать, откуда онъ получилъ начало и кѣмъ подложенъ. Итакъ, не старайся порокъ трусости прикрывать незнаніемъ, будто завѣсою: притворное незнаніе, когда оно бываетъ безъ ума, никакъ не можетъ освободить отъ порицанія того, кто пользуется имъ; умъ вождя знаетъ одну доблесть, — подвергая себя опасностямъ по указанію отечества, взвѣшивать обстоятельства. Кто не схватилъ этого, тотъ потерялъ все. Твой предлогъ и по другой причинѣ неумѣстенъ. Вотъ ты узналъ и говорилъ съ карателемъ Персовъ: хочешь ли противупоставить ему оружіе?—онъ не препятствуетъ». Сказавъ это, царь отпустилъ его и, опустошивъ, уничтоживъ все, что встрѣтилось ему на пути, возвратился назадъ,—дѣло, казавшееся невѣроятнымъ, пока не исполнилось; потому что царское войско, говорятъ, состояло не болѣе, какъ изъ шестидесяти человѣкъ, способныхъ къ бою, въ то время, когда Римляне чудесно освободились отъ великой опасности, которой подвергались. Около того времени Персы собрались уже десятками тысячь и заняли удобныя мѣста, на которыхъ, когда явились туда Римляне, произошла жестокая битва. Первые посылали стрѣлы съ высотъ и истребляли Римлянъ; а послѣдніе, по необходимости сбиваясь въ одну толпу, вовсе не имѣли возможности выказывать мужество, ибо свойство мѣстности нисколько не представляло имъ даже

свободнаго прохода. Бѣдствіе угрожало уже и самому царю, начали уже удаляться отъ него и нѣкоторые щитоносцы. Однакожъ онъ и въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ не потерялъ обычной своей отваги; но когда зять его Іоаннъ, о которомъ много разъ было мною упоминаемо, подошелъ къ нему и хотѣлъ ограждать его щитомъ (при царѣ въ это время не было оруженосцевъ),—онъ отослалъ его отъ себя, сказавъ, что одинъ щитъ не можетъ хорошо закрывать два тѣла. Прошедши съ такою трудностію это мѣсто и достигнувъ большаго простора, такъ что можно было уже испытать ловкость и силу коней и людей, Римляне издали воинственный крикъ, устремили копья на враговъ, обратили ихъ въ бѣгство, многихъ убили и, уходя, захватили съ собою всю, собранную ими добычу. Въ то время многіе показали свое удальство, но царь превзошелъ всѣхъ; потому что никто прежде его не схватился съ врагами и собственною рукою не совершилъ столько доблестныхъ дѣлъ. Окончивъ этотъ подвигъ, онъ возвратился въ Византію.

24. Персы тяжко скорбѣли о случившемся, и рѣшились отплатить Римлянамъ. Улучивъ время, они разграбили восточный городъ Филиту и, неожиданно напавъ на Лаодикію въ Малой Фригіи, разорили ее, многихъ изъ взрослыхъ туземцевъ поразили остріемъ меча и забрали въ рабство великое, неизчислимое множество. Узнавъ объ этомъ, царь пришелъ въ негодованіе, скорбѣлъ и, еслибы было можно, тотчасъ бы перешелъ въ Азію и поставилъ лагерь у Иконіи. Но

такъ какъ онъ зналъ, что для начатія такихъ дѣлъ нужно благопріятное время и большее прежняго приготовленіе къ войнѣ; то отложилъ это, и вознамѣрился напередъ собрать отовсюду силы. Съ этою цѣлію онъ послалъ Іоанна Контостефана въ Палестину, чтобы переговорить съ королемъ Балдуиномъ и привесть оттуда силы, которыя Балдуинъ въ случаѣ нужды, обѣщалъ дать царю на помощь, и кромѣ того собрать наемное войско. Приказано было также антіохійскому князю Ренальду, чтобы и онъ, какъ можно скорѣе, шелъ съ бывшими у него войсками. Такое же приказаніе отдано было и тогдашнимъ правителямъ Арменіи — Терозу и Тиграну, Киликійцу Хрисафію и такъ называемымъ Кокковасиліямъ, которые тоже командовали военными силами, и уже давно приняли добровольное подданство царю. Такую-то армію царь собиралъ на Востокѣ; а съ Запада привелъ лигурійскихъ всадниковъ, послалъ за далматскимъ архижупаномъ и его войскомъ, нанялъ Скиѳовъ и многія племена, обитающія около Тавра. Приготовляясь къ войнѣ, онъ не остановился и на этомъ, но зная, что у Латинянъ, отправляющихся въ Палестину, сборнымъ мѣстомъ всегда бываетъ островъ Родосъ, привелъ наемную конную дружину и оттуда. Для пропитанія этого войска и другихъ потребностей, онъ приказалъ пригнать изъ ѳракійской области безчисленное множество воловъ съ телѣгами. Такимъ-то образомъ дѣлались приготовленія. А чтобы вмѣстѣ ввести султана въ войну съ его соплеменниками и сродниками, онъ отправилъ пословъ къ

его брату Санизану, владѣвшему тогда Ганграми и галатійскою Анкирою, и къ его свояку Ягупасану, который начальствовалъ надъ обѣими Кесаріями, управлялъ Амасіею и другими знаменитыми, сопредѣльными съ Каппадокіею городами. Сдѣлавъ и ихъ подозрительными въ глазахъ султана, царь думалъ уже въ скоромъ времени начать войну. Но султанъ, услышавъ объ этомъ и не имѣя силы вступить въ борьбу ни съ однимъ изъ тѣхъ враговъ, которыхъ накликалъ на него царь,—уступилъ обитателямъ сосѣднихъ странъ, вмѣстѣ съ многимъ другимъ, и города, завоеванные имъ прежде съ великимъ трудомъ, а у царя черезъ пословъ сталъ просить прощенія. Получивъ его, онъ обѣщался возвратить и плѣнныхъ Римлянъ, въ какомъ бы мѣстѣ страны они ни находились; потому что брался самъ отъискать ихъ. Но между тѣмъ какъ шли эти разсужденія, случилось слѣдующее. Іоаннъ, ведя изъ Палестины конницу, встрѣтился съ персидскимъ войскомъ, состоявшимъ изъ двадцати двухъ тысячь человѣкъ, способныхъ къ битвѣ. Пораженный этою нечаянностью, онъ сперва поспѣшно взошелъ съ своими на одинъ находившійся вблизи холмъ и остановился; но потомъ приказалъ всей своей дружинѣ идти на непріятелей и, такъ какъ Римляне сдѣлали на нихъ сильный натискъ, то они отступили и, во время бѣгства, много ихъ было побито, еще же больше взято въ плѣнъ римскими воинами, а иные смяты были конницею. Въ этомъ подвигѣ совершены дѣла, достойныя памяти и мужества, какъ многи-

ми другими Римлянами, такъ и военачальникомъ Іоанномъ. Совершивъ ихъ, Іоаннъ прибылъ къ царю съ трофеями; а султанъ, какъ скоро услышалъ о томъ, сталъ терзаться жаломъ раскаянія, и за неблаговременную свою дерзость называлъ себя несчастнымъ, безпокоясь не столько о случившемся, сколько о томъ, что этимъ еще сильнѣе возбудилъ царя къ нашествію на себя, и представляя какъ бы уже настоящимъ даже то, чего пока еще не было. Это заставило его поспѣшить дополненіемъ прежнихъ обѣщаній другими большими. Теперь обѣщалъ онъ, въ случаѣ нужды, давать Римлянамъ вспомогательное войско на всякое лѣто, и объявилъ, что Персы никогда не будутъ нападать на ихъ землю съ его согласія; обязывался также, — хотя бы и другой кто обезпокоилъ римскія провинціи, тотчасъ вступить съ нимъ въ войну и всѣми способами препятствовать злымъ умысламъ, съ какой бы стороны они ни появились; вообще безъ всякаго замедленія точно исполнять все, что царь ни прикажетъ, и если бы какой-либо подвластный царю городъ подпалъ подъ персидскую власть, стараться возвратить его Римлянамъ. Склоненный этимъ, царь обязалъ его страшными клятвами и, прекративъ вражду, отправился домой. Но узнавъ, что Скиѳы перешли Дунай — съ намѣреніемъ сдѣлать набѣгъ на Римлянъ, онъ оставилъ путь, ведущій въ Византію, и пошелъ къ проливу, мимо города Авида, направляясь къ тому мѣсту, на которомъ лежитъ приморскій ѳракійскій городокъ, получившій, названіе по моему мнѣнію,

отъ аѳинскаго вождя Калліаса, и переправившись здѣсь на другую сторону, устремился на Скиѳовъ. Но еще не успѣлъ онъ дойти до Дуная, какъ Скиѳы, услышавъ о походѣ Римлянъ, скоро собрались и ушли назадъ.

КНИГА 5.

1. Вотъ что происходило здѣсь. Такъ какъ теперь, по-видимому, никто ни съ которой стороны не угрожалъ римской имперіи; то царь, для успокоенія себя, отправился въ находящееся близъ Византіи мѣстечко, по имени Лонги. Между тѣмъ какъ онъ тамъ проводилъ время, наступилъ послѣдній день жизни царицы Ирины,— женщины, которая, какъ говорилъ я и прежде, цѣломудріемъ, скромностію и милосердіемъ къ нуждающимся далеко превосходила своихъ современницъ. Она была матерью двухъ дочерей, изъ которыхъ одна старшая была жива и жила у отца, а другая спустя немного умерла на четвертомъ году жизни. Но дитя еще продолжало бороться съ болѣзнію, какъ царь, призываемый дѣлами Запада, долженъ былъ оставить дѣло домашнее и отправляться на Западъ. Въ то время распространилась молва, что алеманскій король Фридерикъ поднялъ весь свой народъ и идетъ со всѣми силами на римскую землю. Такъ по этой причинѣ и потому еще, что тогда умеръ

гуннскій король Гейза, царь отправился въ Сардику. Пробывъ тамъ довольно долго и видя, что молва объ Алеманахъ еще не подтверждается, онъ сильно старался овладѣть гуннскимъ королевствомъ. А съ чего вздумалось царю покорить себѣ гуннское королевство, о томъ мы скажемъ. У этого Гейзы (1) было два брата—Владиславъ и Стефанъ. Не знаю, за какую обиду, онъ жестоко ненавидѣлъ обоихъ. Поэтому, послѣ долгаго странствованія по разнымъ землямъ, братья Гейзы пришли къ царю, и признали надъ собою его власть. Стефанъ женился на племянницѣ царя Маріи, дочери Севастократора Исаака, которая, какъ сказано, была прекрасна, а другой братъ оставался неженатымъ. Такъ какъ по смерти Гейзы законное право (2) призывало къ власти

(1) У венгерскаго короля Гейзы II было два брата—Владиславъ и Стефанъ, и два сына—Стефанъ и Бела. По смерти Гейзы, согласно съ его завѣщаніемъ и желаніями народа, на престолъ вступилъ сынъ его Стефанъ въ 1161 г. Но дядя Стефана Владиславъ чрезъ шесть мѣсяцевъ лишилъ его власти и занималъ престолъ до 1172 г. По смерти Владислава сдѣлался преемникомъ его братъ Стефанъ, но бывъ побѣжденъ и низверженъ племянникомъ Стефаномъ, заключился въ крѣпости Землинѣ (по Кинаму, Зевгминѣ), гдѣ въ томъ же году умеръ. Вскорѣ послѣ того (въ 1173 г.) умеръ и племянникъ Стефанъ. За Стефаномъ, братомъ Гейзы, была въ замужествѣ Марія Комнина; а Владиславъ отказался отъ супружества, чтобы чрезъ это не преградить себѣ пути къ престолу, котораго желалъ. Эти отношенія возбудили въ Мануилѣ мысль о покореніи Венгріи. Arnold. Lubeck. L. 2, c. 3. Nicet. L. 4, n. 1. Radevicus L. 3, c. 12, Guntherus. L. 6. Stero A. 1160.

(2) У Венгровъ закономъ престолонаслѣдія требовалось, чтобы не сынъ заступалъ на престолѣ мѣсто отца, а тотъ, кого изъ царской фамиліи признаетъ достойнымъ и изберетъ государственный совѣтъ или комитетъ дворянства. Bonfinius A. 1165.

одного изъ братьевъ (ибо у Гунновъ есть законъ, чтобы вѣнецъ всегда переходилъ на одного изъ остающихся братьевъ); то царь старался возвратить ихъ въ отечественную землю, тогда какъ Гейза, пренебрегши отеческій законъ, перенесъ власть на сына. Итакъ, Гунны съ одной стороны уважая этотъ законъ, а съ другой опасаясь нападенія со стороны царя, лишили власти сына Гейзы, Стефана, и отдали ее одному изъ Гейзиныхъ братьевъ Владиславу, а Стефану,—говорю о старшемъ,—дали достоинство Урума. Это имя у Гунновъ употребляется для обозначенія наслѣдника престола.

2. Такъ кончились дѣла этихъ родныхъ братьевъ. Послѣ сего царь отправился въ македонскій городъ Филиппы, для устроенія дѣлъ Сербіи. Управлявшій тогда этого страною, Примиславъ (¹) и прежде уже, какъ разсказано мною въ другомъ мѣстѣ, замышлялъ отложиться отъ царя и показывалъ самоуправство; а потому царь и прежде едва не лишилъ его власти, и только по милости оставилъ въ томъ же достоинствѣ. Теперь тотъ самый Примиславъ, не обращая никакого вниманія на увѣренія и клятвы, началъ опять приниматься за нововведенія. Дознавъ отсюда неисправимость этого человѣка, царь лишилъ его начальства и передалъ управленіе бра-

(¹) Примиславъ у пресвитера Діоклеата, писателя исторіи Далмаціи, называется Родославомъ, а у Шафарика,—и кажется вѣрнѣе,—Прибиславомъ, иначе Урошемъ, если только Шафарикъ подъ этимъ именемъ разумѣетъ не другое современное лице. Слав. древн. Т. 2 кн. 1, стр. 418.

ту его (¹), Белусу. Но сжалившись надъ судьбою Примислава, онъ хотя и удалилъ его оттуда, чтобы не представлять ему случая къ новымъ злодѣйствамъ, однакожъ подарилъ ему тучную землю съ хорошими пастбищами для скота. Впрочемъ Белусъ, спустя немного послѣ того, какъ былъ облеченъ властію, сложилъ съ себя знаки правителя и, оставивъ отечество, удалился въ гунское королевство, гдѣ жилъ еще долго, пока не умеръ. Между тѣмъ царь положилъ призвать младшаго его брата, который назывался Дезѐ и управлялъ сопредѣльною съ Нансомъ Дендрою (²), страною богатою и многолюдною, и получивъ отъ него увѣреніе въ томъ, что во все время жизни будетъ ненарушимо сохранять покорность ему и, кромѣ того, подчинитъ Римлянамъ всю Дендру, которой, какъ я сказалъ, былъ онъ правителемъ, объявилъ его архижупаномъ.

3. Около того же времени пришелъ по своей волѣ въ Византію и султанъ Кличестланъ (³)— съ цѣлію просить царя о своихъ пользахъ: — событіе великое, до удивленія важное, какого, сколько я знаю, прежде у Римлянъ никогда не случалось; ибо не всего ли выше то, что человѣкъ,

---

(¹) Этотъ Белусъ, по всей вѣроятности, былъ банъ Бела, о которомъ Киннамъ упоминалъ выше (см. стр. 113). Carol. du Fresne ad h. l.

(²) Кажется, подъ этимъ именемъ надобно разумѣть Дарданію, которая, по свидѣтельству Шафарика (Т II. кн. 1. стр. 427), населена была Сербами и управлялась ихъ князьями.

(³) Объ этомъ султанѣ и его приходѣ ко двору Мануила говоритъ также Никита (L. 3. n. 5. 6.), гдѣ упоминается и о бывшемъ въ то время землетрясеніи.

управляющій такою страною и господствующій надъ столькими народами, предсталъ предъ римскимъ царемъ въ качествѣ просителя? Я разскажу любознательнымъ читателямъ, что тогда происходило. Воздвигнутъ былъ блистательный престолъ и поставлено очень высоко поднятое надъ поломъ кресло:—зрѣлище, достойное великаго удивленія. Кресло было сдѣлано все изъ золота и со всѣхъ сторонъ унизано въ изобиліи камнями,—карбунколами и сапфирами; а жемчужинъ нельзя было и сосчитать, потому что ими въ достаточномъ количествѣ обложены были всѣ камни—каждый по одиначкѣ, такъ какъ они находились одинъ отъ другаго въ симметрическомъ разстояніи; и тѣ жемчужины были тщательно округлены и бѣлизною превосходили бѣлизну снѣга. Такимъ-то свѣтомъ облито было это кресло. А верхняя его часть, возвышающаяся надъ головою, столько превосходила блескомъ другія, сколько голова превосходитъ сосѣдственныхъ съ нею членовъ. На немъ сидѣлъ царь и соотвѣтственною полнотою своего тѣла занималъ его все. На царѣ была багряная одежда—вещь дивная. Она сверху до самаго подола горѣла карбунколами и блистала жемчужинами, которыя были не какъ-нибудь разбросаны, но расположены чуднымъ узоромъ, и искусство произвело изъ нихъ на одеждѣ какъ бы настоящій лугъ. Съ шеи на грудь спускался на золотыхъ цѣпяхъ необыкновенной величины и цвѣта камень: онъ горѣлъ, какъ роза, а по виду походилъ особенно на яблоко. О головномъ же украшеніи я считаю лишнимъ и говорить. По обѣимъ

сторонамъ кресла стояли по обыкновенію рядами сановники, и каждый занималъ мѣсто соотвѣтственно роду и важности правительственнаго его значенія въ государствѣ. Такова была обстановка царя. Вступивъ въ среду, Кличестланъ весь обратился въ изумленіе. Царь предложилъ ему садиться; но онъ сперва упорно отказывался, и только видя, что царь еще болѣе настаиваетъ, сѣлъ на низкое и очень мало поднятое надъ поломъ кресло. Сказавъ и выслушавъ, что слѣдовало, онъ получилъ отпускъ и удалился въ покои, которые были отведены ему во дворцѣ. А царь, гордясь великимъ своимъ успѣхомъ, приготовлялся совершить торжественное шествіе отъ самаго акрополя до славнаго храма Божіей Премудрости, и хотѣлъ, чтобы въ томъ шествіи участвовалъ и Кличестланъ. Но задуманное не исполнилось; этому воспротивился управлявшій тогда церковными дѣлами Лука (¹), говоря, что нечестивымъ не слѣдуетъ идти между божественными хоругвями и священными украшеніями престола. Предположенному ходу помѣшалъ и другой случай. Когда уже настала глубокая ночь,— вдругъ страшное сотрясеніе поколебало землю,—и Византійцы, видя въ этомъ подтвержденіе увѣщаній Луки, заговорили, что намѣреніе царя не угодно Богу. Люди имѣютъ обыкновеніе глав-

(¹) О времени, въ которое Лука Хрисовергъ вступилъ на патріаршій престолъ, ничего неизвѣстно. Но по каталогу патріарховъ онъ слѣдовалъ за Константиномъ Хліаренскимъ: слѣд. начало его патріаршества должно относиться къ 1166 году. Balsam. ad Nomocan. Photii tit. 13 c. 1.

*

нымъ образомъ обращать вниманіе на настоящее, нисколько не занимаясь тѣмъ, что должно слѣдовать далѣе. Конецъ дѣла живо обьяснилъ значеніе случившагося. По прошествіи долгаго времени, Кличестланъ, пренебрегши заключенными съ царемъ условіями, заставилъ Римлянъ со всѣми силами идти на Персовъ. Но по какому-то несчастью, римское войско, попавъ въ неудобопроходимыя мѣста, потеряло многихъ знатныхъ людей и было бы близко къ великому бѣдствію, если бы царь не показалъ здѣсь, что онъ въ воинскихъ дѣлахъ стоитъ выше предѣловъ человѣческой доблести. Но объ этомъ, какъ я уже и сказалъ, будетъ рѣчь впослѣдствіи. Между тѣмъ царь, переѣхавъ во дворецъ, находящійся на южной сторонѣ города, угощалъ Кличестлана великолѣпными пиршествами и оказывалъ ему всякое благорасположеніе; потомъ увеселялъ его конскими ристалищами, жегъ, по обычаю, влажнымъ огнемъ (¹) ботики и лодки, и до пресыщенія развлекалъ этого человѣка зрѣлищами ипподрома, чѣмъ особенно выказывается величіе городовъ. Довольно времени проживъ въ Византіи и подтвердивъ вторичными клятвами прежнія обѣщанія, Кличестланъ отправился домой. А обѣщанія его были таковы: имѣть во всю жизнь вражду съ тѣми, которые питаютъ вражду къ царю, и наоборотъ,—

(¹) Разумѣется такъ называемый греческій огонь, πῦρ θαλάσσιον и πῦρ ὑγρὸν у Θеофана p. 295. 352; назывался также крылатымъ огнемъ; ignis pennalis, in Gestis Triumphal. Pisanorum A. 1114, потому что леталъ на-подобіе птицъ.

дружбу съ тѣми, которые хранятъ благорасположеніе къ нему; отдать царю большіе и важнѣйшіе города, которыми онъ овладѣлъ; ни въ какомъ случаѣ не заключать мирныхъ договоровъ съ кѣмъ-либо изъ враговъ, безъ позволенія царя; когда будетъ нужно, помогать Римлянамъ и являться для этого со всѣми силами, гдѣ бы ни была война, на Востокѣ или на Западѣ; не оставлять безъ наказанія тѣхъ своихъ подданныхъ, которые привыкли жить грабежами и обыкновенно называются Туркоманами (¹), какъ скоро они совершатъ какое-либо преступленіе противъ римской земли. Это обѣщалъ онъ и самъ, и сопровождавшіе его вельможи, которые говорили, что, если Кличестланъ начнетъ пренебрегать заключенными условіями, они всѣми силами будутъ препятствовать его начинанію. Это совершалось въ Византіи, но молва скоро перешла изъ Европы въ Азію. Посему филархи, разсудивъ, что союзъ между царемъ и султаномъ не послужитъ имъ къ добру, отправили къ царю пословъ и просили, чтобы онъ примирилъ и ихъ съ султаномъ. Царь выслушалъ ихъ не безъ удовольствія,

---

(¹) Происхожденіе Туркомановъ одно и тоже съ Турками. См. Вріенн. стр, 22. 23. Оставивъ прежнее свое жилище ближе къ странамъ сѣвернымъ, они поставили надъ собою царя и подъ его предводительствомъ съ оружіемъ въ рукахъ распространились почти по всѣмъ областямъ Азіи. Въ то время это племя, прежде дикое, начало получать осѣдлость, строить города и заниматься земледѣліемъ. Впрочемъ наклонность къ набѣгамъ и грабежамъ оставалась у нихъ еще надолго. Слово «Туркоманы» историки почитаютъ сложнымъ изъ «Турка» и «Команы», какъ бы, то есть, этотъ народъ отъ нихъ получилъ свое происхожденіе. Will. Tyr. l. 1, c. 7. Iacobus de Uitriaco l. 1, c. 11.

но предоставляя это дѣло какъ бы волѣ султана, отослалъ ихъ къ нему, имѣвшему, какъ сказано, квартиру во дворцѣ. Лишь только явились они къ султану для объясненій, тотчасъ успѣли прекратить взаимную вражду и убѣдили Кличестлана быть за нихъ ходатаемъ предъ царемъ. Уваживъ его ходатайство, царь и ихъ принялъ въ число своихъ друзей,—и римская имперія на последующее время пріобрѣла прочный миръ.

4. Когда царица Ирина уже скончалась,—царь, не имѣя еще дѣтей мужескаго пола, сталъ думать о вступленіи во второй бракъ. Въ Триполѣ финикійскомъ была дѣвица, родомъ хотя Латинянка (¹), но одна изъ прекраснѣйшихъ. Привезти ее оттуда посланы были Іоаннъ Севастъ Контостефанъ и Италіянецъ Ѳеофилактъ, котораго прозывали Эксувитомъ. Посланные, увидѣвъ дѣвицу, были восхищены ея красотою и, такъ какъ не представлялось ни откуда никакого препятствія, нисколько не медля посадили ее на трирему. Но только лишь хотѣли они отплыть, какъ въ дѣвицѣ проявилась жестокая болѣзнь,—и она находилась въ опасномъ состояніи. Посему откладывая со дня на день отплытіе, они напрасно теряли время; ибо только лишь немного облегчались ея страданія и она казалась благонадежною для отплытія, страшная болѣзнь вдругъ будто нарочно возвращалась къ ней, и тогда, уложенная въ постель, она тряслась всѣмъ тѣломъ и

(¹) По свидѣтельству Вильгельма Тирскаго, это была дочь трипольскаго графа Раймунда II и сестра Раймунда III.

подвергалась жестокимъ судорогамъ, а затѣмъ слѣдовали—жаръ, сиета подъ глазами и изнеможеніе. Цвѣтъ глазъ, прежде сіявшій какою-то прелестію, быстро измѣнялся и становился мрачнымъ. Всякій, видя, какъ вянетъ преждевременно этотъ цвѣтокъ, проливалъ слезы. Такъ страдала дѣвица, находясь дома; а когда она всходила на корабль и немного удалялась отъ Триполя, тогда поднималась въ ней сугубая тревога, и судно снова возвращалось къ Триполю, гдѣ, послѣ кратковременнаго облегченія отъ страданій, она подвергалась еще сильнѣйшимъ. Частое повтореніе этого явленія наконецъ поставило Контостефана въ недоумѣніе,—и вотъ онъ, колеблясь тѣми и другими мыслями, пришелъ въ одинъ изъ тамошнихъ храмовъ узнать, слѣдуетъ ли царю жениться на этой дѣвицѣ. Священный (¹) оракулъ отвѣчалъ: «бракъ дѣйствительно готовъ, но званные не достойны войти». Услышавъ это и понявъ отвѣтъ оракула, подтверждавшійся притомъ и

(¹) Здѣсь разумѣется обычай христіанъ западной Церкви—въ случаѣ недоумѣнія касательно какого-нибудь важнаго дѣла прибѣгать къ вразумленію себя словами св. Писанія. Это вразумленіе совершалось обыкновенно въ храмѣ, и предваряемо было нѣкоторымъ, нарочно для сего составленнымъ, молитвословіемъ и возложеніемъ на престолъ Евангелія. Такъ, въ жизнеописаніи Консорціи, канонизованной латинскою Церковію, (с. 9) говорится: si vultis, pergamus ad ecclesiam, agatur missa, ponatur evangelium super altare et, communi oratione praemissa, inspiciamus domini voluntatem ex illo capitulo, quod primum occurrerit. Впослѣдствіи этотъ обычай неоднократно былъ запрещаемъ западною Церковію, особенно на соборѣ венеціанскомъ, Can. 16. О немъ упоминаютъ также Gregor. Turon. L. 4. Hist. c. 16. L. 6, c. 14. Nicet. in Man. L. 7, n. 5 et alib.

распространившеюся молвою, будто дѣвица вступила уже въ незаконный бракъ, Контостефанъ считалъ предпринимаемое дѣло весьма постыднымъ и, удерживаясь отъ выполненія его, скоро собрался и прибылъ въ Византію. Въ то время и у антіохійскаго князя Раймунда были дочери, славившіяся своею красотою. Посмотрѣть ихъ царь послалъ нѣкоего Василія, по прозванію Каматира, бывшаго тогда (¹) Аколуѳомъ. Онъ поспѣшно пріѣхалъ въ Антіохію и нашелъ, что обѣ дочери были прекрасны; но Марія казалась болѣе красивою. Взглядъ этого посла оказался до того вѣрнымъ, что такой красоты Византійцы, по ихъ словамъ, отъ вѣка не видывали. Впрочемъ это послѣ; а тогда, выспросивъ у развѣдывателя все, что онъ зналъ о Маріи, царь, для испрошенія дѣвицы въ супружество, послалъ въ Антіохію чиновныхъ особъ,—Алексѣя, внука царю Алексѣю, имѣвшаго тогда санъ великаго Дукса (²), и Никифора изъ рода Вріенніевъ, зятя царю по сестрѣ, бывшаго Севастомъ. Къ нимъ присоединенъ былъ и Андроникъ Каматиръ (³), облеченный въ то

(¹) О значеніи этого достоинства см. выше стр. 86.

(²) О значеніи этого достоинства см. Вріенн. примѣч. на стр. 32.

(³) Это былъ, по-видимому, тотъ Андроникъ Каматиръ, Друнгарій стражи, который, въ царствованіе Мануила, ученымъ и прекрасно написаннымъ сочиненіемъ защищалъ догматъ о происхожденіи Святаго Духа отъ Отца. Въ этомъ сочиненіи онъ собралъ и объяснилъ мысли всѣхъ св. отцевъ и изреченія священнаго Писанія, относящіяся къ его предмету. На его книгу написалъ потомъ другую константинопольскій патріархъ Іоаннъ Веккъ подъ заглавіемъ: Ἀντιρρητικὰ τῶν ἐπὶ ταῖς περὶ τοῦ ἁγίου πνεύματος γραφικαῖς ῥήσεσιν ἐπιστατῶν Ἀνδρονίκου τοῦ Καματηροῦ. О томъ, какимъ образомъ этотъ Андроникъ былъ въ родствѣ съ царемъ Мануиломъ, говоритъ Никита in Ioanne n. 3.

время властію Эпарха (1),—человѣкъ съ достоинствомъ Севаста и состоявшій въ родствѣ съ царемъ. Увидѣвъ Марію, они удивлены были ея красотою, посадили ее на трирему и пышно привезли въ Византію. Потомъ въ двадцать-пятый день текущаго мѣсяца Апеллея, который люди, говорящіе по-латински, называютъ Декабремъ, царь торжественно введенъ былъ въ славнѣйшій храмъ Божіей Премудрости, гдѣ тогдашній предстоятель константинопольской Церкви Лука, предстоятель александрійскій Софроній, и антіохійскій Аѳанасій, по христіанскому обычаю, возложивъ на нихъ руки (2), сочетали ихъ бракомъ—и царь, наименовавъ свою жену Августою, возвратился въ царскія палаты, угостилъ великолѣпнымъ обѣдомъ вельможъ, а для народа по всѣмъ улицамъ города разставилъ преисполненные кушаньемъ столы, пригласилъ также патріарховъ принять участіе въ его пиршествѣ и, одаривъ каждаго обильно золотомъ, отпустилъ ихъ; больше же всего одарилъ церковь, внесши въ нее центенарій (3) золота; а немного спустя развлекалъ народъ и конскими скачками, и ничего не

---

(1) Эпархъ имя достоинства при константинопольскомъ дворѣ; оно означало правителя области или преторіанскаго префекта, котораго опредѣленія записывались въ книгу, называвшуюся ἐπαρχικόν, Hoffm. Lex.

(2) Возложеніемъ рукъ означается здѣсь царское коронованіе, а не сочетаніе брачущихся; потому что бракъ совершаемъ былъ священниками, которые въ такомъ случаѣ возлагали на новобрачныхъ не руки, а брачные вѣнцы. Goar. ad eucholog. graec. p. 397.

(3) О центенаріѣ см. выше стр. 34.

упустилъ, что могло служить къ его удовольствію.

5. Вотъ что дѣлалось въ Византіи. — Между тѣмъ Стефанъ, по кончинѣ Владислава, получилъ власть, но казался для подданныхъ тяжелымъ и крайне непріятнымъ. Посему Гунны часто поносили его и готовы были тотчасъ-же лишить престола. Устрашенный этимъ, Стефанъ опять сталъ просить царя,—и царь, двинувшись (¹) уже во время равноденствія, направился къ Филиппополю, гдѣ самъ съ большею частію римскаго войска остановился лагеремъ, а другую, меньшую часть ввѣрилъ племяннику Алексѣю, сыну Контостефана, и послалъ ее въ землю Гунновъ. Но Стефанъ между тѣмъ пришелъ къ мысли, что онъ примирился съ Гуннами, и не видѣлъ надобности въ римскомъ войскѣ, которое посему и возвратилось домой. Однакожъ Гунны снова возстали на Стефана и порицали его между прочимъ за то, что подъ его правленіемъ разстроились дѣла ихъ. Тогда царь опять сталъ собирать войско; Стефанъ же, устрашившись опасности, сперва пришелъ бѣглецомъ въ одинъ изъ ближайшихъ къ Дунаю городовъ, которые издавна подвластны были царю, а потомъ перешелъ въ Сардику и тамъ соединился съ царемъ. Царь, живо сострадая этому человѣку въ постигшей его судьбѣ и жалѣя о немъ, далъ ему денегъ и достаточныя

(¹) Этотъ походъ предпринятъ былъ въ 1173 году. Въ семъ же году Стефанъ возшелъ на престолъ и погибъ. Такъ говорятъ венгерскіе писатели. Nicet. L. 4, n. 1.

силы, для возвращенія отцовской власти. Этими силами командовалъ упомянутый уже нами Алексѣй Контостефанъ, а царь медленно шелъ позади. Когда прибылъ онъ въ городъ Наисъ,—ему пришла мысль стать здѣсь лагеремъ и надосугѣ заняться дѣлами Сербіи; ибо отсюда можно было идти въ обѣ земли,—и въ Пэонію, и въ Сербію; то былъ исходный пунктъ туда и сюда. Сербіею въ то время, по милости царя, управлялъ Дезе. Но получивъ надъ страною власть, онъ нарушилъ договоры и, опять занявъ страну дендрійскую, отвергъ зависимость отъ Римлянъ, отправилъ посольство къ Алеманамъ, въ намѣреніи взять себѣ оттуда жену, и всячески поступалъ наперекоръ Римлянамъ. Даже тогда, какъ царь призывалъ его принять участіе въ войнѣ противъ Пэонянъ, онъ явился неповоротливымъ и упрямымъ, имѣя въ виду отдаленныя надежды, и со дня на день откладывалъ прибытіе. Поэтому царь, находясь въ Наисѣ, гдѣ одна изъ двухъ дорогъ ведетъ въ Сербію, а другая къ Дунаю—въ землю пэонскую, расположился лагеремъ тамъ, гдѣ онѣ раздѣляются. Замѣтивъ грозившую ему опасность, Дезе съ бывшимъ у него войскомъ отправился въ римскій лагерь. Царь принялъ его благосклонно и почтилъ должнымъ образомъ. Но, кажется, нѣтъ зла хуже необузданнаго языка. Видя, что прежнее его безразсудство не навлекло на него никакой бѣды, Дезе замечтался и задумалъ вредить Римлянамъ больше прежняго, только замыслъ свой держалъ въ тайнѣ. Такъ благодѣяніе, оказываемое людямъ крайне злымъ, весьма

часто служитъ поводомъ къ большимъ несправедливостямъ. Спустя немного пришли къ царю послы отъ народа пэонскаго. Случайно встрѣтившись съ ними, Дезе на обыкновенный вопросъ ихъ,—какъ идутъ дѣла его, откровенно отвѣчалъ, что идутъ хорошо, что онъ достойно пользуется расположенностію къ себѣ ихъ короля, и открыто назвалъ его своимъ господиномъ. Узнавъ о томъ, царь не хотѣлъ болѣе медлить, но позвалъ Дезе къ суду, выставилъ на лице его обвинителей и соучастниковъ, которые были свидѣтелями его измѣны, и вынудивъ у него признаніе, держалъ его подъ стражею,—хотя не безъ чести, то есть, окопалъ его палатку валомъ и въ ней стерегъ его по обычаю, принятому въ лагеряхъ, (такъ что это мѣсто по сему случаю наконецъ прозвано было валомъ Дезе—именемъ, употреблявшимся на языкѣ простаго народа), а потомъ немного спустя отправилъ его въ Византію и посадилъ подъ караулъ во дворцѣ. Такъ шли здѣсь дѣла. Давъ аудіенцію пришедшимъ отъ Пэонянъ посламъ и видя, что они не говорятъ ничего путнаго, царь приказалъ имъ тотчасъ удалиться изъ римскаго лагеря и возвратиться во-свояси. По удаленіи же ихъ, прибылъ онъ въ городъ Бѣлградъ и тамъ остановился. Этотъ городъ выстроенъ, какъ сказываютъ, римскимъ войскомъ, по разрушеніи Зевгмина, и въ построеніи его принимали участіе многіе Гунны. Вотъ игра случая, всегда посмѣвающаяся надъ дѣлами человѣческими! Какъ не смѣяться, видя, что истребители труда прежнихъ строителей сами становятся строителями!

Отъ такихъ-то явленій, думаю, главнымъ образомъ произошло у людей названіе случая; ибо не въ состояніи будучи постигнуть умомъ дѣлъ Провидѣнія и полагая, что они происходятъ сами собою, люди исходъ дѣйствій приписываютъ случаю. Но объ этомъ пусть думаютъ и говорятъ, кому какъ угодно, а мы возвратимся къ прежнему. Прибывъ сюда и узнавъ, что Стефану наконецъ невозможно удержать власть надъ землею Гунновъ (потому что Гунны опять возстановили Стефана, сына Гейзы), царь обратился къ другому намѣренію. Онъ, какъ сказано, захотѣлъ, во что бы то ни стало, подчинить себѣ землю Гунновъ, лежащую между землями западныхъ народовъ. Съ этою цѣлью рѣшился онъ съ своею дочерью Маріею соединить бракомъ слѣдовавшаго за Стефаномъ сына Гейзы, Белу и, для сего пославъ въ гуннское королевство Георгія, который былъ тогда предводителемъ царской дружины, происходилъ отъ Палеологовъ и достигъ званія Севаста, далъ ему приказаніе вести дѣло о бракѣ, а самъ опять отправился въ Византію. Вступивъ въ переговоры съ Палеологомъ, Гунны представили ему Белу и охотно уступили въ наслѣдство страну, которую назначилъ ему при своей жизни отецъ. Взявъ принца съ упомянутыми условіями, Палеологъ возвратился въ Византію,—и царь занялся приготовленіями къ браку, при чемъ Бела переименованъ былъ въ Алексѣя и провозглашенъ Деспотомъ (¹).

(¹) Титулъ Деспота (Δεσπότης) сперва принадлежалъ одному византійскому царю и означалъ тоже самое, что у латинскихъ или за-

6. Таково было начало пребыванія Белы въ Византіи. Успѣшно устроивъ дѣла на Западѣ, царь обратилъ наконецъ свой взоръ на Азію. Тамошнія событія и прежде возбуждали его вниманіе; но онъ былъ отвлекаемъ оттуда дѣлами Запада. Нураддинъ, владѣвшій въ Сиріи Верріею и Дамаскомъ — двумя знаменитыми городами, при благосклонно улыбавшемся ему счастіи, подчинилъ своей власти и многіе другіе города, лежащіе на Евфратѣ, завоевалъ многія немаловажныя страны, сражался со многими тамошними сатрапами, и иныхъ держалъ въ плѣну, въ числѣ которыхъ былъ и владѣтель Эдессы Яцелинъ (¹), а другихъ убилъ на войнѣ, напримѣръ Раймунда изъ Петуи, о которомъ мы довольно упоминали въ предъидущихъ книгахъ, — мужа, по силѣ и могуществу стоявшаго на ряду съ прославляемыми Ираклами, и Балдуина (²), правителя Марассы. Идя далѣе, вступилъ онъ въ сраженіе съ Константиномъ (³),

---

падно-римскихъ Августовъ титулъ Господина (Dominus). Но по свидѣтельству Светонія, Августъ и Тиверій отвергли его, и онъ сдѣлался почетнымъ названіемъ придворныхъ чиновъ. По словамъ Зонары, первый, начавшій прилагать его къ сановникамъ двора, былъ Михаилъ Калафатъ, который Деспотомъ наименовалъ своего внука. Подражая ему, послѣдующіе цари стали давать этотъ титулъ преимущественно своимъ родственникамъ, а за собою удерживали его только на монетахъ. Pachymer. L. 4, c. ult. и L. 5, c. 1. У Вріеннія (стр. 45) и мать Комниныхъ, еще не бывъ въ родствѣ съ династіею Дуковъ, называется уже Госпожею или Деспотиссою.

(¹) О плѣнѣ и смерти эдесскаго правителя Яцелина подробно говоритъ Will. Tyr. L. 17 c. 19.

(²) Отъ меча Нураддинова погибъ не только Балдуинъ, но спустя два года, то есть въ 1148 году, и сынъ Балдуина Ренальдъ. W. Tyr. L. 17, c. 19.

(³) Мануилъ, по усмиреніи правителя Арменіи Тероза и по взя-

Дуксомъ Киликіи, который назывался Каламаномъ и былъ юноша красивый и искусный въ военномъ дѣлѣ. Но здѣсь въ первый разъ побѣжденный этимъ юношею, испыталъ онъ самыя невыносимыя бѣдствія; потомъ однакожъ какимъ-то счастіемъ взялъ въ плѣнъ и его самаго, и антіохійскаго князя Ренальда, и правителя финикійскаго Триполя. Причина была та, что, одержавъ побѣду, Константинъ не остановился на этомъ, но увлекшись неразумною смѣлостію и пустившись безъ толку въ погоню, и самъ попалъ въ плѣнъ, и уронилъ дѣло Римлянъ. Побѣдивъ въ сраженіи и Тероза, Нураддинъ питалъ надежду скоро напасть также на Антіохію. Такими событіями царь еще прежде былъ огорченъ, а потому теперь рѣшился перейти въ Азію и, пользуясь удобнымъ временемъ, понесся было на это дѣло со всею быстротою. Но западныя дѣла снова помѣшали ему. Новый король Пэонянъ, самымъ явнымъ образомъ нарушивъ договоръ, опять напалъ на наслѣдственное владѣніе Белы; а Стефанъ, котораго Гунны лишили уже престола, вторгнувшись чрезъ городъ Анхіалъ въ землю Гунновъ, задумалъ возвратить себѣ власть, но самъ не замѣчая, приступилъ къ дѣлу болѣе опрометчиво, чѣмъ осмотрительно; ибо узнавъ, что тотъ на пути привлекъ на свою сторону нѣкоторыхъ Гунновъ,

---

тіи киликійскихъ городовъ—Тарса, Мамистры, Лонгиніада и другихъ, ввѣрилъ управленіе ими Каламану, который по этому случаю и названъ былъ Дуксомъ Киликіи. У Вильгельма Тирскаго (l. 19, c. 9) онъ титулуется Ciliciae præses, domini imperatoris consanguineus et imperialium in illa provincia procurator negotiorum.

вышелъ противъ него со всѣмъ войскомъ. Посему въ Киликію, для охраненія этой страны, царь отправилъ достаточное войско, а самъ опять поспѣшилъ къ Дунаю и, переправившись чрезъ Саву, сталъ лагеремъ у Тителія (¹), въ намѣреніи съ одной стороны возвратить Белѣ отцовское наслѣдіе, съ другой—избавить Стефана отъ предстоявшихъ ему бѣдствій; потому что войско его начало уже уменьшаться, находившіеся съ нимъ Гунны стали постоянно переходить къ королю,— и онъ видѣлъ себя въ весьма тѣсныхъ обстоятельствахъ. Итакъ, для избавленія Стефана отъ бѣды, царь послалъ съ войскомъ сына Контостефанова Андроника, который спустя немного времени получилъ санъ великаго Дукса, а самъ, со всею арміею поднявшись изъ Тителія, пошелъ далѣе. Искатель королевской власти Стефанъ, не смѣя сразиться съ царемъ по неравенству силъ, сначала съ бывшими при немъ войсками удалился къ крайнимъ предѣламъ гуннской земли, а потомъ, приведши союзниковъ, рѣшился вступить въ борьбу съ Римлянами. Между тѣмъ царь, достигшій нѣкотораго мѣста, называемаго Петрикомъ (²), раскинулъ тамъ палатки. Мѣсто это составляетъ первый пунктъ для вступленія во внутренность Пэоніи. Отсюда царь написалъ Стефану слѣдующее: «Сынъ мой! мы пришли не вое-

---

(¹) Нынѣ Титель, мѣстечко при сліяніи Тиссы и Дуная. Carol. du Fresne ad h. l.

(²) Можетъ быть Петроваръ, или Петро-варадинъ—крѣпкій городъ савской Славоніи при Дунаѣ. Этимъ именемъ выражается какъ бы построенный изъ камней лагерь. Carol du Fresn. ad h. l.

вать съ Гуннами, а возвратить твоему брату Белѣ страну, которую пріобрѣли не насиліемъ, но которая отдана ему какъ тобою, такъ еще прежде—вашимъ отцемъ. Пришли мы также и для избавленія отъ опасности дяди твоего Стефана, сдѣлавшагося уже зятемъ нашему величеству. Итакъ, если тебѣ угодно, чтобы и Бела былъ намъ зять,—на что ты уже и соглашался; то не лучше ли уступить ему страну и пользоваться нашимъ гостепріимствомъ? А когда этотъ бракъ ты отвергаешь и думаешь другое; то знай,—мы весьма далеки отъ того, чтобы подчиниться твоему насилію».

7. Такъ писалъ царь. Но Стефанъ, какъ было сказано, привелъ союзное войско, составившееся изъ Алемановъ и при-таврскихъ Скиѳовъ; къ нему присоединились также Чехи, которыхъ правитель пришелъ въ землю Гунновъ со всѣмъ своимъ войскомъ. Этотъ правитель прежде былъ сподвижникомъ алеманскаго короля Конрада, когда послѣдній, какъ было говорено, отправлялся въ Азію, за что Конрадъ и призналъ его королемъ. Впрочемъ тогда оба обманулись—одинъ тѣмъ, что призналъ, а другой тѣмъ, что принялъ эту милость; ибо много уже прошло времени, какъ имя царя (¹) изчезло въ Римѣ. Послѣ Августа, кото-

(¹) Киннамъ право называться царемъ почитаетъ какъ бы наслѣдственнымъ на римскомъ престолѣ, а потому поставляетъ его въ зависимость отъ римскаго императора, котораго резиденціею долженъ быть или Римъ, или Константинополь. Отсюда, алеманскій императоръ, по убѣжденію Киннама, не имѣлъ права называться римскимъ царемъ, слѣдовательно не въ правѣ былъ и назначать для Италіи королей.

раго, намекая на принятіе имъ власти въ юномъ возрастѣ, называли Августуломъ, право царскаго владычества перешло къ двумъ тираннамъ — къ Одоакру, и потомъ къ готоскому вождю Ѳеодорику; но Ѳеодорикъ, какъ повѣствуетъ Прокопій, во всю свою жизнь именовался уже королемъ, а не царемъ. Римъ отъ самаго Ѳеодорика и еще нѣсколько прежде того времени былъ жертвою возмущеній. Многократно возвращаемый при Юстиніанѣ Римлянамъ римскими полководцами Велисаріемъ и Нарзесомъ, онъ опять тѣмъ не менѣе начиналъ служить тираннамъ — варварамъ, которые по примѣру Ѳеодорика, перваго короля и вмѣстѣ тиранна, любили называться королями. Для кого недоступна высота царскаго престола, тотъ можетъ ли нести такія должности, которыя, какъ я уже говорилъ, отдѣляются и вытекаютъ изъ царскаго могущества? Но имъ и того недостаточно, что они посягаютъ на непринадлежащую себѣ высоту царской власти и украшаются императорскимъ величіемъ, которое означаетъ власть неограниченную;—они даже дерзаютъ царство византійское отличать отъ римскаго. Не разъ уже приходилось мнѣ плакать, когда я представлялъ себѣ это. Какимъ образомъ, въ самомъ

Что же касается до царской власти папы, то византійскимъ писателямъ, хорошо понимавшимъ значеніе церковной іерархіи, она и на мысль не приходила. Итакъ, напрасно гнѣваются на Киппама западные историки, какъ бы за враждебное его чувство въ отношеніи къ гражданской и духовной власти древняго Рима: онъ вѣрно выражаетъ тогдашній взглядъ византійскихъ царей и патріарховъ. Procop. L. 1. Смот. dissert. 27 ad Loinvillam p. 316. Carol. du Fresne ad h. l.

дѣлѣ, власть Рима сдѣлалась предметомъ торга для варваровъ и низкихъ рабовъ? И съ тѣхъ поръ нѣтъ въ немъ ни архіерея, ни тѣмъ болѣе правителя: тамъ восхищающій царское величіе, вопреки своему достоинству, идетъ пѣшкомъ впереди ѣдущаго верхомъ архіерея и исправляетъ должность его конюшаго; а первый, правителя называя императоромъ, почитаетъ его тожественнымъ царю. Какъ и откуда получилъ ты право, почтеннѣйшій, употреблять римскихъ царей вмѣсто конюшихъ? Если же не получилъ ни откуда, то и въ тебѣ лживо архіерейство, и въ немъ униженъ царь. Если ты не допускаешь, что царскій престолъ Византіи есть вмѣстѣ престолъ и Рима, то откуда наслѣдовано самимъ тобою достоинство папы? Это опредѣлилъ одинъ Константинъ, первый христіанскій царь. Какъ же ты одно,—разумѣю, престолъ и величіе достоинства, съ удовольствіемъ принимаешь, а другое отвергаешь? Или принимай то и другое, или отступись отъ того и другаго. Но мнѣ, скажешь, дано право возводить на престолъ царей? Такъ,—поколику возлагать руки, поколику посвящать есть дѣло духовное; но ты не имѣешь права дарить царства и въ этомъ отношеніи дѣлать распоряженія. Вѣдь если въ вашей власти было передавать царства; то отчего не перемѣстили вы того, которое находилось въ Римѣ? Но какъ скоро сдѣлалъ это другой,—распоряженія его невольно принялъ тогдашній правитель вашей Церкви. Ты спотыкаешься о собственныя дѣла и не замѣчаешь, какъ противорѣчишь своимъ поступкамъ; ибо

тѣхъ самыхъ, которыхъ незадолго предъ симъ, не внимая ихъ просьбѣ, въ цари ты не принималъ (да и хорошо дѣлалъ, потому что не слѣдовало), — тѣхъ самыхъ теперь, причисливъ къ конюхамъ, не знаю отчего, принимаешь въ цари, хотя того, отъ кого и чрезъ кого и при комъ достался тебѣ престолъ, почитаешь, конечно, не наравнѣ съ варваромъ, тиранномъ, рабомъ. Но меня неволятъ, скажешь ты,—заставляютъ силою. Такой предлогъ въ отношеніи къ тебѣ неумѣстенъ; потому что это въ разныя времена вносилъ ты въ условія съ царемъ Мануиломъ. А станешь запираться,—будутъ проповѣдывать письменныя свидѣтельства — письма собственнаго твоего сочиненія и почерка. Въ самомъ дѣлѣ, поступокъ этотъ есть какое-то шутовство,—образъ дѣйствованія неблагоприличный и низкій, всегда измѣняющійся, подобно башмаку, сообразно обстоятельствамъ. Но мы распространились объ этомъ болѣе, чѣмъ сколько допускаетъ задача хроники; обратимся опять къ прежнему предмету.

8. Приготовившись такимъ образомъ, Стефанъ выступилъ противъ Римлянъ. Между тѣмъ для принятія царя, когда онъ прибылъ въ землю Гунновъ, вышли ея жители всенародно. Тутъ было множество духовныхъ лицъ, облеченныхъ въ шерстяныя одежды и державшихъ въ рукахъ священныя книги; тутъ были толпы людей всякаго званія, и совершалось весьма согласное пѣніе хорошо составленныхъ нашими писателями стиховъ. Эти стихи слѣдующіе: «Соратовашій, Господи, кроткому Давиду»,—и далѣе. Миновавъ

здѣшнія мѣста, царь спѣшилъ переправиться чрезъ Дунай и, перешедши лежащій тамъ островъ, хотѣлъ продолжать путь во внутренность страны. Говорятъ, что, когда римская армія совершала переправу, одинъ изъ кораблей, наполненный грузомъ, оружіемъ и множествомъ людей, и находившійся недалеко отъ берега, склонился на одну сторону, такъ что начинала уже вливаться въ него вода. Остальныя римскія войска — какъ тѣ, которыя, взошедши на корабли, плыли по рѣкѣ, такъ и остававшіяся еще на берегу, не обращали на это вниманія, — одни по боязни, какъ бы не подвергнуться опасности, а другія по беззаботности,—и корабль тотчасъ пошелъ бы ко дну вмѣстѣ съ людьми, еслибы царь, бросившись въ воду и прошедши большое пространство пѣшкомъ, не смотря на то, что волны неслись съ великою силою и образовали здѣсь почти непроходимый наносъ, не поддержалъ плечомъ корабля и, отдаляя опасность, не далъ времени явиться на помощь другимъ, которые, бывъ пристыжены его усердіемъ, поспѣшили къ погибавшимъ и избавили ихъ отъ бѣды. Съ того времени царь своимъ человѣколюбіемъ пріобрѣлъ себѣ великую славу. Итакъ, перешедши тогда чрезъ верхній Дунай, онъ двинулся къ городу, по имени Пагацію. Этотъ городъ былъ митрополіею сирмійскаго округа и мѣстопребываніемъ архіерея того народа,—и изъ него вышло великое множество туземцевъ въ качествѣ почетной стражи. Тамъ гдѣ-то царь остановился и потомъ, узнавъ, что Стефанъ находится уже близко, тотчасъ поставилъ войско въ бое-

вой порядокъ. Между тѣмъ призвавъ одного изъ Римлянъ, понимавшаго языкъ Чеховъ, приказалъ онъ ему переодѣтымъ войти въ лагерь непріятелей и, явившись лично къ чешскому королю, сказать ему слѣдующее: «Куда это ты идешь? Какой походъ предпринимаешь съ своимъ войскомъ? Развѣ не знаешь, что ты отваживаешься поднимать руки на великаго царя, съ которымъ трудно бороться и по причинамъ справедливымъ, —тѣмъ труднѣе, что онъ боится унизиться предъ Гуннами, которые, уступивъ наслѣдіе Белѣ, потомъ отняли его, и обратили свои клятвы въ шутку. Если и заключающій условія съ частнымъ человѣкомъ отнюдь не остается невиннымъ предъ закономъ, когда нарушаетъ ихъ; то останутся ли ненаказанными Гунны, нарушивъ договоръ съ столь великимъ царемъ? Никакъ не останутся. Не за правду ли воюетъ царь? А успѣхъ войны всегда бываетъ на сторонѣ правды. Расчитай и то. Ты—рабъ, идешь войною на господина, и рабъ не такой, на котораго возложили иго насильно,—иначе было бы нѣкоторое основаніе, такъ какъ подобное рабство естественно бываетъ соединено съ ненавистію къ владѣтелямъ,—а рабъ добровольный или, по вашему объясненію, ленный. Развѣ изгладилось въ твоей памяти, какія условія заключилъ ты нѣкогда въ Византіи, отправляясь съ Конрадомъ въ Азію? Итакъ, пока исходъ дѣла зависитъ отъ твоего выбора, избирай то, что полезно всѣмъ Чехамъ и тебѣ самому; потому что раскаяніе не во время обыкновенно менѣе всего приноситъ пользы

раскаявающемуся». Такъ говорилъ посланный, а Владиславъ (это было ему имя) отвѣчалъ слѣдующее: «Мы являемся здѣсь, добрѣйшій, не для войны съ великимъ царемъ, (ибо не забыли заключенныхъ съ нимъ условій), а для защиты Стефана, несправедливо пострадавшаго отъ дяди, который сначала изгналъ его изъ отцовской земли и наслѣдія, а потомъ, когда его право было возстановлено, опять воюетъ съ нимъ и опять рѣшается насильно получить власть, потерянную имъ отъ худаго управленія. Для этого я и обращаюсь съ просьбою къ царю и умоляю его — лучше взять сторону сироты. Если же этотъ юноша Стефанъ въ чемъ-либо провинился предъ его царскимъ величествомъ (такъ какъ меня извѣщаютъ, что онъ безъ всякаго права опять занялъ землю Белы); то эта земля при нашемъ посредствѣ тотчасъ будетъ возвращена, и онъ всѣми мѣрами постарается загладить свой проступокъ». Сказавъ это, Владиславъ отпустилъ того человѣка. Возвратившись въ римскій лагерь, онъ передалъ сказанное царю, и царь слушалъ его слова не безъ удовольствія, хотя и несовсѣмъ вѣрилъ имъ. Ему приходило на мысль, что все, сказанное Владиславомъ, было неискренно, и что тутъ скрывается какая-нибудь хитрость. Посему онъ снова послалъ къ Владиславу нѣкоторыхъ изъ своей свиты съ приказаніемъ подтвердить обѣщанія клятвою, и Стефанъ тотчасъ, нисколько не медля, исполнилъ требуемое. Да и не въ этихъ только новыхъ обѣщаніяхъ, но и въ прежнихъ, о которыхъ я говорилъ, согласился онъ дать вто-

ричную клятву. Потомъ, спустя нѣсколько времени, и Стефанъ отправилъ къ царю пословъ, чрезъ которыхъ возвращалъ страну и присоединялъ просьбу—не дозволять дядѣ Стефану воевать противъ земли Гунновъ. Царь принялъ это и, прекративъ войну, пошелъ къ предѣламъ римской имперіи; уговаривалъ также оставить землю Гунновъ и Стефана, который по опыту узналъ теперь нерасположеніе къ себѣ соотечественниковъ. Не могши однако убѣдить этого человѣка, онъ сказалъ:» Теперь я удаляюсь, ибо, по возвращеніи страны Белѣ, у меня не остается никакого повода къ войнѣ справедливой. А ты знай, что въ непродолжительномъ времени будешь преданъ врагамъ. Если угодно, представлю тебѣ на видъ самое дѣло. Есть у тебя племянникъ (съ братней стороны) Стефанъ, столь похожій на тебя лицемъ, что и внимательно разсматривающій васъ съ трудомъ отличитъ одного отъ другаго. Надѣнь же на него свое оружіе и прикажи ему идти съ твоимъ войскомъ противъ непріятелей, а самъ скрытно засядь гдѣ-нибудь здѣсь, и тотчасъ узнаешь, насколько расположены къ тебѣ Гунны». Итакъ, сѣвъ въ лодку, онъ укрылся у береговъ Дуная, а между тѣмъ племянникъ его Стефанъ вмѣстѣ съ находившимися при немъ Гуннами спѣшилъ сразиться съ королемъ Стефаномъ. Но войска не успѣли еще и встрѣтиться одно съ другимъ, какъ находящіеся съ Стефаномъ Гунны наложили на него руки и, принимая его за Стефана старшаго, представили королю. Этимъ и кончилась ошибка Гунновъ

Узнавъ о томъ, царь повторилъ Стефану свое увѣщаніе въ слѣдующихъ словахъ: «Довольно для тебя доказательствъ, другъ мой, что сколь опасно вмѣшиваться въ ненужныя дѣла, столь же не разумно домогаться несвоевременнаго. Вотъ уже дважды узналъ ты, сколько зла принесла тебѣ та и другая попытка. Не дѣлай третьей, любезнѣйшій. А иначе тогда, можетъ быть, и нельзя уже будетъ тебѣ поправить свои дѣла». Такъ говорилъ царь; а тотъ сказалъ: «теперь Гунны станутъ гораздо больше оказывать мнѣ уваженія, когда они уже обличены въ злыхъ противъ меня умыслахъ». Такъ душа, однажды плѣненная страстями, всякое сужденіе насильно гнетъ и примѣняетъ къ нимъ. Потерявъ надежду убѣдить его, царь оставилъ при немъ свое войско подъ командою Никифора Халуфы, чтобы послѣдній находился при Стефанѣ и располагалъ дѣйствіями, смотря по обстоятельствамъ; а самъ направился къ предѣламъ римскимъ. Между тѣмъ временемъ, король гуннскій, узнавъ, что Стефанъ все еще остается въ землѣ Гунновъ, собралъ силъ больше прежняго и спѣшилъ окончить дѣло войною; тогда какъ напротивъ державшіеся стороны Стефана всякій разъ во множествѣ переходили къ королю и тѣмъ ослабляли искателя короны. Узнавъ о томъ, Халуфа совѣтовалъ ему оставить землю Гунновъ и удалиться въ Сирмій; потому что въ этой, подвластной царю странѣ, говорилъ онъ, позволено будетъ ему предпринимать все, что угодно. Когда же Стефанъ продолжалъ упорно отказываться, Халуфа придумалъ

слѣдующее. Ссылаясь на предлогъ, что отъ царя пришла грамота, онъ отправился къ Дунаю, чтобы тамъ увидѣться съ принесшими ее людьми, которые, боясь Гунновъ, остановились гдѣ-то около Дуная. Прибывъ туда, Халуфа переправился и пришелъ въ Сирмій, куда немного спустя явился въ видѣ бѣглеца и Стефанъ, едва не попавшійся въ плѣнъ непріятелямъ. Получивъ объ этомъ извѣстіе, царь отправилъ въ Сирмій значительное войско,—частію для удержанія за собою страны (потому что весьма опасался, какъ бы Гунны опять не предприняли чего новаго), частію для охраненія безопасности подданныхъ и для спасенія Стефана. Начальствовалъ надъ этимъ отрядомъ Михаилъ, по прозванію Гавра, который женатъ былъ также на племянницѣ царя и вмѣстѣ съ Халуфою почтенъ достоинствомъ Севаста. Въ то время царь, взявъ въ Сирміѣ руку мученика Прокопія (¹) и принесши ее въ Наисскій храмъ, присоединилъ къ остальному тѣлу, отъ котораго она давно была отнята по слѣдующему случаю. Гунны часто дѣлали сильные набѣги на римскую землю, а незадолго до царствованія Алексѣя Комнина, овладѣвъ Сирміемъ и поработивъ много придунайскихъ горо-

---

(¹) Прокопій пострадалъ при Діоклитіанѣ; мѣстомъ страданій его и смерти была Кесарія палестинская. Когда мощи его перенесены въ Наисъ,—неизвѣстно. Въ память сего мученика, какъ говоритъ жизнеописатель св. Луки младшаго, построенъ былъ храмъ и въ Пелопонесѣ. Есть также Прокопіевская церковь и въ Константинополѣ; о ней упоминается въ александрійской хроникѣ Зенономъ Исаврійскимъ, Carol. du Fresne ad h. l.

довъ, дошли даже до Нанса. Здѣсь случайно увидѣли они святый гробъ мученика и, полагая, какъ мнѣ кажется, что унести все тѣло его есть дѣло безчеловѣчное, при возвращеніи, отняли отъ него одну руку и, прибывъ въ Сирмій, положили ее въ храмѣ мученика Димитрія (¹), созданномъ въ давнее время областнымъ правителемъ Иллирика. Нашедши здѣсь эту руку, царь взялъ ее отсюда и, какъ мы сказали, присоединилъ къ остальному тѣлу.

9. Вотъ что дѣлалъ въ томъ году самъ царь относительно Гунновъ. А Алексѣя, сына Доместикова, который, какъ уже много разъ упоминаемо было, несъ правительственную должность Протонотарія, отправилъ онъ съ значительными силами въ Киликію и сдѣлалъ его полновластнымъ въ этой войнѣ главнокомандующимъ, потому что верійскій сатрапъ Нураддинъ, возгордившись прежними побѣдами, возъимѣлъ надежду вскорѣ овладѣть городомъ Антіохіею, а властвовавшій тогда надъ Армянами Терозъ коварно захватилъ много подвластныхъ царю исаврійскихъ городовъ, и это сдѣлалъ по ненависти къ царскому племяннику Андронику Фервину, который тогда командовалъ войскомъ въ Киликіи и котораго Терозъ обвинялъ какъ во многомъ другомъ, такъ особенно въ убіеніи его брата Стефана (²). Таковы были дѣла

(¹) Нынѣ невдалекѣ отъ Сирмія находится городъ св. Димитрія, который прежде, вѣроятно, составлялъ сирмійское предмѣстье и въ которомъ тогда былъ упоминаемый здѣсь храмъ мученика. Bonfinius dec. 51, 4.

(²) Этотъ Стефанъ былъ родоначальникомъ династіи армянскихъ

въ той странѣ. Между тѣмъ все болѣе и болѣе возвышалось и возрастало могущество алеманскаго короля Фридерика. Кромѣ многаго другаго, чѣмъ старался онъ обезопасить свою державу, теперь у него родилась особенная забота о собираніи денегъ, чего прежде въ немъ не замѣчалось. Вотъ онъ овладѣлъ знаменитымъ городомъ Медіоланомъ, подчинилъ себѣ Лигурійцевъ или Ломбардовъ и, идя далѣе, вступилъ во внутреннѣйшія (части) Запада. Не бывъ прежде въ состояніи покорить оружіемъ и ближайшія страны, теперь началъ онъ овладѣвать и отдаленнѣйшими; такъ что готовился къ борьбѣ съ самымъ Римомъ. Этимъ возбуждена была заботливость царя Мануила — удержать его стремленіе, чтобы, при такихъ необычайныхъ успѣхахъ, не обратилъ онъ своего оружія и на римскую имперію, на которую съ давняго времени бросалъ жадный взоръ. По этому побужденію, царь къ тамошнимъ народамъ и къ жителямъ, населяющимъ берега іонійскаго залива, тайно послалъ нѣсколько самыхъ незначительныхъ лицъ съ приказаніемъ напомнить имъ о жадности Фридерика и побудить ихъ къ сопротивленію; а къ Венетамъ отправилъ съ деньгами Никифора Халуфу, чтобы онъ вывѣдалъ расположеніе къ нему народа и тамошнія дѣла направлялъ къ пользѣ Римлянъ. Между тѣмъ Фридe-

---

царей; потому что сыномъ сего самаго Стефана почитается Ливо или Левъ, первый царь Арменіи, какъ это значится въ дипломѣ 1210 года, сохранившемся у іерусалимскихъ рыцарей. Текстъ этого диплома между прочимъ говоритъ: Leo filius domini Stephani bonae memoriae Dei et imperii romani gratia rex Armeniae. Carol. du Fresne ad. h. l.

рикъ овладѣлъ уже Римомъ и, кромѣ того, что сдѣлалъ много другихъ нововведеній, низвелъ также съ престола тамошняго архіерея Александра, а на мѣсто его поставилъ Октавіана—съ намѣреніемъ, думаю, присвоить себѣ достоинство римскаго самодержца, такъ какъ, кромѣ римскаго царя (¹), никому иному не дозволяется давать Риму архіерея. Съ теченіемъ времени отъ небреженія византійскихъ царей этотъ обычай пришелъ въ забвеніе: никто и никого не поставлялъ въ Римъ архіереемъ; поставленіе совершалось соборомъ епископовъ и римскою іерархіею. Давно уже, смотря съ жадностію на власть самодержца, Фридерикъ думалъ предвосхитить и это величайшее ея право и, подчинивъ себѣ многихъ епископовъ, утвердилъ свои нововведенія какъ бы именемъ собора. Другимъ королямъ хотя и казалось это дѣломъ непохвальнымъ, но Фридерику никто не могъ противиться, когда онъ ушелъ столь далеко,—никто, кромѣ царя, который частію деньгами, частію другими средствами и въ этомъ также послужилъ ему препятствіемъ и возстановилъ на престолѣ Александра (²). Впрочемъ это

(¹) Вопросъ о правѣ римскаго царя давать архіерея древнему Риму былъ предметомъ долговременныхъ споровъ и, кажется, продолжался почти до паденія восточной римской имперіи. Изъ словъ Кинама по крайней мѣрѣ видно, какъ въ его время смотрѣло на этотъ предметъ византійское правительство. Западные писатели сильно возставали противъ сего права римскихъ царей. Jacob. Pamelius ad Epist. 52, S. Cipriani. Angelus a Nuce ad Leon. Ost. L. 3 c. 21. 50. и другіе.

(²) Какимъ образомъ и для какой цѣли Мануилъ возстановилъ Александра, восточные историки не говорятъ. Надобно полагать, что къ этому онъ возбужденъ былъ какими-нибудь обѣщаніями изложен-

послѣ. Между тѣмъ, Халуфа прибылъ въ Эпидамнъ и, согласно съ даннымъ ему приказаніемъ, оставивъ здѣсь большую часть денегъ, самъ при попутномъ вѣтрѣ прибылъ на корабляхъ къ Венетамъ. Вступивъ въ разговоръ съ Дуксомъ (Дожемъ) страны и съ другими знатными у этого народа лицами, онъ произнесъ слѣдующее: «Никто изъ васъ да не думаетъ, мужи, что я посланъ сюда царемъ изъ опасенія, какъ бы не ослабѣло въ вашемъ умѣ благорасположеніе къ римскому царству, и съ цѣлію утвердить вашъ, можетъ быть, колеблющійся духъ. Вѣдь и сами вы не захотите поступать неблагородно и недостойно своего рода, и царь не можетъ ошибиться въ мнѣніи, какое издавна имѣетъ о васъ. Но такъ какъ изъ всѣхъ, служащихъ подъ его державою, онъ осо-

---

наго папы. Только такъ естественно можетъ быть объяснена связь событій. Западные писатели излагаютъ дѣло объ Александрѣ, очевидно, съ пристрастіемъ. Вотъ что говорятъ Acta Alexandri A. 1166. Per idem tempus Emmanuel magnus et excelsus Constantinopolis imperator, sciens molestias et gravamina, quæ prædictus Fredericus venerando episcopo Alexandro contra Deum et omnem justitiam minabatur inferre, misit ad urbem Romam Iordanum imperii sui Sebastum filiumque Roberti Capuani principis ad subventionem et servitium ejusdem pontificis. Veniens autem idem Sebastus humiliter se inclinavit eidem pontifici et oblatis ad pedes ejus magnis et pretiosis muneribus, omnia, quae habebat in mandatis diligenter exposuit. Et inter cætera unum continebatur etc. Asseruit enim, quod idem imperator ecclesiam suam unire volebat etc. Nihilominus petebat, ut quia occasio justa et tempus opportunum et acceptabile se obtulerat, romani corona imperii a sede apostolica redderetur, quoniam non ad Frederici alemani, sed ad jus suum assereret pertinere. Ad quod opus faciendum tantas auri argentique opes et fortium virorum potentiam se largiturum firmiter spondebat, quod non solum Romam, sed etiam totam Italiam ad ecclesiae servitium et restituendam sibi ecclesiae coronam absque dubio sufficere poterat.

бенно полагается на вашу признательность, то и рѣшился дать вамъ знать, что предметъ его попеченія прежде всего—вы; ибо постыдно, пользуясь подданными во время ихъ благоденствія, не заботиться объ ихъ спасеніи, когда они въ худыхъ обстоятельствахъ. Такъ вотъ, чтобы и вамъ вмѣстѣ съ другими, которые чужды благосклонному вниманію царя, не пришлось терпѣть насиліе отъ Фридерика, человѣка властолюбиваго и любящаго безъ всякаго труда разрушать то, что утверждено временемъ и давнимъ обычаемъ, царь, какъ видите, послалъ меня къ вамъ—доставить въ ваше распоряженіе все, чего бы вы ни потребовали отъ него. Вамъ извѣстно, безъ сомнѣнія, что нѣкогда при Медіоланѣ, вступивъ въ сраженіе съ этимъ Фридерикомъ, вы, съ помощію царя, побѣдили его, за что онъ и питаетъ къ царю ненависть. Полагаясь на слѣпое счастіе, онъ хочетъ вопреки праву назваться римскимъ самодержцемъ, а не знаетъ того, что случайные успѣхи, не проистекая изъ прочнаго основанія, по обыкновенію скоро пропадаютъ. Вотъ то, для чего я пришелъ къ вамъ. Вы должны теперь осуществить все, въ чемъ недавно чрезъ пословъ заключили съ царемъ условія. Тогда вы говорили: «къ намъ присоединятся сосѣдніе города Лигурійцевъ, если кто-нибудь придетъ изъ Византіи и поможетъ намъ въ этомъ дѣлѣ»; это, какъ видите, и состоялось». Такъ говорилъ Никифоръ,— и Венеты, выслушавъ его рѣчь, дали обѣщаніе все исполнить въ точности. Вслѣдъ затѣмъ сторону царя приняли Кремона, Патавія и весьма

многіе другіе изъ знаменитѣйшихъ городовъ Лигуріи. Вотъ что дѣлалъ царь въ Италіи—впрочемъ еще не открыто; потому что до времени хотѣлъ таить свою ненависть къ Фридерику.

10. Между тѣмъ король Пэонянъ опять занялъ Сирмій, отнявъ его у Римлянъ, и овладѣлъ уже самымъ Зевгминомъ. Извѣщенный объ этомъ, царь писалъ ему слѣдующее: «Несправедливо поступаешь, благороднѣйшій, не уважая клятвы, которую ты недавно далъ нашему величеству относительно Сирмія и другихъ мѣстъ. Знай же (за чѣмъ далеко пускаться въ исчисленіе твоихъ поступковъ!), что, если ты въ скорѣйшемъ времени не оставишь того, что тебѣ не принадлежитъ по праву; то не столько потеряешь, когда Римляне будутъ отнимать у тебя Сирмій, сколько испытаешь, когда они, съ оружіемъ въ рукахъ, опять нападутъ на всю твою землю. Развѣ забылъ, сколькихъ миріадъ народа лишилось гуннское королевство нѣкогда, по винѣ твоего отца, оскорбившаго римское государство? Но тогда онъ скоро раскаялся въ своихъ поступкахъ, и это послужило для него спасеніемъ; ты же смотри, какъ бы и раскаяніе твое не осталось безполезнымъ. Долго изощряемый мечь правды обыкновенно этимъ лишь способомъ и притупляется; а иначе, думаю, никто не можетъ избѣжать острія его». Вотъ что заключалось въ письмѣ царя. Но Стефанъ, не обращая вниманія на эти слова, оставался при томъ же. Посему царь сталъ всѣми способами приготовляться къ войнѣ съ нимъ и рѣшился опять возвести на престолъ Стефана-дядю,

хотя прежде не хотѣлъ этого. Между тѣмъ Мануилъ, производившій свой родъ отъ Комниныхъ, отправился къ Тавроскиѳамъ—напомнить ихъ правителю (¹) о клятвенныхъ условіяхъ, которыя онъ заключилъ съ царемъ, и укорить его за дружбу къ галицкому князю Ярославу, который, нарушивъ договоръ съ Римлянами и въ иныхъ статьяхъ, кромѣ того принялъ еще и удостоилъ дружбы Андроника, тогда какъ этотъ Андроникъ (о немъ мы много говорили) бѣжалъ изъ дворцовой темницы, гдѣ находился въ заключеніи, кажется, около девяти лѣтъ. А какъ удалось ему бѣжать,—я разскажу.

11. Онъ уже не разъ какимъ-то дивнымъ образомъ уходилъ изъ темницы; но такъ какъ ему надлежало, думаю, еще долѣе нести наказаніе за преступленія, то онъ, несчастный, опять безъ всякаго труда попадался въ руки искавшихъ его. Такъ однажды достигъ онъ уже, говорятъ, рѣки Сангарія, гдѣ, понуждаемый холодомъ, вошелъ въ одну бѣдную хижину. Но жившіе въ ней люди тутъ же узнали его по внѣшнему виду; ибо онъ отъ природы былъ всегда страшенъ, имѣлъ взглядъ дикій и лукавый, такъ что этими, думаю, чертами обнаруживались всѣ душевныя его

(¹) Киннамъ не говоритъ, къ которому именно правителю Тавроскиѳіи посланъ былъ Алексѣй. Надобно думать, что онъ разумѣетъ кіевскаго в. князя Изяслава, бывшаго въ постоянной враждѣ съ галицкимъ княземъ Владимиркомъ, котораго сынъ Ярославъ принялъ подъ свое покровительство бѣжавшаго Андроника. Мануилъ, конечно, могъ не знать, что, во время княженія Ярослава въ Галичѣ, Изяславъ уже былъ въ могилѣ.

движенія. Земледѣльцы окружили его и, не смотря на ужасное сопротивленіе съ его стороны и увѣренія, что онъ не Андроникъ, связали его и отвели въ Византію, гдѣ опять заковали его въ цѣпи и заключили въ темницу. Въ послѣдній же разъ онъ сдѣлалъ оттиски ключей на воскѣ, и послалъ ихъ женѣ и сыну; а они, при содѣйствіи другихъ, принявшихъ въ этомъ участіе, приготовили желѣзные ключи и тотчасъ переслали къ нему. Получивъ ихъ, онъ, говорятъ, немедленно послѣ солнечнаго заката (каковое время и было назначено для исполненія намѣренія), подстерегъ отсутствіе стражей и ушелъ. Къ стѣнѣ темницы, въ которой онъ содержался, примыкалъ дворъ; а на дворѣ, въ мѣстѣ менѣе утоптанномъ сама собою росла очень высокая трава. Сюда-то скрылся бѣглецъ, какъ заяцъ, и сжалъ тамъ въ комокъ все свое тѣло. Когда наступила уже ночь, и ночнымъ стражамъ нужно было по обыкновенію окружить темницу, пришелъ и тотъ, кому ввѣрено было отъ царя храненіе Андроника. Поставивъ стражу и потрясши запоры, что дѣлалось обыкновенно всякій день предъ отходомъ ко сну, онъ старался узнать, не предпринято ли тутъ чего-нибудь худаго; но увѣрившись, что нѣтъ ничего подозрительнаго, удалился и предался сну. Андроникъ боялся, что Кладонъ (такъ называли того человѣка), нашедши дверь отворенною, тотчасъ же станетъ отыскивать его, и потому, вышедши, снова заперъ ее за собою на замокъ и удалился. Потомъ въ глубокую ночь пришелъ къ концу двора, гдѣ взлѣзъ на замыкавшую его стѣну, которая

хотя была и не очень высока, за то стояла такъ близко къ морю, что волны, воздымавшіяся на немъ отъ южнаго вѣтра, часто разбивались о ея поверхность. Къ вершинѣ этой стѣны привязалъ онъ веревку и, ухватившись за нее, спустился на берегъ. Здѣсь судьба опять было на короткое время приняла его съ суровымъ видомъ, но потомъ улыбнулась и была къ нему благосклонна, точно будто шутила и играла съ нимъ. Одинъ изъ дворцовыхъ стражей, которые обыкновенно по очереди держатъ посты на башняхъ, перекликаются между собою и какимъ-нибудь условленнымъ реченіемъ возбуждаютъ другъ друга къ бдительности,—замѣтилъ его и, подошедши, спросилъ, кто онъ такой. Андроникъ назвалъ себя однимъ изъ узниковъ, содержимыхъ за долги Паціемъ (¹), и сказалъ: «если ты позволишь мнѣ уйти, то получишь отъ меня вотъ какую благодарность». Съ этимъ словомъ, онъ вынулъ изъ-за пазухи и показалъ ему кошелекъ. Сторожъ-то былъ деревенскій житель, постоянно боровшійся съ нуждою: ослѣпленный золотомъ, взялъ онъ деньги и отпустилъ Андроника. Въ ту же минуту, для принятія его, приблизился плывшій по морю чел-

---

(¹) Паппій или Папій было имя должности и означало придворнаго стража подъ начальствомъ Куропалаты. Поэтому у Константина Манассы читается:

Πρὸς τὸν ὁικων φύλακα τὸν ἐν τοῖς ἀνακτόροις,
Παπίαν λέγομεν ἀυτὸν κατὰ Ρωμαίων γλῶτταν,

Отсюда у Кедрина παπίας τοῦ παλατίου. Папій не только жилъ во дворцѣ, но и, живя тамъ, надзиралъ надъ содержавшимися въ дворцовой темницѣ должниками, какъ свидѣтельствуетъ Скилица in Michael Rhangab. p. 492. 493.

*

нокъ, на который посадили его и привезли домой. Дома сбросилъ онъ цѣпи, которыми были закованы его ноги, и тотчасъ, взошедши опять на корабль, поплылъ на немъ за городскія стѣны. Тамъ нашелъ онъ приготовленныхъ для себя лошадей, на которыхъ сѣлъ и уѣхалъ. Спасшись такимъ образомъ изъ тюрьмы, Андроникъ прибылъ къ Тавроскиѳамъ; а мы своимъ повѣствованіемъ возвратимся къ прежнему предмету.

12. По вышесказанной причинѣ Мануилъ ходилъ и къ Примиславу (1), чтобы взять оттуда вспомогательное Римлянамъ войско; былъ отъ него посолъ также и къ Ростиславу (2), который управлялъ тогда Тавроскиѳіею, чтобы вести съ нимъ переговоры о союзной войнѣ,—и достигъ своей цѣли. Чрезвычайно довольные тѣмъ, что царь отправилъ къ нимъ столь знаменитаго посла, они обѣщались сдѣлать все, что будетъ угодно царю. Не упущенъ былъ изъ вниманія даже и Ярославъ (3), только царь вооружилъ его противъ Стефана другими средствами, именно слѣдующимъ письмомъ: «Мы не будемъ подражать тебѣ въ недоброжелательствѣ, которое ты безъ всякой нужды обнаружилъ въ отношеніи къ намъ, вмѣнивъ ни во что условія и договоры, недавно

---

(1) Кто былъ этотъ Примиславъ, трудно рѣшить. Исторія древней Россіи, которую Киннамъ называетъ Тавроскиѳіею, между русскими князьями не представляетъ ни одного Примислава.

(2) Ростиславъ, о которомъ здѣсь упоминаетъ Киннамъ, могъ быть князь смоленскій, пока онъ владѣлъ еще великокняжескимъ престоломъ Кіева. См. Карамз. Т. 2. гл. 13.

(3) То-есть князь галицкій, сынъ Владимірка.

подтвержденные твоею клятвою. Тебѣ угрожаетъ крайняя обида, и я представляю ее предъ твои глаза. Знай, что, выдавая свою дочь замужъ за короля Пэонянъ, ты соединяешь ее съ человѣкомъ злонравнымъ и въ своихъ мысляхъ весьма нетвердымъ, который никогда не уважалъ правды или истины,—съ человѣкомъ, отказавшимся отъ природы и законовъ и, кажется, совершенно расположеннымъ все сдѣлать легкомысленно. Итакъ, Стефанъ пусть не соединяется съ твоею дочерью и не вступаетъ ни въ какія другія, законныя связи съ нею; потому что, и законно соединившись, онъ поставитъ себя въ отношеніе къ ней, какъ къ распутной женщинѣ. Вѣдь если онъ такъ оскорбляетъ наше величество и не стыдится обращать въ шутку недавно данныя намъ клятвы; то подумай, какого безчеловѣчія не сдѣлаетъ съ тобою». Выслушавъ эти слова съ какою-то невѣжественною простотою, Примиславъ тотчасъ былъ пойманъ ими, сталъ смотрѣть на зятя, какъ на врага, и согласился всячески помогать Римлянамъ въ войнѣ съ нимъ. Есть въ Тавроскиѳіи городъ, по имени Кіама (¹), который превосходитъ всѣ прочіе тамошніе города, почитается митрополіею того народа, получаетъ архіерея изъ Византіи и пользуется другими важными преимуществами. Такъ вотъ правитель и этой страны обѣщался воевать противъ Стефана и условія подтвердилъ клятвою. Тогда же и король Алемановъ Фриде-

(¹) Здѣсь, безъ сомнѣнія, разумѣется Кіевъ. О древнемъ Кіевѣ, его обширности и могуществѣ говорятъ Ditmarus L. 7. Adamus Bremensis c. 66. Несторъ и его продолжатели.

рикъ, замѣчая, что царь сильно противодѣйствуетъ ему на Западѣ, вражду свою съ Римлянами заключилъ миромъ и условился съ царемъ воевать противъ Стефана. Не отказывался отъ участія въ этой войнѣ и Эрикъ (¹), который, какъ уже не разъ говорено, былъ женатъ на племянницѣ царя Ѳеодорѣ. Кромѣ того собиралось многочисленное войско изъ Скиѳовъ и подвластныхъ Римлянамъ Сербовъ; да и султанъ, въ силу договоровъ, прислалъ вспоможеніе, такъ что отвсюду шли значительные отряды. Около этого времени добровольно пришелъ также къ Римлянамъ съ дѣтьми, женою и со всѣми силами одинъ изъ владѣтелей Тавроскиѳіи Владиславъ (²). Ему подарена была придунайская страна, которую царь прежде отдалъ пришедшему въ Византію Васильку, сыну Георгія, занимавшему первое мѣсто между филархами Тавроскиѳіи. Тогда же и Венеты, возобновивъ съ царемъ прежніе договоры, обѣщали прислать Римлянамъ для морскихъ предпріятій флотъ изъ ста триремъ, и при этомъ дали слово быть врагами и королю Алемановъ Фри-

---

(¹) Эрикъ или Генрихъ Левъ, первый герцогъ Австріи, сперва женатъ былъ на Гертрудѣ, дочери императора Лотарія, а потомъ, по смерти первой жены, вступилъ въ бракъ съ Ѳеодорою Комниною, сестрою кипрскаго тиранна Іоанна. Carol. du Fresne ad h. l.

(²) Неизвѣстно, о какомъ Владиславѣ говоритъ здѣсь Киннамъ. Соображая время, къ которому относятся описываемыя имъ событія, подъ этими переселенцами изъ Россіи въ предѣлы византійской имперіи надобно разумѣть Всеславичей—Давида, Ростислава, Святослава и племянниковъ ихъ—Василька и Іоанна, которые изгнаны были изъ полоцкаго княжества сыномъ Владиміра Мономаха Мстиславомъ I. См. Карамз. Т. 2, гл. 8.

дерику, и всѣмъ другимъ западнымъ народамъ, если послѣдніе рѣшатся на войну съ Римлянами.

13. Вотъ что совершалось тогда на Западѣ. Между тѣмъ палестинскій король Балдуинъ, женатый на племянницѣ царя, кончилъ свою жизнь. Такъ какъ онъ умеръ бездѣтнымъ, то управленіе страною перешло къ его брату (¹), который, сдѣлавшись правителемъ, сталъ чрезъ пословъ просить себѣ у царя въ супружество Римлянку и вмѣстѣ хотѣлъ знать его мысли относительно Антіохіи; потому что Антіохійцы, будучи по природѣ вѣроломны, пришли въ Палестину къ Балдуину и добровольно ввѣрили ему власть надъ собою и надъ своимъ городомъ. Но король, зная, что этотъ городъ подвластенъ царю, счелъ нужнымъ, какъ сказано, сперва спросить его о немъ. Царь отвѣчалъ ему: «просьба о бракѣ, такъ какъ тебѣ угодно заискивать наше благорасположеніе, будетъ въ непродолжительномъ времени исполнена; что же касается до Антіохіи, то она, какъ издревле была данницею Римлянъ, такъ и нынѣ подвластна нашей державѣ,—и ни ты, пока мы живы, ни кто другой не можетъ управлять ею. А Антіохійцы скоро получатъ отъ нашего величества возмездіе за свою невѣрность Римлянамъ, и тогда почувствуютъ, кого дерзнули они оскорбить». Та-

---

(¹) По смерти іерусалимскаго короля, Балдуина III, умершаго бездѣтнымъ, возшелъ на престолъ братъ его, графъ іоппійскій Амальрикъ и, съ разрѣшенія апостольскаго престола, расторгнувъ бракъ съ дочерью эдесскаго графа Іосцелина, Агнесою, женился на Маріи Комниной, дочери Протосеваста Іоанна Комнина. Это было въ 1167 г. Will. Tyr. L. 20 c. 1 et 24.

ково было содержаніе письма. Потерявъ надежду относительно Антіохіи, король продолжалъ просить царя о бракѣ и, получивъ въ супружество одну изъ дочерей Протосеваста, подтвердилъ клятвою всѣ тѣ условія, какія были у царя съ его братомъ Балдуиномъ. Еще не совсѣмъ приготовившись къ предстоящей борьбѣ, а между тѣмъ опасаясь за городъ Зевгминъ, стѣсненный до крайности осадою Стефана, царь, прежде чѣмъ могъ открыть войну во всемъ ея объемѣ, послалъ туда значительный вспомогательный отрядъ, подъ предводительствомъ Михаила Гавры и Іосифа Вріеннія, подъ которыми служили и другіе знаменитые Римляне, какъ-то: Іоаннъ, названный Ангеломъ,—мужъ въ войнѣ опытный, и Іоаннъ Иса, родомъ Персъ, но получившій воспитаніе и образованіе римское. Даже, чтобы еще болѣе помочь городу, приказано было отправить множество кораблей, съ войскомъ и разными запасами. Эти корабли должны были войти въ Дунай и доставить осажденнымъ необходимое, пока въ землю Гунновъ не прибудетъ со всею арміею самъ царь. Между тѣмъ Гунны, стоя уже долго подъ стѣнами города и многократно пытавшись взять его, убѣдились, что предпринимаютъ дѣло невозможное; потому что римскіе корабли, подплывая къ прирѣчной сторонѣ города, доставляли осажденнымъ весьма многое, и сверхъ того, принимая раненыхъ въ сраженіи, замѣняли ихъ другими—здоровыми. Посему, доколѣ не прибыло еще въ землю Гунновъ войско подъ начальствомъ Гавры и Вріеннія, рѣшились они тоже собрать флотъ, что-

бы, спустившись по рѣкѣ, напасть на римскіе корабли и потомъ, потопивъ ихъ, безъ труда побѣдить врага. Нѣкоторые между ними не одобряли этой попытки на томъ основаніи, что корабли ихъ, по неудобной постройкѣ и несоразмѣрной широтѣ, не столь быстры на ходу, какъ римскіе. Не смотря однакожъ на то, они, дѣйствительно, спустились по рѣкѣ. Тогда Римляне, построившись въ боевой порядокъ, встрѣтили ихъ на срединѣ рѣки и стали осыпать стрѣлами; а тѣ, не имѣя силъ противостоять имъ, повоpотили кормы,—и корабли ихъ, успѣвшіе причалить къ своему берегу, убѣжали опасности, одинъ же изъ нихъ, занятый военачальниками, попалъ въ руки Римлянъ и былъ сожженъ искусственнымъ огнемъ (1). Испытавъ и тутъ неудачу, Гунны обратились теперь къ другой мѣрѣ: они склонили деньгами нѣкоторыхъ, служившихъ Стефану Гунновъ и убѣдили ихъ подмѣшать этому человѣку яду (2), вслѣдствіе чего городъ былъ взятъ и весь Сирмій опять перешелъ во власть Гунновъ. Но находившіеся въ городѣ Римляне и сражавшіеся подъ начальствомъ Стефана Гунны остались неприкосновенными, такъ какъ подъ этимъ только условіемъ они и сдали городъ. Послѣ сего Гунны стали издѣваться надъ Стефановымъ тру-

---

(1) Подъ именемъ искусственнаго огня Киннамъ разумѣетъ, безъ сомнѣнія, такъ называемый греческій огонь, о которомъ говоритъ Leo in Tact. c. 19 n. 6.

(2) Объ отравленіи Стефана въ Зевгминѣ говорятъ также Nicetas et Tworoczius, и относятъ это событіе къ 1173 году, къ 5 числу Апрѣля.

номъ: сперва они даже не совершили надъ нимъ поминовенія и никакихъ другихъ обрядовъ, совершаемыхъ надъ умершими, но выбросили его за городскія ворота и оставили тамъ безъ погребенія; послѣ уже, уступивъ голосу природы, перенесли тѣло въ храмъ первомученика Стефана и тамъ предали его землѣ.

14. Какъ скоро царь получилъ объ этомъ извѣстіе,—тотчасъ, не смотря на жестокую тогдашнюю болѣзнь царицы, съ свойственнымъ ему удивительнымъ рвеніемъ устремился къ войнѣ и, прибывъ въ митрополію Иллиріи Сардику, сталъ тамъ собирать войска. Поднявшись отсюда въ исходѣ Іюня, пришелъ онъ къ Дунаю и, намѣреваясь переправиться чрезъ него, распорядился слѣдующимъ образомъ. Все, что было лучшаго въ его арміи по вооруженію и воинскимъ способностямъ, поставилъ онъ противъ гуннскаго города Храма, дѣлая видъ, что здѣсь имѣетъ намѣреніе совершить переправу; когда же увидѣлъ, что на противоположной сторонѣ расположилось гуннское войско,—вдругъ на разсвѣтѣ отплылъ оттуда къ Бѣлграду. Такимъ образомъ непріятели, чтобы противустать той и другой части римскаго войска, должны были раздѣлиться. Впрочемъ и Римляне приступали къ переправѣ слишкомъ нерѣшительно. Замѣтивъ это, царь сѣлъ въ лодку и, плывя впереди другихъ, — на что онъ уже не разъ отваживался,—перешелъ на противоположный берегъ, а за нимъ, пристыженная его рѣшимостію, взошла на корабли и римская армія. Видя, что царь переправился, Гунны разстроили свой

боевой порядокъ и отступили. Въ это время случилось, что царь, при вступленіи на непріятельскую землю, прыгнувъ далѣе, чѣмъ слѣдовало, (ибо мелководье не позволяло притянуть корабль къ берегу) повредилъ себѣ одну ногу и чувствовалъ себя худо; однакожъ и тутъ не умѣрилъ онъ своей ревности, но цѣлый день провелъ въ трудахъ, стараясь отвесть теченіе рѣки, пока поврежденная часть его ноги не стала пухнуть. Между тѣмъ защищавшіе Зевгминъ варвары, вышедши въ великомъ множествѣ за его стѣны, готовились противустать Римлянамъ; но какъ скоро увидѣли они царя, тотчасъ въ безпорядкѣ и смятеніи, перегоняя другъ друга, побѣжали къ городу и уже не смѣли показываться. Затѣмъ Римляне стали приготовляться къ приступу и на третій послѣ того день принялись за дѣло. Сражаясь со стѣнъ, варвары наполняли воздухъ криками и ничего не выражавшими воплями, непрестанно бросали стрѣлы и въ свою очередь сами были поражаемы ими. Въ этомъ прошелъ настоящій и слѣдующій день; но ни Римляне, ни Гунны не сдѣлали никакого успѣха. Многія событія во время этой осады возбуждали мое удивленіе; но отважность царя въ сіи дни была такова, что если бы я не былъ личнымъ свидѣтелемъ тѣхъ событій, то съ трудомъ повѣрилъ бы разсказу о нихъ. Римляне построили деревянную башню, и задумали идти посредствомъ ея на городъ, чтобы вступить въ рукопашный бой съ бывшими на стѣнахъ варварами. Царь желалъ взойти на эту башню прежде другихъ и говорилъ: «Римляне!

вы представите величайшее изъ всѣхъ доказательство вашего ко мнѣ благорасположенія, если не помѣшаете мнѣ взойти». Но его желаніе не исполнилось, потому что главные изъ окружавшихъ его военачальниковъ сильно воспротивились этому. Тогда, обошедши кругомъ стѣну, онъ высмотрѣлъ мѣсто, откуда удобнѣе всего было сдѣлать нападеніе, и приказалъ опоясывавшіе городъ довольно глубокіе и широкіе рвы наполнить, за неимѣніемъ фашинника и хворосту, камнями, чтобы затѣмъ подкатить машины. Однакожъ для взятія города и этого было недостаточно. Гунны, хотя и значительно пострадали отъ римскихъ воиновъ, но еще громче прежняго пѣли пѣсни и питали себя надеждою, что скоро придетъ къ нимъ другое гуннское войско.

15. Когда дѣло находилось въ такомъ состояніи, пришли римскіе соглядатаи и донесли о приближеніи къ нимъ огромнаго войска, потому что замѣтили высоко поднявшуюся въ воздухѣ пыль. Притомъ одинъ изъ знатнѣйшихъ Гунновъ, по имени Васакъ, перешедшій на сторону Римлянъ, утверждалъ, что король Пэонскій снаряжается не въдалекѣ, что кромѣ другихъ многочисленныхъ войскъ, онъ ведетъ съ собою также Скиѳовъ и Тавроскиѳовъ, и что кромѣ того съ нимъ опять идетъ со всѣми своими силами правитель Чеховъ. Выслушавъ это, царь совѣтуется съ своими вельможами, какъ поступить въ настоящихъ обстоятельствахъ. «Римляне!—сказалъ онъ,—свойство настоящихъ обстоятельствъ требуетъ не того только, чтобы имѣть смѣлость,

но и того, чтобы къ смѣлости не присоединить дѣлъ, ей несоотвѣтственныхъ. Мнѣ кажется, что имѣющій и немного ума долженъ очень много думать объ этомъ. Итакъ, если этотъ народъ, подъ благопріятнымъ вліяніемъ какой-то непонятной высшей судьбы, возсталъ съ страшною силою на римское государство; то да не подумаемъ, будто для насъ довольно и того, чтобы только вести войну на его землѣ. Мы должны всякому времени жертвовать, чѣмъ слѣдуетъ, и настоящимъ обстоятельствамъ отдавать то, чего они требуютъ; ибо я не думаю, чтобы одни и тѣ же дѣйствія равно были приличны и счастливымъ и несчастнымъ. На этомъ основаніи римскому государству, которое, конечно, не достигло еще древняго благосостоянія, а только (съ Божіею помощію) приведено нашею защитою въ лучшее состояніе, никакъ не поставится въ безчестіе отступить предъ гуннскимъ королемъ, который, по разсказамъ, идетъ съ многочисленнымъ войскомъ какъ изъ туземцевъ, такъ еще болѣе изъ дружинъ, присланныхъ ему союзниками. Посему теперь пусть каждый внимательно разсудитъ, какъ сохранить римскому государству то и другое—и славу, которую оно уже пріобрѣло, и силу, которую должно унести отсюда невредимою». Такъ говорилъ царь,—и одни изъ бывшихъ въ совѣтѣ Римлянъ полагали, что слѣдовало бы перенести лагерь на Саву и тамъ окопаться, чтобы оттуда можно было безопаснѣе противостоять непріятелю; а другимъ это отнюдь не нравилось, напротивъ казалось лучшимъ—оставить осаду города и со всѣми силами идти на

приближающагося непріятеля. Но царь не одобрилъ ни того, ни другаго совѣта: одинъ осудилъ, какъ голосъ трусости, а другой—какъ выраженіе неблагоразумія. «Если мы оставимъ осаду города, говорилъ онъ, то занятые его защитою Гунны будутъ имѣть возможность собрать большія, чѣмъ теперь, силы и достаточно снабдить ихъ продовольствіемъ». Итакъ, онъ приказалъ, чтобы слабѣйшіе въ войскѣ и прислужники вооружились и остались у города подъ начальствомъ нѣсколькихъ, не очень замѣчательныхъ, военачальниковъ, а всѣ остальные вмѣстѣ съ нимъ шли сражаться противъ другихъ Гунновъ. Когда это мнѣніе одержало верхъ,—Римляне готовились на слѣдующій день выступить оттуда, но, не получивъ никакихъ вѣрныхъ извѣстій, вооружились утромъ и сдѣлали уже третій приступъ къ городу. Опять завязывается сраженіе: Гунны со стѣнъ бросаютъ въ римское войско камни, стрѣлы, и все, что ни попало; а Римляне болѣе прежняго подкапываютъ основанія и, посредствомъ метательныхъ машинъ, засыпаютъ непріятелей камнями. Съ той и другой стороны слышны непрерывныя ободренія и увѣщанія, раздаются вопли и стоны, и несется глухой шумъ. Замѣтивъ, что Римляне колеблютъ основанія, Гунны рѣшились сдѣлать слѣдующее. Внутри стѣны лежалъ камень огромной величины: подложивъ подъ него бревна и привязавъ къ нему веревки, они старались втянуть его на деревянную предбашенную галлерею, которая устроена была у нихъ по протяженію стѣнъ, и хотѣли оттуда спустить его на Римлянъ. Но лишь толь-

ко камень вкаченъ былъ въ башню, какъ она, не выдержавъ его тяжести (потому что онъ былъ чрезвычайно великъ), вдругъ повалилась на землю со многими Гуннами, такъ что ни одинъ изъ нихъ не избѣжалъ бѣдствія. Тутъ снова поднялся шумъ, и битва закипѣла еще сильнѣе. При этомъ разсказываютъ, какъ царь, замѣтивъ, что одинъ изъ Римлянъ непремѣнно подвергался удару удачно пущенной стрѣлы, подбѣжалъ и, поставивъ надъ нимъ щитъ, сохранилъ его отъ стрѣлъ.

16. Наконецъ Гунны, видя, что дѣло ихъ находится въ весьма затруднительномъ положеніи, послали просить царя, чтобы, по сдачѣ ему города, имъ позволено было выдти изъ него невредимыми. Но царь сказалъ, что не прежде сдѣлаетъ это, какъ тогда, когда Григорій и другіе между ними жупаны явятся къ нему съ веревками на шеяхъ, съ необутыми ногами и съ непокрытыми головами. Между тѣмъ какъ онъ посылалъ имъ отвѣтъ, Римляне, еще болѣе разгоряченные, взяли городъ. Когда же былъ онъ взятъ, Григорій и находившіеся съ нимъ военачальники Гунновъ предстали предъ царя съ безчестіемъ и плачемъ, въ упомянутомъ нами видѣ и въ жалкихъ одеждахъ. Царь до нѣкоторой поры не удостоивалъ ихъ и взгляда, и уже позднѣе, по усильному ходатайству Белы, отмѣнилъ смертную казнь и отправилъ ихъ въ темницу. Между тѣмъ Римляне, вступивъ въ городъ, съ великимъ ожесточеніемъ убивали тамъ людей, будто барановъ. Размышляя тогда о жизни человѣческой, мнѣ пришлось плакать, — какимъ

бѣдствіямъ произвольно подвергъ себя этотъ бѣдный родъ. Воины уносили сокровища, одежды, серебряныя вещи; расхищалось всякое добро; каждый забиралъ даже и оружіе непріятелей,— оружіе этихъ обнаженныхъ и обезоруженныхъ ратоборцевъ. Тамъ найдена была и одна несчастная женщина съ стрѣлою, вошедшею въ заднюю часть тѣла. Какъ это случилось съ нею, сейчасъ обьясню. Упомянутая женщина, пока еще не былъ взятъ городъ, стояла на стѣнѣ и сыпала золу (¹). Въ это время, поднимая безъ всякаго стыда платье, она отворачивалась и, показывая римскому войску заднюю часть тѣла, безпрерывно приговаривала какія-то пустыя слова, въ намѣреніи этимъ дьявольскимъ колдовствомъ связать Римлянъ. Но одинъ изъ воиновъ, пустивъ стрѣлу, попалъ бѣдной въ то мѣсто, гдѣ природа образовала проходъ для изверженія нечистотъ. Найденъ былъ также въ грязной и мрачной темницѣ одинъ злосчастный узникъ изъ Римлянъ, заключенный по слѣдующей причинѣ. Гунны, взявъ его въ плѣнъ, принуждали, какъ искуснаго стрѣлка, бросать со стѣны стрѣлы въ Римлянъ. Онъ хотя не безъ умысла, однакожъ часто стрѣлялъ, только всякій разъ невпопадъ. Замѣтивъ это, Гунны многократно сѣкли его и потомъ держали подъ карауломъ въ темницѣ. Такимъ-то образомъ Зевгминъ взятъ былъ и во второй разъ. Въ то время много было и дру-

(¹) Это былъ, вѣроятно, нѣкоторый родъ колдовства—τεφραμαντεία или σποδομαντεία, о чемъ см. Delrii l. 4. Disquis. magicar. quaestion. 17 sect. 1; потому что женщина сопровождала это приговорами.

гихъ, которые совершили дѣла достойныя имени дѣлъ доблестныхъ,—не менѣе отличился и Андроникъ (¹) Дука. Такъ, видя, что Римляне по лѣстницѣ взбираются на стѣну, онъ пришелъ къ племяннику царя Андронику, подъ начальствомъ котораго служилъ, когда послѣдній, возвратившись изъ Тавроскиѳіи, получилъ отъ царя прощеніе,—и просилъ его, чтобы и ему также дозволено было попытаться взойти на стѣну. Получивъ дозволеніе, Дука съ великимъ рвеніемъ принялся за это. Нѣкоторые изъ Латинянъ, лѣзшихъ позади, старались было, по соревнованію, опередить его; но онъ сильно спорилъ съ ними и никакъ не хотѣлъ уступить своей чести. Тогда какъ это происходило, лѣстница нечаянно упала на землю и разлетѣлась; но Андроникъ снова возвратился къ обычной своей смѣлости, ибо видя, что нѣкоторые опять взбираются по другой лѣстницѣ, рысью взбѣжалъ на нее и самъ. Вотъ что здѣсь происходило. Между тѣмъ король Стефанъ, увѣренный въ безопасномъ состояніи Зевгмина,—ибо кромѣ всего другаго, онъ напаяемъ былъ водою проведеннаго изъ Дуная канала, который прежде тянулся по городу подъ открытымъ небомъ, а потомъ, во время войны царя съ этимъ самымъ Стефаномъ, протекалъ уже подъ землею,—не хотѣлъ вѣрить, чтобы онъ могъ быть такъ легко взятъ Римлянами. Но когда царь, выступивъ отсюда, построилъ другую крѣпость и по-

(¹) Тотъ Андроникъ Фервинъ, который нѣкогда управлялъ Киликіею и раздражилъ Тероза. См. выше, стр. 133—136.

селилъ въ ней многихъ, взятыхъ изъ Сирмія Гунновъ, которые обыкновенно называютъ себя Халисіями, а это, какъ я говорилъ,—иновѣрцы, одного вѣроисповѣданія съ Персами; тогда Стефанъ, получивъ уже подробное свѣденіе о томъ, что случилось съ Зевгминомъ, отправилъ къ царю посольство изъ мужей знаменитыхъ, въ числѣ которыхъ одинъ имѣлъ власть епископа той страны, и соглашался возвратить Римлянамъ какъ Сирмій, такъ и всю Далмацію. Послы допущены были предъ лице царя и, высказавъ ему все, что было имъ предписано, наконецъ стали просить его оставить свой гнѣвъ. Но онъ сперва отказывалъ и говорилъ имъ такъ: «Почтенные послы! уступка была бы, конечно, весьма важная, если бы кто изволилъ отдать намъ то, что мы уже отняли. Сирмій въ нашихъ рукахъ, Зевгминъ въ нашей власти, Далмацією тоже владѣемъ мы. Мы—господа надъ всѣмъ тѣмъ, что вы намъ теперь столь милостиво отдаете. Развѣ есть у васъ другой Сирмій? Развѣ гдѣ-нибудь есть другой Зевгминъ и другая Далмація, для отдачи которыхъ вы пришли къ намъ? Если есть, покажите, чтобы мы тотчасъ протянули къ нимъ свои руки и взяли ихъ. Знаемъ, конечно, что не владѣть намъ спокойно и тѣмъ, что мы получили отъ васъ, ибо дѣйствовать противозаконно для васъ ничего не значитъ; однакожъ своею силою, при Божіей помощи, надѣемся какъ-нибудь удержать полученное. Если же все это—въ нашей власти; то у васъ не остается ничего, чѣмъ, по вашимъ словамъ, хотите вы подарить насъ. Стало быть, какія же

условія? На чемъ помиримся»? Такъ сначала отвѣчалъ имъ царь, но потомъ, перемѣнивъ тонъ рѣчи, сказалъ: «вы должны знать, что мы желаемъ примириться съ вами безвозмездно, какъ съ христіанами; — произнесите клятву». Такъ сказалъ Мануилъ,—и посланные, подтвердивъ все клятвою, удалились къ своимъ, а царь возвратился въ Византію.

17. Между тѣмъ Іоаннъ Дука, покоривъ Далмацію (¹), управленіе ею, по предписанію царя, передалъ Никифору Халуфѣ; потому что царь еще прежде послалъ его туда съ войскомъ, чтобы онъ либо силою, либо посредствомъ переговоровъ занялъ эту страну, по согласію Гунновъ, предназначавшуюся въ наслѣдство Белѣ. Какъ скоро Дука, миновавъ Сербію, вступилъ въ Далмацію, вся власть надъ нею въ короткое время перешла большею частію къ царю. Въ тоже время покорился Римлянамъ Трагуріонъ (²) и Севеникъ (³);—

(¹) Приморская Далмація, которую называютъ также Бѣлою Кроаціею, имѣла своихъ правителей или топарховъ, и столицею ихъ была Салона—мѣсто рожденія Діоклитіана Августа. Не говоря о прежнихъ правителяхъ этой страны, считаемъ нужнымъ замѣтить, что въ описываемый здѣсь періодъ Далмаціею управлялъ Золомиръ или Зюльмиръ, о которомъ упоминаетъ папа Григорій VII. Онъ женатъ былъ на дочери венгерскаго короля Белы I, сестрѣ Гейзы II и Владислава, и, не оставивъ дѣтей, завѣщалъ Далмацію своей женѣ, а она передала ее въ наслѣдство брату Владиславу. На этомъ венгерскіе короли основывали свои права на Далмацію и Кроацію. По этой же причинѣ Гунны назначали сіи области въ наслѣдство зятю Мануила Белѣ или Алексѣю.

(²) Небольшой островъ у береговъ Далмаціи, съ городомъ того же имени. Славяне называютъ его Трогиромъ. Hoff. Lex.

(³) Городъ Далмаціи при заливѣ Адріатическаго моря съ крѣпкимъ замкомъ. Hoff. Lex.

затѣмъ Спалаѳъ (1) и народъ какцикійскій (2), съ знаменитымъ городомъ Діоклеею, который построенъ римскимъ царемъ Діоклитіаномъ (3), Кардонъ (4), Острумбица (5), Салона (6) и всѣ другіе города, лежащіе въ Далмаціи,—числомъ пятьдесятъ семь. Итакъ, дѣла въ Далмаціи шли успѣшно. Царь возвратился, какъ мы говорили, въ Византію и шелъ съ тріумфомъ отъ самой крѣпости до великаго храма Софіи, гдѣ, принесши благодареніе Богу и одаривъ священнослужителей золотомъ, которое Римляне собрали въ Сирміѣ, успокоился во дворцѣ. Но я едва было не забылъ сказать, что для этого тріумфа колесница, на

---

(1) Сильная крѣпость въ Далмаціи на берегу Адріатическаго моря недалеко отъ древней Салоны или нынѣшней Тузлы; по славянски Силитъ. Hoff. Lex.

(2) Народомъ какцикійскимъ Киннамъ называетъ, по всей вѣроятности, одну изъ кроатскихъ трибъ, которыхъ Люцій считаетъ двѣнадцать. Hist. Dalmat. L. 4 c. 46.

(3) Діоклеею называется цѣлая область Далмаціи (Сербіи). Бывшій въ ней главный городъ Діоклея, какъ говоритъ Константинъ Порфирор., основанъ Діоклитіаномъ; у Птоломея называется онъ Doclea, а Сербы прозвали его Дуклею. Дукля оставалась городомъ знаменитымъ до самаго вторженія Турковъ; онъ лежитъ при впаденіи Зеты въ Морачу. Изъ развалинъ его, по-сю-пору называемыхъ Дуклянъ-градъ, образовалось нынѣшнее мѣстечко Подгорица. Шафарик. Т. II кн. 1. стр. 450.

(4) Кардонъ у Киннама есть тоже, что Скидаръ, во время Римлянъ Скодра, а нынѣ Скадръ, городъ при сліяніи Бояны и Дримца, столица сербскаго короля Вълкана (1089—1105. Шафарикъ т. II. кн 1. стр. 452).

(5) Острумбица нынѣ—Островица. Carol. du Fresne ad h. l.

(6) Древняя столица далматскихъ правителей Салона, нынѣ Солина, по турецки Тузла, лежитъ на рѣкѣ Ялѣ,—городъ весьма древній упоминаемый уже Птоломеемъ (Sallis, Шафарикъ Др. Т. II кн. 1, стр. 430.

которой надлежало ѣхать царю, сдѣлана была изъ цѣльнаго золота. Впрочемъ онъ не сѣлъ на нее—частію потому, что боялся показаться высокомѣрнымъ, а частію и потому, что везшія двумѣстную колесницу лошади были запряжены въ первый разъ и, то и дѣло пугаясь, чуть было не опрокинули ея. Но не прошло еще довольно времени, какъ онъ узналъ о новыхъ попыткахъ Сербовъ и Пэонянъ, и спѣшилъ предупредить ихъ нашествіе. А тѣ, какъ скоро услышали о его приближеніи, тотчасъ остановили свое движеніе и продолжали ненарушимо хранить договоръ.

КНИГА 6.

1. По возвращеніи Андроника (¹) изъ Тавроскиѳіи, какъ было сказано, царь не только удостоилъ его дружбы, но и, щедро одаривъ золотомъ, послалъ въ Киликію, чтобы онъ привелъ въ порядокъ тамошнія дѣла; а для веденія большихъ расходовъ, предоставилъ въ его пользу сборъ податей съ Кипра. Впрочемъ Андроникъ, на

(¹) О возвращеніи Андроника и о родствѣ его съ Мануиломъ см. Nicet. L. 4, n. 4. 5. Will. Tyr. L. 20 c. 2. Также табл. Комниныхъ.

назначенномъ ему мѣстѣ пробылъ недолго и сперва обручился съ родною сестрою Августы, Филиппою, хотя нашъ законъ (¹) не допускалъ этого; потомъ, оставивъ ее безъ всякой причины и взявъ съ собою большія суммы царскихъ денегъ, собранныхъ имъ въ видѣ податей съ Киликіи и Кипра, отправился въ Палестину. Встрѣтившись тамъ съ дочерью Севастократора Исаака, которая, какъ сказано, была замужемъ за Балдуиномъ, а когда онъ умеръ и власть его перешла къ брату, жила вдовствующею въ городѣ Акѣ; — онъ часто бывалъ у этой вдовы, какъ родственницы, и вступалъ съ нею въ какія-то тайныя совѣщанія. Простираясь же далѣе, воспламенился къ ней беззаконною и нечестивою любовью и, заведши съ нею связь, взялъ ее и уѣхалъ въ землю Сарациновъ, гдѣ впослѣдствіи имѣлъ отъ нея дѣтей. Затѣмъ обошедши многія иноземныя страны, проникъ онъ въ восточную часть земли иберійской, а оттуда, спустя немного времени, опять пришелъ съ женою къ Персамъ и, изъ Персіи дѣлая частые набѣги на римскіе предѣлы, этотъ злодѣй поработилъ множество людей и военную добычу передавалъ Персамъ, за что Церковь и предала его анаѳемѣ.

2. Около этого времени въ Византіи произошелъ споръ о славѣ Христовой, по слѣдующему случаю. Былъ нѣкто Димитрій (²), родомъ Рим-

---

(¹) Матѳей монахъ (Quæst. matrimonial. L. 8 juris græco-rom. p. 482) говоритъ, что у Грековъ вступленіе въ бракъ съ родственницами возбранялось до пятаго колѣна. См. Pachymer. L. 6, c. 6.

(²) Объ этомъ разсказываютъ также Nicetas L. 7 c. 6. Leo Allatius de Eccl. Occident. et Orient. perp. Cons. L. 2, c. 12, n. 4.

лянинъ, но происходившій изъ азійской деревни Лампы. Мало, думаю, знакомъ онъ былъ съ энциклическимъ образованіемъ и свѣтскими науками, за то прилежно занимался божественными догматами и свою о нихъ говорливость всегда простиралъ до безконечности. Часто отправляемый въ качествѣ посла на Западъ и къ народамъ Италіи, онъ возвращался оттуда съ сильнымъ нравственнымъ насморкомъ (¹), начиналъ говорить много нелѣпаго и не переставалъ изслѣдовать божественную природу,—дѣло, никому другому не дозволенное, кромѣ учителей и лучшихъ іереевъ, да царей, ради ихъ достоинства. Наконецъ, возвратившись изъ земли Алемановъ, онъ сталъ уже открыто склонять народъ къ иномыслію и однажды заговорилъ о томъ же, бесѣдуя съ царемъ. Тутъ царь спросилъ его (²), въ чемъ состоитъ это ученіе,—и онъ тотчасъ изложилъ все его содержаніе. Дѣло вотъ въ чемъ. «Люди дерзаютъ говорить, началъ Димитрій, что одинъ и тотъ же—и меньше и равенъ раждающему Его Богу.»—Такъ чтоже? сказалъ царь. Развѣ мы не говоримъ, что одинъ и тотъ же есть и Богъ и человѣкъ?—«Да», отвѣчалъ онъ. — А царь продолжалъ: такъ вотъ, какъ человѣка, мы признаемъ Его меньшимъ, а,

---

(¹) Изъ словъ Киннама видно, что аріанство, многовѣковою борьбою великихъ учителей Церкви подавленное на Востокѣ, не уничтожилось совершенно, но проникло на Западъ и, распространяясь тамъ въ частныхъ мнѣніяхъ и путями частной жизни, впослѣдствіи возродилось между протестантами.

(²) Мануилъ, и по свидѣтельству Никиты, отличался богословскими познаніями и въ сужденіи о предметахъ сего рода обнаруживалъ глубокомысліе и остроуміе. Сравн. Carol. du Fresne ad h. l.

какъ Бога, равнымъ. То же самое говоритъ и Спаситель; въ одномъ мѣстѣ Онъ сказалъ: *Отецъ мой болій мене есть.* И если этого нельзя приписать той и другой природѣ,—что было бы крайне нелѣпо; то приведенное изреченіе необходимо приложить ко второй (человѣческой), ибо не прилагать его ни къ которой — безумно. Слѣдовательно люди говорятъ объ этомъ хорошо, сколько понимаетъ наше величество.—«Нѣтъ, они явно заблуждаютъ», сказалъ опять Димитрій. Этимъ тогда и заключился разговоръ. Потомъ, спустя немного времени Димитрій изложилъ свои мнѣнія даже въ книгѣ, и представилъ ее царю. Тогда царь сказалъ ему: «если можно скрыть эту книгу подъ землею, то немедленно закопай ее, чтобы не сдѣлаться тебѣ виновникомъ погибели многихъ. Вѣдь мнѣ надобно крѣпко держаться высказаннаго мною ученія; да я думаю, и не легко кому-нибудь отклонить меня отъ него». Но тотъ сдѣлался еще дерзновеннѣе, и показывалъ свое сочиненіе какъ частно, такъ и въ собраніяхъ, даже вошелъ въ сношеніе со многими архіереями и нѣкоторыми левитами, которыхъ мы называемъ діаконами. Нашедши же себѣ много единомышленниковъ, онъ сталъ еще открытѣе возставать и нападать на тѣхъ, которые принимали слово «меньше». Чрезъ это споръ обобщался и чрезвычайно усиливался, такъ что тогда не было никого, кто не говорилъ бы и не дѣлалъ изслѣдованій по этому предмету, къ какой бы сторонѣ ни принадлежалъ. Узнавъ объ этомъ и принимаясь за дѣло съ осторожностію, царь медлилъ и отказы-

вался передать его на общее обсужденіе. Видя же, что почти всѣ склоняются на мнѣніе Димитрія, началъ онъ призывать къ себѣ состязателей то по одному, то по два, то болѣе, и, разсматривая съ ними предметъ спора, многихъ изъ нихъ, не могшихъ противорѣчить ему, убѣдилъ въ противномъ мнѣніи; потому что хотя и не получилъ діалектическаго образованія, за то природною проницательностію и глубиною пониманія превосходилъ всѣхъ вообще людей, жившихъ въ наше время. И никто не отрицалъ въ немъ этого,— не только изъ тѣхъ, которые были въ близкомъ къ нему отношеніи (ибо такихъ можно было бы подозрѣвать въ лести), но и изъ людей, ему неизвѣстныхъ. Если онъ принимался обьяснять что-нибудь, то раскрывалъ дѣло съ чрезвычайнымъ искусствомъ, ясностію и простотою выраженія, изъ какой бы части философіи ни взятъ былъ вопросъ,—изъ естественныхъ ли наукъ, или изъ богословскихъ, или даже изъ чего другаго; потому что слушалъ и божественное и свѣтское ученіе, могъ много говорить и о Марсѣ и Меркуріѣ, хотя почти никогда не отрывался отъ воинскихъ занятій. Итакъ, благодаря природнымъ способностямъ, о которыхъ мы говорили, царь склонилъ къ своему мнѣнію многихъ, съ кѣмъ сходился, тогда какъ прежде не было никого, кто бы не принадлежалъ къ противной ему партіи, кромѣ Луки, управлявшаго тогда церковными дѣлами, который впрочемъ еще не отваживался открыто высказывать свои мысли, и еще не болѣе шести діаконовъ. Всѣ же другіе, видя, что послѣ до-

машняго разговора съ царемъ многіе покидаютъ ихъ сторону, думали, что на этихъ домашнихъ бесѣдахъ они привлечены къ нему гибкостію его сужденія и изворотливостію языка, и стояли въ своемъ убѣжденіи, такъ что никто изъ нихъ наединѣ и тайно не приходилъ къ единомыслію съ царемъ. «Вѣдь если не теперь, говорили они, то послѣ смерти,—тамъ непремѣнно будетъ онъ преданъ анаѳемѣ», и дѣлали собранія то въ собственныхъ домахъ, то въ домахъ нѣкоторыхъ знатныхъ лицъ. Не зная еще всего этого, царь однажды призвалъ къ себѣ частно епископа Новыхъ-Патръ Евѳимія (¹) и, желая заняться съ нимъ дѣломъ о славѣ Христовой, сталъ спрашивать его. Но тотъ сжалъ губы и стоялъ молча. Когда же царь спросилъ о причинѣ молчанія,—онъ вдругъ заговорилъ и высказалъ все дѣло. Раздраженный этимъ царь,—чего прежде съ нимъ не бывало (ибо что ни дѣлалъ онъ, все дѣлалъ спокойно и безъ запальчивости), грозилъ столкнуть его съ высоты, если, извращая здравое мнѣніе о Богѣ, они будутъ приписывать это Богу. «Но чтобы вамъ узнать, сказалъ онъ, измѣнивъ голосъ, каковы вы и какъ, разсуждая неправо о Богѣ, оскорбляете и меня (я удерживаюсь отъ обиды, боясь правое мнѣніе уронить наказаніемъ за личное мнѣ оскорбленіе; ибо уравненіе добрыхъ дѣлъ съ худыми можетъ отожествить и самыя мысли, изъ которыхъ происходятъ тѣ и другія), воору-

(¹) О томъ, что епископъ Новыхъ—Патръ Евѳимій присутствовалъ на Соборѣ, созванномъ въ 1166 году противъ Димитрія Лампскаго, можно читать у Алляція.

житесь и постарайтесь сразиться со мною однимъ, выступающимъ противъ всѣхъ васъ,—сразитесь не силою рукъ, а дѣйственностію слова. Мнѣ ненавистна побѣда надъ побѣжденнымъ, свидѣтель — теперешнее дѣло: самымъ явнымъ образомъ оскорбляемый, я, какъ видишь, удерживаюсь отъ мщенія. Скажу еще: вамъ не слѣдовало разсѣявать это по угламъ; да кто и принуждалъ васъ? или кто отнималъ у васъ свободу? Изгонялось ли когда-нибудь ваше слово отъ моего престола? Какую пользу извлеку я самъ изъ того, что стану защищать уродливое ученіе? Итакъ, чтобы не уронить своей чести въ словесныхъ изслѣдованіяхъ, что испытали уже многіе изъ васъ (впрочемъ я никогда ничего такого не высказывалъ), мнѣ, безъ сомнѣнія, остается не предавать моихъ убѣжденій о Богѣ. Впрочемъ, если бы кто взялся измѣнить мои мысли, говоря согласно съ священнымъ Писаніемъ,—я нисколько не постыдился бы послѣдовать ему. Одно только будемъ имѣть въ виду:—не оскорблять Бога; за Него я готовъ тысячекратно терпѣть оскорбленія. Такъ говорилъ царь и потомъ, спустя нѣсколько дней принесши значительное количество книгъ, въ которыхъ раскрывался спорный вопросъ, передалъ дѣло на общее изслѣдованіе. Тогда всякій разъ многіе оставляли противную сторону, пока въ мнѣніи съ другими патріархами не сошлись всѣ и не согласились, что царь лучше понимаетъ смыслъ священнаго Писанія: а Луку открыто оскорбляли, подвергали насмѣшкамъ и кричали, что его слѣдуетъ низвергнуть съ престола, по-

лагая, что онъ управляетъ дѣлами неискусно; ибо признавались, что если побѣждены они мнѣніемъ Луки и возвратились къ истинному ученію вѣры, то потому, что приняли мнѣніе царя; иные же при этомъ взводили на него и другія вины. За такіе пристрастные отзывы ихъ о Лукѣ осуждалъ ихъ, думаю, и царь, когда сказалъ: «это дѣло пусть будетъ до времени отложено; прежде окончимъ настоящее, а потомъ разсмотримъ и то, и сдѣлаемъ надлежащее заключеніе». Отраженные этимъ, они утвердили опредѣленіе, которое подписалъ и самъ царь, и наконецъ, вырѣзавъ его на камнѣ, помѣстили въ храмѣ Софіи съ лѣвой стороны отъ входа. Такъ кончилось изслѣдованіе. Что касается до меня, то относительно подобныхъ предметовъ я всегда былъ того мнѣнія, что человѣкъ никакъ не долженъ подвергать изслѣдованію естество Божіе. Скажу еще о томъ, что нахожу удивительнаго въ самодержцѣ. Однажды, когда онъ участвовалъ въ изслѣдованіи спорнаго предмета (а изслѣдованіе его продолжалось около шести лѣтъ), явился въ собраніе одинъ изъ придворныхъ чиновъ и донесъ ему наухо, что царица выкинула и что выкидышъ— мужескаго пола. Но онъ, нимало не измѣнившись въ лицѣ, продолжалъ сидѣть и внимательно слушалъ, что говорилось; по окончаніи же разсужденій того дня, всталъ и, упавъ къ ногамъ іереевъ, говорилъ: «святые отцы! сейчасъ пришло ко мнѣ извѣстіе съ женской половины, что выкинутъ младенецъ мужескаго пола—величайшая моя надежда; прошу вашу святость, вознесите

молитву къ Богу, вознесите умоляю васъ. Если я не право подвизался въ этой священной борьбѣ; то да не созрѣетъ и послѣ мое сѣмя того или другаго пола, пусть не сбудутся мои надежды: а когда мой образъ мыслей благоугоденъ Богу,—надежда моя исполнится не въ продолжительномъ времени». Сказавъ это, онъ поднялся съ земли; а іереи, приклонивъ колѣна, со слезами призывали Бога, и потомъ разошлись. Прошло немного времени, и у царя родился сынъ (¹),—образъ Харитъ, цвѣтъ природы. Но каковъ онъ собой,—будетъ описано въ своемъ мѣстѣ. Этимъ и закончилось изслѣдованіе упомянутаго предмета. Лука, такъ какъ обвинители не представили ничего достойнаго вниманія, опять остался на престолѣ. Напротивъ предстоятель Корциры Іоаннъ и одинъ изъ монаховъ, по имени Приникъ, упорно державшіеся прежняго мнѣнія, преданы анаѳемѣ, а иные исключены изъ церковныхъ каталоговъ.

3. Между тѣмъ король Гунновъ опять нарушилъ договоръ и послалъ съ большимъ войскомъ одного изъ бывшихъ при немъ знатныхъ лицъ, Діонисія, человѣка доказавшаго свою опытность во многихъ войнахъ, приказавъ ему снова занять Сирмій. Извѣщенные объ этомъ, римскіе вожди составили по сему случаю совѣтъ. Совѣщанія происходили, но не принесли пользы Римлянамъ, потому что совѣщававшіеся имѣли

(¹) Это былъ сынъ Алексѣй. Рожденіе его Алберикъ относитъ къ 1166 году; а по Кодину (de Orig. Cp.), онъ родился 10 Сент. 1170 года.

въ виду только обмануть другъ друга. Главными изъ нихъ были два Михаила: одинъ назывался также и Гавромъ и былъ Дуксомъ той страны, а другой—Врана, командовалъ собственно войскомъ. Оба они были весьма воинственны, но Врана превосходилъ перваго. Согласившись наконецъ напасть на Діонисія ночью, они поднялись и со всѣмъ войскомъ двинулись впередъ; но прибывъ туда, гдѣ Діонисій стоялъ лагеремъ, и нашедши лагерь совершенно оставленнымъ, начали робѣть, ибо если что можетъ потрясти душу воина, такъ это-пустынное мѣсто и непривычное пребываніе на непріятельской землѣ. Тѣмъ не менѣе однакожъ они продолжали отыскивать слѣдъ непріятелей и, быть можетъ, сдѣлали бы что-нибудь, если бы раньше напали на Гунновъ. Но такъ какъ тогда уже разсвѣло, то Гунны, примѣтивъ Римлянъ, начали вгонять въ лагерь лошадей (ибо онѣ были на пастбищѣ), и каждый, сѣвъ на свою, по обыкновенію всегда стоявшую у палатки, построились въ фалангу; потомъ видя, что Римляне несутся въ большомъ безпорядкѣ (ибо многіе изъ нихъ, дѣйствительно, разсѣялись, устремившись на Гунновъ, когда они загоняли въ лагерь лошадей) напали на нихъ и, обративъ въ бѣгство, успѣли прогнать ихъ до самой римской фаланги, которая шла позади. Испуганные этимъ, Римляне начали отступать и потомъ побѣжали изо всѣхъ силъ, полагая, что нападавшихъ гораздо больше, чѣмъ сколько видѣли ихъ. Въ подобныхъ обстоятельствахъ весьма немногіе люди способны видѣть истину и разсуждать. Но

тогда какъ всѣ поспѣшно разбѣгались,—на мѣстѣ оставались еще нѣсколько времени оба вождя съ знаменами и съ немногими изъ своей свиты, полагая, что нѣкоторые Римляне тоже остановятся. Видя же, что никто ниоткуда къ нимъ не присоединяется, они и сами наконецъ дали тылъ. Врана по-крайней-мѣрѣ однажды обратился назадъ и поразилъ копьемъ одного изъ непріятелей, а другой бѣжалъ, не озираясь. Тогда прояснилась причина, по которой они прежде ссорились въ совѣтѣ. Снова догнавъ бѣжавшаго Гавру, Врана сталъ сильно смѣяться надъ нимъ и, забавляясь на его счетъ, сказалъ: «былъ ли ты тутъ, Севастъ, какъ я еще однажды сталъ противъ непріятелей и пустилъ въ нихъ копье»?—и на утвердительный отвѣтъ послѣдняго примолвилъ: «а тебя, клянусь головою (¹) царя, я видѣлъ только бѣгущимъ». Такъ-то изъ нынѣшнихъ Римлянъ никто ничего не дѣлаетъ ради пользы общей; всякій принимаетъ на себя труды, чтобы только самому показаться человѣкомъ хорошимъ и доблестнымъ. Преслѣдуя бѣгущихъ, Гунны убили не очень многихъ, не многихъ также и взяли въ плѣнъ, потому что и сами были въ страхѣ. Объ

(¹) По свидѣтельству Ксифилина, римскій сенатъ, когда убитъ былъ Сеянъ, сдѣлалъ постановленіе впередъ клясться только именемъ императора—*μήτε τοὺς ὅρκους ἐπ' ἄλλου τινός, πλὴν τοῦ αὐτοκράτορος ποιῆσθαι*. Съ того времени вошли въ обычай формулы клятвы: per fortunam, per genium, per salutem principis. Впослѣдствіи головою царя клялись и христіане. Synod Chalcedon. Can. 30. *Τὸ εἰς τὴν κεφαλὴν τοῦ βασιλέως, ἢ εἰς τὴν δικέιαν σωτηρίαν ὀμόσαι τινά*. Palladius in Hist. Lausiaca c. 2. de S. Potamiana: *ἡ δὲ ἀφίησι φωνὴν, εἰποῦσα, τὴν κεφαλὴν τοῦ βασιλέως σοῦ, ὃν σὺ φοβῇ* etc.

этомъ можно заключить изъ того, что одинъ гуннскій пѣхотный полкъ добѣжалъ до самаго Зевгмина, не подвергшись ни разу нападенію со стороны Римлянъ, — такъ осмотрительно шли они. При этомъ Діонисій, чтобы придать болѣе важности своему подвигу, собралъ немногія тѣла павшихъ и набросалъ на нихъ какъ можно болѣе земли, полагая, что по величинѣ кургана будутъ заключать о числѣ убитыхъ. Между тѣмъ какъ все это происходило, царь пришелъ въ негодованіе и хотѣлъ опять самъ идти въ землю Гунновъ съ намѣреніемъ— особенно дать врагамъ почувствовать силу Римлянъ. Съ этою цѣлію онъ послалъ къ Дунаю Алексѣя, обрученнаго тогда съ его дочерью, и ввѣрилъ ему многочисленное войско, которымъ Алексѣй командовалъ, какъ Протостраторъ, и теперь долженъ былъ показать видъ Гуннамъ, что хочетъ напасть на нихъ опять изъ прежнихъ, обыкновенныхъ военныхъ пунктовъ. Съ этой также цѣлію онъ приказалъ Льву, по прозванію Ватацѣ, зайти съ другой стороны и, ведя другое, тоже значительное войско, вмѣстѣ съ дружиною Валаховъ, которые почитали себя древнѣйшими выходцами изъ Италіи, (¹) вторгнуться въ зем-

---

(¹) Мнѣніе о происхожденіи Валаховъ изъ Италіи весьма древне. Говорили даже, что они получили свое имя отъ какого-то Флакка. Вотъ что пишетъ папа Пій II: postremo romanis armis subacti ac deleti sunt, et colonia Romanorum, quæ duces coerceret, eo deducta duce quodam Flacco, a quo Flaccia nuncupata. Exin longo temporis tractu corrupto, ut fit, vocabulo, Ualachia dicta, et pro Flacciis Ualachi appellati. Впослѣдствіи, опираясь на это мнѣніе о происхожденіи Вала-

лю Гунновъ изъ мѣстъ лежащихъ у такъ называемаго Евксинскаго понта, откуда никто никогда, съ первыхъ вѣковъ, не нападалъ на нихъ. Итакъ, Алексѣй съ однимъ римскимъ войскомъ пришелъ къ Дунаю и, какъ бы готовясь здѣсь къ переправѣ, навелъ на Гунновъ страхъ; а Ватаца вторгнулся въ гунскую землю изъ указанныхъ мѣстъ и, безпощадно опустошая и разрушая все попадавшееся, умертвилъ множество людей и не меньше взялъ ихъ въ плѣнъ; кромѣ того, пригналъ оттуда цѣлые табуны лошадей и другихъ животныхъ, и возвратился къ царю. Но царь, желая нанести врагамъ и вторичный ударъ, опять выслалъ противъ нихъ войско и приказалъ напасть съ горныхъ возвышенностей на принадлежащую Гуннамъ Тавроскиѳію. Этимъ войскомъ предводительствовали Андроникъ Лампарда, Никифоръ Петралифа и нѣкоторые другіе. Но надъ всѣми былъ поставленъ Іоаннъ Дука, о которомъ я уже много разъ упоминалъ. Они, въ непродолжительное время совершивъ путь на пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ миль, по мѣстамъ непроходимымъ и странамъ безлюднымъ, вторглись въ землю Гунновъ и, нападая на мно-

---

ховъ, папа Иннокентій III льстиво писалъ валахскому правителю Іоанникію и убѣждалъ его присоединиться къ латинской Церкви. Epist. L. 2. Тоже мнѣніе подтверждаетъ и Georgius a Reychersdorff Transylvanus (Chronographia Moldaviae), основываясь на близости валахскаго языка къ латинскому. Изслѣдователь славянскихъ древностей Шафарикъ (т. 1. кн. 1. стр. 390) весьма основательно доказываетъ, что Валахи были кельтскаго или галльскаго происхожденія и въ незапамятныя времена обитали въ сѣверной Италіи, а позднѣе перешли къ Дунаю и изгнали отсюда Славянъ.

гія весьма многолюдныя деревни, захватили большое количество добычи, умертвили много народа, а еще больше взяли въ плѣнъ. Собираясь же удалиться оттуда, водрузили тамъ мѣдный крестъ и сдѣлали на немъ слѣдующую надпись:

Здѣсь нѣкогда многочисленные роды паннонскаго племени
Уничтожены грознымъ Марсомъ и рукою Авзоніевъ,
Когда Римомъ правилъ славный божественный Мануилъ,—
Честь и хвала державныхъ Комниновъ.

4. Въ то самое время, какъ это происходило, прибылъ въ Сардику австрійскій герцогъ Эрикъ (Генрихъ) съ женою своею, племянницею царя, Ѳеодорою (¹). Цѣль пріѣзда была—примирить съ царемъ короля Алемановъ Фридерика и просить его о прекращеніи войны съ Гуннами. Фридерикъ, какъ я уже говорилъ въ прежнихъ книгахъ, отъ противодѣйствія ему царя, едва не лишился власти надъ Римомъ, когда римскій архіерей согласился возстановить древній обычай; испыталъ также много и другихъ непріятностей, когда царь сталъ способствовать къ возстанію противъ него тамошнихъ народовъ. Посему еще нѣсколько прежде, находясь въ затруднительныхъ обстоятельствахъ и желая привлечь на свою сторону царя, онъ отправилъ къ нему посольство и, прося его дружбы, обѣщался, какъ сказано, идти вмѣстѣ съ нимъ противъ Гунновъ. Но какъ

(¹) См. выше.

скоро переговоры царя съ папою о власти надъ Римомъ рушились—отъ того, что царь домогался, чтобы престолъ царства римскаго опять оставался въ Византіи, а папа не соглашался на то и требовалъ (1), чтобы онъ царствовалъ въ Римѣ,—ободренный этимъ, Фридерикъ опять обнаружилъ непріязненное расположеніе и, рѣшившись вторгнуться въ римскую землю, съ какимъ-то варварскимъ безуміемъ началъ даже дѣлить ее между своими. Но такъ какъ отъ противодѣйствій царя онъ не могъ успѣть въ своемъ намѣреніи, то задумалъ составить посольство изъ Эрика и Владиграца, стараясь подъ видомъ дружбы отклонить царя отъ враждебныхъ противъ него намѣреній, а самъ между тѣмъ готовился, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, вступить въ войну съ Римлянами. Однакожъ царь понялъ дѣло и, принявъ Эрика благосклонно, по его просьбѣ склонился на перемиріе съ Гуннами, а касательно Фридерика не сдѣлалъ ничего окончательно. На возвратномъ пути домой, Эрикъ прибылъ въ Пэонію и, убѣдивъ Стефана прогнать отъ себя Тавроскиоянку, взять въ супружество дѣвицу (2), дочь

(1) О томъ, что этотъ договоръ дѣйствительно былъ, можно заключать изъ жалобъ Фридерика въ Вормаціенскомъ конвентѣ, гдѣ, какъ пишетъ паписть монахъ Готфридъ подъ 1172 г., Fredericum conquestum de illis, qui partibus favebant Rolandi, quod coronam Romani imperii Graeco imponere vellet. См. Ioann. Palaeonidorum in Uita S. Cyrill. Carmelitae n. 1.

(2) Объ этомъ фактѣ хронографы говорятъ не одинаково. Писатель австрійской хроники супругою Стефана почитаетъ дочь австрійскаго герцога Генриха Агнесу и вступленіе его въ бракъ съ нею относитъ 1165 году, слѣдовательно нѣсколько раньше того времени, къ

его. Спустя не много времени, Гунны задумали снова отнять Далмацію. Посему въ эту страну вступило войско и самъ военачальникъ, имѣющій у нихъ санъ жупана (жупанъ у того народа есть имя правителя, занимающаго первое мѣсто послѣ короля). Но тогдашнею войною Гунны не могли ничего достигнуть и захвативъ одного Халуфу, удалились. Какъ это случилось съ Никифоромъ, сейчасъ разскажу.— Узнавъ, о прибытіи въ страну гуннскаго войска, онъ вышелъ изъ Спалаѳы съ немногими воинами своего отряда; но когда совершалъ путь,—слѣдовавшіе за нимъ понемногу уходили и сдѣлали этого человѣка легкою добычею непріятелей, которые окружили его и, не смотря на мужественную его оборону, взяли въ плѣнъ.

5. Узнавъ объ этомъ, царь прибылъ въ Византію и думалъ весною выступить противъ Гунновъ съ большими противъ прежняго средствами, но не могъ прибыть туда въ благопріятное для военныхъ дѣйствій время, потому что одно обстоятельство помѣшало ему; а въ чемъ оно состояло,—видно будетъ изъ слѣдующаго разсказа. Когда прошла зима и разсѣялись туманы,— царь предался одному умному гимнастическому упражненію, издавна бывшему въ обычаѣ у царей и царскихъ дѣтей. Оно состоитъ вотъ въ чемъ: нѣсколько юношей, раздѣлившись между собою поровну, берутъ сдѣланный изъ кожи шаръ, вели-

---

которому относитъ это дѣло Киннамъ. А Arnoldus Lubecensis супругу Стефана называетъ не дочерью, а вдовѣвшею послѣ перваго мужа сестрою Генриха. Carol. du Fresne ad h. l.

чиною въ яблоко, и бросаютъ его на какое-нибудь высокое мѣсто, котораго высота была бы, разумѣется, примѣнена къ ихъ силамъ. Къ этому шару, какъ бы къ наградѣ, лежащей среди двухъ спорющихъ сторонъ, бѣгутъ они изо всѣхъ силъ, перегоняя другъ друга,—и каждый держитъ въ правой рукѣ палочку длины посредственной, оканчивающуюся крутымъ широкимъ крючкомъ, котораго средина перехватывается нѣсколькими отъ времени высохшими струнами, сплетенными между собою наподобіе сѣти. Этими палочками каждая сторона старается прежде другой угнать тотъ шаръ къ своей цѣли, которая заранѣе бываетъ назначена; потому что чьей цѣли ускоряемый палочками шаръ достигнетъ, на той сторонѣ остается и побѣда. Эта игра слишкомъ отважна и опасна. Упражняющемуся въ ней необходимо постоянно наклоняться и сгибаться, быстро дѣлать круговые повороты на лошади, совершать всѣ роды бѣга и производить столько различныхъ движеній, сколько случится сдѣлать ихъ шару. Такъ вотъ въ чемъ состояла игра. Тогда какъ царь въ этой игрѣ дѣлалъ страшные повороты,—случилось, что подъ нимъ всѣмъ тѣломъ упала на землю лошадь. Лежа внизу подъ лошадью, онъ долго бился и напрягалъ силы, чтобы подняться, но не могши оттолкнуть лошадь, которая, какъ я сказалъ, налегла на него всѣмъ тѣломъ, опасно повредилъ себѣ бедро и руку отъ нажавшагося сѣдла. Впрочемъ, онъ столь мужественно переносилъ это, что хотя смертельно страдалъ, однакожъ, когда многіе окружили его,

проворно всталъ, снова вскочилъ на коня и нѣкоторое время безъ труда скакалъ взадъ и впередъ, пока не почувствовалъ еще сильнѣйшей боли и не слегъ въ постель. Тутъ болѣзнь такъ одолѣла его, что, отъ приключившагося съ нимъ обморока, онъ на слѣдующій день не помнилъ ничего, что вчера говорилось или дѣлалось. Такъ это было. Впрочемъ чрезъ два дня ему сдѣлалось легче, и онъ отправился въ Апамею; но, вѣроятно, отъ какого-нибудь усилія во время пути, опухоль снова явилась и стала часто безпокоить его боль. Потомъ, проведши пасхальные дни въ городѣ Силиврiи и почувствовавъ себя лучше, онъ отправился въ Филиппы. Здѣсь говорилъ онъ съ прибывшими изъ Пэонiи послами и, видя, что они не предлагаютъ ничего здраваго, а только всячески пытаются достигнуть перемирія и прекращенія войны, отослалъ ихъ ни съ чѣмъ и отправилъ съ ними къ Пэонянамъ одного Римлянина, который долженъ былъ вытребовать Халуфу, если же они не исполнятъ этого, тотчасъ же грозить имъ, что царь и римская армія опять явятся, а самъ, прибывъ въ Сардику, сталъ набирать тамъ войско.

6. Во время пребыванія царя въ Сардикѣ случилось слѣдующее. Алексѣй (¹), исполнявшій тогда, какъ я многократно говорилъ, должность Протостратора, давно уже замышлялъ измѣну, а те-

---

(¹) Алексѣй-Аксухъ (см. табл. Комн.), по свидѣтельству Никиты (L. 4 n. 6), отличался прекрасными свойствами души и тѣла, но не могъ избѣгнуть клеветы ненавистниковъ и сдѣлался ихъ жертвою.

перь явно обличенный въ этомъ, принялъ постриженіе, поступилъ въ число монаховъ въ одинъ изъ нагорныхъ монастырей, каковыхъ весьма много при рѣкѣ Стримонѣ, на горѣ Пайкіѣ, и, проживъ тамъ довольно времени, скончался. Скажемъ же, отчего и по какой причинѣ этотъ человѣкъ дошелъ до такого состоянія. Въ прежнее время онъ былъ посланъ въ Киликію и назначенъ отъ царя полновластнымъ распорядителемъ происходившей тамъ войны. На пути туда, онъ нарочито заѣзжалъ въ Иконію къ султану, вошелъ съ нимъ въ дружбу и много разсуждалъ относительно тиранніи; потомъ, получивъ отъ него и взаимно вручивъ ему грамоты, въ которыхъ изложены были заключенныя между ними условія, отправился въ Киликію. Впослѣдствіи, возвратившись въ Византію и желая однажды украсить картинами одинъ изъ своихъ загородныхъ домовъ, онъ не представилъ на нихъ ни древнихъ греческихъ дѣяній, ни подвиговъ царя на войнѣ и охотѣ, какъ это было въ особенномъ обычаѣ у знатныхъ людей; ибо царю случалось бороться съ столькими звѣрями и нападать на такихъ изъ нихъ по природѣ, съ какими, слышали мы, не случалось встрѣчаться никому изъ жившихъ когда-либо людей. Чтобы не потерять изъ виду исторической нити, я представлю только одинъ случай. Было это уже около зимняго поворота солнца: снѣгу выпало на землю столько, что имъ покрылись почти всѣ ложбины и горныя ущелья; отъ непомѣрной стужи едва не замерзали тѣла; звѣри, не находя мѣста, гдѣ укрыться, покидали тру-

щобы и толпами бродили по снѣгу; стаи птицъ не въ состояніи были пользоваться крыльями (ибо ледъ сковывалъ ихъ будто узами, подобно тому, какъ схватываетъ ихъ липкая палочка птицеловъ), и они становились пѣшеходными, вмѣсто пернатыхъ, и дѣлались готовою добычею звѣрей и людей. Въ это время царь выѣхалъ охотиться въ одну изъ восточныхъ областей, называемую Даматрисъ. Когда онъ занимался этимъ, — вдругъ встрѣчается съ нимъ огромной величины звѣрь,— однакожъ не левъ, потому что назвать его такъ не дозволяла барсовая кожа; а назвать барсомъ не допускала величина его и сходство со львомъ. И такъ, это была какая-то двойная, свойственная тому и другому порода,— барсъ во львѣ и левъ въ барсѣ, какое-то странное смѣшеніе свойствъ— благородства съ звѣрствомъ, гнѣва съ жестокостію,— вообще все, сродное обоимъ, но взятое вмѣстѣ. Таковъ былъ этотъ звѣрь. Большая часть царской свиты, при видѣ его, разбѣжалась; потому что для многихъ невыносимо было даже смотрѣть на него; и когда звѣрь находился уже близко, не нашлось никого, кто бы сошелся съ нимъ. Но царь, тогда какъ разбѣжались всѣ, извлекши висѣвшій у него мечь, бросился поразить звѣря и, нанесши ему ударъ, разсѣкъ его съ головы до самой груди. Таковъ-то былъ царь на охотѣ. Такъ Алексѣй (возвращаюсь къ тому, отъ чего сдѣлалъ отступленіе), оставивъ эти подвиги царя—ребенокъ, — изобразилъ дѣянія султана: что слѣдовало хранить во мракѣ, то въ своихъ домахъ онъ живописно выставилъ на по-

казъ. Узнавъ о томъ, царь въ частныхъ, многократно бывавшихъ съ нимъ бесѣдахъ, уговаривалъ его оставить эти затѣи. Но онъ по прежнему упорно держался своего намѣренія, да и кромѣ того нерѣдко призывалъ къ себѣ одного Латинянина—чародѣя, весьма свѣдущаго въ демонскихъ дѣлахъ, входилъ съ нимъ въ самыя искреннія бесѣды и сообщалъ ему о тайныхъ своихъ намѣреніяхъ, напр. о томъ, какъ бы сдѣлать царя навсегда бездѣтнымъ; съ этою цѣлію бралъ онъ у того злодѣя много лекарствъ и не переставалъ, несчастный, заниматься подобными дѣлами. За это царь началъ опять порицать его и обличалъ въ сумасшествіи. Но онъ, показывая видъ, что раскаялся, продолжалъ быть тѣмъ же, чѣмъ былъ, и, спустя нѣкоторое время, снова принималъ у себя упомянутаго волшебника и открывалъ ему прежніе свои замыслы. Сошедшись однажды съ Константиномъ Дукою, который тоже былъ женатъ на племянницѣ царя, Алексѣй сказалъ ему: «Любезнѣйшій! Если тебѣ угодно будетъ придти къ одной съ нами мысли, то знай, что никто не одолѣетъ насъ». Но это было сказано имъ еще не очень открыто; другое обнаружилось гораздо яснѣе. Нѣкогда Кассіанъ замѣтилъ, что Алексѣй, воюя вмѣстѣ съ Белою въ гуннской землѣ, болѣе надлежащаго уклоняется отъ сраженія съ Гуннами, и пришедши къ нему, старался возбудить въ немъ рѣшимость сразиться. Но Алексѣй, отведши Кассіана въ сторону, сказалъ: «ты спрашиваешь, для чего я часто удерживаюсь отъ сраженій? Это потому, что мнѣ

очень жаль человѣческаго рода». Когда же Кассіанъ что-то возразилъ противъ его словъ, тотъ отвѣчалъ: «царь непредусмотрительно приказалъ мнѣ съ рѣшительностію вводить Римлянъ во всѣ, какія представятся, сраженія, — конечно для истребленія ихъ. Впрочемъ ты молчи объ этомъ,— и будешь мнѣ другомъ». Такъ говорилъ Алексѣй, а Кассіанъ передалъ его слова царю. Но это было прежде. А случившееся въ послѣднее время, состояло въ слѣдующемъ. Къ Римлянамъ пришла на помощь дружина Скиѳовъ и сначала много толковала объ условіяхъ, а потомъ согласилась помогать Римлянамъ. Но Протостраторъ, тайно поговоривъ съ Скиѳами, расположилъ ихъ приманкою денегъ притвориться, будто они возвращаются въ отечественныя жилища, а когда наступитъ полночь, напасть въ большомъ числѣ на палатку царя и приняться за дѣло. Такъ было предложено и положено. Но одинъ молодой невольникъ изъ числа служителей при царской палаткѣ, узнавъ о заговорѣ, тотчасъ пришелъ къ свиуху Ѳомѣ, который въ то время былъ самымъ преданнымъ царю человѣкомъ, и открылъ ему замыселъ; а Ѳома передалъ все это царю и представилъ ему потомъ самаго невольника. Однакожъ царь не хотѣлъ еще вѣрить доносу, пока не увидѣлъ, что Скиѳы утромъ начали удаляться безъ всякой причины. Впрочемъ онъ успѣлъ удержать ихъ обѣщаніями; что же касается до Алексѣя, то были посланы люди схватить его,—и несчастный скоро сдѣлался узникомъ. Потомъ, чрезъ нѣсколько времени, по повелѣнію царя, явились къ нему

сановники— Іоаннъ Дука и Михаилъ, бывшій тогда Логоѳетомъ; кромѣ ихъ тутъ же были—и евнухъ Ѳома, и Никифоръ—одинъ изъ судей Вилы (¹), по прозванію Каспаксъ. Эти лица представили Алексѣю три обвиненія и приказали ему, если можетъ, защищаться противъ каждаго изъ нихъ. Но Алексѣй, выслушавъ обвинителей, призналъ себя виновнымъ во всемъ и просилъ только, чтобы ему дозволено было сначала остричь волосы и пріобщиться божественныхъ Таинъ; а потомъ пусть судъ опредѣляетъ, что угодно. Тронутый этимъ, царь постригъ его въ монахи.

7. Такъ закончилась здѣсь судьба Алексѣя. Между тѣмъ царь, узнавъ о вступленіи гуннскаго войска въ Сирмію, послалъ туда силы, которыми предводительствовалъ, кромѣ другихъ римскихъ военачальниковъ, и царскій племянникъ Андроникъ, по прозванію Контостефанъ, поставленный отъ царя полновластнымъ распорядителемъ этой войны. Ему будто на картинѣ начертанъ былъ планъ, какъ построиться въ бой и гдѣ расположить свою армію. Но Андроникъ, перешедши Саву и находясь недалеко отъ гуннскаго лагеря, сдѣлалъ слѣдующее: онъ не счелъ полезнымъ посылать въ непріятельскій лагерь соглядатаевъ

(¹) Въ каталогѣ должностей константинопольскаго двора должность судьи Вилы, ὁ κριτὴς τοῦ Βήλου, значится подъ пятьдесятъ-четвертымъ номеромъ, Tom. 1 Juris Graeco-rom. p. 285. Этотъ судъ въ одно и тоже время состоялъ изъ многихъ членовъ. Nicet. in Alexio Man. F. n. 17. 18. Andron. L. 2, n. 9. in Isaacio L. 2, n. 6. in Alex. L. 1, n. 2. Въ надписи къ исторіи Никифора значится, что онъ и самъ былъ членъ этого суда.

и лазутчиковъ, какъ это обыкновенно водится, а приказалъ нѣсколькимъ Римлянамъ выдти за лагерь и постараться, схвативъ кого-нибудь изъ непріятелей, привести его живымъ. Тѣ, согласно приказанію, возвратились, имѣя въ рукахъ непріятеля,—и Андроникъ распросилъ плѣнника, съ какими силами пришли Гунны и что намѣрены они дѣлать. Плѣнникъ разсказалъ все по правдѣ: «командуютъ, говорилъ, этимъ войскомъ тридцать семь нашихъ вождей, но надъ всѣми ими ввѣрена власть Діонисію; войско же состоитъ всего изъ пятнадцати тысячь латниковъ, конниковъ, стрѣлковъ и копейщиковъ, а смѣлости у нихъ столько, что, по ихъ убѣжденію, Римляне не выдержатъ и перваго ихъ нападенія». Выслушавъ это, Андроникъ отпустилъ его и приказалъ ему объявить Діонисію, что «царь не въ состояніи болѣе сносить то, въ чемъ они провинились предъ Римлянами и что недалеко уже тотъ, кто подвергнетъ ихъ должному наказанію». Затѣмъ вооруживъ римское войско, онъ вывелъ его за лагерный ровъ и построилъ слѣдующимъ образомъ. Впереди приказалъ онъ идти Скиоамъ и большей части Персовъ вмѣстѣ съ немногими конниками, которые сражаются копьями; потомъ на обоихъ флангахъ слѣдовали фаланги Римлянъ, подъ начальствомъ Кокковасилія и Филокала, также Татикія и, какъ его зовутъ, Асніета. Въ тылу ихъ шли латники, перемѣшанные съ стрѣлками, и тяжело вооруженная персидская фаланга; за этими съ обоихъ флангов двигались Іосифъ Врієнній и Георгій Врана, также братъ послѣдняго Димитрій и Константинъ

Аспіетъ-Севастъ. Далѣе слѣдовалъ Андроникъ, бывшій тогда Хартуляріемъ царя, по прозванію Ламнарда, вмѣстѣ съ отборными Римлянами, Алеманами и Персами; а позади всѣхъ—военачальникъ Андроникъ съ многими другими знаменитыми мужами, которые, по обычаю, всегда находились подлѣ царя, когда онъ шелъ на войну, и съ наемными Италіянцами и Сербами, которые слѣдовали за нимъ, вооруженные копьями и длинными щитами. Въ такомъ порядкѣ Римляне открыли походъ. Пришедши къ тому мѣсту, гдѣ Діонисій насыпалъ могильный холмъ, они сошли съ лошадей, горячо плакали и каждый далъ другъ другу слово умереть за соотечественниковъ и родныхъ. Между тѣмъ Діонисій, узнавъ о приближеніи Римлянъ, сдѣлался чрезвычайно дерзокъ и съ колкою насмѣшкою приказалъ Гуннамъ, принявшись за чаши, пить за здоровье Римлянъ. Тѣ стали пить усердно и потомъ, взявшись за оружіе, построились обыкновеннымъ своимъ порядкомъ. У нихъ всегда въ обычаѣ составлять переднюю фалангу изъ отборнаго войска, Давно уже зная это, царь приказалъ Андронику построиться наоборотъ. Посему, когда войска находились близко одно отъ другаго, Андроникъ велѣлъ передовымъ своимъ отрядамъ осыпать Гунновъ стрѣлами и, какъ скоро они увидятъ, что тѣ несутся на нихъ, тотчасъ бѣжать, но не прямо къ римскому войску, а болѣе въ сторону, чтобы такимъ образомъ раздѣленные Гунны средину своей фаланги оставили пустою. Но тѣ, при первомъ нападеніи Гунновъ, обратились въ бѣгство и бѣжали

изо всѣхъ силъ, пока не очутились на Савѣ. Послѣ сего у Римлянъ уцѣлѣли только два отряда на лѣвомъ флангѣ, подъ предводительствомъ Кокковасилія и Татикія; прочіе были уже сдвинуты,— Димитрій Врана, когда бывшіе съ нимъ разсѣялись, и когда оставалось у него только восемьдесятъ человѣкъ, бросившись въ ряды непріятелей и геройски подвизаясь, былъ смертельно пораженъ въ лице и, взятый въ плѣнъ, отнесенъ въ лагерь Гунновъ; а братъ его Георгій, устрашившись множества непріятелей, не отважился на сраженіе. Такимъ образомъ лѣвое крыло Римлянъ склонилось къ отступленію; а правое, между тѣмъ напавъ на лѣвое гуннское, блистательно разбило его. Увидѣвъ это, Діонисій хотѣлъ было напасть на тѣхъ, которые окружали военачальника Андроника; но многіе изъ бывшихъ съ нимъ начали робѣть, и потому призывали къ себѣ конницу. Замѣтивъ это, Діонисій сталъ порицать ихъ за робость и вмѣстѣ просилъ остаться при немъ, чтобы не обнаружить своего страха предъ Римлянами. Между тѣмъ Андроникъ Лампарда, видя, что̀ дѣлается, и опасаясь, какъ бы многочисленный отрядъ Діонисія, въ случаѣ его удаленія въ другую сторону, не напалъ на военачальника Андроника, счелъ нужнымъ заранѣе вступить въ сраженіе съ Діонисіемъ. Когда они сошлись,—поднялся ужасный стукъ, повсюду раздавался трескъ, копья ломались о щиты и падали на землю. Римляне, не смотря на то, что къ нимъ подоспѣлъ отрядъ подъ начальствомъ другаго Враны, — Георгія, начинали уже уставать.

Военачальникъ Андроникъ замѣтилъ это и, опасаясь, какъ бы, въ случаѣ пораженія отряда Лампардова, вся тяжесть борьбы не пала на него, тоже устремился на непріятелей. Тутъ произошло самое упорное сраженіе, такъ что, при первой стычкѣ, Римлянъ пало восемьдесятъ человѣкъ, а варваровъ гораздо болѣе. Но Римляне выдерживали борьбу съ какою-то невыразимою стойкостію и наконецъ, благодаря своему мужеству, обратили Гунновъ въ бѣгство. Вслѣдъ за этимъ произошло такое побоище варваровъ, что тамошняя равнина почти вся была устлана ихъ трупами; потому что, когда были переломаны копья и сокрушены мечи,—несчастныхъ били по головѣ дубинами. Тогда было отбито и знамя, которое, по значительной его величинѣ, эти варвары возили на телѣжкѣ (¹): тогда со всѣмъ вооруженіемъ былъ взятъ и конь Діонисія, а самъ Діонисій,—не могу сказать, какимъ образомъ,—едва спасся отъ опасности. Да и тѣ изъ варваровъ, которые успѣли убѣжать съ поля битвы и пришли къ рѣкѣ, были здѣсь перехвачены римскимъ флотомъ. Такимъ образомъ военачальниковъ, которыхъ сами они называютъ жупанами, взято въ плѣнъ пять, а воиновъ около восьмисотъ, и въ этомъ числѣ было много лицъ благородныхъ, даже знаменитыхъ. Много тысячь и пало въ этой борьбѣ. Не было ни одного Римлянина, который не совер-

---

(¹) Это знамя, по словамъ Никиты (l. 5 p. 8), имѣло значительную величину, развѣвалось высоко и возимо было на двуколкѣ парою воловъ. Знамена у всѣхъ европейскихъ народовъ по формѣ были различны. Laurent. Pignor. in not. ad Histor. Augusti Mussati.

шилъ бы тогда собственноручно великихъ подвиговъ; но больше всѣхъ совершили ихъ Іоаннъ Контостефанъ и Андроникъ Лампарда. Исполнивъ съ успѣхомъ свое дѣло, римская армія,—такъ какъ была уже полночь,—удалилась въ лагерь и взяла съ собою плѣнныхъ, также до двухъ тысячь латъ, а шлемовъ, щитовъ и мечей никто не могъ бы и пересчитать. И такъ, ночь Римляне провели здѣсь; когда же наступилъ день, они вооружились и отправились въ лагерь Гунновъ, но людей въ немъ не нашли, и потому, разрушивъ его, возвратились назадъ. Такой былъ исходъ этой войны съ Гуннами.

8. Между тѣмъ царь обратилъ вниманіе на стѣны Константинополя, которыя во многихъ мѣстахъ отъ времени повредились, и такъ какъ этотъ городъ чувствовалъ недостатокъ въ водѣ, то старательно очищалъ водопроводы. Онъ нашелъ, что, для возобновленія весьма древнихъ трубъ, которыя проводили въ Византію воду, потребуется много труда и времени, а потому, не въ дальнемъ разстояніи отъ Византіи высмотрѣвъ одно мѣсто, называемое Петра, (¹) устроилъ тамъ подземный бассейнъ. Находясь въ углубленіи между холмами и занимая довольно большое пространство, онъ принимаетъ въ себя воду многими устьями, такъ какъ бы она вливалась въ него изъ трещинъ земли тысячью каналами, и потомъ чрезъ обыкновенныя подземныя трубы проводитъ ее въ

(¹) Объ этой цистернѣ упоминаетъ Christophorus Bondelmontius in Descript. Constantinopoleos.

городъ. Этотъ самодержецъ изгналъ изъ римскаго государства одинъ изъ нелѣпѣйшихъ обычаевъ (¹), перешедшій почти уже въ законъ. А въ чемъ онъ состоялъ,—сейчасъ скажемъ. Неотвратимая для человѣка необходимость жить внесла въ жизнь много новаго и, между прочимъ, заставляла многихъ продавать свою свободу. Вотъ однѣ лишь толпы черни кабалятъ себя людямъ высокимъ, знатнымъ и богатымъ. Какое зло—человѣческое любостяжаніе! Тѣ, которые купили рабство этихъ несчастныхъ, принимали ихъ и обращались съ ними, какъ съ купленными за деньги. Едва ли не три овола были установленною цѣною свободныхъ людей, и такимъ образомъ существовалъ постыдной торгъ. А кто, угнѣтаемый тяжестію кабалы, захотѣлъ бы освободиться отъ

(¹) Греки заняли этотъ обычай обращать въ рабство соотечественниковъ, вѣроятно, у западныхъ народовъ—особенно тамъ, гдѣ система государственнаго управленія опредѣляла достоинство личностей матеріальнымъ богатствомъ. Извѣстно, что на Западѣ всегда были рабы разнаго рода: servi alii natura, alii facto, alii emptione, alii redemptione, alii sua vel alterius datione. Leges Henrici I, regis Angliae c. 76. Киннамъ здѣсь говоритъ о послѣднемъ родѣ ихъ, то есть, о людяхъ свободныхъ, которые либо для полученія извѣстной суммы денегъ, либо для избавленія себя отъ бѣдности и нужды, добровольно отдавались въ рабство богатому человѣку. Софистическая формула такого закабаленія въ феодальной системѣ Запада была слѣдующая (Marculf. l. 2. c. 28): «хотя по римскому праву свободный человѣкъ не можетъ чрезъ простую сдѣлку закабалить себя кому-нибудь въ рабство, однакожъ можетъ по согласію утяжелить (aggravare) условіе: потому что чрезъ сдѣлку, при посредствѣ письменнаго документа, человѣкъ свободный можетъ поставить себя приписнымъ». Впрочемъ, люди свободные, какъ за извѣстную цѣну дѣлались рабами, такъ, по возвращеніи цѣны, снова пріобрѣтали свободу. Pallad. Histor. Lausiaca c. 88.

ней заработкою, того схватывали, какъ бѣглеца, и налагали наказаніе за дерзость. Тогда осуществлялась самымъ дѣломъ басня Езопа, въ которой въ пещеру къ больному льву входятъ животныя: — слѣдовъ входящихъ свободныхъ людей множество, а выходящихъ—ни одного. Такъ жестокъ былъ этотъ обычай. Желая вырвать его съ корнемъ изъ римскаго общества, царь грамотою утвердилъ свободу тѣхъ, которые признаны будутъ свободными по рожденію; ибо хотѣлъ управлять не какими-нибудь невольниками, а свободными Римлянами. Этотъ же царь въ пятнадцатый (¹) годъ своего царствованія постановилъ, чтобы никто не заводилъ тяжбы съ находящимися около Византіи святыми монастырями, относительно тѣхъ пріобрѣтеній, которыя они гдѣ-нибудь имѣли, и эту дарованную милость утвердилъ закономъ, который отъ того, что былъ скрѣпленъ золотою печатью, обыкновенно называется хрисовуломъ. Вслѣдствіе сего теперь не увидишь ни одного монаха у дверей судилища, такъ какъ не представляется повода вести съ ними тяжбу въ судѣ. Вотъ каково это постановленіе. Далѣе, — прежній законъ объявлялъ свободными большее число тѣхъ дней, въ которые или праздновались христіанами Господни таинства, или совершалась память кого-нибудь изъ великихъ святыхъ Отсюда происходило то, что судопроизводство въ государствѣ тянулось на нео-

(¹) Пятнадцатый годъ Мануилова царствованія падалъ на 6666 отъ сотворенія міра или на 1158 отъ Рождества Христова. См. Balsam. in Synodic. 7 can. 4 et 12.

предѣленное время и никогда не оканчивалось. Поэтому, я видѣлъ людей, которые состарѣлись въ тяжбахъ и даже умирали, не кончивъ ихъ. Это зло новымъ опредѣленіемъ тоже изгнано изъ римскаго государства; ибо царскій указъ (¹) предписываетъ—и не вовсе отмѣнять праздничные дни, и не допускать подобными отсрочками оттягивать судопроизводство, но считать совершенно свободными отъ судебныхъ дѣлъ только тѣ дни, въ которые Богъ являлъ людямъ какія-нибудь благодѣянія, прочіе же признавать непремѣнно судебными; а въ иные—поутру судопроизводство повелѣвалось закрывать, на все же послѣполуденное время открывать, и желающимъ позволялось входить въ мѣста судебныя. Этотъ царь съ великимъ торжествомъ перенесъ также въ Византію священный, съ давняго времени лежавшій въ Ефесѣ, камень, и присоединилъ его къ другимъ священнымъ памятникамъ города. Что это былъ за камень и откуда явился онъ на землѣ ефесской, — откроется изъ слѣдующаго разсказа. Когда уже совершено было Спасителемъ крестное таинство,—Матерь, принявъ Господа по обыкновенному порядку, положила его на томъ камнѣ и, припавъ къ нему, естественно, горько плакала. Эти слезы рыдавшей тогда Матери, упавъ на камень, и донынѣ остаются неизгладимыми,—предметъ, достойный

(¹) Этотъ указъ Мануила о праздникахъ вышелъ въ 1164 году. Его можно читать у Вальсамона (Nomocan. tit. 7), также у Бенефидія Леунклавія и Баронія; а новый переводъ съ рукописи сдѣланъ Ляббеемъ. Observat. ad Synopsin Basilic.

благоговѣйнаго удивленія. Взявъ этотъ камень, сказываютъ, Марія Магдалина, плыла на немъ прямо въ Римъ, чтобы, явившись предъ лице Кесаря Тиверія, обвинить Пилата и Іудеевъ — нечестивыхъ убійцъ Іисуса. Но какимъ-то образомъ занесенная въ ефесскую гавань, она оставила его здѣсь и, отсюда уже отправившись, прибыла въ Римъ. Съ того времени до настоящаго камень оставался въ Ефесѣ. Перенесенный сперва на берегъ дамалейскій, онъ былъ встрѣченъ потомъ въ Византіи съ свѣтлымъ торжествомъ. Это торжество выполнили—весь римскій сенатъ и весь священническій и монашескій чинъ; предшествовали же по обѣимъ сторонамъ управлявшій тогда Церковью Лука и царь. Царь даже поддерживалъ камень своимъ плечомъ, ибо въ подобныхъ случаяхъ смирялся болѣе, чѣмъ сколько было нужно, и къ такимъ предметамъ обыкновенно приступалъ съ уничиженіемъ.

9. Около этого времени Египетъ, только что подпавшій подъ власть Римлянъ, отторгнутъ былъ отъ ней слѣдующимъ образомъ. Еще не очень давно сталъ онъ признавать надъ собою римское владычество и ежегодно доставлялъ въ Византію большое количество дани. Когда же Азія подверглась жестокимъ бѣдствіямъ и измаилитское племя съ каждымъ днемъ усиливалось,—онъ былъ занятъ и покорился Персамъ. Но царь Мануилъ, уже возвратившій Римлянамъ многія восточныя области, сильно желалъ возвратить и Египетъ. Посему онъ отправилъ туда пословъ и приказалъ имъ напомнить странѣ о прежнемъ обычаѣ и о достав-

лявшейся намъ дани, которая стоила много талантовъ, въ случаѣ же отказа—объявить, что въ непродолжительномъ времени будетъ внесена въ нее война. Такова была цѣль посольства. Когда Египтяне стали упорно отказываться отъ этого, царь снарядилъ флотъ изъ большаго числа конно-перевозныхъ и военныхъ кораблей и, посадивъ на нихъ войско, послалъ (1) его въ Египетъ. Командовалъ имъ Андроникъ Контостефанъ, о которомъ я часто упоминалъ и который, какъ сказано, давно уже носилъ званіе великаго Дукса. Послѣ скораго плаванія прибывъ въ Египетъ, Андроникъ послалъ въ Палестину просить тамошняго короля, чтобы, въ силу заключенныхъ условій, онъ помогъ Римлянамъ въ ихъ предпріятіи. Между тѣмъ какъ король медлилъ, Андроникъ, чтобы не терять напрасно времени, счелъ нужнымъ ввести войско въ страну и затѣмъ, при первомъ нападеніи, овладѣлъ городомъ Тенесіемъ и частыми набѣгами опустошалъ страну. Получивъ же извѣстіе о приближеніи короля, онъ перенесъ войну къ Таміаѳу (2), городу многолюдному и весьма богатому. Здѣсь происходили многія и страшныя для Римлянъ сраженія, а успѣха все-таки не было, и вотъ по

---

(1) Морской походъ Мануилова войска въ Египетъ вмѣстѣ съ іерусалимскимъ королемъ Амальрикомъ, по показанію Вильг. Тирскаго относится къ 1169 году (W. Tyr. l. 20 c. 4. 14. 17). Тоже и у Никиты (l. 5 n. 4—7).

(2) Таміаѳъ обыкновенно называется Даміетою; подробное описаніе этого египетскаго города можно читать у Вильг. Тирскаго (l. 20 c. 16). Въ актахъ ефесскаго Собора (part. 2 sect. 1) упоминается о таміаѳскомъ епископѣ.

какой причинѣ. Между царемъ и воевавшими съ Египтомъ Палестинянами былъ заключенъ договоръ, по которому одну половину завоеванной страны должны были получить Римляне, а другую удержать они. Но такъ какъ Римляне пришли въ Египетъ первые, то король намѣренно рѣшился медлить отбытіемъ на войну, чтобы, то есть, по ослабленіи Римлянъ, самому безъ труда овладѣть страною. Наконецъ довольно поздо прибылъ и онъ, но и тутъ еще продолжалъ откладывать сраженіе, и тоже совѣтовалъ Римлянамъ, хотя послѣдніе обращали мало вниманія на его слова и ежедневно подвизались. Упомянутыя мною дѣйствія Палестинянъ происходили ли изъ желанія подвергнуть Римлянъ опасности, чтобы послѣ безъ труда воспользоваться побѣдою, или изъ зависти къ господству царя надъ Египтомъ,—рѣшительно сказать не могу. Говорили впрочемъ, что осажденные склонили къ этому короля, подкупивъ (¹) его деньгами. Итакъ, Римляне, увѣрившись, что эта война имъ не по силамъ, поворотили кормы и возвратились въ Византію; а когда поднялась буря, потеряли весьма много кораблей. Такой былъ конецъ экспедиціи Римлянъ въ Египетъ. Египтяне же, чтобы предотвратить вторичное нашествіе на нихъ римскаго войска, соглашались чрезъ отправленныхъ къ

(¹) Съ этимъ почти соглашается и Вильг: Тирскій. Онъ говоритъ: Ibi profecto patuit nostros aut minus experientiae habuisse, aut a solita defecisse prudentia, aut exercitus moderatores malitiose versatos.

царю пословъ ежегодно доставлять Римлянамъ условленное количество золота: но царь отвергъ посольство и отослалъ его ни съ чѣмъ, имѣя въ мысли снова сдѣлать нападеніе на всю страну.

10. Въ тоже время прибылъ въ Византію и король палестинскій съ просьбою къ царю о своихъ дѣлахъ. Получивъ желаемое, онъ согласился и на многое другое, и на службу царю. Около того же времени царь заключилъ въ государственныя темницы Венетовъ (¹), жившихъ какъ въ Византіи, такъ и въ другихъ римскихъ областяхъ, и описалъ въ казну ихъ имущество. О причинѣ этого я сейчасъ скажу. Страна Венетовъ лежитъ у крайнихъ предѣловъ іонійскаго залива и вокругъ омывается моремъ, мелководье котораго тянется на далекое пространство отъ берега. Посему, во время суточнаго прилива, море на томъ пространствѣ бываетъ судоходнымъ; а при отливѣ опять дѣлается недоступнымъ ни для людей, ни для судовъ. Это-народъ безнравственный, хищный больше, чѣмъ всякій другой, низкій и нисколько не имѣющій понятія о флотской честности. Нѣкогда царю Алексѣю прислали они вспомогательное войско, когда тотъ Робертъ, изъ Италіи переѣхавъ въ Диррахій, напалъ на эту страну, и за

(¹) Объ этомъ событіи говорятъ Никита (l. 5 n. 9) и Сабелликъ (decad. K. 1. 7). Почти также поступилъ Мануилъ и съ Пизанцами, жившими въ Константинополѣ по торговымъ своимъ дѣламъ. Но изгнавъ ихъ изъ своей столицы и имперіи, онъ потомъ въ 1172 г. снова позволилъ имъ возвратиться. Annalia rerum Pisan. Ughelliana.

то, кромѣ другаго вознагражденія (1), получили въ Византіи особо для нихъ назначенный переулокъ, который въ народѣ назывался Эмволонъ. Живя здѣсь съ того времени, они одни изъ всѣхъ не платили никому изъ Римлянъ десятины (2) за свою торговлю и, чрезъ это скоро безъ мѣры разбогатѣвъ, сдѣлались заносчивыми, — стали обращаться съ гражданами, будто съ рабами, и обращались такъ не только съ людьми изъ низшаго сословія, но и съ тѣми, которые отличены были званіемъ Севаста, или даже пользовались у Римлянъ еще большими почестями. Приведенный этимъ въ негодованіе, царь Іоаннъ изгналъ ихъ изъ римскаго государства, — и съ того времени старались они мстить Римлянамъ: снарядивъ флотъ, вторгались въ ихъ землю, взяли Хіосъ и опустошили знаменитѣйшіе острова Родосъ и Лесбосъ; потомъ, отправившись къ Палестинянамъ, вмѣстѣ съ ними осадили и взяли Тиръ и, производя разбои на морѣ, злодѣи, никому изъ людей

---

(1) По словамъ Анны Комниной (l. 6 p. 161. 162), Венеты получили отъ царя Алексѣя разныя привиллегіи, преимущества и дары за присланную ими помощь противъ Вискарда.

(2) Подъ десятиною разумѣются здѣсь, безъ сомнѣнія, пошлины, или сборъ десятичныхъ процентовъ съ тѣхъ иностранныхъ товаровъ, которые ввозимы были Венеціянцами въ предѣлы римской имперіи. Слова Киннама, по-видимому, указываютъ и на то, что этими десятинами пользовались туземные производители тѣхъ же самыхъ товаровъ. О такомъ именно значеніи десятинъ въ торговлѣ можно заключать изъ хартіи сицилійскаго короля Рожера отъ 1137 года. Въ ней говорится такъ: praeterea decatias et alia jura mercatorum, quae Salernitani in Alexandria prius persolvere soliti erant, ad morem et modum Siciliae negotiatorum, reduci faciemus. Carol. du Fresne ad h. l.

не давали пощады. Побуждаемый этимъ, царь принялъ ихъ въ имперію на прежнихъ условіяхъ и чрезъ то расположилъ еще къ большей надменности и гордости; потому что высокомѣріе, видя свои успѣхи, обыкновенно доходитъ до безумія. И дѣйствительно, Венеты многимъ знатнымъ и по родству близкимъ къ царю лицамъ даже наносили удары и жестоко оскорбляли ихъ иными способами. Такъ продолжали они поступать въ этомъ отношеніи и во времена царя Мануила, когда женаты были уже на Римлянкахъ и жили въ домахъ своихъ женъ, подобно другимъ Римлянамъ,—слѣдовательно внѣ назначеннаго имъ отъ царя мѣстопребыванія. Не въ состояніи будучи сносить это, царь рѣшился за такія преступленія подвергнуть ихъ наказанію. Онъ отдѣлилъ Венетовъ, жившихъ въ Византіи, отъ тѣхъ, которые приходили въ римскую имперію для торговли, и назвалъ ихъ латинскимъ словомъ Бургезіями (¹) (Burgenses) — съ тѣмъ, чтобы они искренно дали ему клятву оставаться въ римскомъ подданствѣ на всю жизнь; ибо такое значеніе имѣетъ у нихъ это имя. Почти въ тоже самое время Венеты вздумали мстить Ломбардамъ за то, что послѣдніе отдѣлились отъ союза съ ними: они

(¹) Латинское слово Burgensis прилагалось къ тѣмъ городскимъ жителямъ, которымъ давалось право гражданства. Слѣдовательно, Венеты въ Византіи чрезъ это наименованіе вводимы были во всѣ права византійскихъ гражданъ, и въ такомъ случаѣ становились подданными римскаго царя. Этотъ именно смыслъ слова подтверждается грековарварскимъ дипломомъ сицилійскаго короля Рожера (Italia Sacra T. 1): ἡμέτεροι ὑπήκοοι τοῦ ἡμετέρου κράτους βαρούνιοι, βουργέσιοι καὶ στρατιῶται,

возстали на нихъ, разрушили до основанія ихъ жилища и причинили имъ величайшій вредъ. Посему царь призвалъ ихъ на судъ и приказалъ имъ снова построить Ломбардамъ домы, а все отнятое у нихъ тотчасъ возвратить. Но Венеты не хотѣли исполнить ничего этого, а напротивъ еще грозили нанести Римлянамъ жесточайшій ударъ, напоминая о томъ, что сдѣлали они при жизни царя Іоанна. Узнавъ о томъ, царь не хотѣлъ долѣе медлить и, задумавъ захватить ихъ какъ бы сѣтію, въ одинъ и тотъ же день, разослалъ по всей римской землѣ грамоты, которыми начальникамъ областей назначалось время для задержанія Венетовъ. Вслѣдствіе сего Венеты и въ Византіи, и въ крайнихъ предѣлахъ римской земли были схвачены и заключены въ темницы и монастыри въ одинъ и тотъ же день. Но по прошествіи нѣкотораго времени, такъ какъ для столь великаго множества арестантовъ темницы оказались тѣсными, Венеты (поколику никто не бываетъ отважнѣе людей, доведенныхъ до отчаянія) отважились на слѣдующее. Каждый изъ нихъ представилъ за себя царю поруку, и такимъ образомъ успѣлъ выдти изъ темницы. Между ними былъ одинъ, отличавшійся знатностію рода и богатствомъ и продавшій государству за большія деньги огромной величины корабль, какого Византія еще не видывала. Такъ какъ надзоръ за этимъ кораблемъ царь ввѣрилъ ему же, то онъ посовѣтовалъ теперь Венетамъ взойти на его корабль ночью и плыть на немъ въ отечество. Тѣ ухватились за такое предложеніе и, при наступленіи

попутнаго вѣтра, бросившись на корабль, начали поспѣшно уходить. Замѣтивъ это, Римляне пустились преслѣдовать ихъ и, настигши у авидосскаго пролива, думали сжечь корабль мидійскимъ (1) огнемъ; но тѣ, будучи знакомы съ обыкновенными римскими средствами, намочили уксусомъ полости (2) и, обтянувъ ими корабль, смѣло продолжали свой путь. Итакъ, Римляне, не видя успѣха (потому что огонь, бросаемый въ это огромное зданіе, или не достигалъ его, или, ложась на полости, былъ сбрасываемъ назадъ и, падая въ воду, погасалъ), возвратились ни съ чѣмъ. Достигнувъ скоро своей земли, Венеты построили флотъ и, предпринявъ походъ противъ Римлянъ, прежде всего пристали къ Еврипу, но отсюда были отражены,—потому что царь здѣшніе города снабдилъ достаточными гарнизонами, — и, переплывъ къ острову Хіосу, вытащили здѣсь на берегъ корабли и пошли опустошать страну. Однакожъ и здѣсь встрѣтились они съ войскомъ, которое, по предусмотрительности царя, переправлено было на островъ, и, въ произшедшемъ сраженіи потерявъ много своихъ, поспѣшно отступили къ кораблямъ. Между тѣмъ царь, чтобы захватить ихъ всѣхъ, думалъ послать противъ нихъ сухопутную и мор-

---

(1) О мидійскомъ огнѣ см. Lambecium in Codini excerptis n. 12. et Willhard. n. 113, Jonvill. p. 71.

(2) Древніе строители военныхъ кораблей, для сохраненія ихъ отъ огня, обтягивали ихъ сухими воловьими кожами. Pachymer. l. 5 c. 30: ἀλλὰ καὶ τὰ πλευρὰ τῆς νηὸς βοείαις οὔαις ἐξήρτυον καὶ ὅπλοις κατεκοσμοῦντο, ὡς ἀποχρώντως ἀντεξούσης μὲν πρὸς πῦρ καὶ πᾶν τὸ βαλλόμενον τῆς νεώς.

скую армію. Но въ это время жилъ нѣкто, исправлявшій должность Аколуоа, по имени Ааронъ, человѣкъ чрезвычайно надмевавшійся своимъ умомъ. Онъ всегда противился дѣйствіямъ царя, не разъ замѣченъ былъ въ злоупотребленіи посольствами и сверхъ того обличенъ въ демонскихъ дѣлахъ. Но это случилось послѣ, когда и благодѣтельное правосудіе не минуло бездѣльника. Теперь же онъ открылъ Венетамъ намѣреніе царя и помѣшалъ его предпріятію. Теперь римскій флотъ плылъ по направленію къ Малеѣ, (а этотъ мысъ отстоитъ отъ острова Хіоса на нѣсколько дней пути), чтобы тамъ подстеречь Венетовъ, ибо предполагалось за вѣрное, что они будутъ вытѣснены съ Хіоса тамошнимъ пѣхотнымъ войскомъ Римлянъ, которое, какъ сказано, засѣвъ на островѣ, счастливо схватывалось съ ними. Но поражаемые находившимися на островѣ Римлянами и потерявъ при этомъ большую часть своего войска, Венеты съ другой стороны услышали о приближеніи римскаго флота, и потому отчаливши, въ позднюю пору дня оставили островъ. На слѣдующее утро римскій флотъ пришелъ къ Лесбосу и, узнавъ о случившемся, пустился преслѣдовать бѣгущихъ, но не могъ рѣшить дѣло открытою битвою, потому что непріятели не переставали бѣжать безъ оглядки. Со многими ихъ триремами Римляне схватывались и, взявъ ихъ вмѣстѣ съ людьми, потопили; но остальныя ушли во-свояси. Избѣжавшіе впрочемъ опасности были столь малолюдны, что не могли взять въ плѣнъ ни одного корабля, шедшаго имъ прямо въ руки изъ Епидам-

на. Вотъ какую пользу принесла Венетамъ ихъ надменность. Желая посрамить ихъ дерзость, царь написалъ имъ слѣдующее: «Вашъ народъ еще прежде показалъ великое невѣжество въ житейскихъ дѣлахъ; потому что, издавна бывъ скитальцами и нищенствующими и пробравшись въ римское общество, вы вздумали относиться къ Римлянамъ съ великимъ презрѣніемъ и вмѣняли себѣ въ особенную честь предавать ихъ сильнѣйшимъ врагамъ. Но перечислять все это знающимъ—теперь дѣло лишнее. Когда же васъ обличили и законно изгнали изъ римской земли, вы по той же надменности рѣшились вступить съ Римлянами въ борьбу,—вы, народъ нѣкогда безъ имени, и теперь лишь сдѣлавшійся извѣстнымъ чрезъ Римлянъ, но никакъ не могущій равняться съ ними силою! Сами вы знаете, что этимъ можно только вездѣ возбудить громкій смѣхъ. Какъ? Да противъ Римлянъ не могутъ безнаказанно воевать и славнѣйшіе въ свѣтѣ народы». Такъ писалъ царь. Венеты же, не имѣя возможности противупоставить Римлянамъ большой флотъ, начали съ того времени заниматься морскими разбоями, пока не потерпѣли вторичнаго пораженія.

11. Такъ это происходило. Между тѣмъ начали приходить въ разстройство дѣла Киликіи; ибо по смерти Тероза, получившій власть надъ страною братъ его Мелія (¹) ничѣмъ не менѣе сталъ вредить Римлянамъ, какъ и Тероз. Вое-

---

(¹) Греческое Μέλιας Армяне произносятъ Мелихъ и Меліеръ, а Римляне Milo. См. W. Туг. I. 20 с. 27. 28.

начальникомъ въ Киликіи былъ избранъ сперва Михаилъ Врана, а потомъ Андроникъ, по прозванію Фервинъ, который, какъ уже сказано, былъ племянникъ царя. Но когда и послѣдній не сдѣлалъ тамъ ничего замѣчательнаго,—дѣла Исавровъ стали клониться къ упадку. Правда, въ Киликіи смѣнилось много военачальниковъ и послѣ Андроника, и въ числѣ ихъ былъ также Константинъ, котораго звали Каломаномъ; но успѣха не было никакого. Каломанъ и Арменіи причинилъ много вреда, а самъ потерпѣлъ еще болѣе. Около того времени приходилъ въ Византію съ большою свитою правитель Саксонцевъ (¹) — народа весьма многочисленнаго и богатаго, съ цѣлію примирить съ царемъ алеманскаго короля (такъ какъ они сильно подозрѣвали другъ друга), и, исполнивъ то, для чего приходилъ, возвратился во-свояси. Въ это время, подчиняясь вліянію Венетовъ, задумали отложиться и Сербы; а въ землѣ Гунновъ, по смерти правившаго ею Стефана, произошло большое волненіе. Побуждаемый этими обстоятельствами, царь ѣдетъ въ Сардику. Въ бытность его тамъ, Гунны отправляютъ къ нему пословъ и просятъ его прислать къ нимъ въ короли Белу, такъ какъ, по смерти Стефана, право на престолъ принадлежитъ ему. Бела сперва назначаемъ былъ въ зятья царю, какъ я уже и прежде сказалъ, но

(¹) Здѣсь разумѣется саксонскій герцогъ Генрихъ Левъ. Но онъ приходилъ въ Византію собственно не какъ посолъ, а какъ путешественникъ, отправлявшійся въ Палестину чрезъ Ѳракію. Дѣло же посольства при его лицѣ возложено было главнымъ образомъ на епископа вормацієнскаго. Arnold. Lubec. 2. c. 3

когда законъ родства возбранилъ это, онъ женился на сестрѣ Августы(¹), и потому, нареченный Кесаремъ, чрезъ таковой титулъ возвысился надъ прочими византійскими вельможами. Провозгласивъ его наконецъ гуннскимъ королемъ, царь отпустилъ его вмѣстѣ съ женою въ землю Гунновъ и взялъ съ него клятву, что онъ будетъ до конца жизни соблюдать выгоды царя и Римлянъ. Со стороны царя сопровождали его особы, долженствовавшіе возвесть его на престолъ,—именно Іоаннъ Протосевастъ и другія знаменитыя лица. Утвердивъ Белу на престолѣ, царь направилъ путь къ Сербамъ, чтобы отплатить имъ за дерзость. И вотъ чему я всегда удивляюсь: прежде чѣмъ собралось все войско, онъ, съ немногими тысячами вступивъ въ страну чрезъ крутыя и утесистыя мѣста, поспѣшилъ сразиться съ архижупаномъ (²). Этотъ, не смотря на

(¹) То есть Андроникъ женился на Агнесѣ, которая была дочь антіохійскаго правителя Репальда и Констанціи. Но Репальдъ и Констанція были также родители Августы, называвшейся Маріею или Ксеніею. Carol du Fresne ad h. l.

(²) По словамъ Никиты (l. 5 n. 4), эту войну Мануилъ велъ противъ сербскаго архижупана Стефана Неманя, котораго, какъ говоритъ Шафарикъ (т. II кн. 1. стр. 418) самъ онъ въ 1165 году изъ расскихъ жупановъ сдѣлалъ архижупаномъ Сербіи. Можно съ вѣроятностію полагать, что Стефанъ, не довольствуясь тогдашними предѣлами своей страны, хотѣлъ покорить себѣ поморскую область Кроаціи, за которую царь считалъ нужнымъ вступиться, какъ за наслѣдіе своего родственника Белы, и потому обуздалъ властолюбіе обязаннаго себѣ Стефана. Подтвержденіе этой догадки можно находить въ словахъ Вильг. Тирскаго (l. 20 c. 4 подъ 1167 г.): detinebatur porro eo temporis articulo imperator in Servia, quae regio montosa et nemoribus obsita, difficiles habens aditus, inter Dalmatiam et Hungariam et Illyricum media jacet, rebellantibus Serviis et confidentibus de inroituum ad se angustiis

то, что подъ его управленіемъ было безчисленное союзное войско, убѣжалъ въ самомъ началѣ сраженія и, когда страхъ овладѣлъ его душою, отправилъ къ царю пословъ — просить прощенія въ своихъ проступкахъ; не могши же получить его, просилъ по крайней мѣрѣ безопаснаго къ нему доступа. Когда царь согласился на это, онъ подошелъ къ престолу съ непокрытою головою, съ руками обнаженными по-локоть, босыми ногами, съ веревкою на шеѣ, съ мечемъ въ рукѣ,—и предавалъ себя въ полное распоряженіе царя. Тронутый этимъ, царь отпустилъ ему вину и, окончивъ съ успѣхомъ это дѣло, вышелъ изъ Сербіи, въ сопровожденіи архижупана. Въ это же время и Ааронъ, о которомъ я недавно упомянулъ, бывъ пойманъ въ томъ, о чемъ сказано, лишенъ зрѣнія.

12. Такъ шли дѣла на Западѣ; но Азія опять страдала. Нураддинъ, сатрапъ Верреи, султанъ, управляющій Ликаоніею, Мелія владѣтель Арменіи, также правитель Анкиры и прочей Галатіи,—согласились между собою вступить въ войну съ Римлянами. Посему-то царь столь поспѣшно и возвратился съ Запада. Но между тѣмъ какъ онъ, расположившись лагеремъ близъ Филадельфіи, имѣлъ въ виду это, Алеманы и Венеты шли осаждать Анкону—одни съ моря, другіе съ суши. Алеманами командовалъ нѣкто изъ мужей,

---

et de impervia eorum regione... Ob haec ergo intolerabilia vicinis eorum maleficia ingressus erat ad eos in virtute multa et innumera dominus imperator, quibus subactis et praecipuo eorum principe mancipato, redeunti domino imperatori occurrimus.

занимавшій у нихъ святительскій (¹) престолъ. Такъ какъ осада продолжалась уже много времени и у Анконянъ наконецъ недоставало необходимаго продовольствія; то городъ почти готовъ былъ сдаться. Но была одна женщина (²), родомъ хотя италіянка, однако съ душею высокою, какой не найдешь и у иного мужчины. Давно уже лишившись мужа, она съ того времени проводила жизнь цѣломудренную. Эта-то женщина, узнавъ, что Анкона находится въ послѣдней крайности, воспламенилась ревностію (ибо хранила дружбу къ Римлянамъ) и рѣшилась домашними издержками удовлетворять нуждамъ города; когда же увидѣла, что для потребностей войны этого далеко недостаточно, стала занимать у дѣтей и, собравъ такимъ образомъ много золота, послала его въ городъ и просила жителей не робѣть и врагамъ не сдаваться. Услышавъ объ этомъ, Анконяне дѣйствительно ободрились и стали думать о вылазкѣ на непріятеля. А непріятели, какъ скоро узнали о томъ, тотчасъ перенесли свой

(¹) Писатель пизанской хроники Готфридъ подтверждаетъ слова Киннама, что войскомъ алеманскимъ командовалъ епископъ Могунціи, Христіанъ, Канцеллярій Фридерика: imperator Christianum Moguntinum Archiepiscopum in Italiam misit, qui per quinque fere ibi degens annos multa strenue operatus est. Эту осаду онъ относитъ къ 1174 г. и, кажется, согласно съ хронологіею Киннама; но невѣрно то, что Христіанъ отнялъ тогда Анкону у Грековъ.

(²) Не была ли это графиня, упоминаемая въ цеккамской хроникѣ подъ 1162 годомъ и восвавшая тогда съ Вильгельмомъ? По ненависти къ Вильгельму, она, вѣроятно, и позднѣе старалась вредить сицилійскому тиранну, только въ пользу не Фридерика, а Мануила. По крайней мѣрѣ, по цеккамской хроникѣ, архіепископъ Христіанъ пріѣхалъ въ Италію уже въ 1165 году и командовалъ алеманскими войсками до 1183 года.

лагерь далѣе отъ города. Въ это время и та, покровительствующая городу, военачальница присоединилась къ Анконянамъ съ своимъ войскомъ, и, когда произошло сраженіе, Алеманы, не выдержавъ натиска, побѣжали отъ женской арміи и потеряли много своихъ. Тогда едва не взятъ былъ въ плѣнъ и полководецъ—іерей; только одно бѣгство послужило ему къ спасенію. Потомъ она устремилась на Венетовъ, которые, какъ сказано, осаждали городъ съ моря, и, одолѣвъ ихъ въ сраженіи, возвратилась въ городъ съ торжественными восклицаніями въ честь великаго царя. Между тѣмъ царь, стоя лагеремъ, какъ сказано, близъ Филадельфіи, думалъ о томъ, какимъ бы образомъ искуснѣе отдѣлить другъ отъ друга упомянутыхъ варваровъ. И вотъ отправилъ онъ пословъ къ султану Ликаоніи, чрезъ которыхъ укорялъ его за вѣроломство и спрашивалъ о причинѣ столь нечаянно воздвигаемой на Римлянъ войны. Султанъ, въ оправданіе, кромѣ многаго другаго, приводилъ гнѣвъ ихъ Калифа (¹) и верховнаго у нихъ жреца, что-де я столько уже времени нахожусь въ дружбѣ съ Римлянами. Послѣ такихъ словъ онъ отпустилъ пословъ ни съ чѣмъ. Выслушавъ то, царь отправилъ къ нему вторичное посольство съ слѣдующимъ

(¹) Имя Калифа, верховнаго правителя Сарациновъ, по Вильг. Тирскому (L. 19. c. 19) и Іакову Витріакскому (l. 1. c. 7) означаетъ наслѣдника или преемника. Первый, назвавшій себя калифомъ, былъ преемникъ Магомета Абубекеръ. Впослѣдствіи военная и гражданская власть султановъ въ Персіи такъ усилились, что слово «калифъ» оставалось почти пустымъ титуломъ—однимъ призракомъ суевѣрнаго благоговѣнія предъ намѣстникомъ пророка. Carol. du Fresne ad h. l.

письмомъ. «Хотя тебѣ и понравилось, въ союзѣ съ другими твоими единоплеменниками, дѣлать набѣгъ на дальніе предѣлы римской имперіи; однакожъ смѣло ступай назадъ. Въ римскомъ войскѣ ты узнаешь судейскаго стража, который придетъ взять тебя не больше, какъ чрезъ пятнадцать дней». Получивъ это письмо, султанъ содрогнулся въ своей душѣ и, отказавшись отъ своихъ затѣй, заговорилъ о мирѣ. Такимъ образомъ замыслъ, еще не осуществившись самымъ дѣломъ, уже разрушился; потому что съ переходомъ султана на сторону царя, непріятели теряли большую часть своей силы. Украсившись этимъ безкровнымъ трофеемъ, царь возвратился въ Константинополь; а король палестинскій и князь антіохійскій, получивъ о томъ извѣстіе, сдѣлались смѣлѣе и, двинувшись на верейскихъ варваровъ, нанесли имъ много вреда.

13. Въ это время также царь написалъ и «молчаливое слово» (1) (τὸν σιλέντιον λόγον),—написалъ не въ той формѣ, какъ обыкновенно пишутся сочиненія,

---

(1) Никита слово—σιλέντιος λόγος объясняетъ выраженіемъ κατηχητήριος λόγος. Такое же понятіе соединяютъ съ нимъ Θеофанъ p. 342. 358, Левъ Грамматикъ p. 448, Скилица p. 399, Зонара p. 146 и проч. Въ папской церкви силенціями назывались также секретаріаты, или такія отдѣленія во дворцѣ папы, въ которыхъ составлялись собранія кардиналовъ для разсужденія о дѣлахъ Церкви. Carol. du Fresn. ad h. l. Явно, что въ этомъ смыслѣ оно противуполагалось тѣмъ разсужденіямъ, которыя имѣли форму общаго собесѣдованія. Такъ объясняетъ это Iulianus Antecessor const. 56 § 199: hace constitutio jubet provocationes in consultationibus non tantum in amplissimis magistratibus, sed etiam omnibus senatoribus indici, ut totus senatus causas appellationum audiat: quamvis silentium tantum sine conventu senatoribus denuntiatum fuerit: silentio enim conventum esse videri.

но говоритъ въ немъ Асикритъ (¹) (секретарь) отъ имени царя. Въ этомъ словѣ заключена мысль глубокая, льющаяся изъ души весьма благородной. Оно содержитъ въ себѣ много назидательныхъ положеній и доказательствъ; вообще говоря, оно не имѣетъ искусственныхъ красотъ, однакожъ оригинально и живо выражаетъ своего писателя. Я уже много разъ говорилъ, что, по природнымъ способностямъ, Мануила нельзя равнять ни съ кѣмъ. Въ разговорахъ съ нимъ я часто предлагалъ ему много труднѣйшихъ аристотелевскихъ вопросовъ, и видѣлъ, что онъ рѣшалъ ихъ легко и естественно:—дѣло, никому отъ вѣка не удававшееся. Равнымъ образомъ многое, что въ сочиненіяхъ оставалось не раскрытымъ или не совсѣмъ точно объясненнымъ, онъ объяснялъ съ удивительною простотою. Но описывать здѣсь все это мнѣ кажется дѣломъ, несовмѣстнымъ съ исторіею.

(¹) Асикритъ—a secretis или secretarius. Такъ въ актахъ Собора (2. 4 и 12): Παῦλος ὁ μεγαλοπρεπέστατος ἀσηκρήτος σεκρετάριος βασιλικός. Латинскіе писатели иногда вмѣсто à secretis говорили просто asecreta. Carolus Magn. l. 4. de cultu imag. c. 9: mox ut Leontius Asecreta conspexit etc. Первый изъ придворныхъ секретарей назывался πρωτασηκρήτις. Nicet. Paphlagon. in vita S. Ignatii patriarchae. Ср. также πρώτιστος τῶν βασιλικῶν γραμματέων. Nicephor. Breviar. p. 172; πρῶτος τῶν βασιλικῶν ὑπογραφέων Ignat. Diacon. in vita S. Nicepcori patriarchae Cp. n. 59.

КНИГА 7.

1. Таковы были до настоящаго времени подвиги царя Мануила на томъ и другомъ материкѣ. Теперь мнѣ слѣдуетъ описать, что случилось съ нимъ во время войны его въ Азіи (¹). Кличестланъ, о которомъ много говорили мы прежде, получивъ отъ царя, какъ я сказалъ, большія деньги, пріобрѣлъ весьма большую силу и, лишивъ власти нѣкоторыхъ правителей, сталъ самъ властвовать, даже изгналъ Саписана, который былъ родной его братъ и управлялъ двумя галатійскими городами—Гангрою и Анкирою, и вмѣсто его самъ сдѣлался правителемъ ихъ. Не имѣя возможности умертвить брата, онъ заставилъ его скитаться и странствовать по всѣмъ человѣческимъ обществамъ. Такимъ образомъ Кличестланъ и не возвращалъ царю ни одного изъ тѣхъ городовъ, которыми овладѣвалъ, и не хотѣлъ исполнить ничего другаго, что обѣщалъ прежде, но питалъ презрѣніе ко всѣмъ и никогда не обуздывалъ своихъ страстей. Узнавъ объ этомъ, царь негодовалъ на него за прежніе поступки и дѣло съ нимъ счи-

---

(¹) Киннамъ приступаетъ къ описанію иконійской войны Мануила, въ которой онъ потерпѣлъ столь сильное пораженіе, что съ тѣхъ поръ навсегда потерялъ обычную веселость духа и не имѣлъ болѣе прежней живости въ тѣлѣ. Объ этой войнѣ много говоритъ Никита 26, п. 1. W. Tyr. подъ 1174 годомъ.

талъ весьма важнымъ, но, отвлекаемый событіями Запада, не хотѣлъ присоединять къ нимъ и дѣлъ азійскихъ. Такъ какъ съ Запада теперь не угрожала ему никакая война, потому что все окончательно было приведено въ порядокъ; то онъ, собравъ достаточное войско, рѣшился переправиться въ Азію. Услышавъ объ этомъ, Кличестланъ отправилъ къ царю пословъ съ обѣщаніемъ сдѣлать все по его желанію, и просилъ немедленно прислать въ Азію римскія войска для занятія городовъ, которые царю угодно будетъ избрать, да и самъ вызывался приложить стараніе къ сему дѣлу. Принявъ это предложеніе, царь послалъ Алексѣя Петралифу съ шеститысячнымъ войскомъ и снабдилъ его такою суммою денегъ, какую считалъ необходимою для веденія войны. Съ этимъ Алексѣй и отправился въ Азію. Услышавъ о приближеніи римской арміи, Кличестланъ далъ знать тѣмъ городамъ, которые еще не были подвластны ему, съ цѣлію возбудить въ нихъ страхъ къ царскимъ войскамъ. Чувствуя себя не въ силахъ противостоять той и другой силѣ, они поневолѣ покорились ему. Но сдѣлавшись ихъ обладателемъ, Кличестланъ не хотѣлъ уступить Римлянамъ ни одного города. Царь вознегодовалъ на это и немедленно хотѣлъ вступить въ сраженіе; но такъ какъ обстоятельства не благопріятствовали ему (ибо прошло уже самое удобное для воинскихъ предпріятій весеннее время; притомъ теперь онъ могъ заняться другими полезными для Римлянъ дѣлами, особенно-обновлять города; кромѣ того, къ нему присоединялся восточный городъ

Амасія и, до открытія войны, по-видимому, очень готовъ былъ предаться Римлянамъ); то онъ предпринимаетъ слѣдующее: Михаила, по прозванію Гавру, человѣка, какъ я часто говорилъ, достигшаго до званія Севаста и достаточно опытнаго въ воинскихъ дѣлахъ, посылаетъ въ Пафлагонію,—частію для приведенія туда готоваго уже войска, частію для собранія его въ тѣхъ мѣстахъ и для присоединенія къ себѣ отрядовъ, стоящихъ около Трапезунта и Инея, городовъ понтійскихъ, и съ этими войсками назначаетъ ему походъ въ Амасію. Между тѣмъ случилось вотъ что. У Іоанна Кантакузина, о которомъ я часто упоминалъ въ прежнихъ моихъ книгахъ, былъ сынъ Мануилъ, прекрасной наружности и превосходившій всѣхъ тѣлесною силою. Этому Мануилу, за дурные поступки, которымъ онъ, какъ говорятъ, былъ совершенно преданъ, царь сначала дѣлалъ увѣщанія и старался удержать его отъ подобныхъ поступковъ; когда же онъ продолжалъ упорствовать въ своей дерзости,—потерялъ терпѣніе и заключилъ его въ темницу. Но тогда какъ царь ничего болѣе не хотѣлъ,—темничная власть (а власти иногда дѣлаютъ многое, чтобы только пріобрѣсть себѣ царское благоволеніе) приведенному узнику выколола глаза. Услышавъ объ этомъ, царь сильно скорбѣлъ и клялся, что такъ поступлено безъ его вѣдома; однакожъ спокойно перенесъ эту печаль, потому что не зналъ, какъ законно наказать людей, поступившихъ такимъ образомъ.

2. Михаила, какъ мы сказали, царь послалъ къ Амасіи. Переплывъ проливъ дамалейскій,

онъ направился прямо къ Мелангіямъ и, здѣсь, въ окрестностяхъ Виѳиніи и Риндака собравъ достаточное войско, отправился на равнины дорилейскія, чтобы, во время продолжающагося мира, римскія крѣпости снабдить необходимыми припасами, въ ненавистникахъ султана возбудить еще больше смѣлости и возобновить Дорилею. Городъ Дорилея былъ однимъ изъ самыхъ большихъ и важнѣйшихъ городовъ Азіи. Эту мѣстность освѣжаетъ тихій вѣтерокъ; дорилейскія поля стелются по равнинѣ на величайшемъ протяженіи, представляются зрѣнію весьма красивыми и отличаются такою тучностію и плодородіемъ, что произращаютъ весьма густую траву и развиваютъ многозернистые колосья. Чрезъ эту страну катитъ свои воды рѣка, представляющая зрѣнію прекрасный видъ, а вкусу—пріятную влагу, Въ той рѣкѣ плаваетъ такое множество рыбы. что, въ какомъ изобиліи ни ловятъ ее жители, она никогда не переводится. Тамъ Кесаремъ Мелиссинскимъ построены были нѣкогда блистательные дворцы, многолюдныя деревни; тамъ находились самобытныя теплицы, портики, купальни; вообще та страна обильно доставляла все, что могло приносить людямъ удовольствіе. Но Персы,—съ тѣхъ поръ, какъ усилились ихъ набѣги на римскую имперію, этотъ городъ сравняли съ землею и превратили его въ совершенно безлюдную пустыню, такъ что истребили все сказанное и не оставили даже малѣйшаго слѣда прежняго великолѣпія. Въ такомъ-то состояніи находилась Дорилея. Въ то время около его въ числѣ

двухъ тысячь жили Персы,—по ихъ обычаю, кочевьемъ. Царь изгналъ ихъ и, недалеко оттуда обведши городъ рвомъ, приступилъ къ постройкѣ стѣнъ. Городъ быстро воздвигался и, по внутреннему своему плану, много отличался отъ прежняго; особенно же крѣпостная его возвышенность была немного болѣе удалена и со всѣхъ сторонъ на равномъ разстояніи отъ внѣшнихъ укрѣпленій окружена стѣною. Между тѣмъ царь, съ небольшимъ отрядомъ каждый день либо выходя нечаянно—изъ засады, либо нападая открыто, убивалъ многихъ и—иногда знатныхъ Персовъ; ибо многіе изъ нихъ не переставали стекаться съ возвышенностей и препятствовать построенію города. Тогда-то и Саписанъ, въ прежнія времена, какъ я уже упоминалъ, перебѣжавшій къ царю, съ путевыми деньгами для войска посланъ былъ имъ въ нагорные предѣлы Иконіи. Подъ его предводительствомъ войско отправилось въ Пафлагонію. Но недалеко еще ушелъ онъ, какъ персидскія силы, выскочивъ изъ засады, перебили многихъ бывшихъ съ нимъ Римлянъ и получили порядочную добычу. Саписанъ, едва успѣвшій убѣжать, въ страхѣ пришелъ къ царю: такъ постигало этого человѣка несчастіе, что онъ ни дѣлалъ! И вотъ каковы были событія при Дорилеѣ. Между тѣмъ Михаилъ Гавра прибылъ съ войскомъ къ Амасіи и, приглашаемый градоначальниками немедленно вступить въ городъ, никакъ не рѣшался на это,—тѣмъ болѣе, что и посланное съ тою же цѣлію войско Кличестлана расположено было лагеремъ недалеко отъ города. Онъ сильно

подозрѣвалъ,—засѣвшіе внутри не задумали ли предать его. Жители даже выслали ему заложниковъ и свой акрополь сдали уже во власть Римлянъ; но какой-то страхъ совершенно овладѣлъ этимъ человѣкомъ и заставлялъ его переходить отъ сомнѣнія къ сомнѣнію,—до тѣхъ поръ, пока городскіе совѣтники, опасаясь, какъ бы, по долговременной медленности римскаго вождя, городъ не былъ взятъ Кличестланомъ, и имъ не подвергнуться вѣчной ненависти будущаго своего повелителя, не сдали ему города, безъ вѣдома своего градоначальника. Тогда и Михаилъ, снявъ лагерь, пошелъ оттуда къ римскимъ предѣламъ, не предувѣдомивъ ни однимъ словомъ ни Римлянъ, находившихся, какъ я сказалъ, въ акрополѣ, ни другихъ, бывшихъ въ городѣ. Такъ кончилось дѣло съ городомъ Амасіею. Узнавъ объ этомъ, царь, занимавшійся тогда еще Дорилеею, отправилъ къ Кличестлану евнуха Ѳому, чрезъ котораго настоятельно требовалъ у него Амасіи, укорялъ его въ нарушеніи клятвы и, если онъ не отстанетъ отъ такого оскорбленія Римлянъ, грозилъ скоро подвергнуть его должному наказанію. А кто былъ этотъ Ѳома, сейчасъ объясню. Онъ былъ выходецъ съ острова Лесбоса и потомокъ незнатнаго дома. Не имѣя въ отечествѣ никакого порядочнаго занятія, пришелъ онъ въ Византію и, здѣсь, научившись кровопусканію, этимъ снискивалъ себѣ пропитаніе. Но между всѣми человѣческими дѣлами нѣтъ ни одного, которое въ благопріятномъ случаѣ не могло бы пригодиться. Ѳома хотя сошелъ и до самаго низкаго ремесла, однакожъ

чрезъ него сталъ во дворцѣ выше всѣхъ другихъ, въ короткое время нажилъ огромныя деньги и впослѣдствіи отправился съ ними въ Палестину. Но въ Палестинѣ ему не понравилось, — и онъ опять возвратился къ царю и пользовался его милостію, но скоро обличенъ былъ въ злоумышленіи, заключенъ въ царскую темницу, которая обыкновенно называлась Элефантиною, и тамъ кончилъ жизнь. Но это случилось послѣ; въ описываемое же время прибылъ онъ, какъ мы сказали, къ султану и, не захотѣвъ исполнить то, для чего отправился, пріѣхалъ назадъ къ царю ни съ чѣмъ. Во время этого путешествія едва не убили его находившіеся въ засадѣ Персы.

3. Въ продолженіе едва сорока дней возсоздавъ городъ, обведши его рвомъ, поселивъ въ немъ множество Римлянъ и сверхъ того снабдивъ его достаточною стражею, царь двинулся оттуда и остановился въ мѣстахъ по Риндаку, гдѣ, давъ войску отдыхъ, пошелъ далѣе. Видя же, что за нимъ слѣдуютъ весьма немногіе (ибо большая часть полковъ, безъ его вѣдома, разошлась по домамъ, хотя, какъ говорили, еще прежде многократно подтверждалось—никому не удаляться изъ лагеря), онъ послалъ Михаила, родомъ варвара (прежде называвшагося кажется Исахомъ и между домашними его слугами занимавшаго первое мѣсто) съ приказаніемъ—нѣкоторыхъ воиновъ, за самовольное выбытіе изъ строя, наказать тѣлесно; а самъ съ немногими войсками, перешедши чрезъ ламнійскія равнины, возстановилъ одну крѣпость (имя ей Савлеонъ), построенную при истокѣ Ме-

андра и отъ времени пришедшую въ упадокъ. Отсюда царь уже не тѣмъ способомъ, какъ бывало прежде, началъ дѣлать схватки съ непріятелями, но развертывался и несся неудержимо, какъ огонь или потокъ. Этимъ занимался царь; а Михаилъ, о которомъ я уже упомянулъ, издавна бѣснуясь противъ Римлянъ, воспользовался теперь гнѣвомъ царя, и каждаго встрѣчнаго, безъ предварительнаго допроса, повергалъ на землю и вонзалъ желѣзо въ глаза несчастному, который и самъ не зналъ, за что онъ страдаетъ, который даже не принималъ участія въ войнѣ, но занимался либо земледѣліемъ, либо торговлею, либо какимъ другимъ ремесломъ. Нападалъ онъ и на другихъ и изуродовалъ много человѣческихъ тѣлъ, пока не узналъ о его дѣйствіяхъ царь (тогда, по окончаніи работъ въ крѣпости, онъ возвратился уже въ Византію), и не остановилъ его неистовства, едва не подвергнувъ и самаго, какъ говорятъ, такимъ же пыткамъ. Но хотя царь, думая, что онъ впередъ не будетъ такъ поступать съ Римлянами, простилъ ему эту вину; однакожъ скоро постигъ его судъ Божій и отнялъ у него жизнь, а дѣтей его подвергъ бѣдствіямъ. Въ то же время царь призвалъ на судъ и Гавру, и по произнесеніи надъ нимъ приговора (приговоръ же состоялъ въ томъ, чтобы онъ самъ себѣ назначилъ наказаніе), связавъ его ноги цѣпями, заключилъ до нѣкотораго времени въ одну изъ придворныхъ темницъ, а потомъ освободилъ, и возвратилъ ему прежнія почести. Между тѣмъ Кличестланъ, узнавъ о намѣреніи царя (ибо произ-

шедшее въ Дорилеѣ сильно тревожило его душу) отправилъ въ Византію одного изъ самыхъ сильныхъ при немъ лицъ, по имени Гавру, и просилъ царя, чтобы онъ принялъ взятыя имъ крѣпости, какія ему угодно и пересталъ на него гнѣваться. Но царь не принялъ этого предложенія и отослалъ посла назадъ, а самъ, изъ Сербовъ и Гунновъ составивъ значительную армію, началъ еще съ большимъ стараніемъ приготовляться къ войнѣ. А чтобы ни лошади, ни люди не терпѣли никакого недостатка въ съѣстныхъ припасахъ, приказалъ привести изъ Ѳракіи безчисленное множество быковъ и болѣе трехъ тысячь тѣлегъ. Когда все это было готово, онъ весною переправился въ Азію и, по обычаю, собралъ войско на берегу Риндака. Но союзные Гунны и римскіе подданные Сербы, пришедши не во время, оттянули войну на лѣтнее время,—и это-то особенно было причиною тогдашнихъ неудачъ; ибо въ дѣлѣ войны нужнѣе всего обращать вниманіе на время. Итакъ, царь направилъ свой походъ чрезъ Лаодикію и земли, лежащія около Меандра, имѣя въ виду всѣмъ войскомъ осадить Иконію. Когда же присоединилась къ нему и Неокесарія,—онъ послалъ туда съ войскомъ племянника своего Андроника Ватацу и приказалъ ему идти чрезъ земли Пафлагоніи. Между тѣмъ не выходя еще изъ Византіи, отправилъ онъ флотъ изъ полутораста кораблей въ Египетъ, чтобы открыть войну съ Кличестланомъ вдругъ всѣми своими силами. Посему, такъ какъ войска на флотѣ было меньше, чѣмъ сколько требовалось для покоренія Египта....

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЦЪ И СОБЫТІЙ, УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ИСТОРІИ ІОАННА КИННАМА.

Ааронъ, коварный и злонамѣренный царедворецъ 316; ослѣпленіе его 320.

Авазги 201.

Августулъ, римскій царь 242.

Авидскій заливъ 77. 221. 315.

Агнеса, Антіохіянка 319.

Аданъ, городъ въ Киликіи 15.

Адріанополь въ Азіи 43.

Адріанъ II папа присылаетъ пословъ къ Іоанну Дукѣ 161; переходитъ на сторону Вильгельма 186; подвергаетъ народъ отлученію 186.

Аколуѳъ 86. 232. 316.

Акрополь антіохійскій 199, барскій 154, константинопольскій 227. 276, брундузійскій 176. 180, корцирскій 107, амасійскій 330, дорилейскій 329.

Акруна—городъ 42.

Аксухъ, великій Доместикъ 106, сопутствуетъ Мануилу въ его подвигахъ противъ Персовъ 50, обнаруживаетъ робость и недобросовѣстную хитрость 54, посылается съ флотомъ въ Италію 110.

Аксухъ (Алексѣй), Протостраторъ, сынъ в. Доместика, встрѣчаетъ Балдуина 204; командуетъ войсками въ Киликіи 251, и на Дунаѣ 288; задумываетъ измѣну и постригается въ монахи 294 и сл.

Аксухъ (Іоаннъ), Протосевастъ, поспѣшаетъ на помощь Мануилу 54, сражается съ Гуннами 114, лишается одного глаза 138, превозноситъ дѣла царя Іоанна 140, рѣзко отзывается о Мануилѣ 141, замѣчаетъ замыслъ Андроника 142, подвергается

нападенію кабана 143, встрѣчаетъ Балдуина 204, сопровождаетъ Белу въ Венгрію 319.
Акусій, знаменитый Венгерецъ 10.
Александръ, Лонгобардъ 163.
Александръ, графъ равеннскій, изгнанный королемъ сицилійскимъ и перешедшій къ Мануилу 71, отправляется Мануиломъ въ Италію 149.
Александръ папа низлагается Фридерикомъ и возстановляется Мануиломъ 253.
Алексѣй Комнинъ, царь 1—3; даетъ привиллегіи Венетамъ 312.
Алексѣй Комнинъ, старшій сынъ царя Іоанна, назначается наслѣдникомъ престола 23; его смерть 24.
Алексѣй Комнинъ II, сынъ Мануила и наслѣдникъ престола 2; его рожденіе 285.
Алексѣй Протостраторъ. см. Аксухъ.
Алексѣй Контостефанъ, см. Контостефанъ.
Алексѣй внукъ царя Алексѣя. см. Вріенній (Алексѣй).
Алеманы—Германцы 76; дѣлаютъ насилія въ предѣлахъ римской имперіи 77. 78; гибель ихъ на хировакхійской долинѣ 79; пораженіе ихъ отъ византійскаго войска 83, отъ Персовъ 87; теряютъ бодрость 88; возвращаются отъ Филомеліона и враждуютъ съ Галлами 91; способнѣе сражаться пѣшкомъ, чѣмъ на коняхъ 92; лишаютъ наслѣдства дѣтей Генриха 96; знакъ у нихъ къ прекращенію войны 98; приготовленіе ихъ къ нападенію на римскую имперію 110; помощь ихъ гуннскому королю противъ Римлянъ 241; предпринятая ими осада Анконы 320.
Алиций—италіянская область 176.
Аллузій, сынъ венгерскаго короля Владислава 8.
Алюизъ, епископъ, посолъ Людовика VII къ Мануилу 89.
Альмъ, см. Аллузій.
Альпы 124.
Амальрикъ, іерусалимскій король 205; женится на дочери Протосеваста Комнина 263; приходитъ къ Мануилу 311; нападаетъ на Нураддина 323.
Амасія 220. 327. 329. 330.
Аназарбъ, городъ въ Киликіи, осаждается Іоанномъ

и овладѣвается имъ 16; осаждается и овладѣвается Мануиломъ 198.
Ангелъ (Іоаннъ) римскій военачальникъ въ Италіи 163. 177. 264.
Ангелъ (Николай), римскій военачальникъ 50. 55. 56.
Ангелъ (Константинъ) римскій военачальникъ 111, отправляется съ флотомъ въ Италію 130; сражается съ флотомъ Вильгельма и попадается въ плѣнъ 132. 133.
Андрей, князь Руписканины 186.
Андроникъ Опъ отправляется посломъ къ Алеманамъ 77.
Андроникъ Фервинъ, см. Фервинъ.
Андроникъ Комнинъ, двоюродный братъ Мануила, отваженъ въ сраженіи 64; отправляется въ Киликію и Исаврію 133; испытываетъ пораженіе подъ Мопсуестіею 136; пользуется вниманіемъ Мануила 136; задумываетъ тираннію 138. 139; заноситъ мечь на Іоанна 141; посягаетъ на жизнь царя 142; содержится подъ стражею 143; убѣгаетъ въ Тавроскиѳію 257—269; участвуетъ въ осадѣ Зевгмина 273; отправляется въ Киликію 277; сводитъ постыдную связь съ дочерью Исаака, уходитъ съ нею къ Персамъ и подвергается анаѳемѣ 278.
Андроникъ Комнинъ, Севастократоръ 119.
Анкира 220. 320. 325.
Анкона, городъ въ Италіи 185; осаждается Алеманами и Венетами 320; защищается женщиною 321.
Антіохія, митрополія Киликіи, возмущается противъ Іоанна и вступаетъ въ союзъ съ Левуніемъ 15; присылаетъ къ Мануилу пословъ 30. 31; старается отвратить намѣреніе Мануила вступить въ городъ 206; предается іерусалимскому королю 263.
Антръ, городъ въ Италіи 163.
Анхіалъ—городъ 101.
Анамея—городъ 294.
Арандъ—городъ 210.
Армения 201. 320.
Архижупанъ 110. 111. 219. 319.

*

Асикритъ, значеніе этой должности 324.
Асшетъ (Константинъ) участвуетъ въ сраженіи противъ Гунновъ 300. 301.
Аттала, городъ въ Памфиліи 5.
Аѳанасій, патріархъ антіохійскій 233.
Аѳирасъ рѣка 79.
Бака—крѣпость въ Киликіи 17. 20.
Балдуинъ, правитель Моравсіи, идетъ съ войскомъ въ Палестину 17.
Балдуинъ, іерусалимскій король, проситъ свиданія съ царемъ 202; ходатайствуетъ объ Антіохійцахъ 203, о Терозѣ 206; повреждаетъ руку на охотѣ 230; убитъ Нураддиномъ 238.
Банъ, значеніе этого слова и достоинства 127.
Барлетъ, городъ въ Италіи 156.
Баръ, городъ въ Италіи, его осада 152, взятіе 155.
Басавила (Рожеръ), племянникъ сицилійскаго короля Рожера, отлагается отъ Вильгельма 150; вступаетъ въ условія съ послами Мануила 151; дѣйствуетъ отдѣльно отъ Римлянъ и проситъ помощи у римскихъ военачальниковъ 162; присоединяется къ Римлянамъ 167; сражается съ Вильгельмомъ 177; отдѣляется отъ Римлянъ 180.
Бела—Далматъ 113.
Бела Слѣпой, венгерскій король 113.
Бела, сынъ Гейзы, зять Мануила 237; призывается Гуннами на престолъ 318. 319.
Белосисъ, гуннскій военачальникъ 127, отступаетъ отъ Римлянъ 128.
Белусъ, правитель Сербіи 225.
Берія—городъ въ Сиріи 19.
Берія—городъ въ Македоніи 147.
Бернардъ де Тромблей, магистръ ордена храмовыхъ рыцарей 208.
Бертранъ, сынъ тулузскаго князя Альфонса 208.
Богомилы—еретики 33. 67—69.
Бонелла (Матѳей) 192.
Борисъ, римскій военачальникъ 128; его происхожденіе 129; нападеніе на землю Гунновъ 129.
Борисъ Боснякъ, союзникъ гуннскаго короля 145.
Боскъ—городъ въ Италіи 163.

Босния 113. 145.
Боэмундъ, правитель Антіохіи 15.
Браничевъ, городъ при р. Савѣ 10. 11. 147. 136. 144.
Бритты или Британцы 7. 71.
Брундузій—городъ въ Италіи 174, его портъ 177, крѣпость его стѣнъ 179. 181.
Бунъ—мѣстечко въ Италіи 156.
Бургезии у Римлянъ 313.
Бутута—городъ въ Италіи 162.
Бѣлая Кроація, см. Далмація.
Бѣлградъ осаждается Стефаномъ, но возстановляется Мануиломъ 9; задумываетъ отложиться отъ Римлянъ 146.
Вавилонъ 201.
Вакхинъ, сербскій архижупанъ, сражается съ Кантакузиномъ 120, попадаетъ въ плѣнъ и проситъ прощенія у Мануила 121. 122.
Валахи—ихъ происхожденіе 288.
Варѳоломей Канцелярій, посолъ Людовика VII къ Мануилу 89.
Васакъ, знатный Гуннъ 268.
Василаки, царскій писецъ, идетъ посломъ къ папѣ Адріану II. 162.
Василакій (Никифоръ), духовный писатель 193.
Василакій (Михаилъ), преподаватель Риторики 198.
Василій, Хартулярій 145, терпитъ пораженіе 146.
Василій, діаконъ и проповѣдникъ въ византійской церкви 193.
Василько, сынъ Георгія, князя тавроскиѳскаго 262.
Ватаца (Андроникъ) 333.
Ватаца (Ѳеодоръ) осаждаетъ Зевгминъ 124, беретъ Тарсъ 199.
Ватаца (Левъ) нападаетъ съ Валахами на Венгрію со стороны Эвксинскаго Понта 288.
Велисарій, завоеватель Италіи 242.
Вембиціотъ, воинъ въ войскѣ Мануила 47.
Венгры, см. Гунны.
Венгрія, см. Пэонія.
Венеты присылаютъ Мануилу флотъ противъ Гунновъ 262; характеръ ихъ 311; помощь ихъ царю Алексѣю Комнину 311; ихъ привиллегіи въ римской

имперіи 312; дерзкое обращеніе ихъ съ Римлянами и изгнаніе при царѣ Іоаннѣ 312; принятіе ихъ въ имперію и еще большая надменность 311; заключеніе ихъ въ темницы 304, бѣгство въ отечество 314; построеніе флота и нападеніе на римскіе острова 315. 316; морскіе разбои ихъ 317; осада Анконы 320; пораженіе ихъ 322.

Венеція 311.

Верея 19. 105. 320.

Вестія—городъ въ Италіи 151.

Византія, ея укрѣпленія 80; обновленіе ея стѣнъ и водопроводовъ 304. 305.

Вильгельмъ Канцелярій 156.

Вильгельмъ, правитель Ломбардіи 97.

Вильгельмъ, братъ Басавилы 152.

Вильгельмъ, сынъ сицилійскаго короля Рожера, вступаетъ вмѣсто его на престолъ 130; отправляетъ посольство къ Мануилу 130; вооружается противъ Римлянъ и претерпѣваетъ пораженіе 177; вооружается въ другой разъ и побѣждаетъ Римлянъ 180. 182—184; пишетъ Мануилу письмо чрезъ своихъ сановниковъ 190.

Виоинія 214. 328.

Владиграцъ, посолъ отъ Фридерика къ Мануилу 291.

Владиміръ, князь галицкій 126.

Владиславъ, король Пэоніи 8.

Владиславъ, братъ Гейзы II, короля венгерскаго 283.

Владиславъ, король Чеховъ, помогаетъ Гуннамъ противъ Римлянъ 241; отвѣтъ его Мануилу 247.

Владиславъ, одинъ изъ владѣтелей Тавроскиѳіи 262.

Влахернскій дворецъ 89. 187.

Вотаніатъ (Никифоръ) 2.

Врана (Димитрій), начальникъ флота, нападаетъ на прибрежья Антіохіи 34. 36, участвуетъ въ войнѣ противъ Гунновъ 300.

Врана (Михаилъ), правитель Наиса 75, посолъ къ Людовику VII 88; преслѣдуетъ Далматовъ 118, управляетъ Кипромъ 196, начальствуетъ надъ войскомъ въ войнѣ съ Гуннами 286, управляетъ Киликіею 318.

Врана (Георгій) участвуетъ въ войнѣ противъ Гунновъ 300.
Вріенній (Алексѣй) внукъ царя Алексѣя, отправляется въ Италію 180, ѣдетъ въ Антіохію за невѣстою царя 232.
Вріенній (Никифоръ) отправляется въ Антіохію за невѣстою Мануилу 232.
Вріенній (Іосифъ) идетъ съ войскомъ къ Зевгмину 264, участвуетъ въ войнѣ противъ Гунновъ 300.
Вульчинъ, Далматъ 118.
Гавра (Михаилъ), римскій военачальникъ 250, идетъ съ войскомъ къ Зевгмину 264, управляетъ Сирміемъ 286; отправляется для занятія Амасіи 327; не рѣшается вступить въ Амасію 329; возвращается къ римскимъ предѣламъ 330; получаетъ наказаніе 332.
Гавра—персидскій сатрапъ 59, отправляется посломъ къ Мануилу 333.
Галатія 320. 325.
Галиція 125.
Галичь—городъ 112.
Гангры—городъ 13. 15. 325.
Гебдома—странно-пріимный домъ Іоанна Богослова 194.
Гейза II, венгерскій король 113, зять Изяслава—помогаетъ ему въ войнѣ съ Владиміркомъ галицкимъ 126; преслѣдуетъ Бориса 129; проситъ мира у Мануила 129; по условію съ Андроникомъ вступаетъ въ войну противъ Римлянъ 144; назначаетъ преемникомъ престола сына своего Стефана 224.
Генрихъ, король алеманскій, сажаетъ своего отца въ оковы 96.
Генрихъ, правитель Саксоніи, зять Лотарія 98.
Генрихъ, герцогъ Австріи, см. Эрикъ.
Генрихъ—Левъ, герцогъ Саксоніи 318.
Георгій см. Пиррогеоргій.
Георгій, князь Тавроскиѳіи 262.
Германцы см. Алеманы.
Гифардъ, римскій военачальникъ 103; преслѣдуетъ Далматовъ 118, отправляется посломъ къ султану 193.

Греческій огонь 228. 315.
Григорій, гуннскій военачальникъ, комендантъ Зевгмина 277.
Гунны ведутъ войну съ царемъ Іоанномъ 8; возбраняютъ ему переправу чрезъ Дунай и испытываютъ пораженіе 10; осаждаютъ и берутъ Браничевъ 10; нападаютъ на передовое римское войско 11; помогаютъ Далматамъ противъ Римлянъ 113 сл.; разбиваютъ Василія 146; лишаютъ престола сына Гейзы Стефана и ввѣряютъ королевство брату его Владиславу 224; имѣютъ намѣреніе схватить Стефана 248; осаждаютъ Зевгминъ 264; снаряжаютъ флотъ на Дунаѣ 264; отравляютъ Стефана старшаго и берутъ Зевгминъ 265; издѣваются надъ Стефановымъ трупомъ 266; предлагаютъ сдать Зевгминъ 271; отнимаютъ Далмацію и берутъ въ плѣнъ Халуфу 292; требуютъ на престолъ Белу 318; даютъ Мануилу союзное войско противъ Персовъ 333.
Дакія 75.
Далмація 11. 110. 111. 275.
Далматы ведутъ войну съ Мануиломъ 113—121; преданность ихъ Римлянамъ 122. 123.
Дамалисъ, городъ при Дарданеллахъ 86. 110. 308. 327.
Дамаскъ 238.
Даматрисъ 296.
Дамиета 309.
Дасіотъ, начальникъ Мануилова флота 94.
Дезе, далматскій жупанъ 123, дѣлается правителемъ Сербіи 225, дѣйствуетъ на перекоръ Римлянамъ 235, содержится подъ карауломъ во дворцѣ 236.
Деканъ, воинъ Іоаннова войска 5.
Демничикъ 102.
Дендра, область Далмаціи 225. 235.
Деспотъ, имя достоинства 237.
Димитрій возбуждаетъ споръ о славѣ Христовой 278, бесѣдуетъ съ Мануиломъ 279, излагаетъ свое лжеученіе въ книгѣ 280.
Димитрій мученикъ 251.
Диррахій—римская область 311.
Дюклея—городъ въ Далмаціи 276.

Дюнисій, гуннскій военачальникъ 285, разбиваетъ и преслѣдуетъ римское войско 287; снова командуетъ войскомъ въ войнѣ противъ Римлянъ 300; выражаетъ презрѣніе къ Римлянамъ и претерпѣваетъ пораженіе 301.
Дорилея 87. 211. 214, возобновляется Мануиломъ 328. 331.
Драгинъ, сербскій архижупанъ 110. см. Вакхинъ.
Дрина рѣка 113.
Евринъ—городъ 315.
Евфратъ 238.
Евонимій, епископъ Новыхъ Патръ 282.
Египетъ подпадаетъ подъ власть Персовъ 308.
Египетская война 309 слл.
Епидамнъ—городъ, принадлежащій Венетамъ 254. 316.
Зевгминъ—городъ, его начало и судьба 9; осаждается 124, сдается Римлянамъ 125; снова присоединяется къ гуннскому королевству 265; опять осаждается и опустошается Римлянами 271. 272; подробности при взятіи его 272.
Землетрясеніе въ Византіи 227.
Знамя гуннское 203.
Золомиръ или Зюльмиръ правитель Далмаціи 275.
Жупанъ, значеніе этого достоинства 303, см. Архижупанъ.
Иверцы 182.
Изяславъ, великій князь кіевскій, тесть короля Гейзы II, 129. 257.
Иканатъ, римскій воинъ 170.
Иконійскій султанъ, дѣлаетъ нападеніе на землю Ѳракисіянъ 41, переписывается съ Мануиломъ 41; обращается въ бѣгство 42, запирается въ Иконіи 44, составляетъ планъ войны 44; соединяется съ Танисманомъ и думаетъ напасть на Римлянъ 49; наноситъ Римлянамъ сильное пораженіе 57.
Иконія, 13. 44. 47. 211. 329. 333.
Иллирія 266.
Инеонъ, понтійскій городъ 193. 327.
Иннокентій II, папа 97, попадается въ плѣнъ Рожеру 99.
Ирина, супруга царя Іоанна 8, ея смерть 13.

Ирина, супруга царя Мануила 37, раждаетъ первую дочь 130, ея смерть 222.
Ириникъ монахъ, державшійся димитріевой ереси 285.
Иса (Іоаннъ) военачальникъ 264.
Исаакъ Комнинъ, братъ царя Іоанна, содержится подъ стражею въ Понтійской Ираклеѣ 32; вызывается изъ ссылки 33; снова замышляетъ о царствованіи 57.
Исаакъ Комнинъ, сынъ царя Іоанна, подаетъ ему совѣтъ при осадѣ Аназарба 17, препровождаетъ въ Византію тѣла умершихъ братьевъ 24. 30; византійскими сановниками заключается въ храмѣ Вседержителя 32; сопровождаетъ царя въ его набѣгахъ на Персовъ 50; снимаетъ печати съ грамотъ 140.
Исаврийская война 14.
Исахъ (Михаилъ), преданный царю Персъ 142, безчеловѣчно наказываетъ дезертировъ 331. 332.
Италийская война 150 сл.
Италия, обѣщанная въ приданое царицѣ Иринѣ 94.
Іоаннъ Комнинъ принимаетъ престолъ и отправляется въ Азію 2. 3, овладѣваетъ Лаодикіею и Созополемъ 4, отправляется въ Македонію противъ Скиѳовъ и разбиваетъ ихъ 6. 7, снова идетъ въ Азію и обращаетъ многихъ въ православіе 7, воюетъ съ Гуннами 8, идетъ къ Дунаю 9, побѣждаетъ Гунновъ 10, назначаетъ наказаніе Куртикію 10, идетъ въ Браничевъ и отступаетъ 11, беретъ Кастамонъ и торжественно возвращается въ Византію 12, снова идетъ въ Азію, но впадаетъ въ болѣзнь и возвращается 13, вступаетъ въ союзъ съ иконійскимъ султаномъ противъ Магомета и располагается лагеремъ при Ганграхъ 13; дѣлаетъ приступъ къ Ганграмъ, идетъ на Риндакъ, беретъ Кастамонъ 14; идетъ противъ Левунія, вступаетъ въ Киликію, и занимаетъ многіе тамошніе города 15; осаждаетъ и беретъ Аназарбъ 17; идетъ къ Бакѣ и осаждаетъ Антіохію 17, вступаетъ въ условія съ Раймундомъ 18; предпринимаетъ походъ въ Сирію и овладѣваетъ многими въ ней городами 20; осаждаетъ Неокесарію 21, не-

реводитъ войско къ озеру Пасгусѣ и овладѣваетъ его островами 22. 23; снова идетъ въ Киликію 23; лишается двухъ старшихъ сыновей 24, получаетъ на охотѣ рану 24, чувствуетъ приближеніе смерти и назначаетъ наслѣдникомъ своимъ Мануила 25—28; его смерть 29, погребеніе въ монастырѣ во имя Вседержителя 31.

Іоаннъ Протосевастъ. См. Аксухъ.

Іоаннъ Дука участвуетъ въ войнѣ противъ Далматовъ 119; отправляется посломъ къ Фридерику 149, осаждаетъ сильную итальянскую крѣпость и беретъ Флавіану 151. 152, поражаетъ войско Канцелярія 157; сражается съ Ричардомъ и беретъ Антръ 159, вступаетъ въ битву съ Монополитами 160, обозрѣваетъ Монополь и принимаетъ пословъ отъ папы 161, разбиваетъ Итальянцевъ и беретъ Боскъ 165, выступаетъ къ Брундузію, присоединяетъ къ себѣ Басавилу и беретъ Полимилій 167, разбиваетъ Фламинга и овладѣваетъ Масаврою 168, осаждаетъ и беретъ Монополь 170 — 173, пишетъ царю и проситъ войска 173, беретъ Остуній и идетъ къ Брундузію 174, осаждаетъ его 176, командуетъ морскими силами въ сраженіи съ Вильгельмомъ 177, возбуждаетъ мужество воиновъ надеждою на скорую помощь и поражаетъ Сицилійцевъ 178, продолжаетъ осаду Брундузія 179, держитъ совѣтъ съ военачальниками 181, попадаетъ въ плѣнъ 188, завоевываетъ Далмацію и передаетъ ее Халуфѣ 271, вторгается въ Венгрію со стороны Тавроскиѳіи 289, обвиняетъ Протостратора Алексѣя 299.

Іоаннъ Кесарь отправляется въ Антіохію 133, неудача его въ сватовствѣ и монашество 135.

Іоаннъ, епископъ корцирскій, предается анаѳемѣ 285.

Іоаннъ Веккъ, константинопольскій патріархъ 232.

Іоаннъ, военачальникъ царя Іоанна родомъ изъ Персіи 3.

Іерокорифитисъ, крѣпость въ Азіи 5.

Кавалла городъ въ Азіи 44.

Какцикійскій народъ 276.

Калифъ, значеніе этого достоинства 322.
Каллюполь, городъ во Ѳракіи 221. 222.
Каломанъ (Константинъ), Дуксъ Киликіи 238. 318.
Калогрея 42. 70.
Каматиръ (Андроникъ) 232.
Каматиръ (Василій), посолъ за невѣстою царя 232.
Камень священный 307.
Каниклій 203.
Каннискертъ, крѣпость въ Сиріи 23.
Кантакузинъ (Іоаннъ) участвуетъ въ далматской войнѣ 119, единоборствуетъ съ Вакхиномъ 120, лишается двухъ пальцевъ на рукѣ 122, усмиряетъ Бѣлградянъ 146. 147.
Кантакузинъ (Мануилъ) ослѣпляется 327.
Канцелярій командуетъ италіянскимъ войскомъ 164.
Капръ, рѣка въ Памфиліи 3.
Кардонъ, городъ въ Далмаціи 276.
Каспаксъ (Никифоръ), судья Вилы 279.
Кассіанъ (Алексѣй), правитель Селевкіи 197, доноситъ Мануилу о замыслѣ Алексѣя Протостратора 297.
Кастамонъ—городъ въ Памфиліи 12. 14.
Касторія—городъ въ Италіи 137.
Касторъ, правитель одного италіянскаго города 160.
Келадій, знаменитый Венгерецъ 10.
Келвіанъ, крѣпость въ Лидіи 41.
Кельты, у Киннама Германцы 71, отдѣляются отъ римскаго войска подъ Брундузіемъ 183.
Кесарія 220.
Кесарь Мелиссинскій 328. см. Вріен. Никиф. Мелис.
Кипръ 196. 200. 277.
Кипселла 211.
Кіама, Кіевъ 261.
Кладонъ, смотритель надъ царскими темницами 258.
Кличестланъ, султанъ 225, торжественно принимается въ Византіи 226, стремится къ распространенію своихъ владѣній 325, притворно вызывается сдать царю занятые имъ города 326; съ тою же цѣлію отправляетъ къ Мануилу посла 333.
Кокковасили—благородные Киликійцы, добровольно принимаютъ римское подданство 219, участвуютъ въ войнѣ противъ Гунновъ 300.

Конрадъ, германскій императоръ 73, невнимательность его къ безпорядкамъ крестоносцевъ 76, надмѣнность его и движеніе къ Византіи 79; онъ осматриваетъ византійскія укрѣпленія 80, пишетъ царю изъ Пикридіона 81, требуетъ отъ царя триремъ и угрожаетъ осадою Византіи 84, переправляется чрезъ Геллеспонтъ и проситъ проводника 86, терпитъ пораженіе отъ Персовъ 88, возвращается въ Византію 93, отправляется моремъ въ Палестину, а оттуда въ Ѳессалонику 94, его смерть 95.

Константинополь, его башни и стѣны 80.

Константинъ Каломанъ. См. Каломанъ.

Константинъ Дука доноситъ Мануилу о замыслѣ Алексѣя 297.

Константинъ Оттъ. См. Оттъ.

Константинъ Аспіетъ. См. Аспіетъ.

Констанція, вдова антіохійскаго князя Рожера 133, отказывается вступить въ бракъ съ Кесаремъ Рожеромъ 196.

Контостефанъ (Андроникъ) командуетъ пѣхотнымъ войскомъ въ войнѣ противъ Раймунда 34; участвуетъ въ нападеніи Мануила на переднихъ фуражировъ 64. 65. 67; находится при осадѣ Корциры 108; отправляется на помощь Стефану 240; командуетъ войскомъ въ Сирміѣ 299. 301; распоряжается войною въ Египтѣ 309.

Контостефанъ (Алексѣй) Протостраторъ 142, отправляется въ Анкону 185, собираетъ въ Италіи большое войско 186, попадаетъ въ плѣнъ 188, командуетъ войскомъ для поддержанія Стефана на венгерскомъ престолѣ 235.

Контостефанъ (Іоаннъ) отправляется посломъ къ союзникамъ 219; встрѣчается съ персидскимъ отрядомъ и разбиваетъ его; ѣдетъ въ Триполь за невѣстою царю 230.

Контостефанъ (Стефанъ) отправляется съ флотомъ въ Корциру 105.

Контостефанъ (Ѳеодоръ), военачальникъ Мануила 41, убитъ подъ Мопсуестіею 135.

Коринѳъ 100. 190.

Коркъ, подручникъ Тероза 198.
Корцира осаждается войскомъ Мануила 105. 107. 110, См. Акрополь.
Косма, патріархъ константинопольскій 67—69.
Котерцъ, чиновное лицо въ войскѣ Мануила 52. 56.
Кремона 255.
Крестъ, сооруженный Константиномъ Великимъ 20, воздвигнутый Іоанномъ Дукою въ Венгріи 290.
Критоплъ, начальникъ расской крѣпости 11, получаетъ сильное пораженіе отъ Персовъ 57. 59.
Критъ 110.
Ксиръ, сановникъ Мануила 100.
Куртикій, военачальникъ Іоанна, комендантъ Браничева 10, подвергается наказанію отъ Іоанна 11.
Лазарь, знатный Скиѳъ 104.
Лампа мѣсторожденіе Димитрія 279. 331.
Лампарда (Андроникъ), римскій военачальникъ 289. участвуетъ въ войнѣ противъ Гунновъ 301.
Лаодикія 3. 218. 333.
Левкусія 197.
Левуній, правитель Исавріи, беретъ множество римскихъ городовъ и осаждаетъ Селевкію 14. 15.
Лесбосъ 312. 316. 330.
Лехи участвуютъ въ крестовомъ походѣ 91.
Ливо или Левъ, первый царь Арменіи 252.
Ливоній, правитель Арменіи 133.
Ликаонія 43. 210. 320. 322.
Ликъ—рѣка 3.
Лигурійскіе всадники 9. 252. 313. 256.
Логоѳетъ — тоже, что Канцелярій 156.
Ломбардцы, см. лигурійскіе всадники.
Лонги 78.
Лонгомирская страна 113.
Лопадіонъ, крѣпость на Риндакѣ 40.
Лотарій, германскій императоръ завѣщаваетъ престолъ сыновьямъ Генриха 96, призывается въ Италію 97, изгоняется изъ Италіи 98; его смерть 99.
Лука Хрисовергъ—патріархъ константинопольскій, не соглашается на присутствіе Кличестлана въ церковной процессіи 227, возлагаетъ руку на новобрачнаго царя и царицу 233, противустоитъ

ереси Димитрія 281, переноситъ изъ Ефеса священный камень 308.

Людовикъ VII, вождь галльскихъ крестоносцевъ 88, дружелюбно принимаетъ посольство Мануила и пользуется хорошимъ его пріемомъ 88, отправляетъ пословъ къ Мануилу 89, торжественно вступаетъ въ его дворецъ и покланяется византійской святынѣ 89, возвращается изъ Палестины и едва не попадаетъ въ плѣнъ Римлянамъ 95.

Магистръ храма 208.

Магометъ, правитель Каппадокіи, ссорится съ султаномъ иконійскимъ 13.

Мазавра, городъ въ Италіи 167.

Маіо Barensis, адмиралъ Вильгельма 132.

Макримволитъ (Димитрій) 71.

Малея 316.

Мальфетъ, городъ въ Италіи 163.

Мампланъ, сатрапъ иконійскаго султана, разбиваетъ крестоносцевъ 87.

Мануилъ, изъ рода Комниныхъ, отправляется посломъ къ Тавроскиѳамъ 257.

Мануилъ Комнинъ 2, обнаруживаетъ мужество подъ Неокесаріею 21; толки о признакахъ будущаго его царствованія 23; онъ вступаетъ на престолъ 29, на мѣстѣ кончины Іоанна устрояетъ монастырь 30, принимаетъ антіохійскихъ пословъ 30. 31, переноситъ тѣло Іоанна на суда, а самъ отправляется въ Византію чрезъ землю Персовъ 31, посылаетъ впередъ указъ объ отдачѣ подъ судъ нѣкоторыхъ сановниковъ 32; дружески обходится съ братомъ Исаакомъ и вызываетъ изъ ссылки дядю Исаака 33; одаряетъ войско и возводитъ на патріаршій престолъ Михаила 33; вѣнчается на царство 34; посылаетъ войско противъ антіохійскаго князя Раймунда 34; вступаетъ въ бракъ съ Ириною 37; обозрѣваетъ предѣлы Виѳиніи 37; возвращается въ Византію, по случаю болѣзни сестры своей Маріи 38; строитъ крѣпость Лопадіонъ 40; идетъ противъ Персовъ и разбиваетъ ихъ 40; выступаетъ противъ Ико-

ніи и переписывается съ иконійскимъ султаномъ 41. 42; разбиваетъ передовой отрядъ его 42; освобождаетъ изъ рабства многихъ Римлянъ въ Филомеліонѣ 43; разбиваетъ и преслѣдуетъ иконійскаго султана до самой Иконіи 44; угадываетъ планъ непріятельскихъ движеній 45; увлекается преслѣдованіемъ султана и возстановляетъ порядокъ въ своемъ войскѣ 46. 47; не рѣшается осаждать Иконію 48; пишетъ письмо къ супругѣ султана и къ султану 48; совершаетъ подвиги мужества противъ войскъ султана 50—54; нападаетъ на Персовъ въ ущельи 55. 56; предузнаетъ приближеніе своего войска 56; отправляется въ путь 57; отражаетъ Персовъ и возстановляетъ порядокъ въ войскѣ 58. 59; нападаетъ на Персовъ и разбиваетъ ихъ 59; говоритъ рѣчь о необходимости воинской дисциплины 60. 61; поручаетъ одному Персу передать султану грозное свое объявленіе 62; заключаетъ миръ съ султаномъ 62; нападаетъ на отрядъ Персовъ, возвращавшихся съ добычею изъ римскихъ предѣловъ 63—66; возвращается въ Византію 67; низлагаетъ патріарха Косму 67—69; предпринимаетъ походъ противъ Иконіи 70; заключаетъ миръ и возвращается въ Византію 70; отправляетъ посольство къ вождямъ крестоваго похода 71; назначаетъ войско для охраненія страны отъ крестоносцевъ 76; приготовляется къ защитѣ Византіи 78; выражаетъ состраданіе къ бѣдствующимъ крестоносцамъ 79; пишетъ Конраду 82; второе письмо Конраду 83; третіе письмо Конраду 84; деньгами возбуждаетъ въ крестоносцахъ нерасположеніе къ Конраду 86; предлагаетъ Конраду союзную войну противъ Персовъ 87; дружески и торжественно принимаетъ Людовика VII 89; посылаетъ Ксира въ Италію для переговоровъ съ Рожеромъ 100; снаряжаетъ флотъ противъ Рожера 101; идетъ на Скиѳовъ 101; преслѣдуетъ и поражаетъ ихъ 103. 104; встрѣчаетъ затрудненіе отправиться въ Сицилію 104. 105; отправляется къ Корцирѣ

106; посылаетъ флотъ противъ Рожера 107; показываетъ неустрашимость при осадѣ Корциры 108; принуждаетъ Корциру къ сдачѣ 110; идетъ противъ Далматовъ, а флотъ посылаетъ къ Анконѣ 110; опустошаетъ Далмацію 111; беретъ Галичь 112; воюетъ съ Гуннами 113 сл.: лично сражается 119—121; снова идетъ войною противъ Гунновъ 123; выселяетъ изъ Венгріи множество народа 124; принимаетъ мѣры противъ римскихъ дезертировъ 127; даетъ миръ Гейзѣ и возвращается въ Византію 129; отсылаетъ пословъ Вильгельма и отправляетъ флотъ въ Италію 130; снова идетъ противъ Гунновъ и соглашается на миръ съ Гейзою 131; показываетъ готовность опять воевать съ Гуннами, и мирится съ ними 131; посылаетъ Андроника въ Киликію и обнаруживаетъ особенное къ нему расположеніе 136; вводитъ примѣрныя сраженія и улучшаетъ вооруженіе войска 137; показываетъ слабость въ отношеніи къ Андронику 139; выходитъ на охоту 149; получаетъ рану, удерживая руку Андроника 141; обнаруживаетъ хладнокровіе и сообразительность 143; спѣшитъ противустать Гуннамъ 144; заключаетъ миръ съ Гейзою 147. 148; сносится съ Фридерикомъ, по случаю его сватовства за Марію 149; задумываетъ завоевать Италію 150; посылаетъ туда подкрѣпленіе 163, вспомогательный флотъ съ Алексѣемъ 180; скорбитъ о потерѣ брундузійскаго сраженія и снова посылаетъ Алексѣя въ Анкону 185; пишетъ въ Италію къ плѣннымъ своимъ военачальникамъ 188. 189,—Вильгельму 189; заключаетъ миръ съ Вильгельмомъ 191; признаетъ его королемъ 192; рѣшается выступить въ Киликію 193. 197; старается захватить Тероза 197; возвращаетъ киликійскіе города 198; прощаетъ Ренальда и постановляетъ, чтобы архіерей въ Антіохію посылаемъ былъ изъ Византіи 201. 205; соглашается на свиданіе съ Балдуиномъ 202; встрѣчаетъ Балдуина 204; прощаетъ Тероза 206; вступаетъ въ Антіохію 207; сби-

рается идти на Нураддина, но мирится съ нимъ 208; нападаетъ на Сарациновъ и обращаетъ ихъ въ бѣгство 209; лечитъ руку Балдуина 210; возвращается съ торжествомъ въ Византію 211; снова нападаетъ на Персовъ съ разныхъ сторонъ 211; лично сражается съ многочисленными непріятелями 212. 213; принимаетъ персидскихъ пословъ и вторгается въ персидскую землю чрезъ Филадельфію 213; передаетъ укоризны Солиману чрезъ Пупаку 217; борется съ непріятелями въ тѣснинахъ 218; собираетъ союзныя войска противъ иконійскаго султана 219; заключаетъ съ нимъ миръ 221; устремляется на Скиѳовъ 222; отправляется въ Сардику 223; намѣревается овладѣть гуннскою землею 223; устрояетъ дѣла Сербіи 224; принимаетъ Кличестлана 226; назначаетъ церковную процессію, но встрѣчаетъ сопротивленіе со стороны патріарха 227; даетъ Кличестлану праздники 229; принимаетъ посольство отъ персидскихъ филарховъ 229; намѣревается вступить во второй бракъ и посылаетъ за невѣстою въ Триполь 230, потомъ въ Антіохію 232; вступаетъ въ бракъ 233; старается поддерживать Стефана на престолѣ 234; устрояетъ дѣла Сербіи 235; женитъ сына Гейзы Белу на Маріи 237; идетъ къ предѣламъ Венгріи, чтобы возвратить Белѣ отцовское наслѣдіе 240; пишетъ Стефану 240; переправляется чрезъ Дунай и спасаетъ одно судно отъ потопленія 245; посылаетъ одного воина въ непріятельскій лагерь для переговоровъ съ Владиславомъ 246; требуетъ отъ него клятвы 247; мирится съ Стефаномъ 248; безуспѣшно уговариваетъ зятя Стефана оставить свои домогательства на венгерскій престолъ 248; оставляетъ при немъ Халуфу 249; отправляетъ въ Сирмію значительное войско 250; переноситъ въ Наисъ руку мученика Прокопія 251; старается остановить успѣхи Фридерика 252; возстановляетъ на папскомъ престолѣ Александра 253; пишетъ обличительное письмо къ Стефану и приготовляется къ войнѣ

съ нимъ 256; отправляетъ письмо къ Ярославу галицкому 256; посылаетъ войско къ осажденному Зевгмину 264; ѣдетъ въ Сардику и переправляется чрезъ Дунай 266; повреждаетъ себѣ ногу 267; осаждаетъ Зевгминъ 267; совѣтуется съ военачальниками 268; дѣлаетъ новый приступъ къ крѣпости 270, беретъ ее 271; принимаетъ пословъ отъ Стефана и даетъ имъ миръ 274. 275; возвращается съ торжествомъ въ Византію 276; снова удостоиваетъ дружбы возвратившагося изъ Тавроскиѳіи Андроника и посылаетъ его въ Киликію 277; бесѣдуетъ съ Димитріемъ о славѣ Христовой 279; призываетъ къ себѣ еретиковъ порознь 281; обличаетъ епископа Новыхъ Патръ Евѳимія 282; назначаетъ Соборъ и самъ присутствуетъ въ немъ 283; обнаруживаетъ великодушіе и преданность Церкви 284. 285; отправляетъ противъ Гунновъ Алексѣя 288,—Ватацу съ Валахами 288. 289,—Лампарду и Петралифа 289; переговаривается съ папою о власти надъ Римомъ 291; занимается гимнастикою и повреждаетъ себѣ бедро и руку 292; говоритъ съ послами гуннскими и требуетъ освобожденія Халуфы 294; постригаетъ Алексѣя Аксуха въ монахи 299; возобновляетъ стѣны Византіи и устрояетъ водопроводы 304; отмѣняетъ обычай закабаленія 305; поставляетъ закономъ не заводить тяжбы съ монастырями за имѣніе 306; распредѣляетъ праздничные и непраздничные дни 306; переноситъ въ Византію священный камень 307; намѣревается возвратить Египетъ 308 и отправляетъ туда флотъ 309; отвергаетъ посольство Египтянъ 310; заключаетъ въ темницы Венетовъ 311; пишетъ Венетамъ обличительное письмо 317; отправляется въ Сардику 318; наказываетъ Сербію и разбиваетъ архижупана 319; разрушаетъ составившійся противъ Римлянъ союзъ персидскихъ филарховъ 322. 323; пишетъ Молчаливое Слово 323; негодуетъ на Кличестлана 325; отправляетъ войско въ Азію 326. 327; скорбитъ объ ослѣпленіи Мануила Канта-

кузина 327; отправляется къ Дорилеѣ и возобновляетъ ее 329. 331; отправляетъ къ Кличестлану Ѳому 330; посылаетъ наказать дезертировъ 331; возстановляетъ крѣпость Савлеонъ 331; наказываетъ Гавру 332; отвергаетъ предложеніе Кличестлана и приготовляется къ войнѣ съ нимъ 333; отправляетъ Ватацу въ Памфилію, и флотъ въ Египетъ 333.

Марасса 238.

Марія, дочь Раймунда, супруга Мануила 232.

Марія, дочь Мануила 130, преднамѣреваемая невѣста Белы 237.

Марія, старшая дочь царя Іоанна, въ замужествѣ за Рожеромъ 38. 39.

Марія, дочь Севастократора Исаака 148.

Маркъ — тоже, что Анкона 180.

Массагеты въ составѣ римскаго войска 163. 182.

Меандръ 62. 66. 67. 131. 133.

Медіоланъ 252. 255.

Меланги 38. 87. 140. 328.

Меласъ, рѣка во Ѳракіи 79.

Мелиа, нападаетъ на Киликію 317, возстаетъ противъ Мануила 320.

Метаволи 140.

Мидія 201.

Михаилъ, магистръ Риторики, см. Василакій (Михаилъ).

Михаилъ Логоѳетъ обвиняетъ Алексѣя 299.

Михаилъ, патріархъ константинопольскій 33. 67.

Молисса, городъ въ Италіи 167.

Молчаливое слово 323.

Монастырь—въ Византіи во имя Вседержителя 9, въ Киликіи, на мѣстѣ кончины Іоанна 30, Оксійскій или Авксентіевъ 33.

Монемвасія, приморскій городъ въ Лаконіи 131.

Монета золотая—первая и вторая 34.

Монополь, городъ въ Италіи 160.

Монтеферрасъ, крѣпость въ княжествѣ трипольскомъ 17.

Монтополь, городъ въ Италіи 165.

Мопсуестія, городъ въ Киликіи 15. 31. 135.

Моравсія 17.
Мощи мученика Прокопія 251.
Нанисъ 75. 113. 136. 139. 225. 235. 251.
Нарзесъ, римскій полководецъ 242.
Немань (Стефанъ), архижупанъ сербскій 123, наказывается Мануиломъ 320.
Неокесарія, городъ въ Сиріи 21. 333.
Нена, крѣпость 134.
Никава 111.
Никея 91.
Никифоръ, см. Василакій.
Никифоръ, судья Вилы 299.
Никифоръ, см. Вотаніатъ.
Никифоръ, см. Халуфа.
Никифоръ, см. Каспаксъ.
Никифоръ, см. Дасіотъ.
Никифоръ, см. Петралифа.
Николай, см. Ангелъ,
Николай Музалъ, патріархъ константинопольскій 90.
Нилъ, рѣка 132.
Нифонтъ, монахъ, послѣдователь ереси Богомиловъ 67—69.
Нураддинъ, правитель Сарациновъ, выдаетъ царю плѣнниковъ 208, усиливается на Евфратѣ 238, вступаетъ въ сраженіе съ Дуксомъ Киликіи Константиномъ 238, беретъ въ плѣнъ Константина и Ренальда, побѣждаетъ Тероза и питаетъ надежду овладѣть Антіохіею 239. 251; возстаетъ противъ Мануила 320.
Обычай у Гунновъ, требовавшій, чтобы, когда царь раждаетъ наслѣдника престола, братъ царскій жилъ въ королевствѣ съ выколотыми глазами 8;— у Латинянъ, послѣ брака совершать подвигъ мужества 49, извѣстнымъ образомъ наказывать измѣнниковъ 187, изображать подвиги царя на стѣнахъ его дворца 188, рѣшать недоумѣнія случайно открывшимися словами св. Писанія 235, на стѣнахъ своихъ комнатъ изображать подвиги царя 295, продавать свою свободу 305.
Одоакръ, римскій король 242.
Оксія, островъ 33.

Октавіанъ, папа 253.
Олимпъ 40.
Онъ, см. Андроникъ.
Острумбица, городъ въ Далмаціи 276.
Остуній, городъ въ Италіи 174.
Оттъ (Константинъ) 186.
Паврая, понтійскій городъ 103.
Пагацій, городъ въ Сирміи 245.
Пактіарій, воинъ Іоаннова войска 4.
Палеологъ (Михаилъ), Севастъ 75, посолъ къ Людовику VII 88, посолъ къ Фридерику, алеманскому императору 149, заключаетъ условія съ Басавилою 151; беретъ Баръ, Транъ, Ювенантъ 155; впадаетъ въ болѣзнь, постригается и умираетъ 166.
Палеологъ (Георгій), ведетъ дѣло о бракѣ Белы съ Маріею 237.
Палестина 94. 201.
Памфилия 210.
Пантевгеносъ, см. Сотирихъ.
Паникій, гора 295.
Паній, придворный стражъ подъ начальствомъ Куропалаты 269.
Пасгуса, озеро 22.
Пафлагонія 329. 333. 12.
Пелагонія 140.
Перамъ, командуетъ римскимъ войскомъ въ брундузійскомъ сраженіи 182.
Персы, прежде вели жизнь номадическую 7; безпокоятъ Римлянъ подъ Неокесаріею 21; опустошаютъ исаврійскій городъ Пракану 40; поражаются при Филомеліонѣ 43; возобновляютъ войну съ Мануиломъ 49. 53, заключаютъ миръ съ Мануиломъ 70; снова нападаютъ на Римлянъ 217, опустошаютъ малую Фригію 218.
Песхара, городъ въ Италіи 157.
Петра, цистерна 304.
Петралифа (Никифоръ), римскій военачальникъ 289.
Петралифа (Алексѣй), отправляется въ Азію съ войскомъ для принятія отъ Кличестлана занятыхъ имъ городовъ 326.

Петрикъ, городъ въ Славоніи 240.
Петуя (Падуа) 15.
Печенеги 117.
Пикридіонъ, византійское предмѣстье 81.
Пилэ, крѣпость 67. 214.
Пинкерна, значеніе этого достоинства 59.
Пирама, рѣка въ Киликіи 31.
Пиррогеоргій, военачальникъ Мануила 46, начальникъ трубачей 204.
Пихара, одинъ изъ персидскихъ военачальниковъ 4.
Пиоика, мѣстечко 40.
Погребальныя пелены І. Х. въ влахернскомъ храмѣ 90.
Право суда 207, престолонаслѣдія у Венгерцевъ 223, давать Риму архіерея 253.
Пракана 41. 71.
Праздничные дни 306. 307.
Примикирій 204. 46.
Примиславъ, правительственное лице въ Тавроскиѳіи 260.
Примиславъ, правитель Сербіи 224, получаетъ отъ царя хорошую землю 225.
Прокопій, мученикъ 250.
Прокопій, историкъ 242.
Просухъ, военачальникъ Мануила отправляется противъ Раймунда 34, идетъ съ войскомъ для наблюденія за крестоносцами 76. 78, сражается съ крестоносцами 81.
Протонотарій—достоинство 259.
Протостраторъ—достоинство 185.
Пунура, городъ 192.
Пунгуса, озеро 61.
Пупака, воинъ въ войскѣ Мануила 50. 53; посылается отъ Солимана въ римскій лагерь 216.
Πούτζη Ἀλεμάνε, насмѣшка Галловъ надъ Алеманами 91.
Пэонія (Паннонія или Венгрія) 8.
Равенна, городъ въ Италіи 166.
Раймундъ, сынъ падуанскаго князя, сперва приходитъ во Іерусалимъ, потомъ отправляется въ Антіохію 16, идетъ съ войскомъ въ Палестину 17, проситъ мира у Іоанна и сдаетъ ему свое войско 18; задумы-

ваетъ измѣну Іоанну 23, обращается въ бѣгство предъ воинами Мануила 34, идетъ за отступающимъ римскимъ войскомъ 35, снова бѣжитъ отъ Римлянъ, запирается въ Антіохіи и приходитъ въ Византію 36. 37, идетъ противъ Персовъ и лишается жизни 134. 135. 238; геркулесовская его сила 138.

Расонъ, городъ въ Сербіи 111.

Расъ, одинъ изъ главныхъ городовъ Сербіи 11. 111.

Ренальдъ, антіохійскій князь, опустошаетъ Кипръ 196; беретъ въ плѣнъ Врану и Іоанна 197; предлагаетъ царю сдать акрополь Антіохіи 199; подвергаетъ пыткамъ епископа Эмерика 200; является предъ царемъ въ униженномъ видѣ 201; попадаетъ въ плѣнъ Нураддину 239, лишается жизни Нураддиномъ 238.

Римъ древній 186. 241. 242.

Риндакъ 14. 39. 70. 328. 331. 333.

Рицій 214.

Ричардъ, графъ Андріи 155.

Робертъ, см. Басавила.

Робертъ, сынъ Роберта III, проживаетъ въ Византіи 38.

Родославъ, см. Примиславъ.

Рожеръ (Кесарь), мужъ Маріи Комниной 38.

Рожеръ, король Сициліи 39.

Рожеръ сынъ ломбардскаго короля Рожера 100.

Рожеръ, сицилійскій графъ, управляетъ Лонгобардіею 37; выгоняетъ Лотарія изъ Италіи 98; беретъ въ плѣнъ папу Иннокентія II и провозглашается королемъ 99; проситъ невѣсты своему сыну изъ дома Комниныхъ и за отказъ опустошаетъ греческія области 100, беретъ Корциру 101, посылаетъ флотъ въ римскую землю 107; его смерть 130.

Ростиславъ, одинъ изъ князей Тавроскиѳіи 260.

Сава, рѣка, 124. 113. 126. 240. 269.

Савлеонъ, крѣпость въ Азіи 331.

Саксонцы 144. 318.

Салона, столица Далмаціи 276.

Сангарій 257.

Санисанъ, правитель Гангръ 220, братъ Кличестлана 325, терпитъ пораженіе отъ Персовъ 329.
Сарацины, осаждаютъ іерусалимскаго короля въ Монтеферрасѣ 17; нападаютъ на Римлянъ 208.
Сардика 75. 112. 223. 234. 266. 290. 294. 318.
Сатала, см. Аттала.
Севеникъ, городъ Далмаціи 275.
Селевкія 15. 197.
Селиврія 294.
Сербы, задумываютъ отложиться отъ Римлянъ 11. 318.
Сесеръ, городъ въ Сиріи 19.
Сеченица, мѣстечко въ Далмаціи 114.
Сивила, городъ въ Италіи 192.
Симонъ, братъ сицилійскаго короля Вильгельма 192.
Синопитъ, военачальникъ 59.
Сирмій 9. 249. 276. 274. 299.
Сихеръ, знатный Итальянецъ 177.
Сицилійцы, посылаютъ флотъ въ римскія области 107; овладѣваютъ Корцирою 105, сожигаютъ Дамалисъ 110, разбиваютъ римскій флотъ 132.
Скараманка, римскій воинъ 178.
Скиѳы, дѣлаютъ набѣгъ на придунайскія земли 6; вселяются въ предѣлахъ римской имперіи 7; грабятъ прибрежья Дуная 101; преслѣдуются и поражаются 103; составляютъ наемное войско Манупла 219.
Склиръ, см. Пасгуса.
Смила, городъ 144.
Соборъ противъ ереси Димитрія 283, противъ Богомиловъ 69.
Созополь 4. 22.
Солиманъ, персидскій сатрапъ 216. 70.
Сотирихъ, представитель антіохійскаго патріарха 194.
Сотъ, знатный Римлянинъ 104.
Софроній, патріархъ александрійскій 233.
Спалафъ, крѣпость въ Далмаціи 276.
Стефанъ, см. Контостефанъ.
Стефанъ, братъ Гейзы 146; женится на племянницѣ Мануила Маріи 223; вступаетъ на венгерскій престолъ 234; низверженный, снова домогается

престола 248. 249; приходитъ какъ бѣглецъ въ Сирмію 250; отравляется Гуннами 265.
Стефанъ, сынъ Гейзы 223, собираетъ союзныя войска противъ Римлянъ 241. 244; отправляетъ къ царю пословъ и заключаетъ съ нимъ миръ 248, снова занимаетъ Сирмій 256; отправляетъ къ царю пословъ и проситъ мира 274; опять посылаетъ войско въ Сирмій 285; женится на дочери Ярослава, князя галицкаго 261; женится на дочери Генриха австрійскаго 291; его смерть 318.
Стефанъ, племянникъ Стефана, брата Гейзы 248.
Стефанъ, родоначальникъ армянскихъ царей 251.
Стефанъ, сынъ венгерскаго короля Владислава, восходитъ на престолъ 8; требуетъ отъ Іоанна выдачи брата Аллузія 9; осаждаетъ и разрушаетъ Бѣлградъ 9; страдаетъ болѣзнію 9; задумываетъ напасть на Римлянъ врасплохъ 11.
Стиппатъ (Θеодоръ), чиновникъ при каникліѣ 203.
Страторъ, имя должности 200.
Стримонъ 114.
Судья Вилы 299.
Султанъ, филархъ Иконіи 13. 41, разбивается и преслѣдуется 44; овладѣваетъ многими римскими городами 192; мирится съ Мануиломъ 220.
Таброскиоы, призываютъ войска гуннскаго короля 125; обѣщаютъ союзное войско Мануилу 260. 261; даютъ союзное войско Гуннамъ противъ Римлянъ 268. 277.
Тамиаѳъ, городъ Даміэта 309.
Танисманъ, персидскій филархъ, беретъ Кастамонъ 12; вступаетъ въ союзъ съ иконійскимъ султаномъ 13. 49.
Тара, рѣка 114.
Тарентъ, богатство этой области 169.
Тарсъ, городъ въ Киликіи 15. 199.
Татикій, римскій военачальникъ 300.
Темесса, см. Брундузій.
Темпъ, мѣстечко на Дунаѣ 10.
Тенесій, городъ въ Египтѣ 309.
Терозъ, Армянинъ 133; запирается въ Мопсуестіи 135; разбиваетъ Андроника 136; овладѣваетъ многими

городами Киликіи 192. 196; бѣгаетъ и скрывается отъ царя 138; является къ царю жалкимъ просителемъ 206; захватываетъ много исаврійскихъ городовъ 251.
Тенна, см. Дезе.
Тили, крѣпость 199.
Тиръ 312.
Тителій, городъ при Дунаѣ 240.
Торжественная колесница 12.
Трагуріонъ, островъ у береговъ Далмаціи 275.
Транъ, городъ въ Италіи 152.
Трапезунтъ 327.
Триполь 230. 239.
Трубы царскія 218.
Туркоманы, имѣли привычку жить хищничествомъ229.
Уресій, князь далматскій 122.
Урумъ, имя достоинства у Гунновъ 224.
Фаркуса, знатный Персъ 59.
Фервинъ (Андроникъ), правитель Киликіи 251. 316; отличается при осадѣ Зевгмина 273.
Филадельфія 3. 320. 322.
Филиппа, сестра Августы 278.
Филиппы 101. 224. 234. 294.
Филита 218.
Филокалъ, римскій военачальникъ 300.
Филомеліонъ, фригійская крѣпость 42. 67. 87.
Филопатіонъ, загородное мѣсто византійскихъ царей 80. см. Вріенн. 139. 140.
Флавіана, городъ въ Италіи 152.
Фламингъ, военачальникъ Вильгельма 167, испытываетъ пораженіе отъ Римлянъ 168. 175.
Фонари для ночныхъ походовъ 215.
Фридерикъ, племянникъ Конрада, вступаетъ въ сраженіе съ царскимъ войскомъ и обращается въ бѣгство 76. 77; обѣщается подъ клятвою сдать Италію Мануилу 94; наслѣдуетъ престолъ послѣ Конрада 95—97; сватается за дочь Севастократора Марію 148; усиливается на Западѣ 252; овладѣваетъ Римомъ и низводитъ съ престола папу Александра 253; вступаетъ съ Мануиломъ

въ союзъ противъ Гунновъ 262; присылаетъ къ нему Эрикан Владиграца въ качествѣ пословъ 291.
Хаварда, крѣпость 19.
Халисіяне 116, поселяются Мануиломъ въ новопостроенной крѣпости 274.
Халуфа (Никифоръ), оставляется Мануиломъ при Стефанѣ въ качествѣ военачальника 249; отправляется посломъ къ Венетамъ 252, говоритъ имъ рѣчь 254, управляетъ Далмаціею 275, попадаетъ въ плѣнъ къ Гуннамъ 292.
Хама, крѣпость въ Сиріи 19.
Хартулярій, достоинство 75.
Херисъ, знаменитый Персъ 42.
Хировакхійская долина 78.
Хіосъ 312. 315.
Хорасміяне, 201.
Храмъ, крѣпость при Дунаѣ 10. 266.
Хрисаѳій, военачальникъ 219.
Хрисовулъ, царская грамота 306.
Христіанъ, епископъ Могунціи, командуетъ войскомъ Алемановъ 321, терпитъ пораженіе 322.
Хуруна, военачальникъ Мануила 47, управляетъ флотомъ въ войнѣ съ Сицилійцами 95; ведетъ флотъ противъ флота Рожерова 107; разбиваетъ сицилійскій флотъ 109, участвуетъ въ войнѣ противъ Далматовъ 115.
Центенарій золота 34. 233.
Чедомилъ—одно лице съ Вакхиномъ 123.
Чехи, участвуютъ въ крестовомъ походѣ 91; воюютъ противъ Римлянъ въ союзѣ съ Гуннами 241. 246.268.
Чивриличимани 49.
Чикандилъ, военачальникъ Мануила 59, идетъ противъ крестоносцевъ 78, сражается съ крестоносцами 82.
Чиновникъ отъ порфиры—титулъ сановника 47.
Чиновникъ при Каникліѣ, см. Каниклій.
Эвбея 100. 190.
Эвксинскій Понтъ 81.
Экватана 201.
Эксувитъ (Ѳеофилактъ) Италіянецъ 230.

Элефантина, царская темница 331.
Эмволонъ, улица въ Византіи 312.
Эмерикъ, антіохійскій патріархъ 199, подвергается пыткамъ отъ Ренальда 200.
Энхелисъ, италіянскій воинъ 175.
Эпархъ, имя должности 233.
Эрикъ, или Генрихъ—Левъ, первый герцогъ Австріи, вступаетъ въ союзъ съ Мануиломъ противъ Гунновъ 262, приходитъ въ Сардику въ качествѣ примирителя Мануила съ Фридерикомъ 290; отправляется въ Пэонію и сватаетъ за венгерскаго короля свою дочь 291.
Ювенантъ, городъ въ Италіи 155.
Ягупасанъ, персидскій филархъ, задумываетъ грабить Азію 110, нападаетъ на предѣлы римской имперіи 192; зять иконійскаго султана 220.
Ярославъ, князь галицкій 257. 260.
Яцелинъ, владѣтель Эдессы 238.
Ѳеодора, сестра кипрскаго тиранна Іоанна Комнина 262.
Ѳеодорикъ, римскій король 242.
Ѳеодоръ, см. Ватаца.
Ѳеодоръ, см. Стипіатъ.
Ѳеодоръ Капелланъ, комендантъ Корциры 109.
Ѳеодотъ, патріархъ константинопольскій 90.
Ѳома, царскій писецъ 19.
Ѳома, римскій воинъ 175.
Ѳома, подручникъ Тероза 198.
Ѳома, эвнухъ, преданный Мануилу 298, отправляется къ Кличестлану 330.
Ѳракисіяне 41.
Ѳракія 333.

НАРОДНА БИБЛИОТЕКА

ПОГРѢШНОСТИ.

Стран.	*Напечатано.*	*Читай.*
9	Бѣлгородъ	Бѣлградъ
10	Враницовы	Браничева
11	Враницову	Браничевъ
14	подчиненнымъ	подчиненныхъ
70	Солима	Солиманъ
74	purvulis	parvulis
80	ulteram	alteram
97	Лонгобардію	Лонгобардіею
123	Неемаия	Немаия
133	племянникъ	двоюродный братъ
—	Терозій	Терозъ
135	Терозій	Терозъ
144	нарушившимъ	нарушившихъ
148	двоюродный братъ	племянникъ
186	Оттона	Отта
196	impedio	imperio
—	romini	domini
291	убѣдивъ прогнать	убѣдилъ, прогнавъ
387	Инея	Инеона

РМЕНІИ.

, впослѣдствіи правитель
меніи.

короля іерусалимскаго.

N мать Ѳомы, правителя Арменіи.

N жена Іосцелина эдесскаго графа.

вуній, первый царь Арме-
на Изабеллѣ, дочери іе-
каго короля Алмерика.

Долета, жена Бертранда Жиблета.

ствѣ за Филиппомъ, сыномъ антіохійскаго
родственникъ Льва, Константинъ, передалъ
давъ за него дочь Льва, Изабеллу.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА ПРАВИТЕЛЕЙ АРМЕНІИ.

N

Константинъ, могущественный правитель Арменіи (Tyr. Albert).

Гафнуцій, или Тафрокъ, впослѣдствіи правитель Арменіи.

N жена Балдуина I, короля іерусалимскаго.

Левъ или Ливо, князь Арменіи.

Торосъ, или Ѳеодоръ, князь Арменіи послѣ брата.

Мило, иначе Мельеръ, или Мелихъ, изгнавъ племянника Ѳому нападаетъ на Арменію.

Стефанъ, убитый Греками.

N мать Ѳомы, правителя Арменіи.

N жена Іосцелина эдесскаго графа.

Рупинъ достигаетъ власти надъ Арменіею въ 1180 году; жена его Изабелла, дочь Гумфреда II, владѣльца торонскаго.

Левъ, или Левуній, первый царь Арменіи, женится на Изабеллѣ, дочери іерусалимскаго короля Алмерика.

Долета, жена Бертранда Жиблета.

Аленда въ замужествѣ за Раймундомъ, старшимъ сыномъ антіохійскаго правителя Боэмунда III.

Филиппа въ замужествѣ за Ѳеодоромъ Ласкарисомъ, царемъ греческимъ.

Изабелла, единственная дочь въ замужествѣ за Филиппомъ, сыномъ антіохійскаго правителя Боэмунда IV, по смерти котораго родственникъ Льва, Константинъ, передалъ армянское царство сыну Ѳоону, выдавъ за него дочь Льва, Изабеллу.

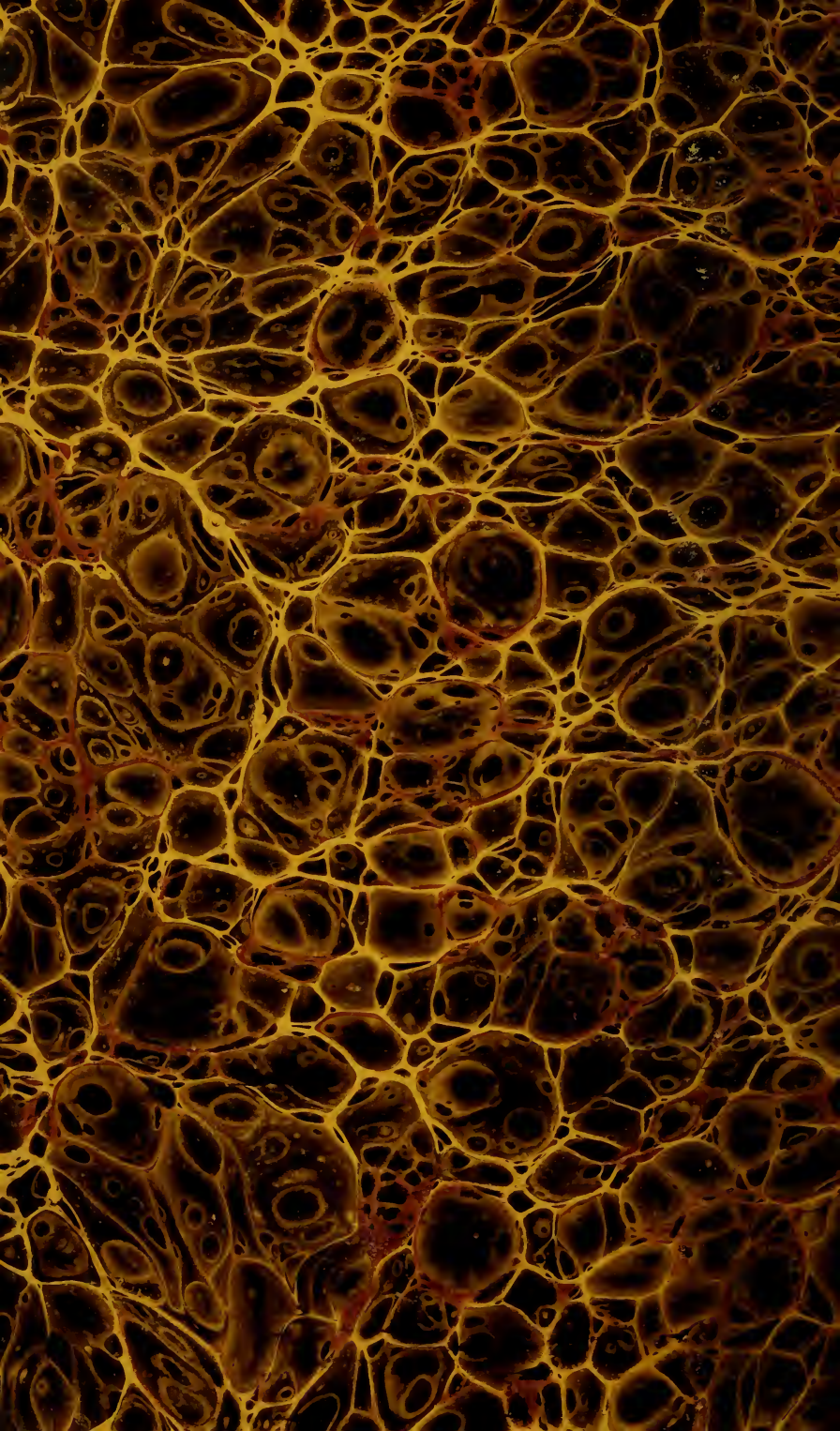
Рупинъ, царь Арменіи, коронованный и отвергнутый Львомъ.

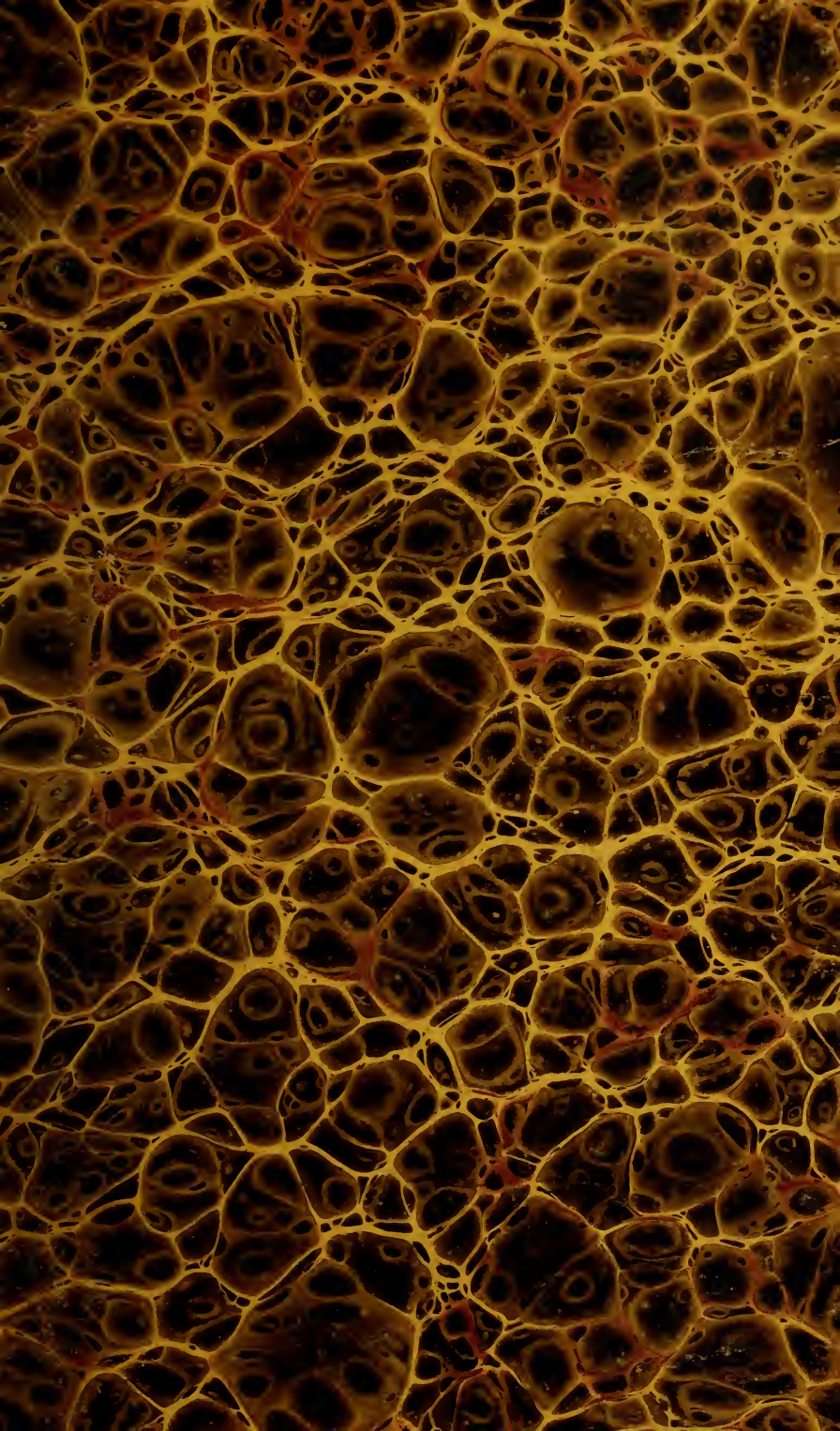
Константинъ Ласкарисъ.

DM 90 = 8f

67178/3

411507/18





UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 075995701